

ШКОЛА ДИАЛОГА КУЛЬТУР

Ирина Берлянд

Загадки Слова

РУССКАЯ
ШКОЛА ДИАЛОГА

Москва • 2016

УДК 811.161.1

ББК 81.2Рус

Б49

Берлянд, И.
Б49 Загадки слова / И. Берлянд. — М. : РИПОЛ классик, 2016. — 438 с. — (Школа диалога культур).

ISBN 978-5-386-09601-4

Уникальная и крайне необычная по форме книга И. Е. Берлянд «Загадки слова» — это воображаемые уроки-диалоги, в которых дети обсуждают с учителем на простом и привычном материале родного языка словные лингвистические, логические, философские вопросы, связанные со словом, с феноменами речи и языка. Уникальная, захватывающая и доступная беседа, обнаруживающая загадочность и таинственность самых близких к нам вещей, сопровождается подстрочными примечаниями, в которых проводится параллель между высказываниями учеников и развитыми теоретическими и философскими концепциями.

Автор показывает, что на самом деле философствование — занятие доступное каждому, кто готов осознаться самым элементарным и знакомым, как, например, словом или именем.

Для учащихся, преподавателей и родителей, а также лингвистов, филологов и всех интересующихся проблемами языка, речи и мышления. Сопровождается тем, как на практике реализуется философское размышление.

УДК 811.161.1

ББК 81.2Рус

ISBN 978-5-386-09601-4

© Берлянд И. Е., 2016

© Издание на русском языке,
оформление.

ООО Группа Компаний
«РИПОЛ классик», 2016

Предисловие

Предлагаемая читателю книга открывает серию изданий, посвященных Школе диалога культур. Это педагогический проект, основанный на философской концепции диалогичности В. С. Виблера.

Тезисно смысл проекта может быть изложен следующим образом:

1. Каждая концепция образования исходит (часто неявным образом) из определенных представлений о том, что такое человек, что такое культура, что такое знание, чему следует учить ребенка, молодого человека, — предполагает, стало быть, некоторую философскую концепцию. И наоборот, каждая философская концепция пытается «попробовать» себя на идее образования (здесь это происходит уже явным, осознанным образом). Философия имеет дело с началом — началом знания, культуры, человека... стало быть, с той ситуацией, где всего этого еще нет, а оно только возможно — это и есть ситуация образования. Поэтому концепция образования оказывается своего рода экспериментальной проверкой для философской концепции.

2. Концепция философии как логики диалога культур В. С. Виблера исходит из осмысления коренных преобразований, которые в XX веке происходит во всех сферах культуры. Современное знание обращается на свои собственные начала, обнаруживает парадоксальность исходных понятий. Современное мышление обнаруживает сущность прошлых культур — античной, средневековой, нововременной — не как исторических стадий развития духа, не как ступеней на лестнице восхождения, но как живых голосов, актуализирующих иной, но необходимый нам способ понимания. Современная жизнь оказывается перед необходимостью понять различные смыслы бытия индивида, нации, общества как не сводимые друг к другу, спорящие между собой по самым основаниям. Возникает концепция культуры XX века как диалога культур, как спора разных логик, разных способов понимания. В первую очередь речь идет об исторических культурах — антич-

Предисловие

ной, средневековой, нововременной, которые не понимаются больше как развивающие друг друга, как расположенные иерархически на лестнице восхождения. В XX веке каждая из этих культур актуализируется как особый насыщенный сейчас голос, не как ушедшая и спящая в последующем развитии, но как особые несводимые друг к другу голоса, насыщенные именно сейчас — не как бывшие, но как только возможные. Античность, Средневековье, Новое время понимаются как целостные субъекты понимания, каждый со своим особым разумом (мифетический, космозирующий разум Античности; приращающий разум Средневековья; познающий разум Нового времени).

3. В соответствии с этим меняется и смысл школы. Само понимание ее задачи смещается: от задачи формирования «человека образованного», овладевшего «последним словом» культуры (теоретическим мышлением в понятиях) и способного включиться в дальнейшее восхождение — к задаче становления человека культуры, способного сопрягать в своем мышлении и деятельности радикально различные, не сводимые друг к другу культуры, смыслы, ценностные спектры, каждый из которых претендует на всеобщность и вместе с тем не может быть обоснован вне диалога с другим.

Диалог культур, таким образом, становится определением содержания образования.

4. Сейчас многие концепции образования называют себя диалогическими. Часто, однако, содержание строится монологично, а диалогизм относится к способу его подачи, организации урока, форм общения и т. п. Иногда — редко — к способу усвоения знания, существованию его «в голове» ученика. Т. е. диалогизм становится моральным или психологическим понятием.

Отличие концепции ШДК в том, что диалог понимается не как способ организации обучения, а как определение самого содержания. Сам предмет современной культуры, а в какой-то степени и науки (число, слово, античная культура...), устроен диалогично, а не только общение по поводу этого предмета. Речь идет не об эмпирическом общении, а об ином выстраивании предмета образования, новом типе понятия. Там, где современное понятие выходит на свои начала, на проблему своего обоснования, спорят разные способы понимания, разные возможные логики. В диалоге этих возможных логик, спорящих о начале понятия, только и существует современное понятие.

5. Это содержание в концепции ШДК развернуто в следующие этапы школьного обучения.

В 1-2-х классах — подготовительных, которые называются «классы точек удивления», — закладываются «узелки понимания» будущих культурно-исторически рассматриваемых учебных предметов. Основными предметами в этих классах являются загадки слова, загадки числа, загадки явлений природы, загадки исторического события... Здесь разнорачиваются первые подходы к современным проблемам различных областей знаний (математика, физика, поэтика, лингвистика и т. д.), более углубленное рассмотрение (и переопределение) которых происходит на последующих этапах обучения. С другой стороны, возникают исходные детские удивления и вопросы по поводу прежде очевидных вещей. Педагогическая задача этих классов — не столько обучение ребенка неким знаниям, умениям, навыкам, сколько формирование у него установок на понимание, некоторой исходной вопросительности, когда, казалось бы, знакомые предметы — число, слово, время и т. п. — вдруг оказываются странными, удивительными, непонятными — требующими понимания. Обнаруживается возможность разных, несводимых друг к другу способов понимать предмет, который оказывается как бы в промежутке различных способов понимания. (В следующих классах эти возможности будут развернуты в различные логические подходы к предмету — античные, средневековые и т. п.) Эта вопросительность фокусируется в некие точки, узелки, т. е. точки удивления. Это сосредоточение развернутых форм мышления в вопрошающие точки существенно и для всего обучения в ШДК на всех его этапах. Однако логическая форма этого сосредоточения различна в разных классах, на разных этапах обучения.

В 3-4-х классах учащиеся осваивают основные смыслы античной культуры, в их актуальности и сущности для культуры современной. Античность предстает как целостное образование в своих разных аспектах (античное искусство, мифология, математика, механика и т. п.).

5-6-е классы — классы средневековой культуры в соотношении с Античностью, Новым временем, современностью.

7-8-е классы — культура Нового времени. Учебный цикл здесь начинается с культуры Возрождения, диалогов с культурами Антично-

Предисловие

сти и Средневековья, характерных для Нового времени. Именно здесь обживаются идеи познающего разума, основанная на эксперименте, и идея «восходящего развития», характерная для нововременной мысли, — но в постоянном диалоге с другими идеями.

9–10-е классы посвящены культуре современности, а 11-й класс выделяется как специально диалогический и в какой-то мере педагогический в нацеленности на диалоги между классами по основным темам и проблемам диалога культур.

6. Такое понимание смысла школы и содержания образования требует новых психолого-педагогических предположений. В частности, по-иному понимается идея возраста. Школа конституирует определенный этап жизни как особый возраст — возраст ученичества. Этот возраст не может быть понят только как определенный этап развития, в снятом виде включенный в следующие этапы. Этот возраст как некоторый субъект остается навсегда, воспроизводится в сознании за пределами собственно школьного возраста. Каждый взрослый может и должен воспроизводить в себе школьника, ученика. Это относится не только к школьному возрасту, но к понятию возраста вообще. Наряду с идеей роста, взросления, прогрессивного развития очень важна идея сохранения и удержания возраста как неснимаемого субъекта, который, как и культура, обнаруживает свои новые возможности в общении, столкновении с другими возрастами. Так, например, дошкольный возраст, возраст игры и сознания, не преодолевается с началом школьного обучения, но обнаруживает свою насущность, неснимаемость, раскрывает свои возможности в ответ на новые запросы.

Иным оказывается и понимание учебной деятельности. В ШДК учебное содержание не передается от учителя (точнее, от культуры — через посредство учителя) к ученику. Содержание в ШДК событийно, то есть выстраивается (а не просто воспроизводится) на уроке. Поэтому другой (и очень сложной) оказывается роль учителя. Он не просто служит посредником между культурой и учеником, но до некоторой степени оказывается и равноправным участником диалога.

7. Культура существует в виде произведений. На мой взгляд, главная задача школы — не подготовка специалиста, профессионала; не воспитание автора — создателя собственных произведений — художественных, научных философских и т. п.; главная задача ШДК — подготовка понимающего читателя — но читателя именно произве-

дений, а не просто текстов. Произведение предполагает, во-первых, определенное соавторство автора с читателем, во-вторых, целостную форму, которая организует это возможное соавторство, и, в-третьих, произведение — это всегда некоторый особенный, индивидуальный мир, а не момент чего-то иного, более общего по отношению к всему — системы науки, например.

8. Человек культуры, на формирование которого нацелена ШДК, — это человек, способный учиться, навсегда сохраняющий в себе возраст ученика; человек, способный выдерживать напряжение спора, диалога, составляющего содержание современной культуры, и ответственно вырабатывать в этом споре свою позицию (а не склонный присловиться к уже данной, правильной позиции), читатель (т. е. соавтор) произведений. Представляется, что такое построение школы и такое понимание задачи отвечают современной культурной ситуации.

Предлагаемая читателю книга представляет собой попытку выстроить, в форме воображаемых уроков-диалогов в воображаемых начальных классах, проект учебного предмета Школы диалога культур «Загадки слова».

Книга эта, однако, может показаться интересной не только читателям, интересующимся ШДК, и не только читателям, интересующимся проблемами языка и речи. Знаете, как заметил Аристотель, начинается с удивления. Удивиться же привычному, тому, в чем человек живет и чем, казалось бы, полностью владеет, — труднее всего и, может быть, всего продуктивнее. А что может быть привычнее, понятнее и проще, чем родной язык? Почему слово имеет смысл? Как устроена наша речь? Из чего состоит язык? Что такое языковая норма? Думаем ли мы словами — или же словами только выражаем уже подуманную мысль? Стоит озадачиться этими (и подобными) вопросами не только для того, чтобы сформировать интерес к проблемам языкознания и лингвистики, но и для того, чтобы приучиться видеть в привычном удивительное, загадочное, непонятное; научиться ставить вопросы и искать ответы; подвергать сомнению найденные ответы; не подменять понимание привычкой. Автор не пытается сообщить читателю нечто известное ему о слове, но хотел бы вовлечь читателя в длящийся веками диалог поэтов, философов, теоретиков о том, что кажется ближе всего нам, говорящим и мыслящим, но, возможно, всего загадочней.

Предисловие

к 1-му изданию¹

Развивая концепцию Школы диалога культур², члены авторского коллектива ШДК пришли к выводу, что наряду с теоретическими разработками и реальным педагогическим экспериментом необходимо создание «бумажной школы» (по аналогии с бумажной архитектурой) — таких текстов, в которых в виде воображаемых уроков-диалогов учителя и учеников, учеников между собой, учеников с авторами реально существующих идей, произведений, теорий разворачивалось бы — на бумаге, в воображаемом, а не в реальном классе — основное содержание учебных предметов Школы диалога культур³. Предполагалось создание серии пособий — одновременно для учителей и учеников — которые охватывали бы все содержание Школы диалога культур — от «Загадок числа» и «Загадок явлений природы» для 1–2-х классов до пособий по отдельным дисциплинам и целостной современной культуре для старших классов. Сейчас существуют две книги такого рода: «Античная культура» и «Загадки числа»⁴. Вниманию читателей предлагается следующая книга — «Загадки слова».

¹ См. Берланд И. Е. Загадки слова. М., 2010.

² См.: Школа диалога культур. Основы программы. Кемерово, 1982; Школа диалога культур. Идеи. Опыт. Проблемы. Кемерово, 1993.

³ Подробно о смысле и задачах воображаемой школы см.: Библер В. С. О книге И. Е. Берланд «Загадки числа» // Берланд И. Е. Загадки числа. М., 1996.

⁴ Акулиан А. В., Библер В. С., Курманов С. Ю. Античная культура. Воображаемые уроки в 3–4-м классе Школы диалога культур. М., 1995; Берланд И. Е. Загадки числа. Воображаемые уроки в 1-м классе Школы диалога культур. М., 1996.

Форма этой книги, как и «Загадок числа», заимствована мною у И. Лаватоса (см. его книгу «Доказательства и опровержения»).

Замысел этих «бумажных загадок», как и «Загадок числа», заключается в следующем. Необходимо найти тот материал, с которым дети знакомы, привычно имеют с ним дело, и его озадачить, отстранить и остраничь — сделать странным, загадочным, непонятным — сделать предметом понимания. При этом я пыталась выделить несколько «логических» амплуа — персонажей, которые будут развивать принципиально различные подходы к слову, и соотносить их высказывания с концепциями лингвистов, филологов, логиков и т. п. Эти персонажи, по замыслу, в основном совпадают с персонажами предыдущей книги — «Загадки числа».

В основу многих реплик воображаемых персонажей положены реплики реальных учеников — школьников младших классов. Дословно приведенные реплики детей отмечены знаком *. Часто эти реплики в большей или меньшей степени стилизовались, доводились, развивались до степени, в которой они не были развиты ребенком — в соответствии с общим замыслом урока, однако я старалась сохранить подход к предмету, стиль мысли и речи ребят. Персонажи «Загадок слова» более последовательны, более внятно и развернуто рассуждают, более внимательны к аргументам своих собеседников, чем их прототипы; некоторые персонажи полностью изобретены мною. Но, как мне кажется, их способы понимать, подходить к предмету, склад ума не противоречат тому, как могли бы думать и говорить современные младшие школьники — при соответствующей организации обучения.

При отборе материала я старалась найти некоторые фундаментальные, простые и вместе с тем глубокие точки-фокусы-проблемы, удовлетворяющие следующим условиям: 1) в них сосредоточены важные для современной мысли проблемы; 2) каждая культура по отношению к ним вырабатывает свой особый способ понимания; 3) дети еще до школы, на уровне сознания, имеют некоторый развитый опыт, относящийся к соответствующему предмету; 4) из этих «точек», загадок возможно «выращивать» предметы менее фундаментальные, например, школьные или научные. Таким условиям удовлетворяют — в области слова — например, проблема звучания и значения слова, языка и речи, адресованности слова-высказывания, проблема имени, проблема слова как минимальной единицы речи и т. п.

Предисловие к 1-му изданию

Аналогичные задачи стояли и при работе над «Загадками числа». «Загадки слова», однако, оказались сопряжены с некоторыми особыми дополнительными трудностями. Они связаны, на мой взгляд, главным образом со следующими обстоятельствами. 1) В сфере числа легче выделяется детский опыт, он проще, беднее; опыт ребенка-дошкольника, связанный со словом — с языком и речью, — сложнее и богаче, но при этом гораздо труднее выделяется и рефлексруется. 2) В традиционном школьном образовании предметов, связанных со словом, с самого начала два — чтение и письмо, потом литература и язык. Это кажется неправильным. Язык при таком преподавании вырождается в систему правил (главным образом орфографических и пунктуационных), литература не берется как феномен языка и изучается с помощью социологических и этических схем. Необходимо было найти некоторое исходное единство, которое содержало бы возможность и литературы, и поэтики, и языкознания (грамматики, фонетики и т. п.) и, с другой стороны, было бы предметом детского познавательного опыта. В математике число, счет, интуиция величины удовлетворяют этим требованиям (из этого материала затем вырастают алгебра, геометрия, анализ, топология и пр.). В словесности оказалось труднее найти подходящий материал, удовлетворяющий нашим условиям.

В качестве такого исходного, начального материала предполагается взять главным образом фольклор — не поэтическую речь, не бытовую, не язык, а именно фольклор, в том числе и детский. Фольклор кажется мне наиболее подходящим в связи со следующими соображениями:

1) Он является одновременно феноменом и речи и языка, т. е. представляет собой некоторое первоначальное, неразслепленное еще единство.

2) Дети с ним имеют дело игровым образом. Считалки, потешки, загадки, скороговорки — феномен *игры*, т. е., в отличие от бытовой речи, в самом речевом поведении ребенка уже отстранены и о-странсны. Это речь, отстраненная от себя самой, задержанная, замятая своей формой — в отличие от бытовой речи.

3) Фольклор содержит в себе возможность поэтики, жанра (сказка, загадка и т. п.) — *литературы*.

4) Считалки, потешки, скороговорки и пр. фольклорные формы организуют ритм, форму детского движения, с другой стороны, сво-

дят смысл этого движения к ритму, форме слова, то есть отношение между словом и всем остальным с самого начала берется в исходном богатстве и сложности. Слово не сводится только к знаку, значению, как это часто получается при традиционном преподавании.

5) В фольклорных формах есть в зачатке, в возможности разные стороны, предметы языкознания, например, фонетика: скороговорки, которые выделяют и сталкивают звуки по способу образования, по месту образования и т. п. (*От шипоты конным пылю по полю летит: Бых, бых, тулосуб, тулосубетовкий бычок*, — сталкивают взрывные согласные; *Шла Саша по шоссе и сосала сушку*, — фрикативные; *Каря у Клары украл коряны, Клара у Карая украла кварцит*, — сонорные; *У четырех черепашек по четыре черепашки*, — губно-зубные (по месту образования)); морфология: игра с морфемами, с частями речи (*Провернула ворона воронка* — корень; *Сено скирдовали, перескирдовали, заподскирдовали*, — приставка; *Над бабушкиной избушкой висит хлеба кусок*, — суффиксы; *Рыла свинья, шурылыла, безорыла, подбора рылом изрыла, вырыла, подрыла, до поры не дорыла. На то хвранье и рыло, чтобы она рыла*, — корень, приставка); грамматика (*Течет, течет — не вытечет, бежит, бежит — не выбежит*, — игра с глагольными видами; *Комовато, подревато, и щербато, и горбато, и тягело, и кисло, и престо и жуесто, и красно, и кругло, и легко и мягко, и твердо и ломко, и черно и бело и всем людям мило*, — загадка, построенная на одной грамматической форме).

Поэтому именно фольклор — главным образом детский (считалки, загадки, скороговорки) — служит основным материалом для размышлений наших воображаемых учеников и учителя о слове, языке, речи, звуке и значении, грамматике и поэтике и т. п. Наряду с этим используется обычная бытовая речь, поэтическая и прозаическая художественная речь. Я старалась избегать анонимных, искусственных, специально придуманных фраз типа «Мама мыла раму», которые часто служат материалом в традиционных учебных пособиях, или делать из искусственности и придуманности, сконструированности явным, осознаваемым предметом обсуждения, как, например, слово «блэмбэк» во втором уроке или придуманная Шербой фраза «Плюкая куадра штеко будлавула бовра и курдячит бовренка» — при этом подобные слова и фразы уже становятся авторскими (ср., например, сказку «Пуськи бятые» Л. Петрушевской).

Предисловие к 1-му изданию

Книга «Загадки слова» задумана как пособие для учеников и учителей. В ней, как и в «Загадках числа», два текста. Первый — это собственно воображаемые уроки, на которых воображаемые ученики и их учитель обсуждают реальные проблемы, связанные со словом. Этот текст для учеников и учителей. Второй текст предназначен в основном учителю и сосредоточен в подстрочных примечаниях. Здесь указываются реальные логические, филологические, языковедческие проблемы, близкие к тем, которые возникают на воображаемых уроках, проводятся параллели между высказываниями учеников и развитыми теоретическими и философскими концепциями. В сносках названы также, с их согласия, некоторые мои юные соавторы — прототипы учеников и авторы отдельных реплик, другие выступают под псевдонимами; и тем и другим — моя горячая признательность. А здесь я с благодарностью называю их учителей, любезно познававших меня с протоколами своих занятий: Н. И. Кузнецова, В. Г. Касаткина, С. Ю. Курганов, М. Ф. Серант, Е. Г. Домская.

Урок 1

Что такое слово? Звучащий звук. Звуки речи.
Членораздельность слова. Слово должно быть кому-то понятно. Слово что-то значит. Первая осознанная трудность: что такое отдельное слово?

Говорим ли мы словами или предложениями?

«Блюмбик»

Учитель. Скажите, пожалуйста, что такое слово?

Альфа. Слово — это то, что мы говорим.

Дельта. И слышим.

Эта. Слово — это звук.

Учитель. Любой звук?

Бета. Нет, не любой. Если чем-то стукнуть, даже громко, то это будет звук, но не слово.

Учитель. Какой же звук мы называем словом?

Лямбда. Слово — это человеческий звук.

Катя Кошечкина, 1-й класс; Катя Маликова, дошкольница; Астия, 1-й класс.

Урок 1

Бета. Слово — это такой звук, который понятен, который что-то значит¹. Например, книга. Это слово называется предмет, мы знаем, что оно значит. А есть бессмысленные звуки, они ничего не значат.

Учитель. Всякий ли звук, который что-то значит, слово? Вот, например, звонок с урока — он что-то значит?

Альфа. Он что-то значит, он — не бессмысленный звук. Но это не слово. Слово из букв состоит.

Каппа. Из букв только написанное слово состоит. А которое мы говорим и слышим, состоит из звуков.

Лямбда. Я согласен. Слово — это то, что состоит из звуков².

Альфа. Звуки какие попадаю бывают. Вот стук, или чихание, или ветер шумит — это все звуки. А слово из букв³.

Учитель. А Каппа говорит, что только написанное слово из букв. И по-моему тоже, буквами называются те значки, которые мы пишем и читаем.

Альфа. Пишем мы такие же слова, которые говорим. И там не какие-нибудь звуки. Буквы бывают даже не только в словах. Например, я говорю па. Ясно, что это хоть и не слово, но похоже, в нем те же буквы, из которых состоит слова.

Бета. Это могло бы быть частью слова, например, *папа*.

Лямбда. Слово состоит из определенных звуков, не из любых. Это не простые звуки, мы их всегда отличим от других звуков, даже если они не в слове, а просто так.

¹ Ср. у Аристотеля: «Имя есть по соглашению означающий звук...» — О герменевтике, гл. 2. (пер. М. Прачева; в переводе Э. Л. Радлова, помещенном в Сочинениях, т. 2, М. 1978: «Имя есть такое звуко-сочетание с условленным значением...» (с. 93). У Аристотеля *φωνή* — голос, звук, крик; речь, язык. Дошкольники и младшие школьники под словом часто понимают по преимуществу именно имя (см. см. урока).

² *Мама, 1-й класс.*

³ *Оля Е., 1-й класс.*

Бета. Ну да, Альфа, по-моему, про это и говорит — в словах не просто звуки, а звуки вполне определенные, человеческие.

Гамма. Не просто человеческие, а особые человеческие, словесные. Я могу не только говорить, но, например, свистеть или плакать, это будут человеческие звуки, но не словесные, не те, которые в словах¹.

Эта. Это действительно особенные звуки, мы их всегда узнаем, даже и не в словах, а просто так.

Бета. И даже когда они ничего не значат?²

Лямбда. Слово, правда, состоит из звуков. В нем есть отдельные части, оно не только само целое, отдельное, но и делится на свои кусочки. Вот когда мы говорим так, что у нас каша во рту, все звуки сплелы, нам делают замечание: говори членораздельно. Так вот слово — оно членораздельное. А звонок — нет. Он звенит себе и звенит, в нем нет отдельных частей, члеников, он не членораздельный.

¹ Катя Кошечкина, 1-й класс.

² Ср. у Аристотеля: «Элемент [στοιχείον] — первичный звук, но не всякий, а такой, из которого может возникнуть разумное слово [φασί-λογητόν]. Ведь и у животных есть отдельные звуки, но их и не называют элементами». Поэтика. 1456b22 20. 2. (пер. Новосадского). Ср. в пер. Паспарова: «Буква есть неделимый звук, но не всякий, а такой, из которого может явиться звук «осмысленный». [Στοιχείον] (неделимая даже часть речи) переводит и как элемент, и как булав, и как основной звук. И. Троицкий пишет: «Четкого различения между буквой и звуком Античность не выработала и в более поздние времена. Не в том смысле, конечно, чтобы не сознавалось, что писанная буква есть лишь знак для изображенного звука; но „мгментами“ слова всегда признавались лишь те звуковые образования, которые соответствовали буквам принятого алфавита, хотя бы некоторые буквы изображали два звука (например, φ), или двумя буквами изображались звуки, качественно не отличающиеся между собой (например, ο и υ)». Деликатности и первоначальности часто называют *булавой* элементарную, «самую маленькую» часть речи, не различая (на словах) звук речи и букву. См. уроки 33–36, прим. 35б.

³ О значимости *звуков речи* можно говорить по крайней мере в двух смыслах: 1) звуки имеют смысловозначительное значение как *реализаторы фоным*. (См., напр.: Якобсон Р. Звук и значение // Избранные работы. М., 1983; М. В. Павлов. Современный русский язык. Фонетика. М., 1979). 2) Звуки речи могут являться самостоятельными носителями смысла, причем не только в поэтической речи, где это бросается в глаза, но и в обычной разговорной речи, хотя и в меньшей степени. Об этом пойдет речь на следующих уроках. См. уроки 29–31, прим. 33, 327.

Урок 1

Хотя он что-то определенное значит, например, конец урока. А слово — это набор звуков, который что-то значит¹.

Каша. Но ведь из этих кусочков речи, человеческих звуков, может состоять что угодно, не только слово.

Эта. Как это? Что еще из них состоит?

Каша. Вот Альфа говорил: на.

Бета. Это кусочек слова на.

Каша. Ну, я могу хоть специально придумать, составить из таких кусочков что-то. Например, бамбик — это ведь не слово, хотя в нем все звуки нормальные, такие же, как и в словах. Оно не слово, потому что ничего не значит.

Альфа. Это слово ты сейчас специально придумал. Мы же не говорим таких слов в обычной речи. Слово — это то, что мы говорим.

Бета. Мы говорим словами. Вот я сейчас говорю — я говорю много разных слов. Каждое слово — это отдельный целый кусочек того, что я говорю. И Лямбда правильно сказал, что оно не сплошное, а членораздельное, то есть само состоит из отдельных частей, кусочков.

Учитель. Значит, слово — это отдельный кусочек осмысленной человеческой речи². Давайте попробуем разобраться, что это значит. Мы как будто все представляем себе, что такое человеческая речь. Что такое осмысленный?

Бета. То, что сказано со смыслом, не просто так. Что-то подумав, потом скажем³.

Учитель. Ой, всегда ли?

¹ Саша Сидоренский, 1-й класс, гимназия «Очак», г. Харьков.

² Слово как «наименьшую часть живой речи» определял Дионисий Фракийский. См.: Античные теории языка и стиля. СПб., 1996. С. 123.

³ Ср.: «Слово — членораздельный звук, выражающий нечто подуманное» — Схолий к Дионисию Фракийцу, II (342Н). Там же.

Бета. Да, бывает, ляпнешь, не подумав.

Эта. Все равно, когда и не подумав ляпнешь, смысл какой-то есть. Как-то сам получается¹.

Каппа. Как это он сам получается, если ты не знаешь, что говоришь?

Эта. Ну, из звуков получается.

Гамма. А по-моему, это всегда одновременно — говоришь и думаешь.

Лямбда. Пока не скажешь, и не поймешь, что думаешь.

Бета. В сказке «Алиса в Стране чудес» Алиса говорит: «Откуда я знаю, что я думаю, пока я еще ничего не сказала»². Словами ведь и думаешь, и говоришь. Вот Альфа и Каппа про число говорили, что число — это чем считают³. А слово — это чем говорят, читают, понимают⁴.

Дельта. Слово — это когда есть смысл. Мы говорим кому-то, чтобы было понятно. Тогда есть смысл, когда кто-то может понять⁵.

Альфа. Мы говорили еще, что слово что-то *значит*⁶, например, называет какой-то предмет. Баомбик, например, который Каппа придумал, — он вроде похож на слово, на человеческую речь, но ничего не называет, это, наверное, не слово.

¹ Кирилл Маматов, 1-й класс.

² Ср. у А. А. Петербан: «На слово нельзя смотреть как на выражение готовой мысли. <...> Напротив, слово есть выражение мысли лишь настолько, насколько служит ее созданию» (Петербан А. А. Мысль и язык. Киев, 1993. С. 131) и у Л. С. Выготского: «Мысль не выражается в слове, но совершается в слове» (Выготский Л. С. Собр. соч. в шести томах. Т. 2 М., 1982. С. 305).

³ См. Загадки числа. С. 14.

⁴ Артем, 1-й класс.

⁵ Дельта понимает слово как обращенное в кому-то, адресованное, как высказывание, т. е. как предмет прагматика речи.

⁶ Альфа отмечает другую сторону слова — слово как имеющее лексическое значение, т. е. как предмет языка (языковой знак).

Урок 1

Учитель. А какой кусок человеческой речи мы считаем *отделанным словом*?

Бета. Наверное, такой, который что-то значит *сам по себе*.

Дельта. Такой, который понятен. Иногда понятно сразу, тогда это уже слово. Иногда то же самое скажешь — и непонятно, надо еще объяснять. В зависимости от того, с кем говоришь¹⁰.

Альфа. Дельта, ты говоришь, что слово — это то, что понятно. Но ведь чтобы тебя поняли, надо сказать *много* слов. Из слов составляется понятная речь. Вот мы сейчас говорим, пытаемся понимать друг друга, и каждый из нас сказал не одно слово, а *много*¹¹.

Бета. Кроме того, Дельта, ведь *молчаливым* может быть не только слово. Вот, например, тот же звонок.

Дельта. Мы ведь договаривались, что слово — это кусок человеческой речи. А звонок — действительно, понятно, что он значит, но это — не человеческая речь.

Каппа. А вот, например, когда ребенок плачет — это слово? Понятно ведь, что ему больно. И он может даже плакать *кому-то*, как сказал Дельта про слово — что оно всегда кому-то говорится, чтобы кто-то понял. Так вот ребенок может плакать маме, чтобы она его поняла и пожалела — мой братик, например, часто так делает.

Бета. Мы ведь уже говорили, Каппа, что слово *членораздельное*, что в нем звуки определенные. И Гамма об этом говорил — что не просто человеческие звуки составляют слова, а вполне определенные, словесные, как он их называл. А плач — в нем человеческие звуки, но другие, не словесные. И кроме того, плач — он не *членораздельный*. Но на вопрос, который задал Учитель — как выделить *от-*

¹⁰ Дельта понимает под *словом* осмысленное звуоческое высказывание. В таком смысле мы употребляем, например, выражения *последнее слово*, *дать слово*, *сдержанное слово* и т. п.

¹¹ «Слово — членораздельный звук с какою-нибудь значенном, из которого составляется и на который разлагается предложение [речь], λόγος» — Диоген, I, 436 К. (Античные теории языка и стиля. СПб., 1996. С. 123.)

дельное слово, отдельный кусок речи — мы, кажется, не можем ответить. Непонятно, что же является отдельным словом.

Учитель. *Проворонила ворона вороненка* — сколько здесь слов?

Дельта. Одно.

Кашпа. Одно.

Эта. Три.

Альфа. И по-моему, три.

Учитель. Почему?

Дельта. Один смысл. Говорится сразу, все вместе.

Альфа. А я не согласен. И говорится не вместе, и есть отдельные кусочки, которые сами по себе что-то значат. Например, *ворона* — это самостоятельное слово, понятно, что оно значит. И каждое из этих слов можно сказать и в другой фразе, вместе с другими словами. Ты, Дельта, целую речь считаешь за одно слово, а она состоит из нескольких слов.

Эта. Говорим мы, действительно, не подряд, а делим эту речь на три куска. Проворонила ворона вороненка¹². Тут три части, три слова, три отдельных кусочка. После каждого — пауза. Три раза речь усиливается, голос повышается. Если бы это была считалка, то — три человека¹³.

Кашпа. А по-моему, это одно слово, только оно меняется. Ворона и вороненок — это то же самое слово, немного измененное. Вот если бы мы сказали: *проворонила конка коненкина* — было бы три слова.

Дельта. Потому что вороненок — это тоже ворона, только маленькая, да?

¹² Эта при произнесении фразы подчеркнута тонироватой сл.

¹³ Эта ориентируется на акустический критерий — во фразе три ударения, три сильных слова. Альфа ориентируется на самостоятельное значение каждого слова. Эти критерии могут не совпадать. Например, в такой фразе: «Мой дядя самый честный правдив», с точки зрения Эта, четыре слова, с точки зрения Альфы — пять.

Каппа. Да нет, потому что *слово* то же самое. Вот, например, щенок — это маленькая собака, но слова совсем разные. А *собака* и *собачка* — это одно слово, немного измененное¹².

Эта. Потому что буквы и звуки в них почти одинаковые. Но все-таки мы говорим три слова в этой фразе. Они сами отделяются одно от другого.

¹² Каппа ближе к идее словоформы, при этом он ориентируется на корень слова. С точки зрения традиционной школьной грамматики *собака* и *собачка* — разные слова, в отличие от словоформы *собака* и *собака* — это разные формы одного слова. Однако вопрос о различении словообразования и словоизменения, т. е. напр. разных однокоренных слов (*собака* и *собачка*) и разных форм одного слова (*собака* и *собака*) достаточно сложен. Варрон называл слова типа *собачка* отклонениями (*declinatio*, часто переводится как склонение, *spont. pléon.*) от слов типа *собака*. «Есть вообще два начала всех слов — установление (*propositio*) и склонение (*declinatio*), одно как источник, другое как ручей» (О латинском языке, VIII, 3. Цит. по: Античные теории языка и стиля. С. 83). Из примеров видно, что отклонениями называется как то, что в современной грамматике считается формами слова (*legi* (я прочел) отклонилось от *lego* (я читаю)); *Tigettio* (Тигеттиак) — от *Tigettius* (Тигеттий)), так и слова, называемые в современных грамматиках производными (*mammiolae* (грудастие) отклонение от *mamilla* (груди), *equile* (кошениль) — от *equus* (лошнь)); первые, согласно Варрону, отклонялись по различию самой вещи, вторые — по различию внешних вещей. Классик современного языкознания проводит грань между различными формами одного слова и разными словами, производными одно от другого, аналогичным образом: «Говорить о разных формах слова <...> можно и должно тогда, когда у целой группы конкретно разных, но по звукам сходных слов мы наблюдаем не только что-то фактически общее, а единство значения». Однако из приводимых им примеров можно видеть, что определить, имеется ли в данном случае единство значения, достаточно сложно: «Трубан едва ли можно назвать формой слова *труба*, так как трудно даже подумать, чтобы слова *труба* и *трубан* считались за одно слово, за разные формы одного слова: *трубан* есть название человека, который трубит, а *труба* — название предмета, в который он трубит. Точно так же *труба* и *трубка* нельзя считать формами одного и того же слова, так как они обозначают разные предметы. Но вот слова *труба* и *трубочка* в определенных случаях можно считать за формы одного и того же слова: *трубочка* может называться уменьшительной формой слова *трубка* в определенных значениях». Другой пример Щерба приводит с глаголами: *пригласи* и *перепригласи* — разные слова, но «*перепригласи* и *перепригласишь* можно считать формами одного и того же слова, так как оба имеют в виду совершенно одно и то же конкретное действие и только подходят к нему по-разному». (См.: Щерба Л. В. Языковая система и речевая деятельность. М., 2007. С. 53–54). Этот вопрос всегда труден и для более старших детей. Не является ли это предметом конвекции?

Учитель. Правильно ли я тебя понял, Эта? Мы говорим словами, то есть при произношении делим речь на отдельные кусочки?

Эта. Да, по-моему, так. Слова отделяются друг от друга, когда мы их говорим.

Альфа. Они потому и отделяются, что означают разные вещи. Ворона — это взрослая птица, воробенок — ее птенец, проворонила — значит прошляпила. Каждое слово означает что-то отдельное. Поэтому и вся фраза нам понятна, что в ней три слова и каждое что-то значит¹². Потому они и отделяются друг от друга.

Лямбда. Альфа, а знаешь такую считалку: *Иконки, иконки, цокоты, ме?* Ты не сможешь объяснить, что означают отдельные кусочки, так, как ты объяснил про ворону. Но эта считалка легко делится на отдельные слова, хотя и непонятно, что они означают.

Эта. Да, тут четыре слова. Мы ясно слышим четыре отдельных кусочка. Это я и имел в виду, когда сказал, что мы говорим отдельными словами. Легко посчитать, сколько их тут — четыре.

Дельта. Легко, потому что это считалка. Одно слово — один человек.

Эта. Да и на слух слышно, сколько слов, даже когда мы не считаемся, а просто промолосим.

Учитель. Что именно слышно?

¹² Альфа можно было бы возражать, что часто, наоборот, слово понятно только потому, что произносится и слышится внутри определенной фразы, в контексте. Самый яркий пример — омонимия. В считалке «Вышел месяц из тумана, вынул кошель из кармана» слово *кошель* значит не то, что значит это же слово во фразе «Двадцать месяцев в году» — потому, что каждое из них приобретает свое значение в определенном контексте, внутри определенной фразы. То есть не только фраза понятна, что-то значит потому, что понятны составляющие ее слова, но и наоборот — слова понятны, потому что понятна фраза, которую они составляют. Ср., напр.: «Только предложение имеет смысл: имя обретает значение лишь в контексте предложения». — Вильгельм В. Логико-философский трактат, 3.3.

Урок 1

Эта. Тут четыре раза мы усиливаем голос, когда говорим. На каждое слово — один раз. Поэтому и считается можно этой считалкой. Не потому слова слышны отдельные, что это считалка и каждое слово значит одного человека, а наоборот — это потому считалка, что там есть *отдельные части*, ну не знаю, слова они или нет. Но это не просто поток звуков, а он делится на отдельные кусочки.

Учитель. То, о чем говорит Эта, называется ударением. Мы, когда говорим, отдельные кусочки речи выделяем, произносим сильнее, чем другие. От этого может зависеть и смысл слова. Например, слова *муки* и *мука* — в первом слове ударение в начале слова, а во втором — в конце. Или, например, такие слова, как *замок* и *змок* — они тоже различаются только ударением. Эта говорит, что в каждом отдельном слове обязательно есть ударение, и только одно. Сколько слов — столько и ударений¹⁶.

Альфа. Ну, все-таки слова делаются отдельными словами не из-за ударения. А из-за того, что они отдельно что-то значат.

Бета. А может быть, слово — это то, что пишется отдельно?

Эта. Но ведь мы *во всяком письме* говорим словами. Неужели неграмотный человек, не умеющий писать и читать, не различает, не слышит отдельных слов? Письмо тут, по-моему, совсем ни при чем¹⁷.

¹⁶ В языковедении принято считать одной из функций ударения т. н. кульминационную функцию, т. е. «обеспечение цельности и отдельности слова путем просодической централизации его слого-звуковой структуры». С другой стороны, ударение (как правило, единственное) имеют только знаменательные слова и не имеют предлоги, артикли, частицы — т. н. инварианты, которые, тем не менее, считаются словами, т. е., строго говоря, ударение разделяет не слова, а простые члены предложения. В некоторых языках (в т. ч. в русском) ударение имеет смысловоразличительную функцию, в других языках (напр., чешском) ударение выполняет разграничительную функцию (указывает на начало слова).

¹⁷ Существуют слова, которые оказываются *отдельными словами* только на письме. Предлоги, союзы и т. п. — самостоятельно в речи не употребляются, но считаются словами — только на основании графического критерия. В устной речи предлоги словами не являются. Существуют языки, в которых наши предлоги работают как приставки, т. е. пишутся вместе, следовательно, не являются отдельными словами даже графически.

Альфа. А вы уверены, что мы правильно разделили эту считалку на отдельные слова? Вот мне, например, кажется, что действительно тут четыре слова (может быть, потому, что четыре ударения), но что они другие: никоте, пикоте, цоко, таме.

Бета. Посмотри в книжке, там не так. А так, как мы с самого начала разделили. В книжке-то, наверное, правильно написано¹⁸.

Лямбда. Я согласен скорее с Этой. Говорение главное письма, отдельные слова есть до всякого письма, когда мы говорим и слышим,

¹⁸ Книжка, на которую ссылается Бета: Троицкая Т. С., Петухова О. Е. Мы и наши игры. Учебная книга по литературе для 1-го класса. Новосибирск, 1987.

Особую авторитетность книжного, письменного слова отмечают многие исследователи. Ср., напр., у Ф. де Соссюра: «Язык и письмо суть две различные системы знаков; единственный смысл второй из них — служить для изображения первой; предметом лингвистики является не слово звучащее и слово графическое в их совокупности, а исключительно звучащее слово. Но графическое слово столь тесно переплетается со словом звучащим, чым изображением оно является, что оно в конце концов присваивает себе главенствующую роль; в результате изображению звучащего языка приписывается столько же или даже больше значения, нежели самому этому языку. Это все равно, как если бы утверждали, будто для ознакомления с человеком полнее увидеть его фотографии, нежели его лица» (Соссюр Ф. де. Труды по лингвистике. М., 1977. С. 62–63). Ср. также у О. Эсперсена (Философия грамматики): «Произносимое и слышимое слово есть первоначальная форма языка, гораздо более важная, чем его вторичная форма, проявляющаяся в письме (печатно) и чтении. Совершенно очевидно, что произносимое и слышимое слово обладало первостепенной важностью в течение тех неисчислимых веков, когда человечество еще не вошло в письменности или когда оно пользовалось ею в ограниченных пределах. Но даже и теперь, в наш век широкого распространения газет, подавляющее большинство людей гораздо больше говорит, чем пишет. Во всяком случае, невозможно понять, что такое язык и как он развивается, если не исходить постоянно и прежде всего из процесса говорения и слушания и если хотя бы на мгновение забыть о том, что письмо — только заместитель устной речи».

Об особой авторитетности письменного слова, доходящей до своего рода фетишизма, замечает В. Айрапетян: «¹⁹Чем стало для говорения бывшее чисто вспомогательным записывание, показывает с...» отчаянное определение языкового слова как «печки брыз между двумя пробелами» (Айрапетян В. Герменевтические подступы к русскому слову. М., 1992. С. 75). Отчаяние вызвано, надо думать, невозможностью найти надежный критерий для выделения отдельного языкового слова в устной речи — см. прим. 20.

Проблема письменной и устной речи возникает совсем в другой связи, на 8-м уроке, а также на уроках 36–37 в связи со звуковым анализом слова.

уже есть отдельные слова¹⁹. Но вот как именно мы их отделяем, пока непонятно²⁰.

¹⁹ Графический критерий (и, похоже, только он один) позволяет уверенно сказать, что, например, русское *в лесу* — два слова, а английское *to get up* — три, а не одно (фонетически и семантически в обоих случаях одно слово). Но сама орфография в значительной степени условна, поэтому взять графику за основу определения слова кажется неадекватным самому явлению слова (что отмечают и наши ученики). См. также с. прим.

²⁰ Эта проблема — выделения слова как единицы речи — трудна не только для наших учеников, но и для профессионалов-лингвистов. Ср. напр., как излагает эту проблему Лингвистический энциклопедический словарь: «Слово — основная структурно-семантическая единица языка, служащая для именования предметов и их свойств, явлений, отношений действительности, обладающая совокупностью семантических, фонетических и грамматических признаков, специфических для каждого языка. Характерные признаки слова — цельность, выделенность и свободная воспроизводимость в речи». — Здесь слово сначала определяется через язык, но тут же вводятся такие признаки, как цельность, выделенность, воспроизводимость и т. д., т. е. берется слово уже как феномен речи. «В структурном отношении слово может состоять из ряда морфем, от которых отличается самостоятельностью и свободным воспроизведением в речи» — т. е. от морфем слово можно отличить только через речь (значение, характеризующее слово со стороны языка, морфемы имеют). «Слово представляет собой строительный материал для предложения (последнее может состоять из одного слова...), в отличие от которого не выражает сообщения». «Проблема отдельности слова заключается в определении его границ, количества слов в речевой цепи». Ср. спор наших учеников о том, сколько слов в скороговорке. В статье приводится спорный пример: *to get up* — одно, два или три слова? С семантической и орфоэпической точек зрения — одно, с орфографической точки зрения — три. Ср. предположение Бетты: «Может быть, слово — это то, что пишется отдельно?» Это, однако, представляется неадекватным лингвистическому явлению слова из-за условности самой орфографии. Ср. реплику Эты: «Мы до всякого письма говорим словами».

Фонетический критерий определяет слово как единицу *устной звуковой речи*. Здесь существенными оказываются возможность слыши при произношении (по тогда предлоги — не слова), ударение (именно на ударение ориентируется наш Эть, подсчитывая, сколько слов в скороговорке; слыти-таки предлоги и некоторые другие случаи с этой точки зрения словами не являются), позиционные наименования звуков, потравливаемые сигналы.

Морфологический критерий выделяет отдельные слова и отличает их от морфем на том основании, что морфологический показатель оформляет слово в целом, а не его части (хотя и здесь есть спорные случаи).

Синтаксический критерий определяет отдельное слово как потенциальный минимум предложения. Но этот критерий выделяет простые члены предложения, а не слова как таковые. Служебные слова здесь не отличаются от морфем (напр., *в лесу* с этой точки зрения — одно слово). См. Гак В. Г. Слово // Лингвистический энциклопедический словарь. М., 1980.

Бета. Альфа говорил, что слова отделяются потому, что *каждое* из них что-то *отдельное* значит.

Эта. Но ведь сам Альфа слышал четыре слова в нашей считалке, а он бы не смог объяснить, что они значат.

Дельта. И даже та скороговорка, про ворону, она, по-моему, осмысленная не потому, что в ней *каждое* отдельное слово что-то значит. Она вся целиком значит, она такая складная, смешная.

О. Есперсен предлагает различать формулы и свободные словосочетания. В формулах (напр. *how do you do* — форма приветствия, буквально «как вы делаете») только грамматический анализ может обнаружить, что они состоят из нескольких отдельных слов, в речи же они употребляются как целостные нерасчленимые единицы, в которых «никто ничего не может понимать» (Есперсен О. Философия грамматики).

Многие лингвисты готовы отказаться от понятия слова, ср., например: «Понятие слова несовместимо с нашим представлением о конкретной единице языка» (де Соссюр Ф. Курс общей лингвистики. М., 1933. С. 197). «Необходимо избавиться от неопределенного понятия слова.» — Балли Ш. Общая лингвистика и вопросы французского языка. М. 1955. (Цит. по: Реформатский А. А. Введение в языковедение. М. 1996. С. 61.)

Тем не менее слово существует как единица языка и речи. «Носители языка спонтанно, без труда, выделяя слова в потоке речи и употребляют их обособленно» (Лок В. Г. Указ. соч.). Затруднения они испытывают в тех же случаях, что и специалисты (предлоги и т. п.). На это обстоятельство ссылался Э. Сепир, утверждая психологическую реальность слов языка. Сепир полагает, что только корневые и грамматические элементы (носители самостоятельных значений), с одной стороны, и предложения, с другой стороны, являются первичными функциональными единицами речи, но не слова. Только они (морфемы и предложения) сопоставимы при переходе от одного языка к другому, а слова — нет. В подтверждение он приводит изопрепную глагольную форму языка нутка (употребляющуюся как отдельное слово), приблизительно означающую «я привик есть во двадцать крупных предметов», которая в европейских языках соответствует целому предложению. (Замечу, что нет надобности даже обращаться к экзотическим языкам — латинское или итальянское *disco* может быть переведено на английский точнее как *I am*, русский язык допускает оба варианта перевода — *я учу* и *я учуся*, которые различаются стилистически и риторически. Сепир сам обращается к этому примеру в другом месте, см. с. 32). Однако слова, согласно Сепиру, — «важная единица живой речи». «Языковой опыт <...> исперскаю показывает, что, как правило, не составляет никакого труда осознать слово как психологически нечто реальное», — утверждает Сепир, ссылаясь, в частности, на опыт общения с индейцами, непривычными к написанному слову (Сепир Э. Избранные труды по языковедению и культурологии. М., 1993. С. 49–50). См. продолжение этой темы (в связи с обнаружением значимости морфем) на уроке 9.

Урок 1

Альфа. А что ты имеешь в виду, когда говоришь что-то значит? Мы можем придумать какую-нибудь фразу, которая будет и складной, и смешной, но ничего не значит.

Бета. Канна придумал слово «флюмбик» — оно на слух довольно симпатичное, веселенькое. Но оно, кажется, ничего не значит.

Звонок

«Блюмбик» — слово или нет? Может ли оно что-то значить? Договоримся — и будет значить. Слово, потому что склоняется. Значат ли слова по природе или по соглашению? Есть ли у вещей настоящие имена? Слова-названия и просто слова.

Учитель. Мы, кажется, решили, что слово — это кусок человеческой речи, что оно состоит из вполне определенных звуков — звуков речи. Не совсем ясно, как выделяются из речи эти куски — отдельные слова, что можно считать отдельным самостоятельным словом, а что — только частью слова. Но давайте теперь поговорим вот о чем. Предположим, мы выделили такой кусок — отдельную часть человеческой речи. Всегда ли это будет слово? Капна придумала такое «слово» — *блюмбик*. Слово ли это на самом деле? Кто-то из вас утверждал, что нет. *Блюмбик* — не слово, потому что ничего не значит.

Бета. Я утверждал. Слово — это то, что значит. А *блюмбик*, конечно, не слово.

¹ В этом уроке использованы материалы реальных уроков, проведенных в 1-м классе сада-школы «Зимородок» г. Новосибирска учителями Н. И. Куницевой и В. Г. Касаткиной.

Урок 2

Каппа. Но ведь мы можем договориться о его значении. Решить, что мы будем называть бломбиком, например, какую-нибудь вещь.

Альфа. Как это? Каждая вещь уже как-то называется, у нее есть свое *настоящее* имя. И вдруг мы будем ее называть бломбиком. Никто не поймет.

Лямбда. Допустим, мы будем знать, что значит бломбик. Но другие-то не знают. Нас мало, а нормальные слова знают все люди, ну не все, конечно, но очень много людей¹. Вот если слово это как-то прославилось и все будут знать, что это такое, тогда оно может стать *настоящим* словом².

Гамма. Так, наверное, может случиться. Ну, пусть не с нашим словом, но вообще, я думаю, так бывает — с нормальными, обычными словами. Какое-то слово сначала знают только немногие, а потом — все или почти все. Вот, я думаю, что когда многие люди были неграмотными, они не знали, например, что такое *заямтая*. А теперь все читают и пишут и все знают, что это такое³.

Эта. А я все-таки думаю, что бломбик — это слово. Слово, потому что в нем те же звуки, что и в словах. Что-то оно все-таки значит, хотя и непонятно что⁴. Оно похоже на слова. И даже на *русское* слово, а не, например, английское или китайское⁵. Помните, мы вспоминали

¹ Людмила Иванюцкий, 1-й класс, школа «Зимородок».

² Вера Баранов, 1-й класс, школа «Зимородок».

³ Гамма говорит о таком явлении, как перевод слова из системы общеупотребительных слов в систему общеупотребительной лексики. Слова, входящие в эти системы, ведут себя по-разному. В частности, система общеупотребительных слов отличается от других систем языка своими фонетическими и грамматическими законами (см., напр., о различии фонетики разных систем языка: Панов М. В. Современный русский язык. Фонетика. М., 1979. С. 14–15).

⁴ Ср.: «Если брать сочетания этих звуков «сречи» в любом порядке, например бббббб, или дыр брл шсл, или манчл! манчл! чи брел эол, — то такие слова не принадлежат ни к какому языку, но в то же время что-то говорят, что-то непонимое, но все-таки существующее» (Вольфганг Хлебников. Нанна основа // Творения. М., 1986. С. 627–628).

⁵ Р. Якобсон, опровергая мнение о том, что слово является минимальной языковой единицей, и отстаивая мысль об (относительной) самостоятельности

разные считалки — там много таких слов. Например, Эшки-Бенки, анри-дешира. Мы еще считали, сколько слов в такой считалке: нкоте, пикоте, цокоте, ма. Никто из вас не сказал, что это не слова.

Бета. Это все-таки не настоящие слова. Чем-то они на слова похожи, правда. И кажется, не только тем, что состоят из одних и тех же звуков — чем-то еще.

Эта. Они гораздо больше похожи на слова, чем на что-то другое.

Капа. Я, кажется, понял, о чем говорит Бета, когда он говорит, что мы только общими звуками блэмбик похожи на слова, на настоящие слова. Оно, это «слово», веден себя так, как и «нормальные» слова. Это слово. Слово, потому что склоняется¹⁴. С ним можно обращаться как со словом — сказать: *блэмбик, блэмбик, блэмбиком*. Можно сказать: *маленький блэмбик*, но нельзя сказать — *маленькая блэмбик*¹⁵.

Бета. И ты, Капа, считаешь, что это совсем настоящее слово? Ведь ты не знаешь, что оно значит?

фонемы, приводит в качестве одного из аргументов то обстоятельство, что, например, француз, не знаящий значения какого-то (напр. жаргонного) слова, услышав его впервые, «воспримет его как французское, потому что все входящее в него фонемы, а также правила, по которым оно сгруппировано, существуют в французском языке» (Якобсон Р. Избранные работы. М., 1985. С. 59).

¹ Поля Филатов, 3-й класс.

¹⁴ Капа предлагает подход к слову, аналогичный тому, который он предлагал по отношению к числу: число — это то, с чем я могу обращаться определенным образом; то, по отношению к чему определены некоторые операции и правила действий. См. Загадка числа. Неважно, что такое число само по себе, означает ли оно что-то определенное, важно, что по отношению к нему определены некоторые операции. Этот же подход Капа предлагает применить для того, чтобы решить, слово ли «блэмбик». В данном случае для Капы важно, есть ли у «слова» блэмбик *лексическое* значение — речь идет о грамматическом значении слова. У «слова» блэмбик вполне очевидные грамматические признаки — части речи, рода, числа, падежа. Оно имеет определенную парадигму именения, то есть ведет себя определенным образом. Ср. Шербовскую фразу «Плохая кулды штеко будынула бокра и кудричит бокровка» — «слова» в ней лишены определенного лексического значения, тем не менее эту фразу можно разобрать по членам предложения, «слова», ее составляющие, можно проанализировать морфологически, разобрать по морфемам, их можно склонять, спрягать, то есть с ними можно поступать вполне определенным образом. См. урок 10.

Урок 2

Каппа. Да, считаю. Мало ли чего я не знаю. Вот я могу услышать или прочесть в книжке слово, о котором я не знаю, что оно значит — что же, это не слово, что ли?

Лямбда. Я, например, слышал такое слово — *фистула*. Его взрослые говорили, я запомнил. Я не знаю, что оно значит. Но раз его говорили, то оно что-то значит, только я не знаю что. Я пытаюсь придумать, что оно значит.

Альфа. Придумал?

Лямбда. Нет, мне потом надоело.

Альфа. Ну, надо было у взрослых спросить.

Бета. Раз есть какое-то слово, то оно должно что-то значить. Вот *блямбик* тоже. Мы придумали его, значит уже не может так остаться. Что-то оно обязательно должно значить²¹.

Эта. Знаете, я думаю, что какая-то вещь обязательно должна появиться, которая так будет называться — *блямбик*. Раз есть слово, то появится и вещь²².

Бета. Вот Лямбда говорил — *фистула*, и должна она быть, раз есть слово.

Альфа. Но это же совсем другое дело. Это слово, которое Лямбда сказал, *фистула* — оно есть, просто мы не знаем, что оно значит,

²¹ Ср. у Якобсона: «...если нам в обычном тексте встречается совершенно незнакомое слово, мы а priori не считаем, что это слово лишено смысла. Мы всегда рассмотрим слово как некоторую семантическую единицу, но в этом случае такая семантическая единица имеет для нас нулевой значение. В романе Кауа Пассуна „Волн“ герой придумывает слово „дубоа“. „Я имею право, — говорит он, — приписать ему то значение, которое считаю нужным: я сам еще не знаю, что это слово значит“. Иначе говоря, как только некоторая последовательность фонем объявляется словом, она тут же начинает подыскивать себе значение. Другими словами, она является потенциальной семантической единицей» (Якобсон. С. 60–61). Некоторые из наших учеников, подыскивая значение к придуманному слову *блямбик*, не согласились бы с тем, что они вправе приписать ему любое значение, которое сочтут нужным — они ищут «правильное», «подходящее» значение, хотя совершенно (а не только конвенционально) связано со звуковым образом слова; см. окончание этого урока и урок 3.

²² Толя Ватеник.

а другие знают. И вещь такая есть, наверное, просто мы не знаем, какая. А *блямбик* — *никто* не знает, что это такое, такого слова вообще нет. Оно бесполезное, никому не нужное, непонятно, зачем мы его придумали.

Бета. Мы выясняли, что такое слово. И специально придумали этот *блямбик*, который чем-то похож на настоящие слова, а чем-то — не похож, чтобы выяснить, слово это или нет. Для урока мы его придумали¹. И раз мы решили, что это слово, то оно должно что-то значить.

Эта. Оно может и по-другому пригодиться, можно так собаку называть. Или игрушку. Оно веселенькое такое, подходит малышкой *собачке*².

Учитель. А скажите, пожалуйста, как вы думаете: любую ли вещь можно назвать любым словом, как мы захотим, или нет?

Альфа. Я уже говорил, как я думаю. Я думаю, что у каждой вещи *если* свое имя, и, если мы будем придумывать вещам новые имена, нас никто не поймет.

Каппа. Что это значит, что у каждой вещи есть свое имя, Альфа? Не написано же оно на ней? Не так же оно у нее *если*, как есть размер, цвет и другие качества?

Бета. Каппа, а ты в самом деле считаешь, что вещь может называться любым именем — как захотим, так и назовем?

Дельта. Но ведь они почему-то уже как-то называются, вещи — каждая так, а не иначе.

Каппа. Они потому так называются, что их так называют. Люди договорились их так называть, а потом привыкли, и теперь нам уже кажется, что вещи сами по себе так называются³.

¹ Оля Гомарова, 1-й класс.

² Каппа, 1-й класс.

³ Ученики обсуждают традиционную для логики и лингвистики проблему — «соотношения имени и вещи». Ср., например, как обсуждение этой проблемы развивается в платоновском диалоге «Кратил»: «Кратил вот здесь говорит, Сократ, что

Урок 2

Дельта. Неужели, Каппа, ты думаешь, что можно договориться называть, например, собаку — коровой, а корову, наоборот, собакой, и это будет так же правильно, как и называть собаку собакой?

Каппа. А что, ты, может быть, думаешь, что если назвать собаку коровой, то у нее вырастут рога?

Дельта. Может быть, и вырастут¹⁷. Во всяком случае, что-то изменится. Потому что я уверен, что не все равно, как называть вещи.

существует правильность имен, присущая каждой вещи от природы, и вовсе не та произносимая часть частица нашей речи, которой некоторые из нас договорились называть каждую вещь, есть имя, но определенная правильность имени прирождена и эллинам, и варварам, всем одна и та же» (*Платон. Собр. соч.*, М., 1990. Т. 2. С. 613). Ближнюю позицию занимает наш ученик Альфа. Собеседник Кратила, Гермоген, как наш Каппа, напротив, полагает, что имена не принадлежат вещам по природе, а даются условно: «...я часто и с ним разговаривал, и со многими другими, но ни разу меня не убедили, будто правильность имени есть что-то другое, нежели договор и соглашение: <...> Ни одно имя никому не врождено от природы, оно зависит от закона и обычая тех, кто привык что-либо так называть». (Там же, с. 613). Аристотель в «Об истолковании» утверждает, что имена «имеют значение в силу соглашения, ведь от природы нет никакого имени» (16a25).

В новейшее время вопросительность, проблемность связи имени со значением не исчезла. Соссюр, например, решительно настаивал на двусмысленности языкового знака — значение слова не связано никаким внутренним отношением с последовательностью звуков (фоном), его составляющих (в качестве аргумента он приводит, между прочим, и факт существования разных языков). (См.: Соссюр Ф. де. Труды по лингвистике. М., 1977. С. 100.) В отличие от Соссюра Э. Бенвенист полагает, что «связь между означаемым и означаемым отнюдь не произвольна; напротив, она необходима <...> Означающее и означаемое, акустический образ и мысленное представление являются в действительности двумя сторонами одного и того же понятия и составляют вместе как бы содержащее и содержимое». (*Бенвенист Э. Общая лингвистика.* М., 1974. С. 92–93).

¹⁷ Л. С. Выготский описывает наблюдения над дошкольниками, которые считали, что если собаку назвать коровой, то у нее вырастут маленькие рога. «Ребенок объясняет название предметов их свойствами <...> Перенос имени означает как бы и перенос свойства с одной вещи на другую, настолько тесно и неразрывно связаны между собой свойства вещи и ее название». (*Выготский Л. С. Собр. соч.* Т. 2. С. 311–312). Исследователи детской психологии полагают, что «слово долгое время является для ребенка скорее свойством, чем символом вещи». (См., напр.: *Выготский Л. С. Собр. соч.*, М., 1982. Т. 2. С. 89–118.) Замечу, что и для взрослых, в том числе и образованных, носителей языка слово является далеко не только символом вещи.

Вещи должны быть названы правильно, а придумывать просто так имена нельзя. Имя должно подходить к вещи. Каждая вещь знает, как ее зовут, это мы можем не знать. Тебя, Каппа, если назвать не твоим настоящим именем, а каким-нибудь другим, ты не будешь отзываться. Я бы, во всяком случае, не стал¹.

Каппа. Разве вещи отзываются, как люди?

Лямбда. Да, по-моему, как-то отзываются. Я согласен с Дельтой, что не все равно, как называть вещь — могут быть имена правильные и неправильные.

Учитель. Что же, если мы правильно назовем вещь, то это слово, а если нет — то это будет не слово?

Бета. Я думаю, что это слова, и то и другое будут слова. Они, как Каппа говорил, ведут себя, как слова, они, как сказал Эта, состоят из тех же звуков, что слова. И они что-то значат, раз мы называем определенную вещь. Но они меньше подходят к своим вещам, чем другие слова, настоящие.

Учитель. Значит, есть слова, которые правильно называют вещи, как сказал Бета, настоящие слова, и слова, которые не подходят к вещам, как бы не настоящие слова.

Бета. Слова-названия и просто слова².

Учитель. Приведи пример.

Бета. Рукав — название, потому что к руке подходит. Очки — название, потому что око, глаз, очки же для глаз. Рубль — слово, оно не подходит. Я бы его назвал «платинкой», это было бы название. Крыма — название, она крест³.

¹ Катя Кошмико, 1-й класс.

² Имена на названия и просто слова разделили ученики 1-го класса Новосибирской школы-сада «Зимородок» (педагоги В. Е. Касаткина и Н. Н. Кузнецова.) См. урок 7.

³ Маша Яшина, 1-й класс, школа «Зимородок».

Урок 2

Дельта. Стена, столб, стол — названия, потому что стена стоит и столб стоит. Я беру *столб*, в уме ищу, чтобы было название. Переставляю в нем буквы, получается — *стоит*. Стена — *стоит*. Столб — то же самое. Некоторые буквы не те, «б» надо отнять, но это ничего, это названия. А крыша, по-моему, все-таки не название, просто слово¹.

Бета. Крыша вроде тоже название — она кроет, накрывает. Но она меньше название, чем, например, *рукава*. Вот *рукава* — сразу слышно *руки*, что он на руке. А крыша — только когда подумаешь.

Гамма. Слово не имеет отношения к предмету, название имеет. Название всем понятно, а слово — только тому, кто знает, что оно значит². Например, такие слова, как *рукава*, *учитель*, *очки* — они всем понятны, потому что они правильно называют вещи — *рукава* — на руке, *учитель* — учит, *очки* — для глаз, *очей*. Это правильные слова, названия. А такие слова, как *тетрадь*, *рубль* — они нам понятны, но только потому, что мы знаем, что они значат. А сами по себе они к тем вещам, которые они называют, не подходят. Если бы, как Бета предлагает, назвать, например, *рубль* — платинкой,

¹ Людвиг Навицкий, 1 класс, школа «Загородок».

² Аня, 1-й класс.

³ Аргументы учеников близки к аргументам персонажей Платоновского «Кратила». Вещь может называться правильно и неправильно — в двух смыслах: 1) все люди ее так называют и 2) имя может подходить к вещи и не подходить. Ср.: «Каждая вещь имеет, как ее зовут, то мы можем не знать» (Крат. Кватенко). Имя должно правильно называть вещь — это значит, в частности, что оно *соответствует* ее свойствам, которые имеют отношение к сущности этой вещи. Ср.: «Справедливо, по-моему, порождение льва называть львом, а порождение коня — конем. <...> Возможно, Вергилий, это имя «Орест» правильно», случай ли устанавливал его или какой-то поэт, а указывает оно на справедливость его природы и дичность — такое бывает разве что жителей гористой (орестид) страны. <...> Вергилий, я Агрей — тоже правильное имя. Ведь убийство Хрисиппа и справедная расправа с Фисестом — все это предостережение и нагубно (агрей) для добродетели. <...> Тому, кто уже что-то слышал об именах, достаточно ясно, о чем говорит имя Агрей, ведь оно близко к словам «наукротитель» (агрейс) и «бесстрастное» (агрейотис), так же как и к слову «нагубно» (агрейф), как бы то ни было, это имя установлено правильно». — Кратил, 393b, 394e, 395b-с. «...Если какая-то буква прибавится или отнимется, неважно и это, доколе останется нетронутой сущность вещи, выраженная в имени» — 393d — ср. с высказыванием Людвиг о букве «б» (Платон. Собр. Соч. Т. 3, с. 625–628).

тогда это было бы не просто слово, а название. Всем было бы понятно, потому что рубль — это то, чем мы платим²⁰. Название — настоящее имя для предмета, а слово — это так просто, потому что его договорились так называть²¹.

Звонок

²⁰ Ахм, 1-й класс.

²¹ Гамма говорит о том, что Потебня называл «внутренней формой слова» — о мотивированности связи его звучания и значения. Производные слова в языке выступают в качестве мотивируемых (а не условных) знаков, потому что отсылают не только к вещам, но и к другим словам. Сама форма производного слова мотивирует его значение (учитель — тот, кто учит и т. п.). Эта мотивировка может ощущаться в большей или меньшей степени (об этом говорил Бета — слово крышка для чего хотя и мотивировано, но меньше, чем рукав). Слово *рубль* утратило свою мотивированность — современными носителями языка не ощущается его связь с глаголом *рубить*. Такие русские (производные) слова, как *сундук* (от слова *сунул*), *кольцо* (уменьшительное от *коло* — *кольцо*), *мешок* (от *мел*), также утратили свою внутреннюю форму, она восстанавливается только этимологически. В современном языке эти слова являются, в терминологии наших ученых, просто словами, хотя раньше, когда их внутренняя форма живо ощущалась говорящими, они были названиями. «Просто словами» в этом смысле являются также все непроизводные слова, в отличие от производных, которые мотивированы их связью с непроизводными (учитель — тот, кто учит, рукав — то, что на руке и т. п.). См. урок 4, прим. 31, урок 11, прим. 126, урок 41 и прим. к нему.

Интересно, что Э. Сепир, описывая различие между производными и непроизводными словами, употребляет те же выражения, что и наши ученые, например: «Разрушительное воздействие фонетических изменений в конце слов превращает описательные по своей природе названия в чистые архаики, простые печатные слова» (курсив мой. — Н. В.). (Сепир здесь приводит примеры из истории американских топонимов — Essex (East Saxon), Norfolk (North Folk), Sutton (South Town)). См.: Сепир Э. Избранные труды по языкознанию и филологии. М., 1993. С. 274.

²² На уроке 9 Каппа предлагает применить слово «название» по отношению к именам, независимо от их мотивированности.

Урок 3

Имена. Будет ли вещь отзываться на чужое имя?

Звукоподражание. Имена, которыми вещь сама себя называет. Значимость звуков речи. Можно ли звуками подражать молчащим вещам? Бывают ли звуки тяжелые и легкие, теплые и холодные?

Эта заглядывает к себе в рот. Где делаются звуки?

Учитель. Мы на прошлом уроке обсуждали, можно ли говорить о том, что слова правильно или неправильно называют вещи, и Дельта сказал, что он бы не стал отзываться на чужое имя. Как вы считаете — имена, которыми мы называем людей, настоящие, правильные потому, что они подходят к своему хозяину, как Тамма говорит? Или просто каждый человек уже привык к своему имени, как говорит Каппа, и поэтому не станет отзываться на другое?

Дельта. Я, когда сказал, что не стал бы отзываться на другое имя, не думал об этом. Просто представил себе, что меня зовут по-другому, и сразу почувствовал, что это неправильно. Гораздо сильнее почувствовал, чем когда представлял себе, что какая-то вещь называется по-другому. Потому что это ведь мое имя. А теперь, когда вы спросили и я думаю об этом, мне кажется, что мое имя мне подходит, что оно правильное.

Каппа. Потому тебе так кажется, что ты с ним давно живешь, привык к нему. Мне тоже кажется, что мое мне подходит, но я думаю, что именно потому, что я к нему привык.

Гамма. А мне кажется, не только поэтому. Ведь родители не просто так выбирают имена своему ребенку. Им хочется назвать его правильно, чтобы имя ему подходило.

Эта. Я согласен с Гаммой. Не всяким именем можно назвать ребенка. Некоторые имена подходят только к большому, сильному, храброму человеку. А другие — к маленькому, тихому.

Бета. А ведь бывает, например, что называют ребенка в честь дедушки — это что значит, что он похож на дедушку?

Дельта. Может быть, родители хотят, чтобы был похож. И как назовут ребенка — от этого ведь тоже зависит, каким он станет. Мне кажется, если бы нас по-другому звали, мы бы были другими.

Каппа. А мне кажется, что нет. Имя — это просто имя. Я, конечно, привык к своему имени, но я думаю, что если бы меня звали по-другому, то сам бы я не изменялся¹.

Лямбда. Поменять имя человеку, которого уже как-то зовут, — это очень серьезно. Нельзя просто так — захотел, и называешь по-другому. С самого начала, может быть, можно было по-другому называть, а потом уже нет. Имя приросло уже к человеку. Я думаю, и к вещам тоже. Когда долго вещь называешь каким-то словом, то она уже так и будет называться. Соединится с этим словом. Переименовать понарошку, конечно, можно, а всерьез — очень трудно²⁰.

¹ Кирилл Малахов, 3-й класс.

²⁰ Каля Малахова, семиклассница.

²¹ См. так наз. ономастологию: Св. П. Фасмерский. Соч. в четырех томах. Т. 3(2). С. 169 и сл. Там же толковый «словарь имен» (с. 233–332).

Ср., напр., стихотворение Арсения Тарковского «Имена»: «А ну-ка, Македонца или Пушкина / Попробуйте назвать не Александром, / А как-нибудь иначе! / Не пытайтесь! / Еще Петру Великому придумайте / Другое имя! / Ничего не выйдет. / Встречался вам когда-нибудь коровный, / Которого не называли Пришей? / Нет, не встречался, если не сорвать. / И можно кошу заживо сорвать, / Но имя к нам так крепко прикреплено, / Что силки нет переименовать, / Хотя каждое затерто

Урок 3

Альфа. Когда родители называют ребенка, они же не знают, какой он вырастет. Могут просто так назвать. А вот прозвища — совсем другое, это уже со смыслом. Вот моего брата зовут Сережа. Ну, имя как имя. Сереж много. А в школе его прозвали Сыщик — это ему действительно подходит. Он хочет быть сыщиком, и вообще он такой... сыщик настоящий¹.

Учитель. Все-таки почему же имя человека или название вещи правильное? Чем оно подходит к вещи? Похоже на нее чем-нибудь? Или, как Дельта сказал, каждая вещь знает, как ее зовут, и не отказывается на неверное имя?

Бета. Бывает, что и похоже. Вот, например, гром. Он похож на слово, которым называется. Он гремит, и слово гремит. Или, например, шорох. Нельзя же, чтобы гром назывался шорохом, а шорох, наоборот, громом.

Дельта. Или сенс — он синстит и слово синстит.

Лямбда. Гром действительно как будто сам себя называет. Его название точно подходит к нему.

Учитель. О, смотрите, как интересно сказал Лямбда — гром своим именем сам себя называет. Еще вспомните такие слова, которые похожи на вещи, или вещи, которые сами себя называют.

Эта. Много таких слов. *Шуршание*, *шептать*, *бормотать* — в них звуки подходящие.

Гамма. *Скрипеть*, *хрустеть*, *звенеть*, *тифать*.

и захватано. / У нас не зря про имя говорят: оно / Не даль ни взять родное питно. / Недавно приобрелся машинка: / Приставят к человеку, и — гладить — / Ушная юточка, малая морщинка. / Ушмылка, крылышко ножки, горбинка, — / Пинает, как бы козларик или мышь: / — Иван! / — Семен! / — Василий! / Худо, братца, / Чужая ковка пристает к носам. / Есть многое на свете, друг Горацио, / Что и не снилось нашим мудрецам».

Ср. у Дали поговорки: «И по рылу знать, что Соловьем звать»; «По шерsti собаке и клочка». С другой стороны: «Как хочешь зова, только хлебом зови»; «Слышет Нижним, да стоит на горе»; «Крестил нов Иваном, да прозвали люда болваном». Тема имени и названия вновь возникнет в связи с обсуждением перформативных высказываний, см. уроки 21–22, 24.

¹ Поэма Филанова, 2-й класс.

Дельта. Писк, треск, хрип.

Бета. Это ведь все какие-то слова особенные¹². Это не названия вещей. Разве свист или писк — это вещи? Вещь — это то, что я вижу, могу потрогать. Вот, например, тетрадь — это вещь. Рука — это вещь. И у них есть слова-названия, их имена. А *свист* или тем более *хрип* — это не названия, это просто слова¹³. Они нам понятны, конечно. Но ведь мы говорили не о том, почему слова понятны, а о том, почему названия подходят к вещам.

Альфа. Я могу привести и настоящие слова, слова-названия, которые называют вещи. Например, *барабан*, *колокольчик*. Ведь тут я называю вещи, а не звуки или еще что-нибудь. И все равно эти названия подходят к вещам, и можно сказать, как Дельта говорил, что вещи сами себя называют: барабан стучит: *барабан*, колокольчик звенит: *колокольчик*.

Учитель. Каппа, ты до сих пор считаешь, что каждую вещь можно называть как угодно, как мы договоримся, так она и будет называться — или ты согласиен теперь, что названия вещей как-то к ним подходят, не случайно, не только по договору с ними связаны?

¹² Ученики приводят имена, обозначающие звуки, или пыталы со значением «производить какой-либо звук». В таких словах особенно заметно явление звукоподражания (ономатопея). Ономатопеическая теория связывает с этим явлением происхождение языка. Язык, согласно этой теории, возник в результате того, что человек подражал звуковым признакам объектов. Современные лингвисты, однако, считают ономатопею представляющей периферийное явление и ономатопеический принцип не может быть положен в основу объяснения связи между звучанием и значением. Р. Якобсон, напр., пишет: «Слова, соединяющая последовательность фонем со смыслом, является необходимой. Но единственно необходимым в этой связи является объединение двух значений на основе смежности, то есть на основе внешнего фактора, в то время как объединение по следствию (то есть основанное на внутреннем факторе) является лишь факультативным. Оно присутствует только на периферии понятийной системы, в ономатопеических и экспрессивных словах, таких, как „ду-кучка“, „иглам“, „хрустнуть“» (Якобсон Р. Избранные работы. М., 1985. С. 89).

¹³ Слова, I-й класс.

¹⁴ Многие первоклассники считают словами только имена (топонимы) вещей либо выделяют их в качестве «главных», «настоящих» слов. Имя — это слово раз склеится, остальное приобретает значение слова только при имени, склеиваясь с именем и т. п.

Урок 3

Каппа. Те слова, которые приводили Гамма, Дельта и Эта, и даже те, которые приводил Альфа, — они, действительно, вроде бы не случайно такие, а не другие, и не случайно значат то, что они значат. Я согласен, что странно было бы, если гром назывался бы мыском, и наоборот. Это было бы странно, но я не решаюсь сказать, что это было бы неправильно. Мы не знаем других языков, в них, наверное, все называется по-другому. Почему считать, что мы называем правильно, а другие — нет?

Учитель. Каппа прав, в разных языках разные слова называются по-разному, и даже звуки в разных языках совсем другие. Например, по-английски гром будет *thunder* — там этих гремевших звуков [ɾ], [p] совсем нет. И вообще английская речь звучит совсем, совсем по-другому. Вот послушайте: *Hush thee, my babby / Lie still with thy daddy / Thy mammy has gone to the mill, / To grind thee some wheat / To make thee some meat / Oh, my dear babby, lie still.*

Бета. Да, очень странно звучит, непохоже совсем. И ничего не понятно.

Гамма. Но знаете, все-таки понятно, что это человеческая речь. Даже удивительно — что значит, совсем непонятно, что это речь, а не просто звуки какие-то, понятно.

Лямбда. Потому что членораздельная, мы говорили — их просто звуки, а какой-то порядок среди них, и отдельные слова.

Бета. И складно звучит, ласково. Это стишок или песенка, не просто разговор.

Учитель. Это колыбельная песенка, очень старая. Но продолжай, Каппа, я тебя перебил, просто хотел, чтобы вы услышали, как звучит нерусская речь.

Каппа. Бета обратил внимание на то, что эти слова, в которых звуки подходящие — мыск, гром, мырех, — это все какие-то особенные слова. Они говорят о звуках. И даже те, которые привел Альфа — барабан, колокольчик — они тоже связаны со звуком. Конечно, такие слова могут быть похожи на то, о чем они говорят. Хотя вот это слово, гром по-английски — оно звуками совсем не похоже на гром.

Не может же быть, что англичане слышат другой гром? Но вообще слова, которые о звуках, они могут быть похожи. Ведь слово — это звук. А звук может быть похож на другой звук. Но он не может быть похож на цвет, например. Или на размер. Что вы скажете про слово *темная*, или *мороз*, или *собака*? Разве эти слова своими звуками как-нибудь похожи на то, что они называют? Вот мой маленький брат называет собаку лая, это как вы говорите, по звуку, как лает собака. А мы-то не так называем.

Учитель. Каппа говорит о том, что слова, которые называют звуки или звучащие предметы, действительно, своими звуками подражают звукам, которые они называют, или тем звукам, которые издают предметы, которые называются этими словами. Это так и называется — *миметизм*. Но вот как быть со словами, которые привел Каппа? Можно ли звуком подражать тому, что молчит, не издает звуков?¹⁴

Эта. Можно. Вот, например, слово *легкое* — оно легкое. Само слово легкое. Таким словом нельзя назвать тяжелую вещь. Вы послушайте, как оно звучит — *легко звучит*. А слово *груз* — оно тяжелое. Хотя он не издает звуков, груз, мы его не слышим, а звуки мы не поднимаем, все равно они похожи друг на друга. И тяжесть — она тяжелая. Слово само тяжелое, оно *тя-а-а-а-а-а-а*.

Бета. Ты, Эта, про наш «блуждающий» говорил, что оно подходит к маленькой веселенькой собачке. Ты думаешь, потому, что оно маленькое и веселое — само слово?

Эта. Да, мне кажется, что оно само маленькое и веселое.

Дельта. Оно звучит так — маленькое и веселое.

Бета. Что же, бывают звуки не только тихие и громкие, длинные и короткие, звонкие и глухие, но и большие, маленькие, веселые, легкие?

¹⁴ См. продолжение этой темы на уровне 11. Ср. прим. 126, 128.

¹ О «миметизме» звучания слова *легкий* говорили первокурсники на уроке Е. Г. Ушаковой (гимназия «Универс», г. Красноярск), объясняя этим то обстоятельство, что *легкие* тела плавают, а *тяжелые* тонут. См.: Ушакова Е. Г. Из дневника учительницы // Народное образование. 1991, № 2. Эта, провозгласив это слово, сильно подпрыгивает и приподнимается на цыпочках.

Урок 3

Гамма. Конечно, бывают. И не только в словах. Разве ты не слышал веселой или грустной музыки?

Учитель. Бывает, конечно, веселая и грустная музыка. Но мы сейчас говорим о звуках речи. Ведь в словах особые звуки.

Дельта. И они бывают легкие, веселые или грустные, горячие и холодные, большие и маленькие. Мне так кажется. Например, звук «Б» большой, а «Л» маленький. И вот Эта говорил, что легкие — легкие слово, а тяжелое — тяжелое — там такие звуки: х — легкий, ж — тяжелый.

Эта. «Ж» и «Х» — неприятные звуки, какие-то шершавые, а «лю», «ми» — хорошие, веселые, ласковые¹⁶.

¹⁶ Оны М., 1-й класс.

¹⁶ Самостоятельную значимость звуков речи отмечали многие философы и лингвисты, начиная с Платона. Приведу замечание М. В. Ломоносова о значимости русских звуков из «Краткого руководства к красноречию»: «В российском языке, как кажется, частое повторение писемени а способствовать может к изображению величественна, великого пространства, глубины и вышнему, также и вышнему страсти; умощение писемени е, и, ѣ, ю — к изображению нежности, ласкательства, приятных или малых вещей, чрез я показатъ можно приятность, увеселение, нежность и сладость; чрез о, у, ы — страшные и сильные вещи: гнев, зависть, боязнь и печаль. ... Из согласных писемени твердые к, п, т и мягкие б, г, д имеют произношение тупое, и вот в них ни сладости, ни силы, ежели другие согласные в нем не припрожаны, и потому могут только служить в том, чтобы изобразить живое действие тупое, немые и глухой звук имеющие, каков есть стук строющихся городов и домов, от конского томоту и от крику некоторых животных. Твердые с, ф, х, ц, ч, ш и плавные р имеют произношение звонкое и стремительное, для того могут способствовать к лучшему представлению вещей и действий сильных, великих, громких, страшных и величественных. Мягкие ж, з и плавные в, л, м, н имеют произношение нежное и потому пристойны к изображению нежных и мягких вещей и действий, равно как и беззвучные письма ь оточенным согласным в середине и на конце речений». § 172–173.

Э. Соссюр называл это явление звуковым символизмом. «В собственно языковом плане звуки не имеют значения, однако, заботясь проанализировать их психофизику, мы, вероятно, обнаружим, что между реальным значением слов и бесчисленной символической значимостью звуков, как они реально произносятся индивидами, существует тонкая, зыбкая и мимолетная, связь» (Соссюр Э. Избранные труды по лингвистике и культурологии. М., 1993. С. 294). А. П. Журавлевски экспериментально исследовано явление фонетической значимости, основанное на синтезе — звуки речи у носителей определенного языка вызывают впечатление чего-то маленького и большого, теплого и холодного, веселого и грустного и т. п. См. Журавлев А. П. Звук и смысл. М., 1981. С этим явлением часто связана мотивировка значения слова.

Лямбда. Я согласен с Этой — звуки бывают веселые, маленькие, шершавые. И *блямбик* звучит весело, наверное, потому, что в нем звуки веселые. А вот то, что оно подходит маленькой собачке, это, мне кажется, потому, что в нем конец такой — *-ик*.

Учитель. Этот конец звучит «маленько»?

Лямбда. Он не то чтобы звучит «маленько». Он всегда в словах, которые называют маленькие вещи: ключик, палец, домик, котик. Он, скорее, значит что-то маленькое. Если бы мы сказали *блямбиче*, то это уже было бы что-то большое, как домище, котище¹⁵.

Бета. Лямбда, ты уже говорил что-то похожее на уроках о числе. Ты сказал, что число так называется, потому что им считают. Поэтому в слове число есть *-лю*, как в словах шило, мыло, крыло — все эти слова называют вещи, которыми что-то делают — моют, роют, числят¹⁶. Помнишь?

Лямбда. Помню, конечно. Но, по-моему, это не потому, что сами звуки маленькие. Впрочем, я согласен, что бывают и маленькие звуки, и веселые. И некоторые слова, наверное, называют что-то маленькое, потому что в них сами звуки маленькие или что-то веселое, потому что они звучат весело.

Эта. Даже не только подходят к тем вещам, которые они называют, а прямо сами показывают эти вещи. Вот, например, скороговорка: *Он шлоном копын пыль по полю лешин*. Мы прямо слышим в самом звуке, как копыта топочут, как пыль летит — не потому, что называется это, об этом говорится, а прямо это и есть в слове¹⁷.

¹⁵ Оли Бюффа, 2-й класс.

¹⁶ Лямбда обращает внимание на значимость отдельных морф, в данном случае уменьшительного суффикса *-ик* и увеличительного *-ич*. См. урок 12.

¹⁷ См. Берланд Н. Е. Загадки числа. М., 1996, С. 21–22.

¹⁸ Явление, о котором говорит Эта, считается особенностью поэтической речи. М. В. Панов, напр., пишет: «Поэзия умеет превращать звуки в самостоятельные смысловые единицы. Обозначающее становится вместе с тем и обозначаемым». Приведу примеры такого превращения (см. некоторые из них в списке 30), он

Урок 3

Лямбда. Действительно, эта скороговорка звучит так, как будто в самих словах и топот, и пыль — а не просто они называют это.

Эта. И знаете почему, по-моему? Не только потому, что мы слышим в самих словах топот. Вот когда мы говорим эту скороговорку, как будто во рту все топает.

Учитель. Попробуйте произнести ее про себя, беззвучно. Чувствуете, как язык будто топает во рту?

Бета. Так, может быть, поэтому еще слова подходят к вещам? Не потому, что они звучат похоже, так же, как вещи, например, как *гром* или *барабан*. А потому еще, что они *выговариваются* похоже?

Лямбда. Ты, Бета, хочешь сказать, что звуки могут быть веселые, легкие или трудные не потому, что они так звучат, а потому, что они так *говарятся*?

Альфа. Не потому, что мы их так слышим, а потому, что мы их так *выговариваем*?

Бета. Ну да, что-то вроде этого. Звук легкий, потому что его легко выговорить, веселый, потому что его весело произносить. Ну и так далее. Но это я сейчас только придумал, когда Дельта говорил свою скороговорку, а потом мы ее произносили про себя. Она действительно так устроена, что когда ее произносишь, как будто все топает — не только когда слышишь ее, слышно топот, но и когда произносишь, как бы чувствуешь топот.

замечает: «Видеть в звуке нечто непосредственно смысловое — privilege поэтов (и их читателей)» (см. Ланов, указ. соч. С. 237–240). Э. Селлар, описывая явление «звукового символизма», замечает: «По-своему, интуитивно, это знают поэты. Но то, что поэты, используя художественные средства, делают вполне осознанно, бесспорательно делается и нами, причем если и со скудными средствами, то зато с широчайшим размахом» (Селлар Э. С. 324). Далее приводятся примеры некоторых тенденций произношения в экспрессивной речи (см. также: Селлар Э. Об одном исследовании в области фонетического символизма. (Там же. С. 322). Поэзия, видимо, просто доводит до предела свойства, присущие всякой речи, в том числе и бытовой, разговорной — см. примеры фонетической мотивированности, связанные со звукоподражанием, синестезией и (далее) с артикуляционной и мимической канстезией. В поэзии, в фольклоре, в экспрессивных формах бытовой речи это свойство особенно оцутливо.

Эта. Может быть, мы когда говорим, то во рту, в горле, где появляются слова, все работает, движется по-разному. Ведь во рту делаются слова¹⁹.

Альфа. Например, когда мы говорим «р», язык дрожит во рту. Слово «дражани» поэтому подходит к тому, что оно значит. Когда мы произносим «От милого котика», язык топает²⁰.

¹⁹ Катя Кошечко, 1-й класс.

²⁰ Ср. например А. Белого: поэт «ушел к себе в рот подсмотреть мироздание речи» и рассказывает «дикую историю жука» (Глоссолалия, 18).

²¹ В этих примерах уже не звукоподражание и не звуковая символика, а сам характер артикуляции мотивирует значимость звучания речи. Ср. примеры изобразительности артикуляции, которые приводит Пайков: «Со асет языком мого (В асетуе наметались) / Ямо кин уснос, куды ямо мого». (И. А. Крылов). «В последнем стихе... красота состоит в искусном соединении одностопных слов, которые свою гармоничную представляют скачку и прыгание», – писал В. А. Жуковский. А. Е. Мамайлов добавляет: «Бысть или река? художника изобразил язычок свисающий только выпрыгнуть либо уже выпрыгнувшим; но здесь, в стихах, они прыгают одна после другой...»

«Так же выразительна артикуляция пушкинских строк: И дробный монотон звенит / Перед паромом каюка. Сам язык во рту тыщует токая» (Пайков, указ. соч., с. 238–239).

Эта сторона слова «делается во рту», как сказала Эта. При восприятии такого рода выразительность (поэтическая) речи воспринимается не только слухом, но кинестетически – когда слушающий «про себя» претворяет слышимое – на это обратит внимание наш Альфа. Ср., напр., замечание М. Ветродного о стихах Пастернака: «Стихи обычно подразделяют на те, что предназначены для зрительного восприятия, и те, что обращены к слуху. Поэзия (а часто и проза) Пастернака вынуждены к произнесению; она переживается не глазами и не ушами, а губами, губами, языком, гортанью, диафрагмой, т. е. звуко- и голо-сообразующими, а также дыхательными органами. <...> Речь, рассчитанная на артикуляционное переживание...» (Ветродный М. Концы цитаты. СПб., 1996. С. 147.)

Г. Шенгели специально проанализировал это явление как прием поэтической речи, называя его «кинестической инструментальной», т. е. «таким подбором звуков, при котором само движение произносительного аппарата воспроизводит изображаемое явление» (Шенгели Г. Техника стиха. М., 1960. С. 266. Цит. по: Ветродный М. Концы цитаты. СПб., 1996. С. 146.)

Выразительный может быть не только артикуляция, но и мимика, сопровождающая артикуляцию. Пайков приводит следующий пример, проанализированный Ф. Ф. Зелениным: «Как тылишу се по горлу ножом, – говорит у Достоевского каторжанин. Есть ли сходство между артикуляционным движением слова «нылсую» и движением свисающего по человеческому телу и артезианского в него ножа? Нет, но зато это артикуляционное движение как нельзя лучше

Урок 3

Эта. Когда мы произносим «б», «п», мы делаем резкие, сильные движения, как бы толкаем что-то. Вот есть скороговорка: *Бня, бня, тупогуб, тупогубенький бычок...* Дальше не помню. Так вот когда мы ее произносим, мы делаем сильные, толкательные движения, и это похоже на бычка — он сильный, тяжелый и немного туповатый.

Гамма. И быть похоже произнесится на то, как бышь.

Учитель. То есть мы, когда говорим, можем подражать не только звукам, но и тому, что мы не слышим, а как-то по-другому чувствуем — например, силе, тяжести. Каппа говорил, что словом, звуком мы можем подражать только звуку, а как, спрашивал он, могут быть правильные названия у вещей, которые молчат. Теперь мы, кажется, поняли, что мы самим говорением подражаем некоторым свойствам того, о чем говорим, — не только звуку, но и какому-то беззвучному действию — дрожанию, например.

Альфа. Значит, мы можем чувствовать звуки не только на слух, но и когда мы их молча, про себя проговариваем — беззвучно?

Учитель. Да.

Бета. Есть глухие люди, которые не слышат, но могут говорить. Они, наверное, тоже чувствуют звуки, но не слухом, а когда их выговаривают — через свое собственное движение.

Учитель. Да, я думаю, что это так. Может быть, они эту сторону звука чувствуют даже острее, чем мы. Они ведь говорить учатся не на слух, как мы с вами, а должны специально учиться выполнять определенные движения.

соответствует тому положению лицевых мускулов, которое инстинктивно вызывается особым чувством нервной боли, испытываемой нами при представлении о сжимании не кожи (а не вожжаем в теле) кожи: губы судорожно вытягиваются, горло щемит, губы стиснуты, только и есть возможность произнести главный [ж] и языковые согласные [п, в, с.], причем в выборе именно их, а не громких [д, р, з] скакался и некоторый звукоподражательный элемент». (Там же, С. 238.)

Эта. Я думаю, что даже не только для глухих, а вообще выговаривание главное. Ведь раньше чем звук появится, который можно услышать, во рту все происходит — воздух движется, язык⁴¹.

Дельта. Но ведь еще раньше, чем что-то происходит во рту, смысл. Ведь ты что-то хочешь сказать, потом выговариваешь. Я не согласен с Этой. Сначала возникают мысли в голове, а потом звуки во рту⁴². Чтобы понять смысл слова, надо знать, зачем оно сказано, что хочет сделать. Одним словом просишь что-то, другим отвечаешь.

Лямбда. Это еще неизвестно. Бывает наоборот — чтобы понять, что ты хочешь сделать, надо сказать.

Бета. Я согласен. Иногда пока не выразишь, не поймешь, что хочешь сказать. Лямбда уже об этом говорил, помните?⁴³

Звонок

⁴¹ Катя Кошечко, 1-й класс.

⁴² Ср.: «Прежде всяческими звуков в замкнутой сфере своей, как танцовщица, прыгал язык; все его положения, перетяжки, прикосновения к небу и шире к воздушной струе (выдыхаемым внутренним жаром) сложили во времени звучные знаки *смыслоты*, *смыслы*: оплотнели согласными; и — отождели массами из *взрывных* глухих (р, л, к) и *звучащих* (ф, д, г)». (А. Бетий. Писемолания. 3). Ср. предпоследнее замечание Эты на уроке 46.

⁴³ Артем, 1-й класс.

⁴⁴ Урок 1.

Урок 4

Звук — зародыш слова. Звуковой символизм.
Хлебников «Слово об Эль». Есть ли первые, главные
слова? Слова производные и непроизводные

Гамма. Я после прошлого урока долго думал о том, что мы обсуждали.

Учитель. Расскажи нам, что же ты думал.

Гамма. Вот что. Мне кажется, что каждый звук — это не только часть слова, но как бы сразу много слов. В одном звуке — сразу много слов.

Альфа. Что это ты такое говоришь, Гамма? Всем ясно, что, наоборот, в словах несколько звуков. Слова состоят из звуков. Мы с самого начала выяснили, что слова состоят из особенных звуков, звуков речи.

Бета. Ну конечно. И на прошлом уроке мы говорили, что слово, например, подходит для того, чтобы называть маленькую вещь, или веселую, или тяжелую, потому, что в нем, в слове — такие звуки — маленькие, веселые и так далее. В каждом слове — несколько звуков. Ты что-то странное говоришь, Гамма.

Каша. Действительно, непонятно, как это — в одном звуке сразу много слов?

Учитель. Дайте же Гамме пояснить, что он хочет сказать. Не набрасывайтесь на него сразу. Я пока тоже не понял, что он имеет в виду, но давайте его послушаем и попробуем понять.

Бета. Слушаем тебя, Гамма.

Гамма. Мне кажется, что звук — это как бы зародыш слова, вернее, многих разных слов. В которых, в этих словах, мы все правильно говорите, есть этот звук. Но и в звуке есть слова. Они из него вырастают. Как в семечке — ведь в нем как-то уже есть цветок.

Бета. Непонятно.

Учитель. Может быть, Гамма, ты попробуешь на примере пояснить, что ты хочешь сказать?

Гамма. Попробую. Вот, например, мы говорим: Б. Эта сказал на прошлом уроке, в самом конце, что когда мы этот звук произносим, то мы делаем сильные движения. Тупые, он еще, кажется, сказал. И поэтому, говорил он, слова, в которых есть этот звук, подходит к бычку. А я говорю, что в этом звуке уже есть разные слова, такие как *быть*, *вык*, *брат* — они все значат что-то большое, сильное. Звук Л — в нем есть слова *лечь*, *легкий*, *лешить* — они все значат что-то легкое, быстрое и, пожалуй, маленькое. Каждый звук — в нем *есть* разные слова, но чем-то похожие.

Бета. Гамма, ты и про числа говорил, что они все есть в единице. Мы все считали, что в каждом числе есть несколько единиц, а ты говорил, что, наоборот, в единице — все числа¹⁰. Теперь ты говоришь, что в одном звуке — много слов.

Гамма. Ну да, с числами то же самое.

Дельта. Я, кажется, начинаю тебя понимать, Гамма. В звуке как бы сразу есть все слова с таким звуком, и он, этот звук, их определяет. Ты приводил примеры со звуками Л и Б. Я могу привести еще пример. Например, звук Р — он в словах *равно*, *дрожать*, *реветь*, *рысь*, *рельсы*. Или, как ты говоришь, в нем уже есть эти слова. И они, все эти слова, которые там есть, чем-то между собой похожи.

¹⁰ См. Загадки числа, с. 37, 63, 182.

Урок 4

Эта. Звук Р — страшный звук. Рок, срок'.

Гамма. Ш — в нем слова шершавые и теплые: шерсть, шуба, шалка, шорох.

Бета. Разве шорох шершавый и теплый?

Гамма. Мне кажется, да.

Дельта. М — маленький звук, в нем маленькие слова: малыш, мелочь, миссиса, муха.

Бета. Альфа объяснял, почему так со звуком Р — потому что мы так произносим этот звук, язык дрожит, когда мы его выговариваем.

Альфа. Все равно непонятно, как это в одном звуке есть много слов. Понятно, что какой-то звук может быть страшным или веселым — может быть, потому, что мы его так выговариваем, может, на слух он такой или еще почему-нибудь. И слова, в которых есть этот звук, поэтому страшные или веселые. А то, что сказал Гамма — непонятно.

Учитель. Гамма сказал, что в звуке есть слова, как в семечке — цветок, то есть звук — как бы семечко, зародыш слова¹¹.

¹¹ Ана Медведова, Лена Байдалова, 1-й класс, гимназия «Универс», Красноярск.

¹² Ср. реплики Гаммы с высказываниями Велемпра Хлебникова: «Словотворчество учит, что все разнообразие слова исходит от основных звуков азбуки, напоминающих семена слова. Из этих исходных точек строится слово, и новый сеяльщик может просто палящими ладонь 28 звуками азбуки, зернами языка». (Наша осязая // Творения. С. 624). (Вурсия мой. — Н. В.) Ср. также примеры Хлебникова с примерами Гаммы и Дельты: «Если собрать все слова с первым звуком Ч (чанья, череп, чан, чулок и т. д.), то все остальные звуки друг друга уничтожат, и то общее значение, какое есть у этих слов, и будет значением Ч. Сравнимая эти слова на Ч, мы видим, что все они имеют одно тело в оболочке другого Ч — имеют оболочку. <...> Слова на Л: лодка, лыжи, лапы, лапоть, лапа, лист, лопух, лопасть, лепесток, лапы, лямка, искусство лета, луг, лог, локанка, проливать, лить... Вальсом плава на лодке: его вес распределяется на широкую поверхность лодки. Точка приложения силы разливается на широкую площадь, и тяжесть делается тем слабее, чем шире эта площадь. Плавец делается легким. Поэтому Л можно определить как уменьшающие силы в каждой данной точке, вызванное ростом поля ее приложения. <...> Итак, каждый согласный звук скрывает за собой некоторый образ и есть имя. (Там же. С. 628–629.) «М — деление некоторого объема на неопределенно большое

Лямбда. Может быть, когда мы говорим Б, мы как бы вспоминаем про себя, имеем в виду слова *быть, бранить* и так далее. Их еще нет, но звук на них намекает, на то, что они могут быть. Как из семечка, из зерна можем вырасти что-то.

Учитель. Поэт Велемир Хлебников считал, что звук — это зародыш слова. Словом управляет первый его звук, он приказывает всем остальным. Если мы соберем слова, начинающиеся с одного и того же звука, и посмотрим, что в них общее, то мы узнаем значение этого звука¹⁶. Хлебников описал значение разных звуков, а об одном из них — об Л — есть даже стихотворение. Оно так и называется — Слово о Эль. Я прочту вам из него несколько отрывков.

... Когда волна лепест чели / И носит вошу человека, / Мы говорили — это лодка. / Когда широкое копыто / В болотной топи держит лося, / Мы говорили — это лапа. / И про широкие рога / Мы говорили — лось и лань /... / Когда цветов широкий лист / Облавою ловит лет луча, / мы говорим — протяжный лист. / Когда умножены листья, / Мы говорили — это лес /... / Когда лежу я на лежанке, / На ложе лога на лугу, / Я сам из тела сделал лодку, / И лень на тело упадет. / Ленивец, лодыр или лодка, кто и? / И здесь и там пролита лень /... / Где лужей пролилися пальцы, / Мы говорили — то ладонь. / Когда мы легки, мы летим /... / Эль — это легкие Лели, / Точек возвышенный пивень, / Эль — это луч вессовой, / Воткнутый в площадь ладья. / Нить ливня и лужа. / Эль — путь точки с высоты, / Остановленный широкой / Плоскостью...

Бета. Как это стихотворение называется? Слово о Эль?

Учитель. Да, «Слово о Эль».

Бета. Все целое большое стихотворение, в котором много разных слов, называется — Слово. Как будто там одно слово. Как Дельта нам

число частей, равных ему в целом. М — это отношение целого предела строки к ее членам. Мука, мочка, мина, мяткий. Мышь, мочка. <...> W — сложение и уменьшение числа поверхностей при сдвигании их площади. Сова — поверхностей в одну. Также наибольший объем в наименьшей и наиболее гладкой поверхности. Шить, ширь, шут, шар. Шумный — безрогий. Шорох, шум, шамкать» (Хлебников. Собрание произведений. Т. 5. Л. 1933. С. 207). (Перечень. Алфавит ума).

¹⁶ См. Наша основа. Хлебников здесь, как ни странно, на стороне Каппи — чтобы понять значение звука, надо не слушать сам этот звук, не смотреть, как он выговаривается, а посмотреть, как принято этот звук употреблять — в каких словах.

Урок 4

говорил про поговорку — что это одно слово, потому что она цельная, складная, один смысл...⁴⁶

Лямбда. Здесь смысл в том, что там где Л — там все льется, летит...

Альфа. Здесь много звуков Л. Может быть, действительно этот звук такой — легкий и летучий?

Дельта. А Р — страшный и реущий? А Б — большой и бьющий?

Гамма. А Ш — шершавый, М — маленький?

Лямбда. Смотрите, что я заметил: когда вы сейчас описывали звуки, вы говорили слова, в которых эти звуки обязательно есть: в словах *большой, бьющий* — есть Б, в словах *шершавый, реущий* — есть Р, в словах *легкий, летучий* — Л. Это ведь не случайно, не просто так.

Альфа. Да, кажется, что не случайно. Только вот интересно, это потому, что звуки эти так звучат, мы слышим их легкими, быстрыми и так далее, или потому что они так произносятся, выговаривались — легко, быстро или резко.

Бета. Это так трудно различить. Это же сразу, вместе. Ведь когда мы говорим, мы одновременно и слышим, а когда слышим, то как бы про себя говорим.

Альфа. Интересно, глухие люди, которые не слышат, но говорят, а чужую речь читают по губам, — им звуки тоже кажутся мягкими, легким, страшными?

Учитель. Мне об этом ничего не известно. Действительно, интересно — если им звуки тоже кажутся мягкими или страшными, то, видимо, именно за счет произношения⁴⁷.

Бета. Вот послушайте: слова *быть, жить, рыть, мить, выть* — они отличаются только первым звуком. И кажется, что этот первый звук у них правильный, что он подходит к тому, что значит каждое слово. *Жить* действительно звучит более мягко, чем *рыть*. Я теперь думаю, что не потому нам так кажется, что мы просто привыкли к этим сло-

⁴⁶ См. урок 1 и прим. 10.

⁴⁷ См. урок 3, прим. 40.

нам, как Каппа говорил, а что действительно звуки *подходят* к тому, что слова называют. Только вот непонятно, чем именно подходят — тем, как они звучат, или тем, как мы их выговариваем.

Учитель. Каппа, ты как думаешь?

Каппа. Я думаю вот что. Во-первых, мы все произносим звуки по-разному. Вот Альфа так произносит звук Р, что он действительно кажется страшным. А другой произносит по-другому. Слово все равно значит то же самое для всех, независимо от того, как мы его говорим и слышим.

Учитель. А что такое слово независимо от того, как его говорят и слышат?

Каппа. Например, написанное слово — оно для всех значит одно и то же. Оно общее¹².

Лямбда. Но, Каппа, ведь слово — то, что мы говорим, слышим, понимаем. А пишем мы слова, которые уже *есть* и уже *что-то значат*, мы их просто записываем. Вот Бета говорил, что слов столько, сколько написано, помнишь, когда мы выясняли, как выделить отдельное слово. Но Эта ему объяснял, что слова *есть* до всякого письма¹³. Кажется, мы все согласились.

Эта. Кроме того, Каппа, когда мы читаем написанные слова, мы все равно помним, как они звучат, и даже про себя проговариваем.

Каппа. Ты, Эта, вообще считаешь, что слова *делаются во рту*. Я так не считаю. Мы *ртом* произносим то, что уже *есть*. Слова, по моему, что-то значат независимо от того, как мы их произносим.

¹² В. Хлебников также полагал, что письменный язык (подобный иероглифическому) может быть общим для всех народов, при различии устных («Нечто — начертательные знаки — помирят разногласия языков»), и предлагал основу такой алфавит «начертательных знаков». (См.: Художники мира! // Хлебников В. Творения. М., 1986. С. 619–623). Каппа на 6-м уроке отказывается от высказанного здесь предположения о том, что «общее» в языке связано именно с письменным словом (в противоположность устному), однако на 35–36-м уроках, в связи с обсуждением проблемы звукового и графического (буквенного) состава слова и возникающих здесь трудностей и несоответствий, Каппа с Альфой вновь предлагают ориентироваться на буквы для определения звукового состава слова. См. урок 46, прим. 442.

¹³ См. урок 1, прим. 17–18.

Урок 4

Учитель. Каппа, ты сказал: «во-первых». Значит, у тебя есть еще какое-то возражение?

Каппа. Да, есть. Даже два. Когда Гамма и Дельта приводили свои примеры, в которых, и правда, вроде бы не случайно такие звуки, а не другие, то это казалось убедительным. Но потом я подумал: ведь есть другие слова с теми же звуками, которые никак не подходят. Например, М, говорит Дельта, маленький. И приводит слова *мышка*, *муха*, *малыш*. И само слово *маленький* мог бы привести. А как быть со словами *мамонт*, *море*, *мама*, *Марс*? Ведь эти слова значат большие вещи. Или вот, например, Л, говорите вы, легкий, летучий. И приводите слова *лишь*, *лететь*, *лист*. А слова *лось*, *лоскутца*, *лодка* — что в них легкого и летучего?

Дельта. Лодка *летит* по воде, *летит* легко, быстро. А вода — *лется*.

Каппа. Да, это все было в стихотворении. И даже, кажется, лось был. Но это уж совсем неубедительно. Я считаю, что на каждый звук можно подобрать специально такие слова, чтобы он казался маленьким, или страшным, или добрым, или теплым.

Дельта. Я не подбирал специально, сказал, что в голову пришло.

Каппа. Конечно, ни ты, ни Гамма не подбирали специально. Но раз вы так считаете, что смысл слова определяется звуками, то вам и приходят в голову такие слова. А я могу привести другие.

Дельта. А ты свои слова специально искал, или они тебе сами пришли в голову?

Каппа. Специально искал. И должен признаться, что некоторые нашел с трудом. Ну и что? Не хочешь ли ты сказать, что эти слова менее правильные, чем те, которые тебе сами пришли в голову?

Дельта. Не знаю. Честно говоря, мне кажется, что некоторые слова более главные, что ли. Они самые простые. И я думаю, что в них звуки важнее, чем в других. И они первые приходят в голову, когда думаешь, что такое слова²⁰.

²⁰ В платоновской «Кратиле» Сократ говорит об именах, «которые... выступают в качестве первоимен (ἀρχήματα), из которых состоит другие имена и слова» (422a). См. сл. прим.

Каппа. Как это может быть, что одни слова главнее других?

Лямбда. Мне кажется, что Дельта прав. Вот, например, слова *бык* и *бычок*. Слово *бык* более главное, чем *бычок*. Бычок потому так называется, что это маленький бык. А *бык* — непонятно почему, может быть, и правда, потому что в нем звуки такие...¹⁰

Каппа. Дельта, вы с Гаммой говорили про числа, что есть главные, более числовые числа, а большинство числа ты вообще отказывался считать такими же числами¹¹. Я этого не понимаю. Всякое число — число, оно не может быть больше или меньше числом. А если что-то, например зверь, не число, то оно не число, и все. Не может быть более числового и менее числового числа¹². И со словом так же¹³.

¹⁰ Ср. в классическом учебнике: «...объяснить непронизывные, взятые в прямом значении слова, говоря: мы не знаем, почему «нос» называется носом, «стопа» — стопом, «кот» — котом и т. п.

Но слова, производные от простых, уже объяснимы через эти непронизывные: носик через нос, столтик через стол, котик через кот и т. п., равно как и слова с переносным значением объяснимы через слова прямого значения: так, нос у людей объясняется через сходство по форме и положению с носом человека или животного, стол — «пища» — через смежность в пространстве со столом — «мебелью» и т. п. Таким образом, слова производные и с переносными значениями мотивированы и объяснимы в современном языке через слова непронизывные и прямого значения. Слова же непронизывные и прямого значения немотивированы и необъяснимы, исходя из современного языка» (Реформанский А. А. Введение в лингвистику. М., 1996. С. 31–32).

Лямбда и Дельта предполагают, что непронизывные слова мотивированы своим звучанием. Это признается многими теоретиками языка, по крайней мере, для некоторых — звукообразовательных слов, но современные лингвисты считают, что это периферийное для теории языка явление. См. урок 11, прим. 126, 128.

¹¹ Загадки числа, уроки 3, 4.

¹² Поняи Филиппов, 3-й класс.

¹³ Современная теория прототипов полагает, что категории обычного мышления представляют из себя сложное устроенную неоднородную область с центром и периферией. Члены категории асимметричны. В центре находятся такие представители данной категории, которые являются «высказанными ее образцами» — прототипы. На периферии расположены такие представители данного класса, которые относятся к нему, но как бы в меньшей степени. Так, например, воробей — лучший пример птицы, чем пингвин, «в большей степени» птица, а пингвин хотя и птица, но меньше, чем воробей. Более числовые и менее числовые числа занимают разное место в категории числа. Периферийные члены категории связаны с прототипами различными гибкими и податливыми связями.

Урок 4

Дельта. А ты специально придумывал какие-то странные числа, которые никто, кроме тебя, не признавал числами, специально, чтобы все запутать¹⁴. И сейчас то же самое.

Каппа. Во-первых, не чтобы запутать, а наоборот, чтобы понять. А во-вторых, сейчас-то я привожу не такие слова, про которые еще неясно, слова они или нет. Ну, чем, например, *мама* или *море* менее главные слова, чем *мысл* или *муха*? Я понимаю, если бы я привел в пример слово какое-нибудь редкое или не всем понятное.

Учитель. Каппа, у тебя, кажется, еще есть возражение.

Каппа. Скорее вопрос. В слове много звуков. Что, если они разные? Поэт Хлебников считал, что все определяется первым звуком. Но вот уже в тех словах, которые вы приводили, это не всегда так. Например, слова *срок*, *смышливый*, *дрожать* — они, говорит Лямбда, определяются звуком *Р*, но ведь он там не первый¹⁵.

(См., напр.: *Rosch Eleanor* 1973. *Natural categories. Cognitive Psychology* 4:318-50; *Дж. Лаксфрф*. Женщины, огонь и опасные вещи. М., 2004.) Дельта и Каппа имеют в виду, по-видимому, что-то в этом роде, выделяя производные имена существительные и небольшие натуральные числа в качестве прототипических представителей категорий соответственно слово и число. Такой подход противопоставляется классическому (идущему от Аристотеля) подходу, при котором отдельная вещь или принадлежит, или не принадлежит определенной категории; неуместно говорить о большей или меньшей, лучшей или худшей принадлежности. На этом подходе настаивает Каппа.

К такому подходу (связанному с теорией прототипов) прибегают и сами лингвисты. Так, говоря о семантике частей речи, в качестве прототипических имен существительных выделяются имена, обозначающие предмет, в качестве прототипических глаголов — обозначающие действие (например, *лечь* — в большей степени — имя существительное, чем *бессонница*). Грамматическая категория имени существительного, полагает, например, Кудрякова, устроена прототипически, а не как классическая (аристотелевская) категория (См.: *Кудрякова Е. С.* Язык и знание. М., 2004. С. 211–231) — см. прим. 104, 118. Можно предположить, что прототипически устроена и категория гласного и согласного звуков — см. прим. 332.

¹⁴ Загадка числа, урок 46.

¹⁵ Экспериментальные исследования показывают, что звуки в слове с обсуждаемой точки зрения неравноправны. Так, например, первый звук гораздо (в используемой Журавлевым формуле в 4 раза) заметнее остальных звуков. Ударный гласный звук тоже заметнее безударного (в 2 раза). Частотность звука также влияет на его вес в слове (малочастотные звуки, такие, как *х*, *ф*, *ц*, гораздо заметнее,

Учитель. Что ж, вопросы и возражения Каппы серьезные. Подумаем над ними дома.

Звонок

«всего» часто встречающихся в речи звуков а, н, д, поэтому к звукам применяется соответствующий коэффициент (См. о всех разных звуках Журавлев А. П. Указ. соч., с. 37–43). Можно предположить, что равной информативностью обладают гласные и согласные звуки, что на вес звука (согласного) влияет также его положение между гласными или согласными, перед ударным гласным, перед слогоразделом и т. д.

Урок 5

Каппа против Эты, Гаммы и В. Хлебникова:
настоящее слово — написанное слово, и не важно,
какие в нём звуки.

Какие звуки заметнее? Слоги, Звуки гласные
и согласные, Звуки и буквы

Учитель. Итак, Каппа сформулировал несколько вопросов-возражений, которые мы сейчас обсудим. Каппа, напomini их, пожалуйста.

Каппа. Их три. Во-первых, когда вы говорите, что сами звуки что-то значат — что-то легкое, теплое, маленькое — и уже поэтому что-то значат слова, в которых есть такие звуки, то, по-моему, это все зависит от того, кто как говорит и слышит. А я думаю, что слово должно что-то значить для всех, независимо от того, как его выговаривать. Примеры, которые приводили Дельта и Гамма, — с ними кто-то согласится, кто-то — нет. Можно привести другие примеры на те же звуки, и будет казаться, что они значат другое. Я пробовал на прошлом уроке это сделать.

Во-вторых, слово, по-моему, что-то значит вообще независимо от произносимых звуков. Написанное слово — оно значит что-то, и

причем для всех одинаково. Это и есть *настоящее* слово. А как мы его говорим и слышим — это уже не так важно.

И в-третьих, если уж вы считаете, что слово определяется своими звуками, то надо определить, какими — первым звуком, последним, каким-нибудь другим. Может быть, самым громким. Может быть, всеми сразу.

Лямбда. Я слушал Каппины возражения, и мне они показались серьезными. Когда мы слышим стихи про Эль, то кажется убедительным и ясным, что звук Л сам по себе что-то значит и слова с ним не случайные. А когда мы начинаем думать об этом, рассуждать, приводить примеры, уже не в стихах, то начинаешь сомневаться¹⁶.

Эта. Для меня самый интересный вопрос Каппы — это последний. Я над ним долго думал. Мне кажется, что все звуки важны, но одни — больше, другие — меньше. Первый звук в слове самый главный, мы на него больше обращаем внимание. Потом, мне кажется, что есть звуки очень заметные, резкие, яркие — они бросаются в глаза, вернее, в уши, даже когда они не первые. Например, звук «Р» — он очень заметный. В словах *кром*, *корова*, *мыр* мы его сразу замечаем, слышим его яснее других звуков, хотя он и не первый.

Альфа. Потому что он так выговаривается — трудно, с напряжением.

Эта. Может быть, поэтому. Потом, в каждом слове есть одна часть, которая произносится сильнее других. Учитель объяснил, что это называется ударением. Эти звуки, которые произносятся сильно, с ударением, они тоже заметнее других и больше других определяют значение слова. Например, в словах *муки* и *мук* одинаковые звуки, но разное ударение, и в первом слове заметнее, важнее первая часть — *му*, а во втором — вторая — *ки*. Мы уже говорили об этом¹⁷.

Лямбда. Помните нашу считалку — *Эмми-Бемми ели вареники*? Там ударение всегда, во всех четырех словах, на одном и том же звуке — Э. И он, действительно, самый заметный.

¹⁶ Лямбда справедливо отмечает, что убедительность поэтической и прозаической речи разная и основана на различных особенностях речи.

¹⁷ См. урок 1.

Урок 5

Дельта. Разве на одном и том же? Там эти ударные кусочки разные: а, бе, е [йэ], ре.

Эта. Дельта, там есть общий кусочек. Вот послушай: а-а-а, бе-а-а, йэ-а-а. В первом слове эта ударная часть как бы голая, просто Э. А в других словах еще что-то добавляется — [б'э], [йэ], [р'э].

Гамма. Да, ведь если сказать Эники-Баники, было бы не так складно. Потому что а и бе — разные, не подходят. А э и бе — подходят, это [э] у них общее. Получается складно: Эники-Беники или пареники.

Эта. Вот эти-то звуки, которые добавляются, б, р', й — они и значат что-то. Они и бывают страшные, или легкие, или ласковые...

Учитель. Звуки, о которых говорит Дельта, называются *согласными* — звуки б, р', л', й. Они добавляются, как Дельта сказала, к другим звукам — *гласным* — таким, как а, э, о. Согласных звуков больше, чем гласных.

Альфа. Сколько?

Учитель. В разных языках и сами звуки разные, и число звуков разное. Звуки речи посчитать очень трудно — не только потому, что их много, а потому, что не всегда понятно — один это звук или два разных, очень похожих. Мы потом научимся делить звуки на слова, узнаем, чем они отличаются друг от друга, и поймем, почему так трудно определить их количество. Некоторые ученые считают, что в русском языке 6 гласных и 35 согласных звуков¹⁹.

Бета. Так много!

¹⁹ Речь, конечно, идет не о звуках, а о том, что принято называть *звуковыми* типами, или *фонемами*. Ср. у Шерба: «В живой речи проявляется значительно большее, чем мы это обыкновенно думаем, количество разнообразных звуков, которые в каждом данном языке объединяются в сравнительно небольшое число звуковых типов, способных дифференцировать слова и их формы, т. е. служить целям человеческого общения. Эти звуковые типы и имеются в виду, когда говорят об отдельных звуках речи. Мы будем их называть *фонемами*» (Шерба Л. В. Языковая система и речевая деятельность. С. 132). Количество фонем в русском языке также оценивается различно. Шерба называет 35 согласных и 6 гласных фонем. Панов — 35 согласных (но состав их другой) и 5 гласных. См. уроки 32–39.

Альфа. И они записываются буквами, я знаю. Когда мы видим букву, мы произносим звук. Так мы читаем. Когда мы хотим записать слово, мы вместо звука пишем определенную букву, свою для каждого звука. Так мы пишем. Потом кто-то может по буквам узнать, какое слово мы записали — превратить их опять в звуки.

Бета. Это похоже на то, как мы записываем числа. По записи можно узнать, какое число мы записали.

Альфа. Букв, значит, должно быть всего 41 — для гласных звуков и для согласных.

Учитель. Не совсем так. Иногда одна и та же буква в одном слове означает один звук, а в другом — другой. Для одного и того же звука иногда нужна одна буква, иногда другая. Иногда двумя буквами обозначается один звук, иногда наоборот.

Альфа. Странно. И, по-моему, неудобно. Гораздо лучше было бы, если бы каждый звук записывался определенной буквой, и наоборот — каждая буква бы читалась определенным звуком.

Бета. Числа ведь тоже так записываются — всего несколько цифр, и ими записываются все числа.

Каппа. Можно даже двумя цифрами записать все числа — 0 и 1.

Альфа. С числами ясно. Мы ведь так сначала и думали — что для каждого числа своя цифра. Но ясно, что так нельзя записывать — чисел слишком много. А звуков не так уж много, и вполне можно было бы записывать каждый звук своей буквой.

Учитель. Можно было бы. Есть языки, в которых письмо так или почти так устроено, как сказал Альфа — каждая буква обозначает определенный звук. Но в русском языке письмо устроено по-другому, и мы обязательно выясним как²⁰. Чтобы правильно писать и читать,

²⁰ В современных орфографиях в качестве принципов письма выделяются морфологический (фонематический) принцип, когда буквами одинаково обозначают позиционно чередующиеся звуки, при этом морфемы, независимо от их произношения, обозначаются одинаково (например, лес — и лесу, коза — коз), и фонетический принцип, при котором фонемы в слабых позициях обозначаются

Урок 5

нам придется довольно долго этим заниматься — но позже. А сейчас давайте вернемся к гласным и согласным звукам. Всем понятно, чем они различаются?

Эта. Гласные звуки сильнее и как-то громче.

Гамма. Их можно тянуть: а-а-а, о-о-о, э-э-э.

Дельта. Согласные тоже можно тянуть: с-с-с, м-м-м, ш-ш-ш.

Эта. Не все. Вот например б, к — нельзя тянуть. Попробуй.

Альфа. Гласные петь можно. А-а-а-а...

Дельта. Согласные звуки отдельно даже трудно произносить. Всегда хочется сказать: бо, ро, мо, а не просто б, р, м — согласный вместе с гласным.

Учитель. Правильно. Тот кусочек речи, который мы можем произносить отдельно, называется слогом. Он может состоять из гласного и согласного звука, гласного и нескольких согласных или только гласного.

Лямбда. Может быть, поэтому согласные и называются *согласными* — потому что они вместе с гласными, рядом с ними, соглашаются с ними. А гласные — сами по себе, самостоятельные звуки¹. Они могут сами образовывать слог, а согласные — не могут².

буквами на основе прямого соответствия буква-звук (белушный — белшувесный), при этом единство морфемы не сохраняется; Альфа сказал бы, что каждый звук обозначается своей буквой. Фонетический принцип в качестве ведущего применяется в современных орфографиях довольно редко (он лежит, например, в основе белорусской орфографии), однако онтологически считается первым, т. е. «отражает прямое соответствие звука и буквы, лежащее в основе алфавитного письма. Выделяет также традиционный принцип и принцип морфолого-графических аналогов. В русской орфографии применяются различные принципы письма, однако в качестве основного выделяется морфологический, или фонематический — см. уроки 37–38 и прим. к ним. О выделении отдельных звуков речь пойдет на уроках 29–30 и сл.

¹ Ома, 1-й класс.

² Словообразовательная функция считается отличительным признаком гласных. Это отличие, однако, не является абсолютным (как и другие различия между гласными и согласными — артикуляционные, акустические) — согласный звук (сонор-

Бета. А слова состоят из слогов?

Учитель. Да. В слове может быть несколько слогов — например, *мо-ре, ло-дка, сча-стья-ми-на*, а может быть только один, например, в таких словах, как *лес, бык, шар*. Но в каждом слове только один слог — ударный.

Бета. Значит, самый маленький отдельный кусочек речи — не слово, а слог?

Альфа. Но слог сам по себе ничего не значит. А слово, даже если оно из одного слога, — значит. Все-таки самостоятельный, отдельный кусочек — это слово.

Гамма. И на слух мы слышим слово целиком, даже если в нем много слогов. Например, *Эники-Беники* или *вареники* — тут четыре слова, хотя в каждом несколько слогов. Может быть, потому, что в каждом слове только один главный, ударный слог. Он как бы собирает вокруг себя остальные слоги и делает из них целое слово¹¹.

Эта. Лямбда говорит, что гласные самостоятельные, а согласные при них, соглашаются с ними. А мне кажется, наоборот, что согласные звуки — главные гласных. Именно они значат что-то. Ведь мы, когда говорили, что сами звуки значат, без всяких слов, мы все время называли согласные звуки — Р, Б, Ш, Л. И у Хлебникова тоже — согласные. Л, Ч и другие. А гласные, кажется, ничего не значат, то есть сами по себе, без слов. Поэтому согласные главные.

ной) также может быть слогообразующим элементом. Считается, что «единственным собственным свойством гласного является его большая слогообразующая сила: в сочетании согласный+гласный верхний слог обязательно будет гласный. Выступая в роли слогообразующего элемента, гласный, с одной стороны, как бы подтягивает себе соседние согласные, поскольку артикуляционная реализация согласного существенно зависит от качества гласного в слоге; с другой стороны, намерения самого гласного обеспечивают фонетическую целостность слова как последовательности слогов, один из которых несет словесное ударение, а другие являются безударными; наконец, объединение слога в синтагму (высказывание) происходит благодаря спец. фонетич. организации ударных гласных. Т. е. фонетич. функция гласных — организация звуковой целостности слога, слова и синтагмы». (Гласные. // Лингвистический энциклопедический словарь. С. 106.) См. урок 13.

¹¹ См. урок 1, прим. 13.

Урок 5

Бета. Но ведь ты сам говорил, Эта, что согласные без гласных даже не выговариваются. Из них одних нельзя составить даже слог, не то что слово. Значит, главные звуки — гласные.

Эта. Да, я так говорил. Действительно, одними согласными говорить нельзя. Гласные, по-моему, для того и нужны, чтобы соединять и разбивать согласные. Чтобы можно было из них построить слоги и слова. Но сами по себе они не значат. Они нужны, чтобы легче говорить было. Я даже думаю, что писать их не обязательно¹. Без гласных нельзя говорить, без согласных — понимать. Согласные по смыслу главные. Мне так кажется. И поэтому, может быть, гласных меньше, чем согласных².

¹ Катя Кошечка, 1-й класс.

² Разные языки с этой точки зрения очень различны. Л. В. Щерба, напр., указывает на бедность системы гласных в абхазском языке, «связать до потери этих последних самостоятельного фонематического значения» (Щерба Л. В. Языковая система и речевая деятельность. М., 2007. С. 39–40). В английском языке, наоборот, очень богатая система гласных. В семитских языках, как правило, согласные имеют корневое лексическое значение, гласные — грамматическое (см. урок 43). В некоторых языках гласные на письме не обозначаются (семитские, старославянский). Многие дошкольники, освоившая письмо, часто некоторое время систематически пропускают гласные. Языковеды отмечают, что для письменной речи согласные гораздо информативнее гласных, ср., напр.: «Основными веками упоминания слова служат при чтении согласные» (Реформатский А. А. Лингвистика и поэтика. М., 1987. С. 171).

Что касается устной речи, то вопрос, связанный со значащей, смысловой стороной звуков, кажется, сложнее. В. Хлебников, предлагая звуковой язык, полагал, что «гласные звуки здесь случайны и служат благозвучию». (Звуконика мира! // Творения. С. 623.) Все приведенные выше (прим. 44) хлебниковские примеры описания значений звуков имеют дело только с согласными. А. Белый в одном из автокомментариев к роману «Петербург» пишет: «Я, например, знаю происхождения содержания «Петербурга» из „л-в-л — ш-ш — ш“, где „л“ звук дуэты, удущения от „ш“ — „ш“ — давленки стен „Желтого Дома“; а „л“ — отблески «лаков», «люсков» и „длосков“ внутри „ш“ стен, или оболочек бомбы» — приводит в качестве источника смыслов только согласные звуки.

С другой стороны, М. В. Ломоносов подробно анализирует и гласные, и согласные в качестве значащих (см., напр., приведенную в прим. 35 цитату). Д. Вуриак в докладе «Изобразительные элементы российской фонетики» утверждает, что «согласные — носители цвета, понятий фактуры ... гласные — время, пространство, понятие о плоскости» (цит. по: Харджиев Н. От Маяковского до Крученых. Избранные работы о русском футуризме. М., 2006. С. 74). Хлебников, описывая внутреннее склонение, «падежи внутри корня», приводит примеры, свидетельствующие о значимости как гласных, так и согласных звуков, но значимость эта

Лямбда. Действительно, почти все примеры, которые мы приводили⁶², — это согласные. Но говорить, что они гласные, по-моему, неправильно. Ведь слово все-таки собирается, делается целым, отдельным — гласными. Они, наверное, одинаково важны, у каждого — своя работа.

Альфа. Я, Эта, тоже с тобой не согласен. Гласные по-своему очень важны. Симпатичные считалки и поговорки так устроены, что у них под ударением определенные гласные, а не любые, какие попало, и это ведь не случайно, а, наоборот, очень важно. Например, *Эвви-Бевви* — там везде гласная Э. Или *Куда Макар телят не гонял* — там под ударением везде А. Или скороговорки: *Карл у Клавы украл кораллы*, а *Клава у Карла украла кларнет* — тут везде тоже А, а *Ехал грека через реку, видит грека — а реке рак* — тут Е везде... нет, почти везде.

Учитель. Альфа обратил внимание на очень важную вещь — считалки, скороговорки, поговорки устроены определенным образом, в них определенные звуки, а не любые, и определенное сочетание этих звуков. И именно это делает их складными, выразительными, симпатичными, как сказал Альфа. Этим занимаются ученые, исследуют, как, из каких звуков строятся поговорки, считалки, стихи. Мы тоже эти будем немного заниматься, но позже⁶³. Тут, действительно, важны и гласные, и согласные, но по-разному.

Эта. И ударение делается гласными. А между прочим, даже согласные слышатся по-разному в зависимости от гласных, которые рядом с ними. Помните стихотворение про Эль? Там этот звук почти всегда

различна — согласные, составляющие корень, связаны с характером действия, гласные, именующие надежду корня, — с направлением действия: «*бег* бывает вызван боязнью, а *бег* — существом, к которому должна быть направлена боязнь <...> *бег* есть то, откуда следует ждать удара, а *бег* — то место, куда следует направить удар <...> если взять пару *бег* и *бег*, то действие понодырства направлено на ручного вола, которое ведет человек, и исходит из вола, который водит по реке человека и лошадь...» (Хлебников. Творения. С. 585).

⁶² Когда пытались показать значимость отдельных звуков: см. предыдущий урок.

⁶³ Урок 16.

Урок 5

не только первый, но и в ударном слове — *лодка, лось, лист, ливень, лампа, лем* — перед гласным, который под ударением.

Лямбда. Я думаю, что можно действительно как-то выяснить, какие звуки, в каком месте как влияют на целое слово⁵². Может быть, действительно, это зависит и от гласных — от целого слова.

Каппа. Как ты это выяснишь? Ведь мы все время говорим, что нам кажется, что звук Л — такой, а звук Р — другой. Но ведь кажется одному так, другому — иначе. Даже если всем, или многим, кажется одинаково, то это еще ничего не значит.

Эта. Каппа опять за свое.

Бета. Но ведь мы ему так и не ответили.

Дельта. Каппа, ведь слово — это такая вещь особенная, она не сама по себе. Как люди его слышат, как понимают, так и есть. Почему мы говорим, что слово или звук что-то значит? Потому, что мы их понимаем так, а не по-другому⁵³.

Учитель. По-моему, самое главное в возражениях Каппы — не в том, чтобы определить, какие звуки главные, не в том, что мы подбираем — специально или нет — слова, которые подходят под то, что нам нужно, можно подобрать и другие, а в том, о чем сейчас сказал Дельта. Это связано с самым главным, что мы обсуждаем: с тем, что такое слово. Дельта считает, что слово значит то, что мы понимаем, зависит от того, как мы его говорим и слышим. Каппа считает, что слово само по себе, независимо от нашей речи, что-то значит. Но продолжить спор нам придется уже на следующем уроке.

Звонок

⁵² См. примечание 55.

⁵³ Дельта и Лямбда считают, что значение слова определяется его употреблением, прагматикой речи. См. следующий урок, урок 11, прим. 132.

Урок 6

Слова; что же такое слово? Слова «всеохватные» и что-то. Какое слово главное — устное или письменное?

Смысл слова в нём самом — или в том, кто, как, кому его говорит (Дельта против Канны и Альфы). Где живут «ничьи» слова

Учитель. Итак, мы, оказывается, совсем по-разному понимаем, что такое слово.

Бета. Говорим, говорим про слова, и какие в них звуки, и что такое ударение, и почему слова что-то значат, а что такое слово — не понимаем!

Лямбда. И говорим-то ведь мы словами, а не как-нибудь по-другому, и все-таки понимаем друг друга.

Бета. Так, кажется, часто бывает — говорим-говорим, а когда начинаешь задумываться, как ты говоришь и почему тебя кто-то понимает, то ничего не ясно.

Альфа. Есть такая сказка про сороконожку — она ходила себе, ходила и даже бегала, а потом задумалась, какую ногу сначала переставлять, а какую после, и сразу ходить разучилась.

Урок 6

Бета. На математике тоже так было — мы вроде все думали, что знаем, что такое число, и считать немного умели, а как начали о числе говорить, думать и спорить...⁶⁷

Каппа. Ну, считать-то вроде никто не разучился.

Учитель. Будем надеяться, что мы и говорить не разучимся оттого, что немного подумаем.

Бета. Я думал о том, почему все время у Дельты и Каппы спор. Учитель сказал, что Дельта считает, что слово (я смысл его, я как оно устроено) зависит от того, что его кто-то кому-то говорит, а кто-то другой понимает. И еще в самом начале Дельта говорил, что слово не просто так, а *кому-то* говорится. А Каппа считает, что слово само по себе есть и что-то значит — само по себе, независимо от всякого говорения, от того, чье оно и кому говорится⁶⁸.

Лямбда. И поэтому Каппа все время говорит о написанном слове, а Дельта и многие из нас — о том слове, которое говорится и слышится. Мы с самого начала сказали, что слово — это то, что мы говорим и слышим. А Каппа по-другому понимает, что такое слово.

Альфа. Ясно, по-моему, что устное слово — главное, первое, что ля. Ведь мы пишем те слова, которые уже есть, до всякого письма они есть и что-то значат. Эта об этом говорил еще на первом уроке, и я с ним согласен⁶⁹. Ведь маленькие дети, которые писать не умеют — они почти все слова понимают.

Каппа. Вот, вот, послушайте, что Альфа говорит. Альфа, ты со мной споришь, а посмотри, что ты сейчас сказал. Слова уже есть, до всякого письма они уже есть. И я пишу слова, которые уже есть. Например, я тебе пишу письмо. Это будет как Дельтино говорение —

⁶⁷ См. Загадки числа, уроки 1, 2.

⁶⁸ Позиция Каппы сложная. Он конвенционалист, в некотором смысле тоже прагматик, но иного рода, чем Дельта, — для него важны правила употребления, изъяснения, сочетания слов — до и вне конкретного высказывания с его уникальным смыслом. См. продолжение и развитие этого спора на уроке 21.

⁶⁹ См. уроки 1, 4.

не просто так, а кому-то, зачем-то и т. д. Но слова-то не появляются от того, что я их пишу, я не изобретаю, когда пишу, они ведь уже до этого письма есть, и они что-то значат и как-то устроены.

Гамма. Они на бумаге появляются. Бумага была чистая, пустая. А ты напишешь, и слова появляются¹.

Каппа. Откуда же они берутся?

Бета. Из головы. Ты их знаешь. Когда пишешь, они появляются на бумаге. И когда говоришь, они появляются во рту, потому что ты их уже знаешь, а не делаются во рту, как Эта говорит. Во рту делается только их звук, а сами слова, и что они значат, и как устроены, уже есть до этого².

Учитель. Значит, и когда мы говорим, и когда пишем, слова, как Каппа утверждает, есть уже до этого, сами по себе есть?

Лямбда. Мне кажется, дело совсем не в том, что Каппа говорит о письменном слове, а Дельта и Эта — об устном.

Учитель. В чем же, Лямбда?

Лямбда. Каппа считает, что слова существуют сами по себе, значат что-то сами по себе, устроены как-то сами по себе, независимо от того, кто как их говорит и понимает. И даже независимо от того, кто как пишет. А Дельта считает, что слова и есть то, что мы говорим и понимаем. Все, что в них есть — что они значат, что в них главное, какое слово отдельное, а какое нет, — все это все определяется тем, как их говорят и слышат.

Каппа. Или пишут. Я сейчас только понял, что это не важно — говорят или пишут.

Лямбда. А важно то, что для Дельты они сами по себе не имеют никакого смысла, а появляется смысл, когда их кто-то говорит или пишет, а кто-то другой понимает.

¹ Каппа Малахова, дошкольница.

² Каппа Малахова.

Урок 6

Учитель. Каппа?

Каппа. Пожалуй, я согласен с Лямбдой. Я считал, что написанное слово — это слово *само по себе*, независимо от того, кто как его понимает. Но сейчас я подумал — ведь пишут тоже все по-разному. Письмо тоже, как и говорение, зависит от того, что уже *до* письма есть слова и они что-то определенное значат, независимо от того, кто и как их напишет.

Эта. Где же они есть, если их никто не пишет и не говорит? В наших головах?

Альфа. Может быть, в словарях, в учебниках?

Лямбда. Там ничьи слова.

Каппа. Ничьи, просто слова.

Дельта. Для чего же они нужны, ничьи слова? Слово — это всегда от кого-то кому-то, его кто-то говорит или пишет, чтобы кто-то другой понял⁷⁹.

Альфа. Ничьи слова — значит всехние. Вот, например, комната моя, а улица всехняя, там все ходят. Мы говорим и понимаем слова, которые ничьи. Если бы каждый говорил какие-то свои слова, его бы никто не понял. А те слова, которые мы говорим, они ничьи, именно поэтому их все понимают.

Бета. Ничьи, значит, общие. А если только мои, то их никто не поймет. Альфа прав, по-моему. Вот, помните, мы обсуждали слово *блэм-бик*. Так и не решили, слово это или нет. Каппа его придумал, но никто не знает, что оно значит. И Лямбда сказал, что если оно прославится, люди будут знать, что оно значит, то тогда оно станет словом.

Учитель. То есть ничьим словом?

Бета. Ничьим, то есть всехним, общим. А пока оно только наше, а другие его не понимают.

⁷⁹ См. урок 1, прим. 8, 10. Дельта склонна понимать слово исключительно как феномен речи — устной или письменной; Каппа — как феномен языка.

Эта. Ну и что? Оно наше, это не значит, что оно не слово. И слова, которые в считалках, их в учебниках и в словарях нет. Взрослые их не понимают. И в нашей семье, например, есть слова специальные, которые другие люди не говорят. А я думаю, что они тоже слова. Пусть их не все люди знают.

Лямбда. По-моему, не так уж важно, сколько людей знает какое-то слово. Пусть какие-то слова говорят только в одной семье или, например, только у нас в классе. Мы можем придумать какие-то свои слова и договориться, что они значат, и будем понимать их. Все равно останется вопрос: слова эти есть, только когда мы говорим, или, как Каппа и Альфа считают, они есть сами по себе, а мы говорим и пишем уже готовые слова?

Дельта. Что же это такое — слова, которые никто не говорит и не понимает, для чего они нужны? И как их можно обсуждать, если мы их не видим, не слышим, не понимаем?

Каппа. Есть язык. В нем слова. Правила, как они пишутся, говорятся. Где это все есть? Ну, не знаю. Может быть, у людей в головах. Или, как Альфа сказал, в словарях, в учебниках. Но только не в тех звуках и буквах, которые кто-то сейчас говорит и пишет.

Гамма. А когда мы говорим и пишем, они проявляются. Вот я видел, как проявляют фотографии. Кладут в проявитель, и проявляется изображение. Но его никто не рисует, оно уже есть там, а только становится видимым, проявляется. А пока не проявила, его никто не увидит. Но оно уже есть^{*}.

Лямбда. О, смотрите, как интересно. Мы раньше говорили, что слова появляются, когда кто-то их говорит, а сейчас Гамма сказал, что они проявляются. Слово почти одно и то же, чуть-чуть только другое. А смысл разный. Появляются — значит их не было, и они появились. А проявляются — значит они уже были, только их не было видно. Или слышно. А слово почти то же самое^{**}.

^{*} Маша К., 3 класс.

^{**} Маша К., 3 класс.

Урок 6

Учитель. Действительно, иногда смысл слова может меняться от того, что изменится или добавится один звук. Лямбда точно это заметил. А вообще мы сейчас обнаружили очень важную и сложную вещь. Она связана с тем, что принято называть языком и речью. И опять нам придется это отложить до следующего урока, а пока мы все подумаем над этим — есть ли слова, их смысл, звуки речи, правила, как говорить — только в том, что мы говорим, слышим и понимаем, или же они есть до нашего говорения и независимо от него.

Звонок

Урок 7

Смысл слова — у того, кто говорит,
или у того, кто слышит? Разговор с самим собой.
Слушаем слово «слово»: слух, слава, след Слова —
отпечатки вещей в уме. — Нет, не вещей, а звуков.
Родственные слова

Учитель. Мы думали на прошлом уроке над тем, есть ли слово только тогда, когда мы его говорим, или же мы говорим те слова, что уже есть до этого.

Лямбда. Слово — это то, что мы слышим. Слово — *слух*. Даже из звуков ясно. А не только то, что мы говорим.

Бета. А если никого нет, кто бы слышал, а ты говоришь — что ты говоришь? Не слова?

Дельта. И я считаю, слово только кому-то, кто слышит. А если никого нет, оно бессмысленное слово. Значит, не слово. Мы же все время говорим, что слово — это что-то осмысленное. А смысл — у того, кто слышит.

Каппа. А же у того, кто говорит?

Урок 7

Дельта. Ну кто будет сам себе говорить? Зачем? Даже отдельные звуки, из которых слова, они все ведь не просто так, а чтобы кто-то их услышал и понял⁷¹.

Бета. Вот ты сказал: *сам себе*. Значит, ты и услышишь. Ведь когда говоришь, сам себя слышишь.

Каппа. Есть слова двух видов. Первое — слово-разговор. Оно передается от одного человека к другому. Второе — слово-мысль. Оно передается от человека к этому же человеку⁷². Я думаю, как бы сам с собой разговариваю. Внутри меня как будто разговор⁷³.

Альфа. Ты же один, и тот, кто говорит, и тот, кто слышит, — это один.

Каппа. Да, вроде один. Но если говоришь и слышишь одновременно, то вроде не совсем один.

Дельта. Слово — когда что-то сказано и уже ты кончил говорить, а кто-то услышал и понял. А без этого никакого смысла нет. Отдельные звуки и... слова, но они сами по себе ничего не значат — они кусочки еще не сказанного слова.

Лямбда. Слушай, Дельта: Раз, два, три, четыре, пять! Вышел зайчик...

Дельта и Эта. ...погулять. Вдруг охотник выбегает, прямо в зайчика стреляет.

(Все ученики хором заканчивают считалку.)

⁷¹ Вадим Турбаков, 1-й класс, гимназия «Очак», г. Харьков.

⁷² Ср. «...Мы говорим для того, чтобы быть услышанными. Для того, чтобы иметь возможность интерпретировать, классифицировать и различать звуки речи, мы должны помнить о том, что они являются носителями смысла, поскольку мы хотим быть услышанными для того, чтобы быть понятыми» (Джонсон Р. Звук и значение. Избранные работы. М., 1985. С. 43).

⁷³ Ср. у Платона в Софисте (264a) «Не есть ли мысль и речь одно и то же, на основании лишь того, что происходящая внутри души беззвучная беседа ее с самой собой и называется у нас мышлением?» (См. прим. 27b.) Ср. также у Канта: «Мыслить — значит *замышлять* с самим собой (индейцы на Тинти называют мышление *режью* и *животе*), значит внутренне (через репродуктивное воображение) слышать самого себя» (Кант И. Соч. в шести томах. Т. 6. М., 1966. С. 430).

Лямбда. Видите, я еще не закончил, а вы уже все услышали и поняли, как Дельта говорит. Значит, как-то есть уже вся эта считалка. Ну назовем ее всю словом, как Дельта хочет. Но я еще не сказал ее всю, а уже вы услышали. Значит, все это есть до того, как сказано — как только я начал, то, что я еще не сказал, уже есть и что-то значит.

Каппа. Несказанное — значит. То, чего еще нет, — значит. Как удивительно!

Альфа. Ведь это потому что уже раньше мы говорили эту считалку, и все ее знаем. А вообще-то, если кто начнет говорить, то ты не сразу понимаешь, а ждешь, пока он скажет все до конца.

Дельта. И то, что он еще не сказал, тоже как-то значит. Ты чувствуешь, что что-то еще должно быть. Иногда сам угадываешь, иногда нет. И самое последнее, что сказано, уже дает смысл всему⁷³.

Эта. Пока не сказал все, еще во рту воздух. Он еще не вышел. Он там не целый, а таинный кусочками. Вот мы, помните, говорили, что из слогов состоит речь. Вот слог — это такой отдельный воздух, сразу выдыхается-говорится одним духом⁷⁴.

Альфа. О, Эта всегда смотрит себе в рот!⁷⁵

⁷³ Ср.: «Если говорит, что речь только тогда что-то обозначает, когда произносится последняя ее часть, то уж, конечно, забываем те части, которых нет, вместе с той, которая есть, так что следует признать, что значение существует одновременно в том, что есть, и в том, чего нет. ... Наше рассуждение состоит в том, чтобы сказать: речь становится значимой после произнесения всех ее частей. Только тогда мы из нее составим понятие (*intelligibile*), когда произнесенные высказывания тут же воскресаем, и значение этого речевого процесса (*vox*) не совершенно, если речь не произнесена целиком... произнеся речь, мы не тотчас понимаем ее, если только умом (*mens*) не овладеем и усердием не последствуем некоторого свойства услышанной конструкции. И когда душа слушателя приобщается, пока речь (*vox*) находится в состоянии произнесения, потому что к ней, верит [эта душа], может присоединиться еще нечто такое, что будет способно [что-либо] напомнить в понимании [се]» (Абеляр. Двусложника (Предисказание) // Теологические трактаты. М., 1995. С. 121).

⁷⁴ Ср.: «Слог — это последовательная связь букв, под одним ударением и одним духом произнесенных» — *Prisciani institutio de arte grammatica* (цит. по: Абеляр. Указ. соч. С. 118).

⁷⁵ См. прим. 38. А. Белый говорит (в «Глоссополинии») о «движениях воздушной струи, построившей звуки в ограммнейшем Космосе (в полости рта)» (1).

Урок 7

Лямбда. Дух-дых-воздух....

Эта. Да, слова как будто из воздуха.

Лямбда. Выветит — не поймашь.

Дельта. Как воробей.

Учитель. Бета, что ты там бормочешь про себя? Скажи нам.

Бета. *(смешливает головой).* Лямбда все время слушает, как звучит то, что мы говорим. Он на уроках о числе, помните, сказал, что число — это то, чем считают, потому что звучит так — число. Как мыло, рыло. Много таких слов⁷⁶. И вот я стал слушать слово слово. Вдруг оно само скажет, что это такое. И повторяю про себя: слово, слово, слово, слово. У меня даже голова закружилась. И знаете, оно вообще перестает что-то значить. Осел какой-то появляется...

Альфа. Осел? Какой осел?

Бета. Послушайте: слово-слово-сло-восло-восло-осло-осло-осел-осел... И уже не можешь остановиться, оно само как-то говорит, меняется... Чепуха какая-то, вообще смысл исчезает.

Все смеются.

Гамма. О, я знаю! То же самое, когда в зеркало долго-долго смотришь, потом уже не можешь оторваться. Вообще перестаешь себя узнавать, и даже как-то страшно становится. Нисколько ничего, то ли ты, то ли не ты, то ли ты есть, то ли нет...

Эта. Да, да, я тоже так делал. Уставшись на себя, и так странно... Кривляться начинаешь, тогда все проходит.

Дельта. И слова начинают кривляться. Как-то сами собой меняются...

Каппа. Есть игра такая — из одного слова делать другое. Муха — муха — рука — река...

Альфа. Да, из мухи слона.

⁷⁶ См. Загадки числа. С. 21–22.

⁷⁷ Катя Кошечкина, 3–6 класс.

Лямбда. То игра, мы специально слова меняем, одну букву добавим или уберем, чтобы что-то получилось. Как с кубиками. А тут слова сами меняются. Они ведь как-то друг с другом связаны, слова. Например, то, что я говорил — *дух* и *дых* и *воз-дух*. И вот еще: *слово* и *слышание* — ведь правда связаны. Не просто похожи. *Мука* и *рука* просто похожи, а слово — это ведь то, что слышишь.

Эта. Стоя — это то, что стоит, звон — то, что звенит⁷⁷.

Лямбда. Вот, я и говорю: некоторые просто похожи, а некоторые связаны.

Учитель. Ну-ка, попробуем действительно послушать это слово — *слово*. С какими словами оно связано?

Бета. *Слышать*, Лямбда сказал. *Слух*.

Эта. *Слова*.

Бета. *Слова*.

Гамма. *След, следовать*.

Альфа. *Слов*.

Дельта. *Довести*.

Каша. Ерунда какая-то. Ослы еще вспомните, Бета говорил — ослы.

Все смеются.

Лямбда. Ну, ослы тут ни при чем, правда. И слыва тоже. А остальное подходит. *Слух* — слово ведь мы слышим. *Слова* тоже — это слова, которые о человеке говорят. Прославиться — это значит, что о ком-то говорят много.

Бета. Мы, когда слово *блямбик* обсуждали, говорили, что если оно прославится, то и станет словом⁷⁸.

Альфа. Слухи ходят о том, кто прославился.

⁷⁷ См. урок 9.

⁷⁸ См. урок 2.

Урок 7

Гамма. След тоже.

Альфа. След — нет, не подходит.

Гамма. Подходит.

Альфа. Как же он подходит?

Бета. Слово — это след от вещи. Название ее. Вот, например, вещь — ручка (*берем в руки ручку*). А слово *ручка* — ее название. Это след от нее. Самой ручки, например, нет (*убирает ручку*), а осталось от нее название. Скажешь тебе — *ручка*, и ты ее, самой ручки, не видишь, но понимаешь¹.

Гамма. Да, подходит. Вот на снегу следы. Собака прошла, и ее нет. А след остался. Значит, собака прошла. И мы знаем, что здесь была собака.

Лямбда. *Знаем* — *значим*. След — *значим*, что собака была. Название — *значим*, что вещь была.

Эта. Слова — это следы вещей?

Альфа. Но ведь след — это тоже вещь. Ты его видишь, можешь его потрогать — след. А название — это не вещь. Ручка — это вещь. А ты попробуй потрогать название.

Гамма. Вот, ручка. Я его говорю и как бы трогаю².

Альфа. Вот ты назовешь кошку. А возьмешь ты в руки кошку, а не название. Ты возьмешь предмет, который называется «ручка», а не *само название*³.

Гамма. Вот мы возьмем две одинаковые ручки. В одной стержень кончился. Специально будем писать, писать, чтобы он кончился. Это специальная ручка — *название*. Ей нельзя писать, она только название. Мы специально так сделали⁴.

¹ Ахмен Сергеев, 2-й класс.

² Оля, 2-й класс, школа «Зимородок», г. Новосибирск.

³ Аня, 2-й класс, школа «Зимородок», г. Новосибирск.

⁴ Оля, 2-й класс, школа «Зимородок», г. Новосибирск.

Учитель. А она будет названием для других ручек или только для той одной, которая с ней одинаковая?

Гамма. Нет, для всех ручек она будет названием⁷⁹.

Бета. Мы смотрим на ручку, которая ручка, и знаем, что ей можно писать. А теперь смотрим на ту ручку, которая название, ей писать нельзя, но мы знаем, что она название для той ручки, которая пишет⁸⁰. Так, Гамма?

Альфа. Это не название, это две вещи, только одна негодная. Она не стала названием от того, что ее исписали, осталась вещью. Ее можно взять, потрогать. А название нельзя⁸¹.

Гамма. Она вещь, но она уже не пишет, значит, она не ручка. Ведь ручка должна писать. А она — одно название. Ее можно показать. Вот если бы ты на себя показал собаку, то это было бы название. Или здоровая собака показала бы больную⁸². Одна вещь показывает другую. Они разные, но обе можно показать. Одна — название для другой. Как раз должны быть разные. Сама себе вещь не название⁸³.

⁷⁹ И. И. Криворова.

⁸⁰ Она, 2-й класс, школа «Земледелок», г. Новосибирск.

⁷⁹ Ср.: «Когда объект рассматривается сам по себе и наш умственный взор не обращается на то, что он может представлять, именующая у нас идея этого объекта является идеей вещи, как, например, идея Земли, Солнца. Когда же некоторый объект рассматривают только в качестве представляющего какой-то другой объект, его идея является идеей знака и этот первый объект называют знаком. Так обычно смотрят на географические карты и на произведения живописи. Знак заключает в себе, таким образом, две идеи: идею вещи представляющей и идею вещи представляемой, и сущность его состоит в том, чтобы вызывать вторую посредством первой» (Арно и Николя. Логика, или искусство мыслить. М., 1991. С. 46).

⁸¹ Людмила Павловская, 2-й класс, школа «Земледелок», г. Новосибирск.

⁸² Она, 2-й класс, школа «Земледелок», г. Новосибирск.

⁸³ Ср.: «Хотя вещь в некотором состоянии не может быть знаком себя самой в том же состоянии, ибо всякий знак предполагает различие между представляющей вещью и той, которая ею представлена, однако вполне возможно, чтобы вещь в определенном состоянии представляла себя же в другом состоянии, — например, вполне возможно, чтобы человек в своей комнате представлял себя проповедующим, и таким образом, достаточно одного различия состояния между вещью обозначающей и вещью обозначаемой...» (Арно и Николя. Указ. соч. С. 47.)

Урок 7

Бета. Альфа, ты говоришь, нельзя потрогать. Но разве нет вещей, которые нельзя потрогать? Вот луна, например. Ну, потрогай луну. Не название, а саму луну. Нельзя. И ты говоришь, что ты можешь потрогать след на снегу. Нет, ты только снег трогаешь. А сам след, он вроде вещь, мы его видим, но не можем потрогать, он отпечаток на снегу. И может быть, правда, что слова — ну не все, какие-то — они отпечатки вещей^{*}.

Альфа. Ну где, где отпечатки? Ты сам говоришь, след — отпечаток на снегу. Снег примялся или запачкался, и сделался отпечаток. А слова — где?

Гамма. В голове? В уме?

Бета. Слова — отпечатки вещей в уме. Но слова, мы говорили, из звуков и слогов. А в уме разве звуки? Звуки — во рту, или в воздухе. А в уме, получается, отпечатки отпечатков^{**}.

Эта. Следы следов.

Учитель. Поясни, Бета.

Бета. Вот Гамма держит ручку. Она — вещь, из пластмассы. Вот ее название, слово *ручка*. Оно из слогов. Два слога в нем, ручка, сколько-то звуков, гласные, согласные. Эта говорит, они из воздуха, во рту делаются. Ненажно. Это название, Гамма говорит, след самой ручки. Если ручку убрать, а название сказать, мы поймем: *ручка*. Теперь мы убираем это слово, не говорим его. Вот я молчу. Если я подумаю: *ручка*, то это будет след от слова, от названия.

Каша. О, как интересно! Название, которое мы говорим (и слышим) — след вещи. Слово, которое мы не говорим, след этого названия, слышного. И вот Лямбда начал считалку, мы ее сразу поняли. Это потому, что след от нее уже был — мы ведь ее раньше знали.

Эта. Ты, Бета, говорил сейчас. А ты попробуй, не говори.

Бета. *(Молча шевелит губами.)* Вот я подумал.

^{*} Марин, 2-й класс.

^{**} Катя Кошечкина, 2-й класс.

Эта. Ты губами двигал, говорил, значит. Воздух во рту шевелил.

Каппа. Но не говорил же, мы же не слышали ничего. Ты придираешься, Эта. Можно и не двигать губами, просто подумать слово.

Лямбда. Да, след тоже подходит.

Альфа. Куда подходит?

Бета. Ты забыл уже? Мы же говорили, что если само слово *слово* послушать, посмотреть, с какими словами оно похоже...

Альфа. А, вспомнил. *Слух, след...* Еще левинь, Дельта говорил. *Левинь* тут при чем?

Дельта. Ну, словить, поймать. Вот ты говоришь слова, а их как бы ловлю. Чтобы понять. Догоняю.

Бета. Тогда слово, ну, смысл его, и правда у того, кто поймал, услышал, догнал.

Каппа. А я вообще не догоняю. О чем мы говорим? Слова просто похожи, тут смысл ни при чем. Вот *слива, слон, слон, сливась...* Просто слов много, а звуков мало. Ну, некоторые звуки и повторяются в разных словах.

Лямбда. Некоторые случайно повторяются. Слон правда ни при чем, а *слух, слива* и *след* — при чем.

Учитель. Есть действительно слова, которые похожи случайно. Как *слово* и *слон*. А есть слова, которые не просто звучат похоже, но связаны. Такие слова называются родственными. Они часто похожи по звукам и связаны по смыслу, и у них общее происхождение — как у родственников. Например, *слово* и *слух, слива*. И в некоторых других языках есть слова, похожие на эти, русские слова, связанные с ними по происхождению. Наука, которая занимается происхождением и родственными отношениями слов, называется *этимологией*. Иногда сразу трудно понять, что слова родственные, нужны специальные исследования, чтобы это выяснить. Помните, Бета говорил, что *рубль* неправильное слово, не название, потому что не подходит

Урок 7

к тому, чем мы платим, и предложил называть его *машинкой*⁴¹.

А можно показать, что слово *рубль* связано родством со словом *рубить* — раньше расплачивались не бумажными деньгами и не монетами, а серебряными слитками, которые рубили. А бывают слова, похожие по звукам и связанные по смыслу, но между ними нет родства. Вот слово *и след*, слово *и ловить* — мы увидели связь по смыслу, но слова эти не родственные⁴². Это называется *народная этимология* — когда сближаются слова, которые не связаны настоящим родством, но кажутся связанными по смыслу.

Бета. Как друзья. Или побратимы. Они не родственники, но как будто братья.

Учитель. Ну, примерно так.

Лямбда. Знаете, мы все время отвлекаемся. И все забываем. Отпечатки все пропадают. То, что Бета сказал про отпечатки... Это, кажется, очень важно. Что слова как отпечатки вещей. Он еще сказал, что не все слова — отпечатки вещей, а только некоторые. Бета, скажи, какие.

Звонок

Учитель. На следующем уроке мы с этого начнем. И о родственных связях слов еще обязательно будем говорить.

⁴¹ См. урок 2.

⁴² Слово связано чередованием гласных со словом, слышь. Праслав. **slъvo* (основа на -ъ-) родственно лит. *slava*, дав. **slawa* «слава; репутация; похвала, слава», вост.-лит. *slavas* ж. «честь, почесть, слава», *slavinti* «славить, почитать», др.-нид. *slārdian* «слава, похвала, уважение, зов», авест. *slavañ* — «слово, учение, изречение», греч. *κλῆος*, диал. *κλῆος* ср. р. «слава», др.-вост. *slō* «слава» (см. Фасмер. *Этимологический словарь*). Сближение *слово* и *след*, *слово* и *ловить* относится к области так называемой народной этимологии.

Урок 8

Отпечатки у разных людей – разные?

Как мы понимаем друг друга. Опять о письменном
слове. Сократ о письме.

Письменное слово – мертвое слово?

Учитель. Мы начали прошлый урок с вопроса о том, есть ли слова сами по себе, до того, как мы говорим и слышим, независимо от этого. Мы пытались прислушаться к самому слову *слово*, чтобы услышать, с какими другими словами оно связано по смыслу, и заметили такие слова: *слух, слава, след*. Слово *слава* — родственник слову *слово*, эти слова связаны между собой происхождением. А слово *след* — не родственное, но мы увидели связь по смыслу. Гамма и Бета нам объяснили. Бета сказал, что слова — следы, отпечатки вещей. Но не все, сказал он, и в конце урока Лямбда спросил, какие.

Бета. Эти вопросы связаны. Лямбда сказал, что мы отвлекаемся и забываем, о чем говорили. Это правда, но ведь потом опять приходим к тому же вопросу. Ведь это связано. Если слова — отпечатки вещей, то вроде есть вещь и есть ее отпечаток. Отдельно от вещи. Вещи когда нет, может остаться отпечаток. А отпечаток как слово... Говорим — есть, не говорим — как будто тоже есть... Но как? Запутался...

Урок 8

Гамма. Еще говорили, отпечатки отпечатков. Вот прошла собака. Собака — это вещь, существо. Она прошла, остался след от нее. Отпечаток. И мы по нему знаем, что была собака. Она как бы знак нам оставила. Это Лямбда заметил, что *знак* и *знаем* — связанные слова. Рождественники, наверное. Теперь мы можем его, этот след, сфотографировать, например. Снег растает, отпечаток исчезнет. А на фотографии будет отпечаток отпечатка. И по нему мы будем *знать*, что был след. И что была, значит, собака.

Альфа. Что ли три разные вещи? Собака, след и фотография следа.

Бета. Да — вещь, слово, которое мы говорим и слышим, — это ее отпечаток, и слово, которое мы запишем, — это отпечаток слова, которое сказали¹⁰. Каппа сначала говорил, что оно, это написанное слово, самое главное. А другие считали, что оно только отпечаток того слова, которое мы говорим и слышим. Но потом мы решили, что дело не в этом...

Учитель. Не в этом?

Бета. Ну, не в том, напишем мы слово или скажем, прочитаем или услышим. А оно уже есть до этого, и мы его можем сказать — будет как бы один отпечаток, написать — другой отпечаток.... А оно само где-то...

Дельта. В уме, кто-то говорил.

Гамма. Я говорил. Но я не совсем понимаю, что сказал. Как это в уме отпечатки?

Бета. Мы в самом начале еще поняли, что так бывает — скажешь, а сам не понимаешь. Слова сказались, и в них смысл какой-то вроде есть, а какой — непонятно¹¹.

¹⁰ Ср.: «то, что в звукосочетаниях, — это знаки *предназначенный* [предна́тый, буквально *предна́ченный*, более в виде отпечатка, чем представление] в душе, а пишущая — знаки того, что в звукосочетаниях» (Аристотель. Об истолковании. 16а). См. урок 9.

¹¹ См. урок 1.

Альфа. Я в своем уме могу подумать о собаке. Собаки нет, но я о ней знаю. И слово могу вспомнить — *собака*. Никто не говорит его, это слово, но я его помню в своем уме^{*}. Это отпечаток.

Каппа. Собаки или слова — отпечаток?

Альфа. И того и другого.

Учитель. Это два разных отпечатка?

Альфа. Не знаю... Кажется, разных. Но они связаны как-то.

Каппа. А вот скажи, Альфа, — эти отпечатки одинаковые в твоём уме и в моём?

Бета. О, это ведь самое главное! Если одинаковые, значит, и слова ничьи, всеобщие. Мы говорили про ничьи, или общие слова, и Каппа говорил, что они только личные, что в них смысл. А Дельта говорил, что они бессмысленные, а смысл только когда из одного ума в другой.

Дельта. Если все у всех общее, зачем и говорить? Тогда и слова не нужны!

Учитель. Ну, Альфа, как ты думаешь? Ты пытаешься объяснить самую сложную вещь — про отпечатки в уме. Отвечай Каппе.

Альфа. Каппа, я и сам не знаю. Откуда я знаю, что в твоём уме? Когда ты говоришь, я что-то слышу — но это уже не только в твоём уме, раз ты сказал[†]. Но собак-то мы оба видели. Собака одна, значит, в твоём и моём уме похожие отпечатки. Ведь они отпечатки той же собаки. Наверное, что-то общее есть. Теперь, слово *собака*. От него тоже должны быть похожие отпечатки, если мы слышим одно и то же слово. Иначе мы бы совсем не понимали друг друга. Но собака может разными словами называться...

Эта. Собаки-то, наоборот, разные. А слово *собака* одно.

^{*} Кирилл Малашов, диссертация.

[†] Васа Далецкий, диссертация.

Урок 8

Каппа. Я вот что думаю. Когда мы просто так думаем о собаке, то у каждого в уме разное. А слово для всех одно и значит одно. Оно общее. Для того и нужны слова⁴⁶.

Лямбда. А в разных языках для той же собаки ведь разные слова. А сама собака для всех одинаковая. Ну, попокая⁴⁷.

Бета. Собаки-то как раз все разные. А у них одно слово для всех.

Дельта. Одно и то же слово значит всегда разное, в зависимости от того, кто говорит, и кому, и зачем.

Каппа. А как же оно тогда одно и то же?

Дельта. Оно звуками одно и то же. Вот я скажу «собака». И все услышал. Но один человек любит собак, а другой нет. И для них смысл разный. И каждый может свою собаку представить, Бета правильно сказал — собаки тоже разные.

Каппа. Но все равно все поймут, о чем речь⁴⁸. Я почему сначала думал, что общие слова, ничьи слова — это написанные слова? Потому что вот когда мы говорим, то один говорит это слово, то же самое слово, ласково или сердито, быстро или медленно, громко или тихо. И от этого кажется, что разный смысл. А в написанном слове ничего этого нет, есть только то, что оно для всех значит, — собака. Неважно, кто ее любит или нет. И вот это-то и есть смысл самого слова, а не того, кто как говорит и что думает.

⁴⁶ См. урок 42, прим. 409.

⁴⁷ Ср.: «Подобно тому как письмены не одни и те же у всех [людей], так и звуко-сочетания не одни и те же. Однако представления в душе, непосредственные знаки, которых суть то, что в звуко-сочетаниях, у всех [людей] одни и те же, точно так же одни и те же и предметы, подобия которых суть представления» (Аристотель. Об истолковании, 16a3). См. уроки 26–27.

⁴⁸ В языкознании принято различать (и в известном смысле противопоставлять) *демоним* и *коммоним* — предметно-относительное значение слова и его экспрессивную, оценочную или стилистическую окраску. Последняя может быть узусальной (закреплённой в системе языка) и окказиональной (связанной с контекстом данного высказывания). В примере, который обсуждают Дельта и Каппа, говорящий или слушающий могут по-разному относиться к собакам, но денотативное значение слова общее — «все поймут, о чем речь».

Бета. Да, а Дельта тебе возражал: написанное слово ни для кого ничего не значит. Оно мертвое. Пока кто-то его не скажет или хоть прочтет про себя, оно вообще бессмысленное¹¹. Смысл, Дельта говорил, не в самом слове. А у того, кто понимает. Так, Дельта?

Дельта. Да, я так говорил. Вот отпечаток, след. Он не сам по себе имеет смысл, а только для того, кто понимает. Следовательно, кто знает следы — он поймет, что была собака. И будет смысл. А так — мертвый отпечаток, да. И написанное слово так же.

Альфа. Вот смотри, люди книжки читают. Там столько всего. Из книг узнаешь все. А ты говоришь, мертвое.

Бета. Дельта и говорит — книжки читать надо и понимать, что там написано. А не в самих по себе книжках смысл.

Альфа. Ведь тот, кто написал книжку, — он знал смысл. В написанные слова вложил его. А теперь из книжки и мы узнаем.

Учитель. Я вам сейчас прочту кусочек из одного очень старого диалога. Там философы тоже размышляют и спорят о письменном и устном слове. Диалог называется «Федр», и его главный герой, философ Сократ, говорит: «Тот, кто рассчитывает запечатлеть в письменах свое искусство и кто в свою очередь черпает его из писмен, потому что оно будто бы надежно и прочно сохраняется там на будущее, — оба преисполнены простодушия <...>, раз они записанную речь ставят выше, чем напоминание со стороны человека, сведущего в том, что записано».

Федр. Это очень верно.

Сократ. В этом, Федр, дурная особенность письменности, повستине сходной с живописью: ее порождения стоят, как живые, а спроси их — они величаво и гордо молчат. То же самое и с сочинениями: думаешь, будто они говорят как разумные существа, но если кто спросит о чем-нибудь из того, что они говорят, желая это усвоить, они всегда отвечают одно и то же. Всякое сочинение, однажды записанное, находится в обращении везде — и у людей понимающих, и рав-

¹¹ Ср. у О. Эсперсена: «Написанное слово подобно мумии до тех пор, пока кто-нибудь не оживит его, мысленно превратив в соответствующее слово устной речи» (Философия грамматики, С. 16).

Урок 8

ным образом у тех, кому вовсе не подобает его читать, и оно не знает, с кем оно должно говорить, а с кем нет. Если им пренебрегают или несправедливо его ругают, оно нуждается в помощи своего отца, само же не способно ни защититься, ни помочь себе»¹⁰.

Бета. Вот там сказано, что выше написанное — напоминание со стороны сведущего человека. А откуда мы знаем, что он точно *сведущ* в том, что написано? Именно в том, что написано? Мало ли что он скажет. Может быть, он как-то по-своему понимает и нам рассказывает не точно то, что написано, а как он это понимает. А по написанному как раз можно точно проверить.

Альфа. Только если сам, кто написал, нам расскажет. Тогда он точно понимает.

Гамма. Не обязательно. Он, может быть, когда писал, понимал. А потом уже забыл. Или передумал. И другое что-то понимает. А теперь придет нам рассказывать — уже будет говорить не то, что написано, а что он сейчас думает.

Лямбда. Вообще, этот Сократ — он давно ведь жил?

Учитель. Очень давно, почти две с половиной тысячи лет назад.

Альфа. О! Как давно!

Лямбда. Как бы мы узнали его мысль, если бы кто-то не записал ее? Ведь уже нет никого, кто его слушал и мог бы устно рассказать.

Гамма. Ну, они могли бы своим детям рассказать, те — своим, и так дошло бы до нас.

Лямбда. Когда устно передается, все меняется. Сначала немного по-другому будет, потом еще немного, и в конце уже не узнать. Как испорченный телефон.

Бета. Вот он, Сократ, и говорит — письмо мертвое. Живое меняется, растет, живет, ходит, потом умирает, а мертвое всегда одинаковое. Камень мертвый пролежит тысячу лет, и всегда одинаковый будет!

¹⁰ Платон. Федр. 273b-e.

А живое всегда разное, например щенок вырастет — бывает, что так изменится, что уже не узнать. И исчезнет когда-нибудь, ну, умрет. А мертвое всегда будет, и всегда одно и то же¹. Устное слово — живое, письменное — мертвое.

Гамма. Но смотри, Бета, ведь слова, которые ты говоришь... Ты сказал — и уже нет их. Они живые были и умерли. А я тебе отвечаю. Значит, я их помню. Как бы они у меня в ушах записаны².

Лямбда. Этот Сократ, он так странно говорит — вроде написанное слово мертвое, а оно нуждается в защите. Так можно только про живое сказать. Мертвое разве нуждается?

Учитель. Тот же Сократ говорил о «речи, которая вместе с приобретением знания пишется в душе обучающегося, она способна защитить сама себя, умеет говорить кому следует, умеет и промолчать»³.

Бета. Ну да, в ушах только звук, в книге, на бумаге, только буквы, а в душе вместе со смыслом... А буквы-то — в них отражается этот смысл, отпечаток, как им говорили⁴.

Звонок

¹ Катя Кашинко, 1-й класс.

² Оля, 1-й класс.

³ Федр. 276 b.

⁴ Ср.: «Федр. Ты говоришь о живой и одушевленной речи знакомого человека, отображением которой справедливо можно назвать письменную речь. Сократ. «Совершенно верно» (Федр. Там же).

Урок 9

Отпечатки вещей — или отпечатки мыслей?

Слово-отпечаток — имя для вещи.

Как правильно — щенок или собачёнок?

Два смысла слова «правильно». Слово ли «-енок»?

Имена существительные и глаголы. Главные
слова — имена вещей или глаголы?

Учитель. Теперь, наконец, Бета скажет нам про отпечатки. Лямбда спросил, какие слова — отпечатки вещей. Ты сказал, Бета, что их все.

Бета. Да, кажется, что не все. Во-первых, Дельта называл словом, когда кто-то закончил говорить, а другой понял, и есть целый смысл, а не кусочки отдельные. Например, целое стихотворение. Вот я закончу свое объяснение — будет слово, в Дельтином смысле. И то, если я хорошо объясню и вы поймете, тогда только будет смысл, как Дельта говорит¹⁰. Это не отпечатки вещей.

Альфа. Ты говоришь много слов, а *одну свою мысль* хочешь сказать¹¹. По-Дельтиному, это и есть слово.

¹⁰ См. 1, 4, 7-й уроки.

¹¹ Она, 2-й класс.

Бета. Да. То, что Дельта называет словом, это не отпечаток вещи. Это, ну, отпечаток целой мысли. Вот я говорю много слов и свою мысль хочу сказать, для этого раннее слова нужны, много слов.

Каппа. У тебя есть мысль. Ты ее думаешь, в уме. Потом хочешь сказать. И для этого говоришь разные слова, соединяешь их, звуки чтобы были членораздельными, чтобы понятно было. И в этой твоей речи отпечатывается твоя мысль¹⁸. Так, что ли?

Бета. Ну да, примерно так. А когда я сказал, что слова — отпечатки вещей, я имел в виду не Дельтины слова, а отдельные слова, которых много в том Дельтином слове. Ну, которые произносятся отдельно, на одном ударении, что ли¹⁹. Отдельные слова, как *ручка*, *собака*. Вот они — отпечатки вещей. И не все. Например, мы говорили скороговорку: *Проворонила ворона вороненка*. Здесь три таких отдельных слова. И слово *ворона* — отпечаток. Ворона — птица, а слово *ворона* — ее отпечаток. След от вороны. Чтобы мы знали о ней, когда ее нет. *Знак*. Ручка слово — след от ручки. Название ее. *Знак*. Отпечаток.

Лямбда. А другие слова? *Проворонила*, *вороненка*?

Бета. Нет, не отпечаток. Проворонила — такой вещи нет. А *вороненок* — отпечаток. Есть маленькая ворона, вороненок, птенец. И слово *вороненок* — ее отпечаток.

Учитель. А *проворонила* — слово, но не отпечаток?

Бета. Да, слово, но не отпечаток. Не название. Оно отдельное слово, и в нем смысл есть, мы его понимаем, но оно не отпечаток.

Альфа. Оно не называет никакую вещь.

Учитель. Значит, слово-отпечаток — это имя для вещи. Оно называет вещь.

Эта. А помните, мы говорили, что у вещей есть правильные имена и неправильные. Слова-названия и просто слова.

¹⁸ Ср.: «Слова суть отчетливые и членораздельные звуки, которые люди сделали знаками, чтобы обозначать то, что происходит у них в уме» (Арно и Рахель. Указ. соч. С. 102).

¹⁹ См. урок 1.

Урок 9

Альфа. Да. Правильные имена подходят к вещи. Они названия. Как *будто* она сама говорит, вещь, как ее зовут. Но только это не отдельная вещь — название. Оно, название, в самой вещи, для которой оно название⁶⁴.

Бета. Вот я эти правильные имена, названия, которые подходят, как *рукав*, *смыл*, *учитель* — помните, мы приводили такие примеры?⁶⁵ — я их и называю отпечатками. И считаю, что они есть отдельно от вещи, как ее отпечаток.

И еще мы говорили другие слова — *шорох*, *треск*, *гром*, *мыск*. Они тоже подходят. В них звук отпечатался⁶⁶.

Ламбда. Они по-разному подходят. Подходят и те и те слова, и можно их назвать названиями, но по-разному. *Шорох*, *треск*, *мыск* — в них, как Бета говорит, звук отпечатался. То, что мы называем — звук, — то в названии и отпечаталось. А слова *рукав* или *учитель* — они по-другому подходят.

Бета. Ну да. Они от других слов подходят. *Рукав* — на *руке*, мы уже это говорили⁶⁷.

Гамма. *Верона* подходит?

Бета. Да, как *гром*.

Альфа. Потому что каркает?

Бета. Ну да.

Эта. А *вороненок*?

Бета. Подходит. Это тоже название.

⁶⁴ См. урок 2.

⁶⁵ См. урок 2.

⁶⁶ См. урок 3.

⁶⁷ Ламбда и Бета говорят о различной мотивированности значений слов. Слова первой группы, называющие звуки, мотивированы ономатопеетически; слова второй группы мотивированы через свою внутреннюю форму, связывающую их с производными словами. Слова, значение которых не мотивировано таким образом, эти ученики отказываются считать названиями.

Эта. Почему? Он маленький, еще не каркает.

Альфа. Вырастет, будет каркать. Колокольчик тоже не всегда звенит, а мы все равно его называем колокольчик, даже когда он молчит. Потому что имя всегда одно у вещи, и не обязательно то, что сейчас видим или слышим, а вообще.

Лямбда. Еще по-другому подходит, не только по этому. Потому что он ребенок ворона. Ворон-енок. Как кот-енок, медвеж-енок, ж-енок, собач-енок.

Альфа. Щенок правильно, а не собаченок.

Лямбда. Как раз неправильно. Правильно собаченок. Потому что собачий ребенок. Собаченок — название, правильное имя, щенок — просто слово; -енок — значит чей-то ребенок¹⁰.

Учитель. Бета, ты почему считаешь, что *вороненок* — не просто слово, а название? Потому что будет каркать, как сказал Альфа, или, как Лямбда объяснил, потому что из самого слова ясно, что он ребенок вороны?

Бета. Ну, я вообще-то думал, как Альфа, — потому что он вороненок, хоть пока и не каркает, но к нему подходит это название, он будет взрослой вороной. Но я и с Лямбдой согласен — он воронин ребенок.

Гамма. Ну, это ведь одно и то же. Он потому и будет взрослой вороной и будет каркать, что он воронин ребенок.

Каша. Лямбда, ты сказал: «-енок — значит чей-то ребенок». Но ведь такого слова нет — *енок*.

¹ Мама, дошкольница.

¹⁰ Альфа и Лямбда по-разному понимают, что такое *правильно*. Для Альфы важна нормативная сторона речи. «Правильно» — значит как принято, как говорят, как в словаре. Для Лямбды «правильно» значит соответственно общему правилу, которое он выводит, обобщая аналогичные по форме и значению слова и обращая внимание на значимость отдельных морф. Сравнение этих двух пониманий *правильного* обнаруживает так называемые исключения школьной грамматики, когда «правильное» в понимании Альфы написано, словосочинение, словосоединение и т. д. противоречит правилу, а «правильное» в понимании Лямбды является ошибочным. Это могло бы стать предметом обсуждения, но ученики сейчас слишком увлечены проблемой имени как означаема вещи; см. урока 25–26.

Урок 9

Ламбда. Ну как нет? Оно же значит что-то и из звуков состоит. Осмысленный звук. Ну, пусть не название. Но чем же оно не слово? Это ведь не то, что *блэкбик*. Все поймут.

Альфа. Никто не поймет, если отдельно сказать. Это не слово. Его отдельно не говорит. Что за *онок* какой-то?

Учитель. Но ведь *-онок*, правда, и значит что-то всем понятное и состоит из человеческих звуков. Почему вы считаете, что это не слово?

Альфа. Потому что так не говорят. Отдельно его не говорит. Оно в других словах — *котенок*, *вороненок*. А само по себе не слово, кусочек слова. Так мы отдельные слогги можем называть словами. Или целые большие речи, как Дельта предлагает, которые всю мысль рассказывают. Тогда вообще будет непонятно, что такое отдельное слово. Все опять запутывается.

Учитель. Альфа, но ведь правда непонятно.

Альфа. Мне понятно. Слово — то, что говорится отдельно.

Бета. Можно же сказать отдельно: *онок*.

Альфа. Нет, это отдельно не говорят. Как один слог. Мы его специально можем выделить, например: *ва-ро-ма*. А так-то отдельно *ва-м* не говорим.

Бета. А тебе Дельта скажет, что и отдельно *ворона* не говорят. Например, мы говорим: *вот летит ворона*. Или говорим: *пролетела ворона вороненка*. Тогда есть смысл. А просто *ворона* — не говорим. Также специально можем выделить, но вообще-то не говорим.

Альфа. Я тебя могу спросить: «Что за птица там сидит на снегу?» И ты ответишь: «Ворона». Что, разве нет смысла?¹⁰⁰

Бета. Есть. Когда отвечаешь на вопрос, то есть. А в самом слове — нет.

¹⁰⁰ Альфа здесь понимает отдельное слово с синтаксической точки зрения, как потенциальный минимум предложения. С этой точки зрения не только морфемы, но и служебные слова отдельными словами не являются, хотя и имеют значение. См. прим. 21.

Дельта. Я придумал, как сказать, что такое слово. Слово — это то, что может отвечать на вопрос. Тогда в нем есть смысл. Раз слово зачем-то говорится, значит, на что-то отвечает¹⁰¹.

Бета. Ты же говорил, что слово — это когда вся длинная мысль целиком рассказана и кто-то понял ее. А теперь с Альфой соглашаешься. Передумал?

Дельта. Ничего не передумал. Если слово отвечает на вопрос, то его кто-то поймет, у кого вопрос. Тогда и будет смысл. И длинное может быть слово — если вопрос трудный. Например, *какая птица сидит* — легкий вопрос. Ответил «ворона», и все понятно. И слово сказано, и смысл есть, кто спрашивал, понял. А вот тебе Лямбда задал вопрос трудный: *какие слова отпечатки, а какие нет*. И ты начал объяснять, но еще свое слово не закончил. Мы, правда, все время тебя отвлекаем.

Учитель. Мы запомним определение Дельты: слово — это то, что может отвечать на вопрос, и к нему потом вернемся¹⁰². А сейчас, Бета, продолжи, пожалуйста, свое слово — ответ на наш вопрос. Скажи, почему слово *проверонили* не отпечаток? Разве оно не подходит к тому, что значит?

Бета. Оно не называет вещь. Ну, ворона — это птица, существо. У нее есть имя. Если оно правильное, подходит к ней, мы его называем названием. А *проверонили* — не имя. Оно понятное слово, но оно не называет никакую вещь.

Эта. А вот мы говорили про всякие звуки — *дром, зом*. Это ведь тоже не вещи.

¹⁰¹ Ср.: «Смыслами я называю ответы на вопросы. То, что ни на какой вопрос не отвечает, лишено для нас смысла» (Бахтин М. М. Эстетика словесного творчества. М., 1986. С. 369 (записи 1970–1971 гг.)). Ср. о вопросно-ответной природе слова, напр., у Бахтина: «Стоящий за высказыванием вопрос — вот то единственное, что придает ему смысл» (Бахтин Г. Г. Актуальность прекрасного. М., 1991. С. 66). В. Абрамкин обращает внимание, что и в школьном грамматическом разборе «по вопросам» используется ответность слова (Абрамкин В. Герменевтические подступы к русскому слову. М., 1992. С. 74). См. продолжение этой темы на уроках 20, 27–28.

¹⁰² См. уроки 18–20.

Урок 9

Альфа. Да, не вещи.

Бета. Но все-таки у них есть названия, у этих звуков.

Альфа. Нет, по-моему, названия только у вещей. А вещь — это то, что можно увидеть, взять в руки. Вот Бета говорил, луны не потрогаешь. Но я могу на нее показать ночью: вот она, луна. А на звук не покажешь, звук ведь только слышно¹.

Каппа. Ну и что? Одну вещь только видно, другую только слышно. Некоторые вещи — их и видно, и слышно, и можно в руки взять. А мы их называем как-то, словами. Это их имена. А *проворонила* — не имя. Оно не называет вещь.

Ворона, вороненок, ложка, грам, речка — это все имена вещей. Ну пусть некоторые неправильные, как вы говорите, не названия. Просто слова. Но они не такие, как *проворонила*. Даже *блямбик* на них больше похож, чем *проворонила*, хотя непонятно, что за вещь он называет. Их легко отличить, они себя ведут одинаково. Я уже говорил — можно сказать: *маленький блямбик, маленький грам, маленький вороненок*¹⁰². А *маленький проворонила* — нельзя. Можно, как Дельта говорил, придумать вопрос, на который они отвечают: что ты видишь? И ответить: ворону, или речку, или ложку, или луны. Или блямбик. Если бы он был, этот блямбик.

Лямбда. А *проворонила* — тоже можно придумать вопрос. Что ты сделала с вороненком, ворона? — *Проворонила*.

Каппа. Да я же не говорю, что *проворонила* — не слово. Оно слово, и даже по-Дельтиному, может на вопрос отвечать, и смысл есть. Только оно не имя, не название. Те слова, к которым вопрос что, — это названия. Я считаю, что названия — не те, которые по звукам подходят, а те, которые называют какую-то вещь. К которым вопрос что сделала — не название. Они себя ведут по-разному. Не вещи, а слова себя по-разному ведут.

Учитель. Слова, правда, ведут себя по-разному. Те слова, о которых говорил Каппа, что они отвечают на вопрос «что?» или «кто?»

¹ Аппен, 1-й класс.

¹⁰² Урок 2.

«кого?», «кем?» и еще несколько похожих вопросов, называются именами *существительными*. А те слова, которые отвечают на вопрос «что делать?», «что сделал?» и похожие вопросы, называются *глаголами*¹⁰⁴. И они по-разному изменяются и по-разному сочетаются с другими словами. На это Каппа обратила внимание.

Альфа. Ну они же не только на разные вопросы отвечают, но и *значат* разное. Сами по себе, без всяких вопросов. Те, которые существительными, значат вещь. И, как Бета говорил, они ее отпечатки. Те, которые подходят к ней, названия. А другие — просто слова, имена. Каппа говорит, что и те, и те названия, потому что они называют вещь. А те, которые глаголы, — они значат, что кто-то что-то делает или сделал. *Мычит, дремлет, берет, проворонила*.

¹⁰⁴ Традиционное языковедение определяет глагол как «часть речи, выражающая грамматическое значение действия (т. е. признака подвижного, реализующегося во времени) и функционизирующая по преимуществу в качестве сказуемого», а имя как «слово... называющее, изображающее вещь или человека <...> В языках с развитой морфологией [имя] отличается формами склонения, тогда как глагол имеет формы сравнения, прилагательные — формы согласования и степеней сравнения...» (см. Лингвистический энциклопедический словарь). Или, например, глагол определяется как «грамматический класс слов (часть речи), основным грамматическим свойством которых является способность выражать категории аспекта, времени, модальности, залога и возг. др., а основным синтаксическим свойством — предикативность, или финитность, т. е. способность выступать в роли сказуемого — синтаксической вершины предложения... Данные формально-грамматические свойства глаголов находятся в определенной корреляции к их семантическим свойствам: «настоящим», или «прототипическим», глаголам свойственно прежде всего обозначать происходящее во времени ситуации, состоящие из отчетливо выделяемых этапов, или временных фаз» (Энциклопедия «Кругосвет», см.: <http://www.krugosvet.ru/article/76/1007615/1007615a1.htm>).

Противоречивость, разноречивость и необязательность признаков, позволяющих противопоставить имя и глагол, давно замечена, описаны и многочисленные «исключения» (не всекие имена склоняются, и есть языки, где склонения имен нет вообще, «отсутствие времени», который назван в качестве основного признака глагола еще Аристотелем (см. прим. 117, 194), может быть связан не только с глаголом — существуют языки, в которых имя грамматически выражает время; во многих языках распространено именное предикативание, т. е. утверждение может быть образовано без глагола; есть огромное количество глаголов и имен, значение которых отличается от «прототипических» глаголов, обозначающих действие, и «прототипических» имен, обозначающих вещь; и т. д. и т. п., с некторыми из этих проблем выши ученики столкнутся на следующих уроках).

Мы используем в качестве первого, приблизительного «операционального» определения этих частей речи применимость вопросов *что?, кто?, что делает?* и т. п.

Урок 9

Бета. Помните, мы говорили, что есть первые, главные слова. Простые слова. Они называют что-то сами по себе. А другие — через них называют. Вот *бык*, например, первое слово, простое. А *бычок* уже через него назван. Маленький *бык*. *Ворона* — первое слово. А от нее *вороненок*. И *проворонить* тоже от *вороны*.

Альфа. Эти первые слова — они имена вещей.

Гамма. А по-моему, первые слова, главные — это не имена вещей. А как раз главные слова описывают, какая вещь, что она делает. А не просто так — называли и все. Потому Альфа и говорил, что у вещей есть свои, правильные имена. Правильные имена — названия. Потому что они описывают вещь. Мы же говорили, помните: *спал* — потому что *спит*, *зюл* — потому что *зевнул*, *гром гремит*. *Училишь* — потому что *учишь*. Вот Бета предлагал *рубль* называть *плантишкой* — потому что им *платят*. *Письмо* — потому что его *пишут*. Слово — потому что его *слышат*. Это первые слова, главные, они как раз говорят, что делает вещь, зачем она. А отсюда уже ее название¹⁰⁰.

Альфа. А *бык* почему так называется? Что — он *бычит*, что ли?

Гамма. Бык *бычит*, да. Корова *мычит*, а бык *бычит*.

Ученики смеются.

Эта. Так правда больше подходит. Бык сердитый и драчливый, он *бычит*. А корова добрая, она *мычит*, молоко дает. По звукам подходит, помните, мы говорили про звуки, что они значат сами, и поэтому слова, в которых такие звуки, подходят к вещам¹⁰¹. И как раз вспоминали эти слова, о которых сейчас Гамма говорит, что они главные: *бить*, *рыть*, *лечь*, *бросить*. В них звуки слышное. Мы теперь знаем, что они называются глаголами.

Альфа. Ну вот же такого слова — *бычит*. Мы его только что придумали. Как *блямбык*. Только он глагол. Блямбык — имя существительное, а *бычит* — глагол.

¹⁰⁰ Вопрос о связи имени вещи и относящегося к ней действия возникнет еще не раз. См., напр. сл. урок, уроки 12–14.

¹⁰¹ Урок 4.

Каппа. Вот видишь, а говоришь, что таких слов нет. Ты сам говоришь, одно — имя существительное, другое — глагол. Если их нет, о чем же ты говоришь?

Альфа. Я так говорю, потому что мы их сами придумали, они не настоящие слова. А если бы были, то одно было бы существительным, другое — глаголом¹⁰⁷.

Учитель. Между прочим, Гамма прав. Слово *бык*, действительно, произошло от глагола с похожими звуками, который означает *леу-чать*, *гудеть*. Такого глагола сейчас нет в русском языке, но он есть в других языках¹⁰⁸.

Звонок

¹⁰⁷ У этих «придуманных» слов отчетливые грамматические признаки.

¹⁰⁸ Слово *бык* родственно лит. *bykti*, -ju «звучать, гудеть», лит. *bykti* «мычать», *bykias* «мышь», калар. *bygad* «таритус» (М. — Э. I. 344). Иная ступень чередования гласного представлена в *bykian* «хлопать», словен. *békat* «мычать» (см. Фасмер. Этимологический словарь).

Имена существительные и глаголы (продолжение).

Предложение. Бывают ли предложения без глаголов? Имена склоняются, глаголы спрягаются — потому что они значат вещи и действия или нет?

Слова ходят парами: стол стоит, учитель учит.

бык бычит, блюмбик блюмчит

Учитель. Мы на прошлом уроке выяснили, что слова различаются не только по звукам и не только по тому, что они означают, но и по тому, как они себя ведут, на какой вопрос они могут отвечать. И поделили слова — имена существительные, которые отвечают на вопрос «кто» или «что», «кому», «чем» и похожие вопросы, и слова — глаголы, которые отвечают на вопрос «что делает», «что делал», «что будет делать», «что делаешь» и похожие вопросы.

Альфа. Они ведь потому отвечают на эти вопросы, слова-то, что одни означают вещь, а другие — действие. Поэтому и ведут себя так эти слова, что разное обозначают. Существительное обозначает вещь, глагол — действие, то, что делается с этой вещью¹⁰⁰.

¹⁰⁰ Противопоставление имени и глагола как слов, обозначающих соответственно вещь и то, что присуще вещи (как правило, но не всегда, действие), то есть

Лямбда. Существительное — то, что существует. Существо. Поэтому и называется — *существительное*. Собака — существо, ворона — существо, ручка — тоже существо. А глагол — непонятно, почему так называется.

Бета. Можно было бы назвать его действующее слово¹⁰⁰.

Учитель. Слово *лагал* раньше означало просто слово, всякое слово, скорее в том смысле, о котором все время говорит Дельта — речь, говорение. Было слово *лагаломать* — говорить, высказываться. Оно родственно слову *лаос*¹⁰¹.

Лямбда. Значит, глаголы главные слова, первые.

Дельта. Что значит главные? И те и другие нужны, без них ничего не скажешь. Вот мы говорим: *Прозорыла ворона воронетки*. Или: *Эмми-Бемми или варенники*. Или: *Елал греки через реку*. И везде есть и существительные, и глаголы.

в соответствии с их семантикой, имеет давнюю традицию. Бы принято возводить к Аристотелю, однако Аммоний пишет: «[Сократ говорит в «Кратиле»] что имя — это подражание сущности каждой вещи, производимое посредством членораздельной речи, или, что то же самое, состоящее из элементов и слогов; подобно этому и глагол есть подражание тому, что совуствует (т. е. принадлежит) сущностям, а предложение — то, что состоит из обоих, т. е. из имени и глагола. Этим, а также сказанным в «Софисте», он как бы и сам, еще до Аристотеля, устанавливает, что единственными подлинными частями речи являются имя и глагол» (Аммоний. Комментарий к «Об истолковании» Аристотеля. Цит. по: Античные теории языка и стиля, СПб., 1996. С. 83). Традиция эта поддерживалась очень долго. Из грамматики нового времени приведу в качестве примера определение М. В. Ломоносова: «Словом даю для того человеку, чтобы свои понятия сообщать другому. И так понимает он все на свете и сообщает другому идеи вещей и их действий. Изображения словесные вещей называются именами, напр.: *небо, ветер, ели*; изображения действий — глаголами, напр.: *спител, елел, выдети*» (Ломоносов М. В. Российская грамматика. Изд. 4, 140). Недостаточность одного семантического подхода для противопоставления имени и глагола обнаружится очень скоро. См., напр., прим. 117, 118, уроки 15 и 16, прим. 166, урок 16.

¹⁰⁰ По-украински глагол дієслово.

¹⁰¹ Ср. у Дала: «Глагол — слово, речь, выражение; | словесная речь человека, разумный говор, язык. | Грам. часть речи, разряд слов, выражающих действие, состояние, страдание. Глаголовать, глаголовать что, говорить, сказывать, речить; | многословить...». Ср.: «Но лишь божественный глагол до слуха чуткого коснется...»

Урок 10

Учитель. Эти примеры, которые сейчас привел Дельта, мы будем называть предложениями. В них обычно несколько слов, но иногда бывает и одно. Они выражают законченную мысль¹¹².

Альфа. Вот в этих предложениях есть и существительные, и глаголы. Всегда в предложениях разные слова, и существительные и глаголы, вместе? Как только скажешь имя существительное с глаголом, получится предложение¹¹³.

Гамма. Ну, бывают предложения и без глаголов.

Альфа. Не бывают.

Учитель. Гамма, приведи пример.

Гамма. «Ты кто?» — «Я Гамма». Вот, тут глаголов никаких нет. А смысл есть, и это законченные предложения¹¹⁴.

Альфа. Это не предложения. Это вопрос и ответ¹¹⁵. В предложениях какая-то мысль есть.

¹¹² В языковании принято называть предложениями в широком смысле слова любое законченное высказывание, в узком, грамматическом смысле — единицей сообщения, которая образована по специальному грамматическому образцу, обладает значением предикативности.

¹¹³ Роман, 3-й класс; Катя Захарова, 5-й класс, гимназия «Омега», г. Харьков.

¹¹⁴ Вера Далецкая, 1-й класс.

¹¹⁵ Ср. у Платона в «Софисте»: «Чужеземец. <...> У нас ведь есть двоякий род выражения бытия с помощью голоса. <...> Один называется именем, другой — глаголом. Тотчас. Расскажи о каждом из них. Чужеземец. Обозначение действий мы называем глаголом. Тотчас. Да. Чужеземец. Обозначение с помощью голоса, относящееся к тому, что производит действие, мы называем именем. Тотчас. Именно так. Чужеземец. Но из одних имен, последовательно произнесенных, никогда не образуется речь, так же и из глаголов, произнесенных без имен. <...> Высказанное никак не выражает ни действия, ни его отсутствия, ни сущности существующего, ни сущности несуществующего, пока кто-либо не соединит глаголы с именами. Тогда все налажено, и первое же сочетание [имени с глаголом] становится тотчас же речью — в своем роде первую и самую маленькую из речей» (Софист, 261e — 262c). У Аристотеля: «Речь [Λόγος] составляется из имен и глаголов» (Аристотель. Риторика, 1404b23).

¹¹⁶ Катя Кашыненко, 3-й класс; Гена Умелый, 5-й класс, гимназия «Омега», г. Харьков.

¹¹⁷ Поля Филиппов, 3-й класс; Дани Фоминко, 3-й класс, гимназия «Омега», г. Харьков.

Лямбда. А тут разне нет?

Бета. Те предложения, которые Дельта приводил, — они не такие. Там что-то рассказывается. Не вопрос и ответ, а что-то о ком-то говорится. Трека ехал через реку, Энники-Бенники или вареники, ворона проворонила вороненка. И в них существительные и глаголы есть. А Гамма привел в пример вопрос и ответ — это вроде не предложение.

Учитель. Дельтины предложения — это *повествовательные* предложения. Они повествуют, рассказывают о чем-то. А бывают *вопросительные* предложения.

Бета. Тогда уж и отвечаемые. Которые спрашивают и которые отвечают¹¹⁴.

Альфа. В этих повествовательных предложениях существительное и глагол. Чтобы рассказывать, все эти слова нужны. Просто «ворона» сказать — ничего не рассказано. Назвали ее, и все. И просто «проворонила» — тоже. Кто проворонил, кого — непонятно. Вы скажете, что это может быть ответом на вопрос. Да. Например: *Кто проворонил вороненка?* — *Ворона*. Но когда на вопрос отвечаешь, понятно, а когда просто говоришь, — нет. Надо вместе сказать¹¹⁵.

¹¹⁴ Предложения, в зависимости от цели сообщения, принято разделять на повествовательные, вопросительные, побудительные и т. п. Динот Лазарский утверждает, что «Протагор первый разделил речь на четыре [вида] — просьба, вопрос, ответ, признание — и назвал их разветвленными речью» (Жизнь философов IX, 53–54 (Античные теории языка и стиля. С. 38)). Стояки классифицировали предложения по цели высказывания (повествование, вопрос двух типов, побуждение, желательность, мольба, заклинание, клятва, обращение). Клятвы и заклинания, как показал Дж. Остин, относятся к особому макусу речи — перформативному. См. уроки 23–25 в прил. к ним. «Отвечаемые» предложения принято относить к повествовательным, хотя с точки зрения прагматики речи они имеют особый, отличный от собственно повествовательных предложений, смысл и соответственно другой синтаксис (так, в них очень часто встречается эллипсис). На это обратит внимание Дельта (см. урок 19).

¹¹⁵ Восходящая к Аристотелю классическая традиция понимает высказывание как предпославующее суждение. Ср.: «Каждая высказывающая речь необходимо заключает в себе глагол или замещение глагола по времени, ведь и речь о человеке не есть высказывающая речь до тех пор, пока не присоединено „есть“, или „был“, или „будет“.

Урок 10

Каппа. Альфа, а разве не бывает предложений без глаголов или без существительных? Не вопросов и ответов, обычных предложений, повествовательных?

Эта. Вот скороговорка: *На дворе трава, на траве дрова, раз дрова, два дрова, три дрова.* Тут нет глагола.

Альфа. Ну, это скороговорка. Для игры, а не для того, чтобы мысль сказать.

Каппа. Но вот тебе не скороговорка, просто обычное предложение: Петья и Вася — друзья*. Здесь нет глагола. И это ведь не ответ на вопрос, просто — предложение.

Альфа. Тут есть скрытый глагол, потому что это предложение значит, что Петья и Вася *дружат*¹⁰⁵.

или нечто подобное. <...> Итак, имя или глагол называют лишь сказываемым, ибо так не говорит тот, кто намерен выразить что-то словами, чтобы высказаться, все равно, вопрошает ли он или нет, а сам что-то сообщает. К речам же относится, во-первых, простое высказывание, например когда что-то чему-то [приписывается] или что-то от чего-то [отнимается], а во-вторых, составленное из простых, например сложная речь.

Итак, простое высказывание есть звукосоотнесение, обозначающее присущность или неприсущность чего-то с различием во времени» (Об истолковании, 17120).

Ср., напр.: «Помыслив вещи посредством идей, мы сопоставляем эти идеи, обнаружив, что одни из них соответствуют друг другу, а другие — нет, мы связываем их или разделяем. Это называется утверждать или отрицать, а в общем — выносить суждение. Суждение называется также предложением, и нетрудно увидеть, что в нем должно быть два термина: тот, относительно которого что-либо утверждает или отрицает, его называем субъектом, и тот, который утверждает или отрицает, — он называется атрибут или предикатом» (Арно и Николь. Указ. соч. С. 112).

Сенар, определяя предложение, пишет, что предложение «есть выраженное в речи суждение (proposition). Оно сочетает субъект высказывания с каким-либо утверждением в отношении этого субъекта» (Сенар Э. Избранные труды по языкознанию и культурологии. М., 1993. С. 51).

* Дима Мамутович, 5-й класс, гимназия «Очак», г. Харьков.

¹⁰⁵ Катя Захарова, 3-й класс, гимназия «Очак», г. Харьков.

¹⁰⁶ Скрытый глагол, о котором говорит Альфа, в этом предложении с логической точки зрения не *дружат*, а пропущенный глагол-связка *есть*. Функция этого (подразумеваемого) глагола — образовывать утверждение, связывая имена (Петья и Вася и друзья) между собой. Арно и Николь полагают, что это основное наличие глагола. «...Глагол представляет собой не что иное, как *слово, основное наличие*

Бета. Тогда и в скороговорке тоже пропущены, скрыты глаголы — на дворе *растем* трава, на траве *лежим* дрова. Специально пропущены, чтобы она была скороговорка, а не просто рассказ.

Лямбда. Ну, и совсем другой смысл получается. И в предложении «Петя и Вася дружат» тоже смысл не совсем такой, как если сказать, что они друзья.

Учитель. В чем же разница?

Лямбда. Если они дружат, то, может быть, сейчас дружат. А потом поссорятся. А друзья — значит они вообще друзья. Вот я сказал: «Я Лямбда» — тут не нужен никакой глагол, потому что я всегда Лямбда. А когда глагол, то это значит сейчас, или раньше, или потом. Например, *скал грека через реку* — он раньше скал. А если сейчас, то мы бы сказали: *едет грека через реку*. И Альфино предложение так же. Если Петя и Вася сейчас друзья, мы говорим, что они *дружат*. Если раньше были друзьями, то говорим, что они *дружились*¹⁷.

камером — обозначить утверждение, т. е. указывать на то, что речь, где употребляется это слово, есть речь человека, который не только мыслит вещи, но и судит о них и утверждает их» (Арно и Николь. Указ. соч. С. 107). Мнение, что главное свойство глагола, противопоставляющее его имени, связано с его способностью образовывать утверждения, разделяется многими лингвистами. Ср., напр.: «Глагол дает жизнь предложению и поэтому особенно важен при построении предложений. Предложение почти всегда содержит глагол; сочетания же без глагола, имеющие законченный характер, представляют собой исключения» (Волерсен О. Философия грамматики. С. 96). Э. Бенвенист также определяет глагол как «как необходимый элемент построения законченного утвердительного высказывания» (Бенвенист Э. Общая лингвистика. М., 1974. С. 170), однако он же приводит и подробно анализирует примеры безглагольных утвердительных высказываний (см. следующее прим.). На синтаксическую роль глагола обратит внимание Лямбда на уроке 17.

¹⁷ Лямбда обращает внимание на связь глагола с идеей времени. Эту связь Аристотель считал основной для глагола. «Глагол есть [изреченосочетание], обозначающее еще и время; часть его в отдельности ничего не обозначает, он всегда есть знав для сказанного об нем». Говорю же я, что глагол обозначает еще и время; например, «здоровье» есть имя, а «[он] здоров» есть глагол, ибо это еще обозначает, что здоровье имеется в настоящем времени» (Об истинковании, 166b5). «Глагол — составной, имеющий самостоятельное значение, с анализом времени *лежу*, в котором отдельные части не имеют самостоятельного значения так же, как в именах. Например, «человек» или «белое» не обозначает времени, а «идет» или «пришел» имеют добавочное значение: одно — настоящего времени, другое — прошедшего» (курсив мой. — И. Б.) (1457a). См. урок 16.

Эта И звучит по-разному, значит, и смысл меняется. А скороговорка вообще испортилась от того, что мы добавили глаголы.

Э. Бенвенист подробно анализирует предложения с именным и глагольным предикатором. Некоторые языки допускают аналогичные конструкции со связкой и без связки, например Бенвенист приводит в качестве примеров латинские предложения *omnia reuscula fata* (все прекрасное редко) и *omnia reuscula ressum* (все прекрасное постигает), утверждая, что они не отличаются ни с функциональной точки зрения, ни по структуре высказывания, ни по утвердительному характеру. В отличие от других лингвистов, он не считает предложения первого типа предложениями с пропущенной связкой: «Именное предложение нельзя считать предложением с отсутствующим глаголом. Оно столь же закончено, как и любое глагольное высказывание. Нельзя его считать и предложением с нулевой связкой, потому что нет никаких оснований в индоевропейских языках рассматривать отношение между именным предложением и предложением глагольным с глаголом «быть» как отношение нулевой формы и формы полной» (Бенвенист Э. Общая лингвистика. М., 1974. С. 175). Однако предложения без глагола, образуя именное высказывание, ставят содержание высказывания вне временной, модальной локализации. «Элемент, выполняющий функцию утверждения (эту функцию Бенвенист считает глагольной, но полагает, что ее могут выполнять и другие части речи, в частности имена. — И. Б.), будучи именем, не способен принимать характеристики, которые несет глагольная форма: временные, личные и др. признаки. Утверждение приобретает свой особый характер именно в силу отсутствия связи с временем, лицом, наклоном, коротче говоря, в силу того, что оно сосредоточено на одном члене, сведенном исключительно к своему семантическому содержанию» (Там же. С. 174–175). Бенвенист, проанализировав именные и глагольные предложения в «Пифийских откровениях» Пиндара и «Истории» Геродота, приходит к заключению, что именное предложение всегда связано с прямой речью и всегда выражает утверждения общего характера, сентенции. «Именная фраза сообщает не факт, а некоторое универсальное и постоянное отношение, которое выступает как убедительный аргумент» (там же. С. 178). С этой точки зрения, однако, приведенные примеры с глаголом и без, *omnia reuscula ressum*, и *omnia reuscula fata* не различаются — оба представляют собой именно сентенцию.

Высказывание, сообщаящее «вневременное и постоянное отношение», Арио и Николай называют вечными истинами (напр., *Бог есть бесконечный*), «ибо это истинно в любом времени» (указ. соч. С. 111); если формально такое высказывание и содержит глагол, то по смыслу ни «оттенка времени», ни модальной локализации здесь нет. Еслерот предлагает в таком случае говорить *об обобщенном времени* и приводит многочисленные примеры, где в предложениях с таким значением употребляются различные времена (Еслерот. Философия грамматики. С. 303–304). Такими в русском языке являются и инфинитивы, которые по смыслу не содержат «оттенка времени», но формально могут содержать глагол в любом времени (я, встану, в любое лицо, а не только в третьем, за которым обычно принимается значение обобщенного лица, или даже лица (Бенвенист), ср.: *По одежке встречают; Постыжись! — людей наманишь; Как любил, того дарю*). Наши ученики заметят подобное употребление глагола на уроке 16.

Бета. Глагол — это действие. Если дружат, значит, что-то делают. Вот Каппа сказал, что к глаголу вопрос: *что сделал или что делают*. Потому что глагол значит действие.

Лямбда. Глагол — это действие, а действие бывает далеко не в каждом предложении¹. И бывают поэтому предложения без глагола.

Каппа. Я когда сказал, что вопрос «что делает» к какому-то слову, я имел в виду *само слово*. Ну, как оно устроено, как себя ведет. Как мы его употребляем. А не то, что оно значит действие. Ведь можно глаголами сказать не только про действие.

Учитель. Например?

Каппа. Ну вот мы говорили: *всерама сидит на снегу*. Сидит — глагол. А ведь она просто сидит, ничего не делает. Если бы ходила или летела, тогда было бы действие. Или вот я могу сказать: *я бездельничаю*. Тут прямо я говорю, что никакого действия нет, что я ничего не делаю. А вопрос «Что ты делаешь?» — подходит. Спросят: «Что делаешь!» — я отвечу: «Бездельничаю». И все понятно².

Альфа. Ну, это как-то странно. Если глагол обозначает действие, то тогда *сидим* — не глагол. Или вот, *существуем*. Ну, что это за действие?

Бета. Таких слов много. *Спят, лежат, мерзнут, знают, сохнут*. Они ведут себя как глаголы, отвечают на Каппин вопрос и меняются так же — спит, спал, спят... Но они не означают действия.

Эта. Сохнет — значит меняется. Я не про слово говорю, как Каппа, что оно меняется, а про вещь, которая сохнет. Была мокрая, становится сухой. Изменение происходит. Значит, и действие какое-то, хоть и незаметное. Но мы по результату знаем, что было действие — что-то высохло.

Лямбда. А вот, например, кто-то болеет. Это же не значит, что изменения. Если бы у него болезнь изменялась, становилась сильнее

¹ Настя Терновая, 5-й класс, гимназия «Очаг», г. Харьков.

² Мама К., 3-й класс.

Урок 10

или слабее, мы бы сказали, что он заболел¹ или разболелся, ну, выздоравливает. А болел — это одно и то же состояние. Вот знает еще. Когда мы говорим узнал — это значит не знал, потом стал знать. Или узнаёт — тут тоже есть изменение. А когда уже знает, то это как друзья, которые уже раньше подружались и теперь друзья².

Гамма. Кто знает, может забыть.

Лямбда. Тогда мы и скажем — забыл. Или забывает, постепенно меняется. А знает — тут нет изменений. Хотя забывание не действие, он же ничего не делает, кто забывает — само забывается³.

¹ Катя Кошечка, 2-й класс.

¹² С точки зрения семантики, с которой принято связывать и формально-грамматические свойства глаголов, «настоящие», или «прототипические», глаголы свойственно прежде всего обозначать происходящие во времени ситуации. Существует, однако, глаголы, в семантическом отношении достаточно сильно отличающиеся от прототипических, а также слова с прототипической глагольной семантикой, принадлежащие к другим грамматическим классам (в русском языке, например, слова типа *был*). С точки зрения синтаксиса имеют связаны с субъектами высказывания, глаголы — с предикатами, семантически это можно интерпретировать как некую «ситуацию», о которой повествуется предложение, глагол означает событие (что «происходит» или «делается»), имеют — активных или пассивных участников эти ситуаций (живых существ или неживых вещей), которые что-то делают или с которыми нечто происходит. Внутри семантического класса слов с потенциально глагольной семантикой (предикатов) можно выделить целый ряд подклассов. Так, противопоставляются стативным и нестативным предикаты. Стативные предикаты обозначают состояния и свойства, т. е. такие ситуации, которые обладают длительностью и значительной устойчивостью во времени. Стативные ситуации стабильны: они существуют, как правило, независимо от воли субъекта и не требуют специальных усилий по их поддержанию (глаголы *спать, болеть, знать*, которые приводит Бета и Лямбда, являются стативными предикатами). Во многих языках стативным грамматически противопоставлены глаголам и относятся к прилагательным: так, слово *дружит* (*он дружит*), которое Аристотель приводит в качестве глагола (см. прим. 117), семантически близко русскому прилагательному *дружелюбный*; *знать* в русском и многих других языках глагол, а в языке догои (Западная Африка) данный смысл может быть выражен только прилагательным *ji* (*букв. знающий, осведомленный*). Нестативные предикаты, которые не только нашим ученикам, но и многим языковедам представляются «правильными», «настоящими», «прототипическими» глаголами, также, как *болеть, есть, писать*, также можно разделить на разные семантические группы, часто возникающие в разных языках грамматические корреляты. Так, например, выделяются обозначающие события и обозначение процессов (в русском языке коррелируют с глаголами совершенного и несовершенного вида, например, названные Лямбдой глаголы *заболеть и заболел*); глаголы, обозначающие процессы, делятся на предельные и непредельные, и т. п. (см.: <http://www.krugosvet.ru/articles/76/1007615/1007615a1.htm>, Арифькова Е. С. Язык и знание. М., 2006). См. уроки 16–17.

Эта. Мы все время что-то делаем, и когда забываем. Делаем глагол, показываем глагол, глагол как бы в нас живет, потому что мы все время что-то делаем. Ты, когда сидишь или лежишь и бездельничает, ты все равно что-то делаешь. Дышишь, думаешь... Даже мертвое тело человека тоже что-то делает. Мы как бы действующее лицо, которое всегда выполняет глагол. Глагол — это то, чем мы живем. Нельзя сказать «Я ничего не делаю», потому что мы всегда что-то делаем, а действие — это глагол, мы без глаголов жить не можем¹.

Учитель. Что же, Эта, предложение без глагола не бывает?

Эта. Предложение жить может и без глагола. Но это, предложение, человек делает, говорит. Не только думает (хотя и думать — уже что-то делать), но выговаривает, его слышно, предложение. Рассказывает, спрашивает что-то, утверждает, просит. А без действия никакого слова не будет. Значит, уже глагол в самом говорении, всяком, а не только специальное слово — глагол¹¹⁹.

Лямбда. Тогда, правда, всякое слово — глагол. Учитель сказал, что раньше так и было, глаголом называли любое слово, вообще речь, когда говорят, то есть делаем что-то голосом, и что это связано со словом *голос* — как Эта говорит. Правильно, потому что мы голосим, выговариваем. Мы глаголы, то есть всякие слова и речи, делаем голосом, и уже в этом — действие.

¹ Наталья Зарина, 5-й класс, гимназия «Очак», г. Харьков.

¹¹⁹ Ср. прим. 115–116. Арно и Николь и приводят такой пример: «*Petrus est vivens*, Петр есть живущий. Здесь *Петр* и *живущий* — имена, т. е. они называют вещи и атрибуты безотносительно к речи, и только *есть* делает это предложение осмысленным утверждением. «Именно от того, содержится ли в слове утверждение (а не какое действие! — Н. В.), зависит, является ли оно глаголом» (Указ. соч. С. 116). Глагольные формы — *живущий*, *живя* и т. п. (*vivens*) — глаголами с этой точки зрения не являются, хотя в них есть действие, т. е. на них известно утверждение (и оставлена только именная, назывательная составляющая), а *vivit* (живет) — глагол, т. е. в нем есть и та, и другое: *Petrus vivit* — не предложение, т. е. в нем нет глагола, а *Petrus est vivit* — предложение. Согласно этой логике, основной смысл глагола — не предсказывание, а утверждение, и действие, с которым связано глагол, — это не действие, называемое глаголом, а действие, производимое глаголом, а именно утверждение. Данное наименование глагола — «указывать на то, что речь, где употребляется это слово, есть речь человека, который не только мыслит вещи, но и судит о них и утверждает их» (Арно и Николь. Указ. соч. С. 117).

Урок 10

Бета. Но ведь правильно Каппа сказал, что отдельные слова, они по-разному себя ведут. Мы их все выговариваем голосом. А они отличаются, существительные и глаголы. Одни означают вещь, другие означают действие, как говорит Альфа. И ведут себя по-разному, как Каппа сказал.

Учитель. А ты, Каппа, кажется, считаешь, что слово может быть именем существительным или глаголом — независимо от того, что оно значит?

Каппа. Я считаю, да. Вот я привел пример — *бездельничая*. А могу привести пример с существительным — *урок*. Ведь это не вещь. Ведь мы на уроке что-то делаем. И само слово *слово* — можно сказать, что оно значит действие, а не вещь, а оно ведет себя, это слово, как имя существительное. Вот Эта все время обращает внимание на то, что это говорит, а Дельта — на то, что его слышат и понимают. Это ведь все действия, а не вещи. А само слово *слово* — это существительное, а не глагол. Потому что к нему вопрос «что?». «Что ты говоришь?» — «Слова».

Учитель. А мы можем сказать про слово, что оно глагол, если не знаем, что оно значит?

Каппа. Да. И про наши придуманные слова можем. Я уже говорил, *блэмбик* — существительное, *бичит* — глагол. Пожалуйста, я могу даже предложение такое составить: *Блэмбик бичит*. Оно будет как настоящее предложение, с именем существительным и глаголом. *Ворона сидит, блэмбик бичит* — это предложения¹²⁰. А что это значит — «блэмбик бичит» — неизвестно. Но это предложение.

Альфа. Никакого смысла в нем нет. Потому что *блэмбик* и *бичит* — не настоящие слова. И твоё предложение не настоящее.

Бета. А по-моему, нормальное предложение. Ну, смешное немного. Но даже почти понятное.

Учитель. Каппа, а как же ты определяешь, что одно слово существительное, а другое глагол?

¹²⁰ Каппа, как и на 3-м уроке, ориентируется не на лексические, а на грамматические значения слов и парадигмы их изменения. См. прим. 24.

Каша. По поведению, по тому, как они себя ведут. Я уже объяснял — можно сказать: *блкомбик*, *блкомбиком*, *маленький блкомбик*; *бм-чин*, *рытние бмчал*, если несколько блкомбиков, то они *бмчм*.

Все смеются.

Альфа. Но разве не потому они себя так ведут, эти слова, что одни означают вещь, а другие — действие?

Каша. Да мы же их придумали, никто не знает, что они означают!

Альфа. Мы говорили, что блкомбиком можно назвать маленькую собачку. Поэтому ты и говоришь — *маленький блкомбик*.

Каша. Не поэтому. Ненажно, что мы называем блкомбиком. Важно, как ведет себя слово.

Альфа. Да оно потому так себя и ведет, что мы им называем то или другое!¹²³

¹²³ См. урок 2. Вопрос о том, связаны ли грамматические признаки слов, в частности их парадигмам именения (их поведение, как говорит Каша), с их семантикой, совсем не праздный. В качестве примера часто морфологического подхода к частям речи обычно приводит знаменитую фразу Шербы «Стокая куздра штеко будланула бокра и кудрочит бокренка». Все слова этой фразы лишены семантики, но уверенно могут быть отнесены к определенным частям речи по морфологическим признакам. При этом сам Шерба полагал, что «едва ли мы потому считаем *стока*, *мелкода* за существительные, что они склоняются, скорее мы потому их склоняем, что они существительные» (Шерба Л. В. О частях речи в русском языке // Языковая система и речевая деятельность. М., 2007. С. 79). Действительно, узнав, что незнакомое нам слово означает, например, животное или предмет мебели, мы станем его склонять. Однако об именах типа *бел*, означающих действия, хочется сказать, что мы считаем его именем именно потому, что склоняем.

Стремление Кашы подвести слово под определенную частеречную категорию, ориентируясь только на его «поведение» и полностью игнорируя значение, может привести к классификации, накущейся носителям языка вполне бесосмысленной. Например, А. Павлович выделяет следующие категории слов русского языка: 1) *возок*, *птица*, *пять* (слова, меняющиеся по падежам, но не по родам и числам); 2) *рыба*, *сто*, *оно* (слова, меняющиеся по падежам и числам, но не родам); 3) *бел*, *вел*, *завел* (слова, меняющиеся по родам и числам, но не падежам); 4) *красный* (по родам, падежам и числам); 5) *ходит* (по лицам и числам). Шерба по этому поводу замечает: «Классификация, как видно, совершенно формальная, без всякого внимания к смыслу получаемых таким образом категорий, хотя строго логическая» (Шерба. Указ. соч. С. 75, 80).

Урок 10

Гамма. Блюмбики не бычат. Бык бычит. А блюмбик — блюмент.
Смех.

Лямбда. Вот вы смеетесь, а Гамма ведь не просто так сказал. Существительные и глаголы ведь связаны.

Бета. Ну да, в предложениях, которые мы говорим.

Лямбда. Нет, я не об этом. Они без всяких предложений, как слова связаны. Парами.

Альфа. Как это?

Лямбда. Ну вот же мы все время приводим примеры. Письмо — пишут, звонок — звенит, учитель — учит, слово — слышат, гром — гремит. Они парами связаны, в каждой паре имя существительное и глагол.

Бета. Эти слова, правда, родственные между собой.

Учитель. Да, все слова, которые Лямбда привел, попарно связаны родством. Родственные слова, в каждой паре одно существительное и один глагол.

Бета. И даже бык и бычит, как Гамма придумал, — тоже, оказывается, родственная пара.

Гамма. Я даже думаю, может быть, это вообще одно слово. Каждая пара, о которой Лямбда говорит, это одно слово. Писинь и письмо, смол и стоишь, гром и гремит и так далее. В ней, в каждой, глагол главное. Помните, мы говорили о первых, или главных, словах? Глагол главный.

Учитель. Почему ты так думаешь? На два вопроса ответь, пожалуйста: почему ты думаешь, что это одно слово, и почему считаешь, что глагол главный.

Гамма. Вот Бета говорил, отпечатки. Главные слова, мы думаем, следы, отпечатки вещей. А ведь чтобы был отпечаток, не просто вещь нужна. Нужно действие. Надо, чтобы что-то сделалось. Собака наступила на снег, гром прогремел, ручка написала. Тогда отпечаток бу-

дет. Значит, первое, главное — действие. Ну и одно слово — потому же. Вещи нет, когда она ничего не делает. И наоборот. Когда что-то делают, то получается сразу какая-то вещь*. Вот написали — получается письмо. Сказали или услышали — получается слово. Это одно, вместе, вещь и действие. А не отдельно. Потому и слово одно.

Лямбда. А действие-то ведь кто-то должен сделать? Само по себе ничего не делается.

Каша. Вот гром — как он делается? Что ли там кто-то сидит на небе и какими-то погремушками гремит?

Звонок

* Елена Кошаренко, 3-й класс.

Урок 11

«Заклятие смехом». «Бобзоби». Волшебные слова.

Раньше все слова были волшебными, а вещи
умными — каждая вещь сама себя называла.

Происхождение слов. Заумный язык

Учитель. Бета нам рассказал, какие слова он считает ответками, а какие — нет. И мы выяснили, что есть слова — существительные и слова — глаголы. Существительные, говорил Бета, это и есть отпечаток вещи. А все наши предложения, которые мы говорим, они состоят из разных слов — и существительных и глаголов. Можно каждое предложение называть словом, как Дельта, — в нем в целом есть один смысл, как Дельта говорит, оно отвечает на чей-то вопрос. А кроме того, в нем отдельные слова можно выделить. Каждое такое слово может отвечать на вопрос, как в примерах, которые мы приводили, тогда оно будет предложением. Но часто бывают предложения, которые состоят из нескольких слов. И Каппа сказал, что слово может быть существительным не потому, что оно отпечаток вещи, а потому, что оно отвечает на вопрос *что, кто, кого* и т. п., и мы, даже если не знаем, какую вещь значит это слово, можем сказать, что это существительное, потому что оно так себя ведет, слово. Мы думали, связано ли то, что слово-существительное означает вещь, и то, что оно так себя ведет, как Каппа сказал. Лямбда обратил внимание на то, что есть пары слов, связанные между собой, в каждой паре суще-

ствительное и глагол — *письмо* и *писать*, *гром* и *греметь*, *слово* и *слышать*. И Гамма сказал интересную вещь. Он сказал, что каждая такая пара — одно слово.

Бета. Он две вещи сказал. Что каждая пара — одно слово — и что глагол в этой паре главный, потому что вещь только тогда есть, когда что-то делается. Действие главное, потому и глагол главный.

Гамма. Я сказал, что это одно, вместе. Это одну вещь я сказал, а не две. Когда пытаешься пояснить, тогда получается несколько вещей. А когда думаешь, одна вещь, только сразу не скажешь¹.

Альфа. Как же ты говоришь, Гамма, что это одно слово? Разное совсем значит. Письмо — это вещь, писать — действие.

Гамма. Поэтому я и говорю — вещь и действие связаны в одном¹⁰².

Учитель. Я хочу вам прочесть стихотворение поэта Хлебникова, мы уже слушали его стихотворение «Слово об Зле», теперь послушайте еще одно. Оно называется «Заключение смехом».

О, засмейтесь, смеялчи!

Что смеются смехами, что смеяствуют смеяльно,

О, засмейтесь усмеяльно!

О, рассмейшиц надсмейальных — смех усмейных смеялчей!

О, исмейся рассмеяльно, смех надсмейных смеячей!

Смейсво, смейсво!

Усмей, осмей, смешики, смешики!

Смеюнчики, смеюнчики.

О, рассмейтесь, смеялчи!

О, засмейтесь, смеялчи!

Лямбда. О, это как Гамма говорит — одна вещь сразу. И все слова, существительные и глаголы. Каппа нам скажет, что смехами — суще-

¹ Катя Кошечко, 2-й класс.

¹⁰² Ср.: «Веселый, веселые, веселиться никак нельзя признать формами одного слова, ибо веселый — все же качество, а веселиться — действие. С другой стороны, нельзя отрицать и того, что содержание этих слов в известном смысле тождественно и лишь воспринимается своим призму разных общих категорий — качества, субстанции, действия» (Шерба Л. В. Языковая система и речевая деятельность. М., 2007. С. 59).

Урок 11

ствительное, *смеются* — глагол. И одно слово главное — *смех*, все остальное — *смеются, смеёмо, засмейтесь, усмейтесь* — его родственники. И, как Дельта говорит, один смысл у всего стихотворения. И главное тут — действие, все смеются. И само стихотворение — оно само смех. И все это одно.

Бета. Вот оно так и называется, это стихотворение — «Заключение смехом».

Лямбда. Потому что оно закликает. Само смеется и заставляет смеяться. Закликает, закодировывает.

Гамма. Заключение — это волшебное слово, оно само делает то, что говорит.

Учитель. Послушайте еще одно стихотворение Хлебникова. Оно называется «Бобооби».

Бобооби пелись губы,
Возмои пелись взоры,
Пиизо пелись брови,
Лиизой — пелся облик,
Гли-гли-гли пелась цепь.
Так на холсте каких-то соответствий
Все протяжения жило Лицо.

Бета. Помните, мы про звуки говорили, давно. Что сами звуки что-то значат. Эта сказка, потому что они так выговариваются. Вот в этом стихотворении это как раз так. Губы говорят ласково. Губы сами мягкие и говорят мягко, ласкают. А цепь сама твердая и твердо говорит. Здесь каждая вещь сама себя говорит¹¹⁹. И все звуки такие, подходят, как отпечатки¹²⁰.

¹¹⁹ Юля Валентина, 1-й класс, гимназия «Универс», г. Красноярск.

¹²⁰ Ср. авторскомментарий Хлебникова: «Б, или ярко-красный цвет, а потому губы *бобооби*, возмои синий <...>, пиизо — черное» (см.: Хлебников. Творения. С. 681). Ю. Н. Тынянов так проанализировал первые две строчки этого стихотворения: «Переводя *лицо* в план *звучков*, Хлебников достиг замечательной конкретности. <...> *губы* — здесь прямо *оснащенные*, — в прямом смысле. Здесь — в чередовании *губных* б, *выблизывающихся* о с нейтральными з и и — дана движущаяся реальная картина губ; здесь орган *звучков*, выведен к языковой жизни через воспроизведение работы этого органа. Напряженная артикуляция *Возмо* во втором

Дельта. Бобооби — это язык губ. Вздохи — это язык глаз. Пиэ-эо — это язык бровей. Лизээй — это язык лица. Гзи-гзи-гзээ — это язык цепи. Хлебников наблюдал за всем, что не говорит по-человечески, и старался понять их язык человеческими звуками¹.

Лямбда. Здесь сказано не *Губы лези бобооби*, а *бобооби лезили губы*. Как будто не они, губы, поют, а их что-то поет. Бобооби это самое их поет. Заклинает. Заклятие.

Альфа. Это как родственники. Ну, или друзья. Эти слова волшебные. Они живут в волшебном лесу. Фью-фью — свистит и веселит. Гзи-гзи-гзээ — путает. Смешики — смеются. И смешат. Это семья волшебных слов². Слов-заклятий.

Эта. Вот «ку-ку», тоже волшебное слово. Кукучка не называет, сколько нам лет. Она же не знает. Откуда ей знать. А сколько скажет, столько и будет³.

Бета. Как в сказке — «Сим-сим, откройся!». Ведь это слово не говорит какое-то действие, а само и делает его. Двери открывает. Слово *дыр* называет дыру, а *сим-сим* открывает. Но это только тогда, когда слово волшебное^{4 121}.

Альфа. Да, а обычные слова, которые мы говорим — не такие. Гзи-гзи-гзээ — в этом слове в одном, действительно, и цепь, и звук, и

стиль — звуковая метафора, точно так же осязаемая до касания» (Тынянов Ю. И. Иллюстрация. Книга и революция, 1923, № 4. С. 14–17). См. подробно о звуковом символизме этого стихотворения: М. И. Шенер. О «звуко-символизме» у раннего Хлебникова («Бобооби лезили губы»: фонетическая структура) (http://www.kaf2.ru/pavka/sharpt_2.html).

¹ Тама, 1-й класс.

² Катя Чайкина, 1-й класс, гимназия «Универс», г. Красноярск.

³ Юли Вячмина, 1-й класс, гимназия «Универс», г. Красноярск.

⁴ Валера Маслов, 1-й класс, гимназия «Универс», г. Красноярск.

¹²¹ В некотором отношении с магическим словом слогам т. и. перформативные высказывания, описанные Дж. Остином, — они не описывают, как обстоят дела, а делают так, чтобы дела обстояли определенным образом. Как для успешности магического (волшебного) слова, так и для успешности перформативных высказываний нужны определенные условия, а в последнем случае они связаны с некоторой языковой конвенцией (см. уроки 23–25 и прим. к ним).

Урок 11

испут, и оно само все это делает. Само и действие, и свое название, и отпечаток. Этот поэт, Хлебников, он придумывает и говорит такие слова — слова-заклятия, волшебные слова. Блюмфик тоже, может быть, он блумчит. А другие слова, они не волшебные.

Учитель. Помните первое стихотворение Хлебникова, которое мы слушали?

Бета. Да, я как раз хотел Альфе сказать. Альфа, ведь в том стихотворении слова не придуманные. Лось, лодки, листья. «Я сам из тела сделал лодку, и лень на тело упадет» — тут все слова обычные, какие и мы говорим.

Лямбда. Может быть, каждое слово немножко волшебное. Поэт просто слышит, даже в обычных словах, этот волшебный смысл. Ведь мы говорили обычные слова, и они как-то тоже немного волшебные.

Эта. Я знаете что думаю? Что раньше все слова были, как сказал Лямбда, волшебные. Они все были отпечатки, все были заклиния. Все они сами и были тем, что они значат, — вещью и действием. Потом кончилось волшебное время. Поэт его вспоминает. И пишет стихи, или сказки, и придумывает такие слова...

Гамма. Нет, оно не кончилось, волшебное время. Оно отделилось от нашего. Но есть окно. Волшебное окно на границе волшебного мира. И поэт подсматривает в это окно¹².

Лямбда. Вот раньше, может быть, все слова были отпечатки. Они подходили к вещам и действиям. А потом от них образовались дру-

¹² Маша Бандура, 1-й класс, гимназия «Универс», г. Красноярск.

¹³ Сережа, 1-й класс.

¹⁴ См. обсуждение проблемы сказки как окна в волшебный мир в работе: Курлянов С. Ю. Первоклассники и учитель в учебном диалоге. СПб. Иден. Опыт. Проблемы. М., 1993; Курлянов С. Ю. Чтение, «заражающее» литературоведением. АРХЗ. Труды культурологического семинара. Вып. 3. М. РГГУ. 1998. Высказывания учеников фонки и мысли А. А. Потебня о том, что поэтическое слово — это слово с живой внутренней формой (и таково было слово в своем источнике, при возникновении слов «каждое слово было как поэма»), а преобразование слова связано с забвением внутренней формы и превращением слова в чистый знак; поэтическая речь возвращает слову его живой первоначальный смысл (см.: Потебня А. А. Мысль и язык. Киев, 1897).

гие слова, родственные. Они уже не отпечатки самих вещей, а они от слов. Мы говорили — есть первые слова, а от них уже другие. Вот бык, от него бычок. Бык *бычим*, Гамма сказал, а учитель нам объяснил, что раньше такое слово было — *бычати*. Мы его не знаем теперь, это слово...

Бета. Может быть, про каждое слово можно узнать, откуда оно?

Каппа. Ну, мы узнаем, что оно откуда-то, от какого-то слова. А то слово — еще от какого-то. А это от чего? Должно быть самое первое слово, которое уже ни от чего.

Лямбда. А эти первые слова — они от вещей. Подходят к вещам. Из звуков состоят, и звуки такие, которые подходят. Эти звуки уже не состоят не из чего. Мы уже говорили об этом¹²⁶.

Учитель. Да, помните, мы говорили, что первые слова подходят к вещам, потому что на них похожи. И обсуждали вопрос: слово звук, может подходить к звуку, потому что оно похоже звучит. Как *гром*, например. А как может подходить слово к тому, что не звучит — ведь оно не может быть похоже?¹²⁷

Эта. Об этом мы тоже говорили. Такие слова подходят тем, как они слышатся и как выговариваются — легко, страшно, быстро, весело, — подходят к таким вещам, легким, страшным, быстрым, веселым¹²⁸.

¹²⁶ Ср. с... Стоик утверждал, что нет такого слова, для которого нельзя было бы указать определенное происхождение. И так как это давало бы легкую возможность возражать им, говоря, что если искать происхождения каждого из тех слов, с помощью которых объяснено происхождение любого какого-нибудь слова, то это будет продолжаться без конца. — они прибавляют, что продолжать такое объяснение нужно лишь до тех пор, пока мы не придем к соответствию между звучанием слова и вещью в некотором сходстве между ними, как например когда мы говорим о *моне* (*himaitis*) медя, *рокании* (*himaitis*) лошадей, *бленини* (*balatis*) овец, звучание (*claudet*) труб, *скрини* (*strider*) щепей. Каждый видит, что эти слова звучат так, как сами вещи, которыми эти слова обозначаются» (Августин. О диалектике, 6. Цит. по: Античные теории языка и стиля. С. 77).

¹²⁷ См. урок 3.

¹²⁸ Ср.: «Но так как есть вещи, которые не звучат, то для них то же значение имеет сходство осязательного воздействия: если они воздействуют на слух мягко или грубо, то мягкость или грубость звука, действующая на слух, породила для них

Альфа. Да, это первые слова. А потом уже от них такие, которые вообще не похожи. Вот нам Учитель объяснял, что *рубль* от слова *рубить* — ну, как можно догадаться?

Бета. Получается такое объяснение тому, что некоторые слова, как мы говорили, подходят к тому, что значит, а другие нет; и некоторые подходят больше другим, как крими́на — слы́шно, что она кроет, но не сразу¹²⁹; а другие слова вообще не подходят. Вот как можно объяснить, почему так получается. Раньше все слова подходили — одни потому, что они похожи звуками на звук, другие потому, что звуки так слышатся и выговариваются, мягко или жестко, легко или трудно, и этим похожи на вещи. Это были слова-отпечатки. Вещь сама их оставила. Как собака оставляет след. Потом от этих слов происходят другие слова, и они уже не похожи. Например, бык — бычит, сердитый, сильный, тупой, как Эта говорил, давно еще¹³⁰, и слово к нему подходит, потому что звуки такие; а бычок — он когда маленький, еще не сильный, не сердитый и не бычит еще, а называется *бычок* — от быка. Потом по вещам могут другие вещи называться. Например, моя сестричка сначала называла маму шап-ку, а потом стала говорить на всякую одежду — маме. Или, например, белье. Наверное, раньше все белье было белое, поэтому так называлось. А потом появилось цветное белье, а слово то же самое, и уже вроде не подходит¹³¹. И вот теперь все запуталось, и мы спо-

такие же имена. Так, само слово „мягкое“ (*lepe*) в произношении звучит мягко; и точно так же и грубость (*жесткий*) кто не найдет грубой и по самому имени? <...> Сами вещи воздействуют так, как ощущаются слова: мед — как сладостно воздействует на вкус сама вещь, так и именем она мягко действует на слух: асте (*острое*) в обоих отношениях жестко: лапа (*шерсть*) и тигр (*тири*) — языки для слуха слова, таковы сами предметы для осознания» (*Августин. Там же. С. 77*).

¹²⁹ См. Урок 2.

¹³⁰ Урок 2.

¹³¹ Ср.: «Это согласие ощущения вещи с ощущением слова стоянки считают как бы колеблемые слов. В дальнейшем вольность называния перешла к использованию сходства самих вещей между собой; так, например, если крест (*ста*) назван так потому, что жесткость самого слова согласуется с жесткостью боли, которую причиняет крест, то ноги (*стага*) названы так не вследствие жесткости боли, а потому, что длиной и твердостью они из всех частей тела наиболее похожи на дерево креста. Затем появилось злоупотребление, когда употреблялся имя не сходной вещи, а как бы смежной...» (*Августин. Там же. С. 77–78*). Этот подход к объяснению

рым — правильные ли слова для вещей, или вообще, как Каппа сказал, как договорился, так и правильно.

Альфа. Ну как же мы договоримся, когда уже слова есть и все их понимают?

Каппа. Я не так говорил, что можно договориться как угодно. Я говорил, что неважно, похоже ли слово на ту вещь, которую оно называет, а важно, чтобы мы знали, о чем оно, это слово. Ну, может быть, Бета прав, и раньше слова были похожи на свои вещи. Были правильными, как вы говорите. Но это теперь уже неважно, а важно, как люди пользуются этими словами, как слова себя ведут. Не надо договариваться и придумывать новые слова. Надо изучать, какие сейчас слова, как они ведут себя. Как их говорят. Как все говорят, а не один так, другой иначе. Тогда и поймем, что они значат¹²¹. Я не буду спорить с Бетой и с другими. Просто это не так уж связано с тем, как мы сейчас говорим.

Ламбда. Вот эти волшебные слова — мы их, правда, не так уж часто говорим. Они только в сказках, в стихах. Они непонятные... а если они самые первые, как сказал Бета, то они должны быть самые понятные.

значения слова получил долгую жизнь. Ср., напр. у Лейбница: «Задача хорошего грамматика и даже философа — суметь вывести язык слова через непрерывную цепь, так сказать, через скрытые тропы из его первоначального значения» (Предисловие к изданному сочинению Марка Николья // Собр. соч., т. 3. М., 1984. С. 66).

¹²¹ Аналогичный подход Каппа предлагает и по отношению к числу: числа — это то, к чему относятся определенные правила операций с ними; невозможно, как они «проникли» и что они значат в качестве сущностей, вещей (см. Загадки чисты. С. 33, 39 и др.). В математике этот подход был предложен Гильбертом. По отношению к языку аналогичный подход связан с Л. Витгенштейном: понять язык можно, согласно Витгенштейну, отойдя от классического представления о языке как способе называния и обозначения вещей и формирования утверждений о связи между ними и обратившись к исследованию ситуаций *его* употребления, к прагматике языка (речи). Не значения слов в классическом понимании (отнесенность к чему-то вне языка), а «написанные слов и то, как они функционируют», должно стать предметом изучения (Витгенштейн Л. Философские исследования // Витгенштейн Л. Философские работы. Часть I. М., 1994. С. 82). Однако задолго до Витгенштейна в Грамматике Пор-Рояля мы находим утверждение о том, что значение речевых знаков — это «способ, каким люди используют их для обозначения своих мыслей» (Грамматика-общая и рациональная Пор-Рояля, М., 1998. С. 71).

Урок 11

Каппа. Они непонятные не потому, что они первые или нет, а потому, что их поэт придумал, а другие их не знают. Мы их не говорим, эти слова. Он мог бы написать стихотворение обычными словами, какими мы говорим. А он специально придумал, чтобы было непонятно, волшебное.

Эта. В «Заключении смехом» все слова понятные. Они придуманные, их обычно не говорят, но они понятные.

Ламбда. Да, они понятные, потому что они от обычного понятного слова *смех*. *Смехачи* — которые смеются, как *рабоч*, *трубоч*, *трелач*, *стучач*; *смешники*; маленькие такие смешинки, как *блэкбикки*; *смеяво* — когда все смеются, как *мешиво* — когда все перемешано¹²³.

Гамма. Можно еще таких слов придумать, и они все будут понятны: *смешиннок* — это детка смеха, как *ворониннок*, *смешинще* — огромный смех, как *котинще* — огромный кот.

Альфа. *Смеявния* — это место, где смеются, как *спальня*, где спят, или *читальня*, где читают.

Ламбда. Тут разные части слов значат, и понятно, что значит слово, даже когда оно придуманное. Потому что у него части не придуманные, понятные из других слов, обычных, которые мы говорим.

Бета. А вот стихотворение «Бобзобки» не такое. Там слова — они вроде подходят по звукам — *бобзобки* к губам, *гм-гм-гм* — к щепи... Но они необычные, волшебные, Альфа говорил, мы так не говорим. И не так, как Ламбда говорит, — что они нам понятны, потому что из понятных частей. Вот ты, Каппа, сказал, что поэт специально придумал, чтобы было непонятно. А может быть, наоборот — он хотел, чтобы слово было понятно сразу, прямо по своим звукам, чтобы все слова были, как раньше, как первые слова, как отпечатки. Он придумывает такие слова, правильные, которые подходят звуками, а наши обычные слова не всегда подходят¹²⁴.

¹²³ См. урок 9.

¹²⁴ Заумный язык Хлебникова стремится преодолеть случайность, произвольность слов, сделать все слова языка мотивированными — или с помощью звукового сим-

Каппа. Ну, он их продумывает, и они как раз никому не понятны. Ему приходится объяснять. Как с иностранного языка переводить. Он и переводит: *бобзоби* — это губы, *пиззо* — брови, *ган-ган-газо* — щель, а так бы никто не понял. Это стихотворение — как словарь, оно рассказывает, что значат эти непонятные слова¹¹¹. А без этого мы бы не поняли.

Учитель. Хлебников действительно хотел создать язык, который был бы понятен всем. Он хотел, чтобы слова самими своими звуками были понятны всем людям, которые сейчас говорят на разных языках. Такой язык должен быть не просто придуман, но и создан по определенным правилам. Этот язык будущего Хлебников называл *звучным*.

Лямбда. А наш обычный язык — умный.

Бета. Умный, а в нем не всегда понятно, почему слова такие.

Альфа. Зато понятно, что значат эти слова, как говорить. Умный язык лучше.

Учитель. Звучный язык тоже, считал Хлебников, можно сделать разумным. Для этого надо понять значения отдельных звуков и из них, как из азбуки, составить слова. Помните, мы об этом говорили?¹¹²

возника, или через связь с «первыми» словами путем «склонения корней» (см. Шапир. Указ. соч.). Ср.: «Для Хлебникова слово самостоятельная сила, организующая материал чувств и мыслей. Отсюда — углубление в корни, в источник слова, во время, когда название соответствовало вещи. Когда возник, может быть, десяток коренных слов, а новые появлялись как падежи корней (склонение корней по Хлебникову) — напр., *бык* — это тот, кто *бьет*; *бюк* — это то, куда *бьет* (*бюк*) <...> Слово в теперешнем его смысле — случайное слово, нужное для какой-нибудь практики. Но слово точное должно парировать любой ответной мысли». (Маяковский В. В. Полн. собр. соч., т. 12. М., 1959. С. 24). Ср. также: «Звучный язык не есть борьба формы со смыслом, а наоборот — борьба смысла с формой, <...> будет «содержания» против той материальной структуры, в которой оно рековым образом осуждено воплощаться» (Винокур Г. Маяковский — автор языка. М., 1943. С. 18. Цит. по: Шапир. Указ. соч.).

¹¹¹ Ср.: «Это стихотворение построено, как двусторонний словарь: слева — «звучное» слово, справа — его «умный» перевод. Такая конструкция характерна для Хлебникова...» (Шапир. Указ. соч.)

¹¹² Уроки 3–4.

Урок 11

Первый звук, согласный, будет главным в слове. Слова с таким первым звуком будут связаны между собой по смыслу¹²⁷.

Каппа. А значения звуков как узнавать?

Учитель. Хлебников внимательно слушал слова обычного умного языка, и смотрел, какие слова в нем начинаются с одного звука. То, что общего в этих словах, он считал значением этого звука. Помните, «Слово об Злы»! И вы сами такие слова называли — которые начинаются с одного звука и связаны по смыслу.

Бета. Да, Гамма еще сказал, что в этом звуке разные слова, как в семечке¹²⁸.

Лямбда. Значит, разумный язык тоже не просто так придуман, а для него нужны обычные «умные» слова. Поэт слушает обычные слова и видит в них забытый смысл.

Звонок

¹²⁷ «Заумный язык — значит находящийся за пределами разума. ... То, что в заклинаниях, заговорах заумный язык господствует и вытесняет разумный, доказывает, что у него особая власть над сознанием, особые права на жизнь наряду с разумным. Но есть путь сделать заумный язык разумным. ... Заумный язык исходит из двух предпосылок:

1. Первая согласная простого слова управляет всем словом — приказывает остальным.

2. Слова, начатые с одной и той же согласной, объединяются одним и тем же понятием и как бы летят с разных сторон в одну и ту же точку рассудка...» (Хлебников. Наше искусство. Творения. С. 624). См. также прим. 44.

¹²⁸ Урок 4.

Значащие части слов. Можно ли понять слово
«чайник» из его частей?

Слова с разными значениями и слова-омонимы.

Значащие части в слове — как слова

в предложении — каждая что-то значит.

Корень слова. Однокоренные слова.

Гамма: слова растут из корня

Учитель. Лямбда нас научил обращать внимание на то, что отдельные части слов тоже что-то значат. Например, *-енок* значит *чей-то детеныш* (в таких словах, как *вороненок, котенок, мышонок*); *-ище* — что-то *огромное* (как *комнатище, слонище*); *-лмя* — место, где что-то делают (как *спальня, читальня, кузальня*). Как вы думаете, сможем ли мы понять, что значит слово, не зная его, если мы знаем, что значат его части?

Альфа. Сможем, наверное. Вот мы же поняли слова *смелачи, смелая, смелых* — они придуманные, но в них все части непридуман-ные, и мы знаем, что эти части значат, поэтому и слова понятные.

Учитель. А вот слово *чайник* — из каких частей оно состоит? Поняли бы мы его, если бы слышали в первый раз?

Урок 12

Эта. Чай- и -ник. Это слово понятное. Первая часть чай. Это то, что мы пьем. А чайник — это то, в чем чай готовится.

Лямбда. Вторая часть -ник — разве она значит то, в чем готовится?

Бета. Тогда бы будильник значило не часы, а то, в чем будят. Чайник — в чем варят чай, будильник — в чем будят.

Дельта. Тогда бы манильник значило то, в чем пилит. А это на самом деле то, чем пилит.

Альфа. А холодильник? Это то, что холодит.

Лямбда. Холодильник может быть и то, в чем холод. И как будильник (что холодит) и как чайник (в чем холод). И так и так можно понять.

Учитель. А в этих словах — будильник, манильник, холодильник — часть -ник что значит?

Бета. То, что делает какое-то действие. Будильник будит, холодильник холодит, манильник пилит или напильник. Еще светильник — он светит. А в чайнике — не так. Это не то, что делает чай, а то, в чем его делают. Значит, эта часть, -ник, разное значит в разных словах.

Лямбда. Вообще-то и чайник может быть то, что кипятит чай. Как холодильник. У него такое занятие — кипятить чай^{*}.

Учитель. Обратите внимание на эти слова — чайник, с одной стороны, и будильник, светильник, холодильник, манильник. В них часть -ник разное значит. (Хотя можно понять и как Лямбда — что занятие чайника — кипятить чай, тогда у части -ник похожий смысл в словах чайник, холодильник, будильник.) А чем еще различаются эти слова?

Гамма. Они от действий, от глаголов. Будить, светить, холодить, напильник. Поэтому -ник и значит то, что делает это действие. А чайник — от существительного.

Эта. В этих словах ведь еще одна часть есть, -ль-. Если бы мы сказали чайльник, то было бы как светильник, напильник. Чайльник — это

^{*} Лена Деиская.

то, что чинит. Ну, делает чай. Как *холодильник*, *книжательник*. Такого слова нет, но если бы было, то, наверное, значило бы то, что делает чай.

Бета. А вот в словах *пирожник*, *сапожник*, *печник* — там нет *-ль*. А эти слова значат того, кто делает пироги, сапоги, печки.

Лямбда. Да. Но не того, кто пирожит, сапожит и печет. Те слова от действия, от глагола. А эти — от существительного, от вещей, которые делают эти люди. И поэтому могло бы и слово *чайник* значить того, кто делает чай. Без всякого *-ль*. Пирожник — кто делает пироги, чайник — кто делает чай. Сапожник — кто сапоги делает.

Альфа. Разбойник еще такое слово, как *сапожник*. Кто делает разбой.

Гамма. А *печь* сама значит то, что печет. Никакой еще части нет. А вот *печник* — кто делает печи.

Бета. А вот, например, *вареник*. Это слово от действия, от *варить*. А значит оно не того, кто варит, а что-то вареное.

Лямбда. Если бы было *варительник* — то значило бы кто варит. Или что варит. Как *будильник* или *холодильник*.

Учитель. Слово *вареник* образовано не прямо от глагола *варить*, а от слова *вареный*. И значит, оно действительно что-то вареное. А *чайник* образовано от существительного *чай*, и еще там есть вот эта часть *-ник*. И Эга с Ветой правильно заметили — оно устроено не так, как слова *будильник*, *холодильник*, *напильник*, а так, как слова *пирожник*, *сапожник*, *печник*.

Альфа. Вот еще *бумажник* — это как *чайник*. То, в чем бумаги лежат. А не как *сапожник* — не тот, кто делает бумаги.

Лямбда. Знаете, *чайник* — это одновременно и как *бумажник*, то, в чем чай, и как *сапожник* — то, что делает чай, кипятит или заваривает.

Каша. *Спать* — не тот, кто спит, а то, в чем спят. А устроено как *будильник*, от глагола, и *-ль* есть.

Урок 12

Учитель. Ну так как же, смогли бы мы понять, что такое чайник, если бы этого слова не знали, а знали только, что значат части, из которых оно состоит?

Бета. Выходит, что нет. Мы могли бы подумать, что это тот, кто чай делает.

Гамма. Вот мы сказали бы: смешник. И непонятно было бы, то ли это тот, кто смешется, то ли то, в чем смешники, то ли то, что смешит.

Альфа. Такого нет слова. Есть слово насмешник. И все знают, что оно значит — тот, кто насмехается.

Учитель. Так что же, значат эти отдельные части слова что-то определенное или нет?

Лямбда. Они значат что-то. Но не всегда одно и то же.

Каппа. Они сами по себе ничего не значат. А начинают что-то значить внутри слова. Вот дневник, например. Связано как-то с днем — каждый день мы туда что-то пишем. Но это и не тот, кто пишет, и не то, в чем дни...

Альфа. А ночник? Это совсем не то, что мы каждую ночь пишем. Это то, что ночью светит. А ведь слово точно так же устроено, как дневник...

Каппа. Я и говорю, как оно устроено, из каких частей — из этого нельзя знать, что оно означает. А надо знать, что оно само значит, то есть как и когда мы говорим это слово. Сами части ничего не значат.

Бета. Нет, Каппа, нельзя говорить, что эти части ничего не значат сами по себе. У них несколько разных значений. Какое выбираем, зависит от слова. Но ведь не что попало они значат. Например, *-ище* значит огромный: *китище, волчище, тараканище, чмодаище*. А *-ник* значит или того, кто что-то делает, или то, что сделано, или то, в чем, а огромный оно не значит.

Эта. Но в разных словах этот *-ник* значит разное.

Дельта. *-ище* — тоже не только огромный значит. Например *кладбище* — разве это огромный клад?

Бета. Это место, где кладут, ну, хоронят. Еще *стойбище*, где стоят.

Гамма. Таких тоже много слов — *масбище*, *стойбище*, *пожарище*. Тут, правда, *-ище* не значит огромный, а значит место, где что-то делают.

Лямбда. Смотрите, как интересно — это *-ище* даже в одном и том же слове может разным значить. Например *пожарище* — может быть, это огромный пожар, а может быть, это место, где был пожар.

Эта. И еще: *товарище* — может быть, огромный товар, а может быть, ручка для товара.

Каппа. У этой части, *-ище*, два значения. Чего-то большого и места, где что-то было. Поэтому два слова получаются: *пожарище* — большой пожар и место, где был пожар, — это, по-моему, два разных слова.

Бета. Да, получается, что эти части слов похожи на слова. Ведь и сами слова в разных предложениях могут значить разное. Как Дельта говорит — точный смысл только у целого предложения, он его-то и называет словом. А отдельные слова сами по себе могут значить разное, но не что угодно. Что именно они значат — ясно в предложении. Вот мы говорим, например: «Вытри нос!» и «Зима на носу». Тут слово *нос* одно и то же, а разное значит.

Эта. И у лодки нос.

Альфа. Вот мы говорили: собака наступила на снег, и остался след. А еще говорим: наступила ночь. Тут наступили разное значит.

Каппа. Вот слова лук-овощ и лук-оружие. В предложении будет понятно, а просто из самого слова — нет.

Гамма. Ну, это разные вещи. Нос у человека и лодки связаны, а лук и лук — совсем разные слова. И *ночь наступила* и *собака наступила* — какая-то связь есть.

Учитель. Слова разные, с совсем разными значениями, между которыми мы не видим никакой связи, называются омонимами. Как *лук* — растение и *лук* — оружие. Или *коса* — инструмент, которым

Урок 12

косят, и коса — прическа у девочки. А нос у человека и нос у лодки — значения разные, но мы видим тут связь между ними, поэтому говорят, что это разные значения одного слова¹³⁷. Какое именно значение у слова, ясно из предложения.

Лямбда. Части слов похожи на слова — они могут разные значения иметь, но не какие попало. А какое именно будет значение, уже от слова зависит. И целые слова тоже — они разные могут значить в разных предложениях, но не что угодно. И части слов тоже в разных словах. Например, в слове бумажник -ник значит «то, в чем что-то лежит», а в слове «печник» та же часть -ник — тот, кто что-то делает. Мы не всегда можем узнать, что точно значит слово, из того, что значат его части — может быть по-разному. Но это не значит, что части бессмысленные. Просто разный смысл бывает у одной части, как и у одного слова. Разный, но не какой угодно¹³⁸.

¹³⁷ Речь идет о полисемии, многозначности — способности значащих единиц языка принимать несколько значений; в той или иной степени полисемично большинство знаменательных слов. Реализация того и другого значения слова определяется его сочетанием с другими словами, предложениями, в которые оно входит, общим контекстом речи и т. п. От полисемии принято отличать омонимию, т. е. звуковое совпадение различных языковых единиц, значения которых не связаны друг с другом: омонимы — это разные слова, не имеющие общих элементов смысла (сем) и не связанные ассоциативно, но имеющие одинаковый звуковой состав. Между различными значениями полисемичного слова существует семантическая связь — историческая, ассоциативная, метафорическая и др. Между словами-омонимами такой связи не усматривается. В отличие от полисемии, которая связана с переводом значений, омонимия обычно «образуется при заимствовании слов или в результате фонетически-лексической, когда ранее различные по звучанию и по значению слова начинают звучать одинаково (см.: Реформанский. Указ. соч. С. 90–91). Омонимия часто возникает в результате разрыва семантической связи первоначально многозначного слова, напр., в русском языке свет в значении «лучистая заря» и в значении «мир, вселенная» сейчас являются омонимами, хотя оба происходят от древнерусского слова свѣтъ. Расхождение значений происходит постепенно, поэтому разделение полисемии и омонимии бывает затруднено. Так, в разных словарях журавль (птица) и журавль (пест у колоса) трактуются по два разные значения одного слова, то как омонимы. См. урок 26 (в слове журавль). См. также урок 37.

¹³⁸ Ср. у Е. С. Кубряковой: Объяснение семантики производного слова через композиционную функцию значений тех единиц, которые входят в его состав, и их отхождений (Г. Фреге) «позволяет, однако, определять неопределимый общий содержательный каркас слова, но не его подлинное лексическое значение. <...> Семантика производного слова... формируется как композиционная и ... сама такая

Учитель. Лямбда сказал, что части слов похожи на слова. Так же, как отдельные слова могут иметь разные значения, а какое именно — определяется целым предложением, так и части слова — что именно они значат, зависят от целого слова. В предложении «Быт крылом седой петух, ночь повсюду наступит» и в предложении «Собака наступит на снег» есть слово *наступаит*, но оно имеет разные значения в этих предложениях. В словах *бумажник*, *чайник*, *будильник*, *печник*, *дневник* есть одна и та же значащая часть, *-ник*, но она тоже имеет разное значение в этих словах.

Бета. Вот еще чем части слов могут быть похожи на слова — они могут быть омонимами. Например, в словах *коминте* и *лекаринте*. Тут *-инте* разное значит. Не так, как *-ник*, а совсем разное. Не как *нос* и *нос*, а как *коса* и *коса*. Значения совсем не связаны — большое что-то — и место. А *-ник* в разных словах — это не омонимы, потому что связаны как-то его значения, хоть и разные¹⁴¹.

«композиция» представляет собой объединение, по крайней мере, двух, а то и трех категориальных значений с разной степенью их конкретности: одни из них могут передаваться аффиксами, другие — корнями или основами полносемантических единиц, третьи — восстанавливаться в ходе определенных умозаключений, типа *фольетонизма* — тот, кто (выражено суффиксом *-ник*) *пишет* (восстанавливо по ходу умозаключений о связях между обозначаемым лицом и его отношением к фольетонам) фольетона. Таким образом, в семантике лексического деривата подкреплялась необходимость додумать его реальное значение, догадаться о настоящем смысле в том случае, когда поверхностная структура деривата не содержала полного набора тех компонентов, из значения которых можно было вывести его композиционную семантику. Ср. случаи типа *дневник* и *ночник*. ...» (Там же. С. 441–442.) Рассмотрев аналогичные сложные случаи, связанные, как правило, с идноматической семантикой или лексикализацией, Крбракowa приходит к выводу, «что понятие мотивированности знака, столь важное для теории словообразованная, нуждается в новом определении, поскольку оно отнюдь не тождественно представлениям о полной мотивированности и полной выводимости значимой композиционного знака из значений его составляющих». (Там же. С. 443.) Значение производного слова не безразлично к значению его частей, но и не выводимо однозначно по законам композиции: скорее, значения этих частей и их отношения набрасывают спектр разных возможностей, вариантов, из которых выбирается один. Выбор этот неоднозначен, но это не противоречит тому, что значение производного слова ощущается как мотивированное — смысл его может быть разным, но не какой угодно, как говорит Лямбда.

¹⁴¹ Обычно говорят о полисемии слов, однако полисемичными могут быть и морфемы. Суффикс *-ник* имеет различные значения, причем между некоторыми из этих значений можно усмотреть семантическую связь. Можно предположить, что и в случае морф различается полисемия и омонимия, связанная с совпадением в результате изменений или заимствования.

Урок 12

Гамма. Вот слово *пожарище*. Мы говорили, что это может быть большой пожар и место, где был пожар. Эти слова получаютс^я омонимы, потому что у них части *-ище* омонимы.

Каппа. Но разве можно сказать, что они омонимы? Они все-таки связаны как-то, эти слова. Части у них — омонимы, а сами слова — нет.

Лямбда. У них общее *пожар*. И смыслом тоже связаны.

Дельта. Правда, получается, что части слов на слова похожи. Что значит слово — от других слов зависит, которые вокруг него в предложении. А что значит часть слова, зависит от других частей, которые в этом слове.

Эта. Целый смысл складывается. Вот например *ночь повсюду наступила* — здесь каждое слово что-то значит, и от этого все предложение осмысленное, рассказывает о чем-то. К каждому слову можно задать вопрос. Где наступает? — повсюду. Что наступает? — ночь.

Бета. И в словах похоже. Каждая часть слова отвечает на какой-то вопрос. Вот, например, то же слово *наступила*. Тут, правда, каждая часть что-то значит, и от этого значит все слово.

Учитель. Какие значащие части мы можем выделить в этом слове?

Бета. На- это значит на что-то, если бы мы сказали *отступила*, то значило бы от чего-то. Потом *ступ-*. Это значит от *ступать*, от ступни, ноги. Ступню поставить, значит. А *-ила* — это значит, что сейчас наступает. Если мы вопрос зададим, что делаем, там такой же конец. Если бы уже была ночь, мы бы сказали, что она наступила, был бы другой конец у слова. Все части что-то значат, и слово от этого значит — как в предложении от отдельных слов получается смысл¹⁴².

¹⁴² Производное слово можно понимать как простейший вид синтагмы (А. Реформатский приводит в пример слово *домик*, где *дом-* — определяемое, а *-ик* — определяющее (см. С. 325)). Если принять, что «значение предложения — это функция, содержащаяся в нем морфем и того способа, которым морфемы комбинируются синтаксически» (Дж. Фодор), то и семантику производного слова можно рассматривать как *иноморфную семантику предложения* — его значение будет функцией входящих в него морфем и способа их сочетаний (см. *Кубрякова. Указ. соч.*, С. 440–441). См. уроки 28–29.

Хотя, правда, не всегда можно заранее определить, что оно значит, из его частей.

Учитель. Бета правильно выделил много значащих частей в этом слове. Но одну не заметил. Мы могли бы сказать: *почь насмунула*, *не сейчас наступает*, а раньше наступала. И в слове *насмунула* тоже кусочек *-а-*: *наступ-а-ла*. О том, что дело происходит сейчас, в слове *насмунает* говорит часть *-ет*, без *-а-*. Так же и в слове *дела-ет*. Но этот маленький кусочек *-а-* тоже что-то значит, и мы об этом позже узнаем. Это очень сложная вещь — выделить все значащие части, из которых состоит слово. Мы с вами потом будем этим много заниматься. А сейчас вот о чем поговорим. В этом слове есть одна часть, которая называется корнем — *«ступ»*. Это главная часть слова. И слова, у которых эта часть общая, называются однокоренными словами. Они родственны между собой и связаны по смыслу, и можно видеть, как с помощью других частей слова (они называются служебными) от слова образуются другие слова — с тем же корнем. Например, *снупать* — *наступать*, *наступательный*; *будить* — *будильник*, *разбудить*, *разбуженный*; *ворона* — *проворонить*, *вороненок*. Это группы однокоренных слов. Бывают слова, которые состоят из одного корня — *нос*, *бег*, *комь*. А бывают слова, в которых кроме корня есть другие значащие части. Такие слова называются производными. В словах, которые вы приводили — *манильный*, *будильник*, *холодильник*, *бумажник*, — часть *-ник* после корня называется суффиксом. Те части слова, которые стоят перед корнем, называются префиксами, или приставками, как, например, *на-* в слове *наступает*, *про-* в слове *проворонил*.

Альфа. Эти группы однокоренных слов — как семья.

Учитель. Да, эти слова родственные. Они связаны и происхождением, и по смыслу. Бывают такие корни, которые меняются, и однокоренные слова не так похожи друг на друга, как те, которые мы сейчас назвали — а иногда и совсем непохожи. Но все равно там можно выделить общую часть, хотя иногда очень трудно.

Гамма. Этот корень главный потому, что в нем сразу много слов. Например, сказали *бег* — и уже сразу можно слова составить: *бегу*, *бежать*, *бегун*, *прибежал*, *бегство*. Как в стихотворении «Заклятие

Урок 12

смыком» — там во всех словах один корень — *смех*. И все слова от этого корня, и стихотворение *растет* из корня. Корень — из чего растут слова.

Дельта. Ты раньше говорил — семечко¹⁰².

Гамма. Можно и корнем назвать — из него все растет.

Каша. Ничего само не растет. Люди составляют слова из разных частей. Вот поэт придумывает разные слова, мы тоже придумали *бамбик*. И все обычные слова, наверное, тоже составляли когда-то из разных частей.

Лямбда. Знаешь, Каша, слово все-таки само как будто живое. Оно может меняться как бы само по себе. Вот, например, составили слово *пожарище* — огромный пожар, а оно возьмет и начнет значить место, где был пожар. Или наоборот.

Эта. Однокоренные слова очень интересные. Их так много! Можно целые предложения составить из слов с одним корнем. *Бегун бежал, бежал и добежал*.

Каша. Еще: *Проворонила ворона вороненка*. Я потому раньше говорил, что это одно слово, — тут все слова однокоренные, поэтому они как одно.

Бета. Есть такая скороговорка: *Рыла свинья, тупорыла, беспорыла, полдвора рылом изрыла, вырыла, подрыла, до норы не дорыла*.

Дельта. Тут не все слова однокоренные.

Бета. Не все, я сам заметил, когда говорил. Тут *свинья*, *полдвора* и *нора* — у этих слов другие корни. Но главный корень *-рыл*¹⁰³, и можно сказать по-Гамминному, что из него выросла вся эта скороговорка.

Каша. Вообще много скороговорок таких. Спит котик, да не по-котиковски, найд котик *перекотиховато* и *перевыкотиховато*.

¹⁰² Урок 4.

¹⁰³ Глагольная основа *ры-*; *-л* — глагольный суффикс прошедшего времени (*рыла*) или «орудийный суффикс» отглагольного имени (*рылом*).

Гамма. Вот еще: *На дворе шпале, на шпале древо, не руби древо на шпале двора.* Уф, язык даже заплетается.

Эта. Это только сначала. А потом несколько раз скажешь, уже само выговаривается.

Альфа. Тут тоже не однокоренные слова, в Гамминой скороговорке. Но похожие. Скороговорки специально так устраиваются — там звуки похожие.

Лямбда. В этой скороговорке, которую Гамма вспомнил, они прямо кажутся родственниками.

Альфа. Я и говорю — специально так делается, что разные слова, вроде чужие друг другу, кажутся родственными.

Эта. А вот еще скороговорка, мы ее тоже раньше вспоминали: *От моховых кончат пыль по полю летним.* Здесь как две семьи — *мохов* и *кончат*, а другая семья — *пыль*, *по полю* и *летним*. Такие звуки в этих словах — первые сами как будто топчут, а вторые как будто летят и пылят.

Учитель. Но слова эти не однокоренные — ни *мохов* и *кончат*, ни *пыль*, *полю* и *летним*. Хотя скороговорки, действительно, так устроены, что они кажутся близкими.

Урок 13

Корни. Есть ли в слове главная часть или все значащие части равноправны?
«Опок» и «Глокая куздра». Слова из одних корней — главные слова.

Учитель. Мы говорили о том, как устроены отдельные слова, и выяснили, что в них тоже есть значащие части. И есть одна, главная часть — корень.

Лямбда. Понятно, что слово не сплошное, а оно состоит из осмысленных частей. Но мне непонятно, почему корень — главная часть? Ведь у каждой части своя смыслинка¹⁰, каждая что-то значит. Почему же одна только часть в слове главная?¹¹⁰

Бета. Но у корня главный смысл. Как Гамма говорит, из него все вырастает.

Дельта. А главное-то — чиню выросло, а не из чаю.

¹⁰ Тина Солмадина, 5-й класс, гимназия «Очаг», г. Харьков.

¹¹⁰ Корень принято определять как носитель вещного, лексического значения слова, остающийся неизменным в процессе его деривации, противопоставляя его служебным морфемам (как имеющим деривационное значение). Это сложный вопрос. Трудно объяснить (не только детям), почему, например, в слове *вынесем* — корень *нес-* имеет вещественное значение, а в слове *преднесший* приставка *пред-* его не имеет, а имеет только деривационное значение.

Альфа. Выросло все слово, оно и главное. Мы корни-то и все другие части выделяем только потому, что слово есть. Из слова мы их выделяем, а самих по себе их нет.

Бета. А слово-то есть сразу с частями. Ты, Альфа, считаешь, что слово сплошное. А ведь оно членораздельное, как мы давно еще говорили. И со смыслом у него части. Лямбда все время на это обращает внимание, а теперь и мы научились уже видеть в словах эти значащие части. То есть слышать. Но вот есть ли у слова одна главная часть, корень?

Учитель. Как вы думаете, есть ли главная часть в слове?

Эта. Мне кажется, что главная часть — это корень. Если его убрать, то слово не будет иметь значения^{*}.

Гамма. В слове главное — корень. Потому что корень — смысл слова. Он стоит посередине. Остальное можно присоединить к корню — приставки, суффиксы. А ими не будешь говорить, не поймут^{**}.

Лямбда. Главной части нет! Все части главные. Если из слова убрать какую-то часть, тогда слово потеряет смысл^{***}.

Учитель. Лямбда, ты не согласен с тем, что корень — основная, главная часть слова. Ты сказал, что у каждой части своя смысловка, и ни одну нельзя считать главной. Поясни нам еще на примерах, пожалуйста, что ты имел в виду.

Лямбда. Вот Бета на прошлом уроке рассказал нам, что в слове *наступают* каждая часть что-то значит, а не только корень -*ступ-*, и вместе смысл получается, из всех частей, а не только из корня, как в целом предложении — из всех слов, а не из одного. Если хоть одну часть убрать, не будет смысла или будет другой смысл. Например, уберем приставку. *Ступаем* — ведь это не то, что *наступаем*.

^{*} Никита Романюк, 5-й класс, гимназия «Очак», г. Харьков.

^{**} Рыбалко Петр, 5-й класс, гимназия «Очак», г. Харьков.

^{***} Тая Саламадина, 5-й класс, гимназия «Очак», г. Харьков.

Урок 13

Бета. Но все равно смысл есть, и похожий смысл. А ты убери корень — вообще ничего не будет. *Асим* — что это такое?

Дельта. Есть смысл в каждой части. Но в корне — *главный* смысл. Остальные смыслы к нему прибавляются. Поэтому если убрать корень, то смысл пропадает, а если убрать приставку, то смысл немного убавляется¹.

Лямбда. Вот смотрите. Слова такие: *ежонки, белычонки, лисенки, волчонки, кошечки, поросенки*. В каждом этом слове одна часть одинаковая — *-онки*. И она значит, что это маленький детеныш. А первая часть разная, и она говорит, чей это детеныш. Ну и непонятно, что главное, например, в слове *ежонки* — что детеныш, малыш, или чей он. Можно, по-моему, и так и так считать.

Альфа. Главное в *ежонке* — что он еж. Он вырастет и все равно останется ежом. А что он пока маленький, только детеныш, это не главное.

Каппа. Не обязательно. Вот в зоопарке есть площадка молодняка. И там все они вместе играют — лисенок, волченок, тигренок, белыченок. Все эти *-енки* или *-ама*. Там главное — что они детеныши, а чьи — не главное.

Эта. Знаете, я начинаю соглашаться с Лямбдой. Могут быть разные части слова одинаково главными. Например: *учитель, смотритель, писатель, водитель*. Тут *-тель* тоже довольно главный смысл выражает. Что все эти люди что-то делают. Все полезные делатели. А корень — уже *что* каждый из них делает. И можно и то, и то считать главным.

Лямбда. Вот еще: *приходить, прибегать, прыгать* — и *уходить, уезжать, убежать*. Тут главный смысл в приставке, а не в корне.

Бета. Да, у каждой части своя смыслинка. Может быть, как Дельта говорит, — в зависимости от того, когда и зачем говорится, та или другая часть будет главная? Например, на площадке молодняка главное — что эти засрета все *-онки*. И главный получается этот суф-

¹ Мария К., 3-й класс.

фикс. А в сложной семье главное, что они все слки, и маленький сюжет тоже слк. Тут будет корень главный¹³⁴.

Дельта. Но корень сам может словом быть. Например *конь*, *бег* — это корни, и они целые слова. Ты не будешь одними приставками говорить. Или одними суффиксами.

Каппа. Одними корнями тоже не будешь.

Дельта. Почему? Если корень может быть сам целым словом, то можно значит одними корнями говорить. Я попробую сейчас придумать даже предложение такое. ... Не получается что-то.

Гамма. Я придумал: *Конь весь бег*. Или: *Конь весь бег*.

Учитель. Есть такая строчка у поэта Маяковского: *Наш бог — бег*.

Каппа. Много так не скажешь, одними корнями.

Учитель. Да, много не скажешь. Но все-таки корень может сам, без других частей, образовывать целое слово, а другие корни — нет.

Бета. Но тогда он уже не корень, а слово. И когда Гамма говорит, что корень главное, — у него не так получается, что корень сам и есть слово. Как раз он сам, корень, не отдельное слово. И он не может быть сам. Из него вырастает то, что есть само — слово. А он, корень, в каждом слове как бы спрятан, но от него это слово. Как единица в каждой вещи.

Каппа. Да, из корня делается слово. Но можно и из суффикса сделать. Вот Лямбда и Бета говорили про суффикс *-онок*. Ну, и сделали из него слово. Мы его даже можем склонять: *онок*, *онок*, или *оно*, *оноку*. Он как *блямбик*, только *блямбик* мы сами придумали, а *онок* сделали из суффикса, и получилось слово.

¹³⁴ Если рассматривать производное слово как простейший вид синтагмы, а семантику производного слова как номинативную семантику предложения (см. прим. 142), то в зависимости от контекста может быть «главным» (смысловым подложным, определяемым и т. п.) как корень, так и другая морфема, подобно тому как в примере, приведенном Выготским, «Часы упали» логическим или психологическим подложным может быть как часы, так и упали, в зависимости от контекста этой фразы (см. прим. 216).

Урок 13

Дельта. Корень делается словом только в говорении. Вот стихотворение «Заклятие смехом» — там видно, что корень главный. От него весь смысл.

Бета. Мне то кажется, что корень главный, то — что нет главной части в слове. Сейчас я подумал: от корня главный смысл у слова. Вот Каппа на прошлом уроке приводил слово *дневник*. Мы понимаем, что что-то как-то с днем связано, даже если не знаем точно, что это слово значит. А без корня, просто *-ник*, ну, совсем не понятно. Мы про суффикс *-ник* говорили — он везде значит разное. Если убрать корень, совсем ничего не понятно будет. Если убрать другие части, то все-таки какой-то смысл останется, хотя бы примерно.

Учитель. Молодец, Бета! Ты нам подсказал идею замечательного опыта, эксперимента. Мы сейчас возьмем какую-нибудь осмысленную фразу и уберем из ее слов все корни. А потом уберем все другие части слов, а корни оставим. И посмотрим, что получится, будет ли понятно. Вот, например, возьмем начало сказки про Курочку Рябу. Я оставляю только корни, получается: Ж...- б... дед да баб... и б... у и... кур... Ряб...

Бета. Ну вот, все почти понятно! А если корни эти выкинуть, остальное оставить, ничего не понятно.

Учитель. Попробуем наши скороговорки.

Каппа. Ворон... ворон... ворон... Это я убрал все, кроме корня, из скороговорки про ворону. Непонятно. Ну, понятно, что про ворону. Но смысла никакого нет.

Учитель. А теперь попробуй убрать корни. Что получится?

Каппа. Про...пла ...а ...енка. Ну, тоже непонятно.

Альфа. Еще больше непонятно.

Учитель. Ученый-лингвист Лев Владимирович Щерба, чтобы понять, какую роль играют разные части слова, тоже провел похожий эксперимент. Он придумал такую фразу, в которой все корни придум-

манные, несуществующие, их нет в русском языке. А все другие части слова — приставки, суффиксы — обычные. Фраза эта такая: *Лар-кая куздра нтеко будашнула бокри и курдячит бокренка*.

Ученишки дружно смеются.

Бета. Это как наш блямбик. Только целая фраза такая, придуманная.

Учитель. Ну что, понятная фраза?

Дельта. Смешная ужасно. Но почти понятная. Тут какой-то зверь напал на другого зверя и потом на его детеныша.

Альфа. Коза сердитая. Она боднула кого-то.

Эта. Нет, это не коза. Это птица. Лохматая хищная птица. Она напала на мышинное гнездо, мышь большого отогнала и терзает мышонка^{*}.

Альфа. Я попробую сказать такую же фразу, понятную. Глухая коза сильно боднула бобра и кусает бобренка^{**}.

Учитель. Обратите внимание: Альфа сказала обычную фразу, понятную. Он говорит, что она такая же, как фраза про куздру. Чем она такая же?

Лямбда. Там все, кроме корней, такое же. А корни настоящие подставлены.

Гамма. Эта фраза, про куздру, вроде почти понятная фраза. Но я не согласен, что из одних суффиксов она понятная, что в ней корней нет. Эта фраза совсем не то, что мы бы просто вынули корни, как с курочкой или с вороной. Там корни есть. Пусть они придуманные, как наш блямбик. Но они есть, а не просто пустота. А ты, Альфа, сейчас подставил туда другие корни. Причем ты подставлял их не какие попало, а похожие по звукам на те, что есть в этой фразе. Глухая — как злолая, боднула — как будашнула, бобр — как бокр. Из них уже делается понятно, из корней, а не только из суффиксов. Как с блямбиком.

^{*} Катя Ковыткина, 2-й класс.

^{**} Васа Далецкий, 3-й класс.

Урок 13

Бета. Вообще-то эту фразу по-разному можно понимать. Может быть, никто не нападает. А например, это семья. Корова тронула быка и ласкает теленка. Они играют просто! Курдючим, по-моему, это что-то игривое, а не злое. Гладит маленького, а не кусает.

Эта. Вообще необязательно это животные. Например: жадная тета быстро куснула пирога и поедает пирожок¹⁴⁷.

Дельта. Но все равно, мы какие-то корни подставляем, чтобы понять. Альфа один подставил, Бета другие, Эта третьи. И в самой фразе какие-то корни есть, а не просто пропуски. Ну, пусть придуманные, как с блямбиком. Но все равно они там должны быть.

Каппа. Что угодно может эта фраза значить. Как ваш блямбик.

Лямбда. Не совсем что угодно. Мы можем подставить разные корни, а все-таки получится чем-то похожее. Ну, какой-то общий смысл есть, что ни подставишь. Он, этот смысл, наверное, все-таки от суффиксов¹⁴⁸.

Бета. Ты эти суффиксы на корни как бы надеваешь. На воображаемые корни. Корни обязательно должны быть. Корень — более самостоятельная часть. Он сам может быть словом, а суффикс — нет. И Каппа правильно сказал — если мы один суффикс говорим, из него делаем слово, то тогда он становится корнем. Вот этот самый -онок — он из суффикса сделался корнем. И мы теперь из него можем другие слова составить, например оночек или оночиний.

Эта. Все-таки, наверное, корни — они и есть главные слова. Они же могут сами словом быть, а не только частью внутри слова. И что-

¹⁴⁷ Существительное *бюк*, согласно разъяснению Шербы, одушевленное, т. е. формой винительного падежа совпадает с формой родительного падежа (*буданула ким?* — бюк), у неодушевленных же существительных она совпадает с формой именительного падежа (*буданула чим?* — бюк). Однако в некоторых словоупотреблениях формы винительного и родительного падежей совпадают и у неодушевленных существительных (*имени чим, куснуть пирога*).

¹⁴⁸ Успенский в книге «Слово о словах» утверждает, что Л. В. Шерба расшифровывал общий смысл этой фразы, носителем которого являются суффиксы и окончания, так: нечто женского рода в один прием совершало что-то над каким-то существом мужского рода, а потом начало что-то такое вытворять длительное, постепенное с его детенышем (Успенский Л. В. Слово о словах. М., 1987. С. 360).

бы суффикс сам стал словом, он должен превратиться в корень. От них, от корней, уже все остальные слова растут, как Гамма говорил, или составляются, как говорил Каппа. И, может быть, как Бета сказал, они-то, корни, и есть отпечатки вещей, следы.

Бета. Или они, эти корни, от действий, как говорит Гамма?

Альфа. Я считаю, что они отпечатки вещей. Главных вещей. Вот, например, ворона, от нее ворохоненок. Ворона главная, потому что она родила вороненка. И слово ворона главное, потому что от него слово ворохоненок. Хлеб — главное слово, а хлебница от него. И вещь хлеб главное. Сначала хлеб, а потом уже нужна хлебница, чтобы хлеб было куда положить. Главные слова называют главными вещами.

Лямбда. Получается тогда, что главные слова — это просто слова, те, которые из одних корней. А помните, мы поделили слова на названия и просто слова. Названия были понятные — учитель, потому что учит, спал — потому что стоит, рукав — потому что на руке¹⁰⁰. И мы думали, что эти слова главные, потому что они подходят к вещи, понятно, почему она так называется — от другого слова. Бета еще говорил, что это — слова-отпечатки. А теперь оказывается, что главные слова — это слова, которые из одного корня. И они непонятные, а понятные как раз не главные, а производные.

Звонок

¹⁰⁰ См. урок 2.

Урок 14

Производные и непроизводные слова. Какие из них более понятные? Что такое «понятно»?

Почему слова труднее обсуждать, чем числа?

Потому что мы словами говорим о словах и о числах. Нужны ли числа, чтобы говорить о словах? Нужна единица. Гамма: корень слова и есть единица

Учитель. Мы говорили о значащих частях слова, о том, можно ли считать корень главной частью, и выяснили, что единственная часть, которая сама, без других частей, может образовать отдельное слово — это корень. Слова, состоящие только из одного корня, называются *непроизводными*. А другие слова, в которых несколько частей, — *производными*. Лямбда сказал, что эти непроизводные слова — просто слова, главные слова, и они, в отличие от производных слов-названий, непонятные, а производные слова, как *учитель*, *рука*, нам понятны.

Альфа. Потому они непонятные, эти непроизводные слова, что они от самих вещей. И поэтому же они главные слова. А другие слова — уже от них, поэтому понятные^{*}.

^{*} Оня М., 2-й класс.

Эта. Непроизводные слова понятны из звуков. А звук-то — действие, а не вещь. Тогда, если они слова отпечатки, то получается, как Гамма говорит, — отпечатки действия. Например *свистел*. Само слово свистит, и это не вещь, которую потрогать можно, а звук. А уже *свистелок* — понятно не само по себе, а потому что от свиста. *Свистелок-ок*. Оно производное, суффикс прибавлен. А *свистел* — простое слово, само по себе понятное. *Свистелок* тоже понятное слово, но не само по себе, а от свиста¹. Потому они и главные, эти слова, потому что они сами из себя понятны, а не из другого.

Ламбда. Но, Эта, ведь сколько слов простых, производных, которые непонятны из своих звуков. То есть само слово понятно, мы говорим его и понимаем, что оно значит, а почему оно такое — непонятно. Вот *лошадь* — почему такое слово? Или *бежаны*? Мы скажем бежать от *бег*. Ну и что, разве стало понятно? А *бег* почему? Вот Хлебников хотел, чтобы все слова были из первых звуков устроены, по определенным правилам. Но слова-то в языке не такие. И его слова, которые у него в стихах, не такие — не все, по крайней мере².

Учитель. Вы, кажется, по-разному понимаете, что такое *понятно*. Что понятно — то, что само по себе понятно, или то, что можно объяснить из чего-то другого?

Бета. Эта говорит, что то, что само понятно, сразу, само из себя, то и понятно. Понятно то, что не надо объяснять. А Альфа считает, что понятно то, что из другого можно объяснить. Но тогда мы одно слово объясним из другого, это еще из третьего и так далее. И найдется какое-то слово, которое уже не из чего будет объяснить. Хлебников хотел, чтобы это были звуки, не слова, а звуки, самое первое, из чего все объяснять. Но тогда эти звуки были бы непонятны.

Ламбда. Или понятны сразу, сами по себе, без всякого объяснения. Как Эта говорит — потому что они сами, звуки, делаются так во рту — *моном* когда говорим, то *топавым* языком. Во рту то самое, что говорится.

¹ Оля М., 2-й класс.

² См. урок 11.

Урок 14

Альфа. Бета сейчас вроде правильно повторил, что я сказал. Но и не совсем согласен. Вообще-то все понятно, когда говоришь, все слова. Ну, почти все. А вот когда думаешь, почему слова такие, то надо объяснять их. Или из вещей, или из других слов. А когда говоришь — все слова понятны. Вот мы говорим, мы же не переспрашиваем друг друга каждое слово? Значит, нам понятны эти слова. Непонятно другое — как слова устроены, почему так, а не по-другому, связаны ли они с вещами — мы об этом говорим. А сами-то слова понятны. Когда говоришь и слушаешь, ни о чем таком не думаешь. А когда перестанешь говорить и задумаешься, появляются проблемы¹¹.

Лямбда. Раньше говорили и все, и понимали друг друга как-то, а теперь я говорю вот, например, *понятно, понимаю*... Я-то хочу сказать одно, а слово говорит другое, и разное: по-миле-их звуки и, м, я говорит одно. Корень как в словах *понимать, обнимать, принимать, отнимать, замывать* — он что-то другое говорит, как будто он значит *брани* что-то-то. Что я сейчас говорю, хочу сказать этим словом — третье...

Альфа. Если бы иностранцы говорили на другом языке, а мы бы слушали, то были бы непонятны слова. А так, что-то другое непонятно, о словах, а сами слова понятны.

Каша. Слова нам понятны, потому что мы привыкли. Вот Альфа сейчас правильно сказал — если взять слова другого языка, то непонятно не только то, о чем мы сейчас говорим — почему в словах такие звуки, а не другие, и от какого слова какое производное, есть ли в слове главная часть — а вообще непонятно, само слово непонятно — что оно значит, как говорится. В своем языке — не так. Вот задумаешься, почему лошадь называется таким словом, почему звуки такие — и непонятно. А пока просто говоришь, о лошади, а не о словах, то кажется: а как же ее еще называть? Ясно, лошадь. Услышишь «лошадь», и понятно. Увидишь ее — сразу подумаешь: «лошадь». Все остальное будет непонятно, а это понятно. И кажется, что одно это слово ей подходит, а другие — нет. А кто говорит на других языках, тому кажется наоборот.

¹¹ Ср. у Витгенштейна: «Философские проблемы возникают, когда язык пребывает в «праздности» (Философские исследования. С. 97).

¹² Толя Азуткин.

Бета. Когда мы говорили, в самом начале, что звуки подходят к вещам, ты, Каппа, говорил, что все равно, какие звуки, лишь бы все понимали.

Каппа. Да, я считаю, что главное в слове — смысл. А звуки, как одежда¹.

Эта. А между прочим, одежду тоже какую понало не наденешь. Надо, чтобы она подходила человеку.

Каппа. Но ведь ты без одежды все равно ты, а не кто-то другой?

Лямбда. Но, может быть, с именем не так. Мы уже говорили — Дельта, кажется, говорил, — что от имени зависит, как живешь человека, это на него влияет.

Дельта. Ну нет, одежду ты можешь снять или поменять. Звуки как кожа. Они так одесывают смысл, что не отдерешь¹².

Эта. Смысл — это как душа, а звуки — как тело¹³.

Дельта. Ну вот, а душу же не вынешь из тела.

Каппа. Потому что мы привыкли. Имя приросло уже. Мы так долго говорим уже этими словами об этих вещах, что они срастаются¹⁴. Ка-

¹ Она М., 1-й класс.

¹² См. урск 3. Ср. приведенное в прим. 32 стихотворение Тарковского.

¹³ Ана, 2-й класс.

¹⁴ Э. Бенвенист, подыгрывая сомнению тезис Соссюра о полной произвольности связи между означаемым и означающим, пишет: «Связь между означаемым и означающим не произвольна. Напротив, она естественна. Понятие („означаемое“) „бык“ в моем сознании неизбежно отождествляется со звуковым комплексом („означающим“) бай. И может ли быть иначе? Вместе запечатлены они в моем сознании, вместе возникают они в представлении при любых обстоятельствах. Символ между ними столь тесен, что понятие „бык“ является как бы душой акустического образа бай» (Бенвенист Э. Общая лингвистика. М., 1974. С. 32). Ср. также замечание Р. Якобсона (сделанное тоже в ответ Соссюру): «Именно с точки зрения своего родного языка французская крестьянка из Швейцарии задавала абсолютно правильный вопрос: как можно называть сыр Казе (нем. „сыр“), когда fromage (франц. „сыр“) является единственным его естественным названием?» (Якобсон Р. Звук и значение // Избранные работы. М., 1985. С. 88).

Урок 14

жется. Лямбда так говорил — что ниня прирастает к венця, когда ее долго так называют. Поэтому нам и понятны все слова, когда мы говорим. А когда обсуждаем, как они устроены, как связаны звук и смысл, какие части в слове, тогда что-то по-другому становится понятно. Не от привычки, а от того, что мы стараемся понимать...

Учитель. Смотрите, мы говорили о словах, о том, как они устроены, что такое корень, о словах простых и производных, и перешли к вопросу о том, что такое понятие. Когда мы говорим, что слово нам понятно, что это значит? И помните, такой же вопрос у нас возникает на уроках о числе.

Бета. Да. Каппа говорит, на уроках о числе, что число понятно, когда мы знаем, как оно себя ведет, что с ним можно делать, чего нельзя. Он и о слове так говорит. Гамма говорит, что понятно тогда, когда мы видим, как число появляется из единицы. А сама единица — она непонятная. Или сразу понятная, сама из себя. Из нее — другие числа... А Эта сказал, что, чтобы понять число, надо понять, как они, числа, устроены, сами по себе, независимо от того, какие действия мы с ними делаем¹²⁴. И теперь они похоже говорят о слове.

Альфа. Похоже. Но знаете, слова более разные, чем числа.

Дельта. О чем это ты? Как это — более разные?

Альфа. Ну, помните, Каппа говорил, что надо, чтобы понять числа, найти для всех общее объяснение. Мы пытались объяснять по-разному. Дельта говорил, что маленькие числа не такие, как большие. Гамма — что единица — самое числовое число, из нее все числа. А Каппа сказал, что надо общее объяснение найти, которое подходит ко всем числам сразу¹²⁵. И вот я подумал, что если со словами так же, то к словам труднее будет найти общее объяснение. Они более разные, чем числа. Слова-существительные и слова-глаголы, слова производные и простые, слова русские и иностранные, слова придуманные и нет, слова в стихах и сказках, волшебные, и обычные слова — такие все разные! И как мы говорим словами — это совсем не так,

¹²⁴ См. Загадки числа, уроки 2, 4.

¹²⁵ Загадки числа, урок 2, С. 20.

как с числами. Там правила есть, как какие действия с числами делать... А говорим — как бы само говорится...

Лямбда. Когда говорим, тоже правила. Ведь нас иногда поправляют: ты неправильно говоришь, так не говорят. Но слова как-то иногда не слушаются. Они не только более разные, чем числа. Они как будто более живые...

Бета. А вот интересно, мы на уроках о числе спорили, что такое счет. И Каппа сказал, что мы можем считать только воображаемые вещи, которые сами как числа — отдельные, не смешиваются, не исчезают... Настоящие вещи не такие, и их, Каппа говорил, нельзя считать¹²⁶. А сейчас он не очень-то интересуется придуманными, то есть воображаемыми, словами. Он сейчас вместе с Альфой хочет говорить только об обычных словах.

Каппа. Потому что с воображаемыми словами тоже непонятно. И чтобы стронуть эти воображаемые слова, как Хлебников предлагал, нам все равно нужно слушать обычные слова¹²⁷. Эти воображаемые слова звуковые. А воображаемые вещи или числа — они умные.

Лямбда. Слова гораздо важнее. Поэтому говорить о них труднее. Мы словами-то говорим обо всем. Мы, например, когда говорим о числах, мы говорим, то есть нам нужны слова. Мы словами говорим о числах... А для того, чтобы говорить о словах, числа нам не нужны.

Учитель. Так ли это?

Гамма. Нет. Нужны. Мы, когда говорим слова, нам нужна единица — так же, как когда считаем.

Бета. Да, мы делаем единицу, когда разные вещи одним словом называем. И даже мы еще говорили, что для того, чтобы сама вещь была, нужна единица. Когда мы говорили про счет, Гамма, помните, сказал, что считать ничего нельзя, потому что вещи — они все разные. Помните, мы говорили, можно ли считать стулья. И когда мы говорим: четыре стула, то это неправильно, потому что один

¹²⁶ Загадки числа, урок 15–18.

¹²⁷ См. урок 11.

Урок 14

стул не такой, как другой. А мы их считаем, как будто они одинаковые. А Лямбда тогда сказал, что если так, то и называть их одним словом нельзя. Они разные, а мы на каждый говорим — *стул*¹²⁸. Тут-то Каппа и сказал про свои воображаемые вещи, которые мы считаем, потому что сразу воображаем их одинаковыми. Вот так и слова. Мы говорим на разные стулья одно слово — *стул*. Еще про собак, помните, говорили? Собаки все разные, а они одним словом называются¹²⁹. Этим словом мы как бы делаем единицу.

Гамма. Еще и не так единица нужна. Вот, например, *сп-*. Потом из него получаются два слова — *спол* и *спонит*. Еще *спуныя*. Или *бег-*. Из него *бегун* и *бежит*. Или *санси* — из него *санстик* и *сансинит*. И еще *санстун*. И вот это «Заклятие смехом». Все из смеха, из единицы. А сначала эта единица, в которой все сразу — и кто, и что, и что делает¹³⁰. Существительные, глаголы, все слова...

Лямбда. Корень слова — это единица по-Гамминому. Из него другие слова¹³¹.

Альфа. Непонятно ты говоришь, Гамма. Ну что за *сп-*? Слова *спол*, *спул*, *спонит* — есть, мы их говорим. А эти корни — их нет. Мы их вытяскиваем из слова, а самих их нет, мы не говорим их.

Бета. Вот Гамма говорил, что в каждой вещи есть единица. Без этого она не была бы этой вещью¹³². А ее не видно, видна сама вещь. И потом, Альфа, корни — ведь мы их *вымыскиваем* из слова, ты сам говоришь, а не придумываем, значит, они там есть.

Альфа. Самих по себе их нет. Они только когда мы разбираем слово. А когда говорим — нет их. Вот Дельта считает, что и слов от-

¹²⁸ Загадки числа, урок 17–18.

¹²⁹ Урок 8.

¹³⁰ Каппа Кошаченко, 2-й класс.

¹³¹ То, что говорит Гамма, напоминает мысль В. Хлебникова о «внутреннем сложении слов» (см. Творения. С. 585). Ср. пример из прим. 134: *бых* — это тот, кто быт; *бых* — это то, куда быт (*бых*).

¹³² В «Загадках числа». Ср. у Евклида: «Единица (*μονα*) есть то, через что каждое из сущего становится единым» («Начала», VII, опр. 1).

дельных нет, а мы говорим целыми предложениями. Но я не согласен. Слова что-то значат.

Учитель. А разве части слов ничего не значат, Альфа? Ведь ты сам говорил на прошлом уроке, что можешь понять придуманные слова — смешихи, смежлехи, смешихи — потому что знаешь, что значат их части. И главная часть, корень — *смех-*, и другие части.

Альфа. Да, говорила. Но они потому значат, что они и в других словах есть... И потом, мы говорили про слово *чайник*. Тут часть *-ник* — вроде она что-то значит. Но всегда разное. В словах *буфетник*, *будильник*, *печник*, *дневник* — все время разное значит. А само слово *чайник* — понятное, значит одно и то же всегда. Конечно, вы можете сказать, что один чайник не такой, как другой чайник, и когда мы их одним словом называем, то это не совсем правильно. Но все-таки слово *чайник* вполне определенную вещь значит. Чайник — это вещь, я ее могу видеть, взять в руки могу. А *Гамма см-* — это непонятно что такое. Такой вещи нет. Стул есть, стол есть, а *ст-* нет.

Лямбда. Альфа, а помнишь, мы стулья считали? Мы сказали, что этот стул есть, и тот, и другой, а есть ли такая вещь, как стул, *просто стул*, не какой-нибудь, а вообще — непонятно¹⁰².

Звонок

Гамма. Можно я скажу, коротко?

Учитель. Говори.

Гамма. Вы опять говорите про вещи. Ты думаешь, Альфа, что главное — это вещи? По-моему, наоборот.

Альфа. Как это — наоборот?

Гамма. Вот Бета сказал, что *стуланы* — от *стулны*. А по-моему, наоборот, *стулны* от *стуланы*. *Снуны* — это чем *снуланы*. Тут, наверное, тот же корень *ст-*, о котором ты говоришь, что его нет. Стол,

¹⁰² Загадки числа, урок 17.

Урок 14

стул, ступня — это вещи, но они все из этого *ст-*¹⁰³. Вот мы говорили раньше: *стел* — то, что *стелит*, *учимся* — тот, кто *учит*, *кроша* — то, что *кроет*. Слово — то, что *слышаш*, *писья* — то, что *пишут*. Все от действия. Вещь чтобы была, нужно действие.

Бета. Гамма, ты, значит, думаешь, что все слова от глаголов? Если все вещи от действия, значит, все слова от глаголов.

Гамма. Да, я так думаю. Если уж искать главные слова, то это будут глаголы.

Учитель. Это ты, Гамма, объяснишь нам уже на следующем уроке.

¹⁰³ В этимологическом отношении слово *стел* спорное. Некоторые возводят его к о-с. **stlātī* (ср. русское *оплать*), но, учитывая колебание в значениях «стел», «скамья», «стул», «аналой», многие относят его к группе *стелити* (см. Чернов П. Я. Историко-этимологический словарь). Сближенные слов *стелить* и *стлать* относятся к области народной этимологии.

Урок 15

Гамма: корень — это глагол. Из него все происходит, и он сам значит действие. Альфа спорит с Гаммой: что важнее — вещь или действие? (Имя или глагол?)

«Гром» от «греметь» или наоборот?

Странные имена и странные глаголы

Учитель. Гамма, поясни нам, пожалуйста, кое-что. Ты на прошлом уроке сказал, что единица, то, из чего появляются слова — это корень. Ты привел такой пример — с корнем *ст*. Из этого корня, как из единицы, получаются разные слова — *стоя*, *стоять*. Слово *ступня* не родственно этим словам, но по смыслу связано с ними, и могло бы быть родственным.

Лямбда. Да, целая куча, семья однокоренных слов. Еще от них могут слова появляться — от *стоять* — *постоять*, *стоящий*, *стоялка*, *стойбище*; от *стола* — *стол*, *стол*, *столовая*, *застолье*...

Учитель. Да, очень много слов с этим корнем. Такие корни, от которых можно образовать много однокоренных слов, называются продуктивными. Вы можете даже в такую игру поиграть — кто больше вспомнит слов с этим корнем? Но не сейчас. Сейчас мы попробу-

Урок 15

ем понять Гаммину мысль. Ты сказал, Гамма, что единица, или семечко, как ты говорил раньше, одна для всей этой семьи слов. Это *см-*. А в самом конце урока сказал, что главные слова — глаголы. Но ведь сам корень, *см-*, он не глагол. Из него появляются слова — и глаголы, и существительные, и другие слова. А он сам не глагол.

Гамма. Нет, не глагол. Он сразу все.

Бета. Гамма так же говорил про числа. Единица — такое число, что в нем одновременно все числа. А кто-то из нас говорил, что единица вообще не число¹⁰⁴. И сейчас Альфа сказал, что *см-* не слово.

Учитель. Значит, Гамма, среди тех слов, которые появляются из этого корня, одни слова — глаголы — главные других?

Гамма. Я не знаю. Я имел в виду то, что у этого корня смысл такой — глагольный. То есть что он значит не вещь, а что что-то происходит... Мне еще Альфа все время возражал, что, чтобы что-то делалось, нужна вещь или кто-то, что делает. А я думаю, что, наоборот, и вещи, и делатели потом. И вот этот корень — из него и то, и другое. Все слова.

Лямбда. Гамма, а как же такие слова, как, например, *ворона*? Или *кош*? Ведь это простые слова, они, кажется, ни от чего, они вроде первые слова.

Гамма. Вот мы бы сказали, что слово *бык* ни от чего. А учитель объяснил нам, что оно от *бычинь*. Бык — кто бычит. Может быть, и другие слова тоже. Ведь все вещи от действия. Все сначала что-то делало, а потом стало¹⁰⁵. Вот, например, *письмо*. Писали, писали, и стало письмом. Когда уже кончили писать. Вещь есть, когда действию было. А пока ничего не делается, ее нет. Или вот — *след*. Сначала наследили, потом стал след. И поэтому я думаю, что главные слова — глаголы.

Эта. Я не очень понимаю мысль, которую Гамма говорит. Но я, кажется, понял его пример с письмом. Я понял так: вещь становится предмет, когда им начинают пользоваться. И имя получается, название. У того, чем не пользуются, нет названий¹⁰⁶. Вот письмо — его написали, потом читают.

¹⁰⁴ См. Загадки числа. Урок 4, 9.

¹⁰⁵ Мирок, 1-й класс.

Или слово — сказали, потом услышали. Поэтому есть весть, и у нее есть название. Имя существительное. А не потому, как Альфа говорит, что потрогать можно. Слово нельзя потрогать, а оно есть*.

Дельта. Чем служит, так и называется**.

Бета. И названия, имена, поэтому от глаголов, да?

Гамма. Я не совсем так сказал. Я сказал, что и сами глаголы, и имена уже есть в корне, сразу.

Бета. Тогда, Гамма, ты должен был бы сказать, что не бык от бычьих, а оба этих слова от какого-то *бс-*, или *бч-*. От корня, от него уже — и *бык*, и *бычит*.

Эта. И тогда слово, и слух, и слышать — от *сл-*.

Гамма. Ну да, я так бы и сказал. Мне все время говорят, что таких слов нет, а они есть в каждом слове. Без них бы слов не было. Как в каждой вещи есть единица.

Альфа. Но ведь кто-то должен делать что-то, чтобы было действие? Ведь должна быть ступня, чтобы ступать, *бык*, чтобы бычать.

Гамма. Вот гром — кто его делает? Он гремит сам, и получается гром.

Лямбда. Гамма, ты говоришь, что гром от слова *гремит*. Но послушай эти слова — ведь *гром* — в нем один корень. Оно простое слово. А *гремит*, наоборот, производное — это от слова *гром*, в нем еще часть *-им*, как *бежим*. И *смыл* тоже простое слово, а *смоит* — производное. И даже *бьчим* так же устроено. Чтобы был глагол, всегда еще добавляется эта часть, которая значит действие. Значит, первые, простые, главные, как мы говорили, слова — это *гром*, *бег*, *смыл*. Это существительные.

Гамма. Я не сказал, что *гром* от *гремит*. Я, наоборот, сказал, что они оба от корня.

* Мама, 2-й класс.

** Она, 2-й класс.

Урок 15

Альфа. Да может, корней-то этих нет. Мы же их не говорим!

Лямбда. Но ведь слова, которые я привел, — они простые и из одного корня состоят¹⁰¹. Из них уже другие слова. И они означают вещи. Значит, корень — от вещи.

Гамма. Ну стол — ладно. Хотя в самом начале, когда мы говорили про слова и названия, никто из вас не сказал, что слово стоит понятие потому, что *смысл*. Наоборот, все говорили, что *смысл* потому понятное слово, что стол *стол*. А вот другие слова — что, ты хочешь сказать, что эти слова — *гром*, *бег* — означают вещи?

Лямбда. Нет, не скажу так. Они означают действие. Но они ведут себя, как Капша говорит, как существительные. Склоняются. Можно сказать: *быстрый бег*, или *страшный гром*.

Альфа. Это какие-то существительные странные. Вот обычные существительные, как *ворона*, или *стол*, или *лент*, они означают вещь, существо. А *бег* — вроде существительное, но не означает вещь¹⁰².

¹⁰¹ Слова *гром*, *бег*, *смысл* могут быть поняты как слова, взятые как феномен речи, и как морфемы (в данном случае корни), взятые как феномен языка. С точки зрения структуралистской лингвистики имена *гром*, *бег* и т. п., кроме корня, имеют еще нужное окончание (это обнаруживается, когда мы начинаем их склонять).

¹⁰² Именами с собственно именной семантикой сторонники прототипического подхода к частям речи считают, как и наши ученые, имена, означающие физический объект, глаголами — соответственно глаголы движения и действия. Исследователи, ориентирующиеся при определении частей речи в основном на семантику, вынуждены объяснять отнесение к именам «странных» для этой части речи слов, обозначающих действия, процессы, события. Е. С. Кубрякова, например, рассматривает подобные имена именно как отклонившиеся, нелегитимные, и считает, что «источником многих примеров «исполчины» значений у частей речи являются либо словообразовательные процессы, либо процессы синтаксические» (Кубрякова. Указ. соч. С. 194). Так, при переходе в другую часть речи слова «наследуют» свое частеречное значение: «производное [слово] — это доминативный знак, сочетающий общепотребительные значения исходного и результирующего классов деривации и отражающий их в своей формальной и смысловой структуре расчлененным образом» (с. 196). У отглагольных имен (*бег*, например), таким образом, есть значение субстанции и значение действия или состояния. Не совсем ясно, однако, можно ли сам корень *бег* характеризовать как глагольный. Замечу, что задолго до исследования процессов деривации Дионисий приводит в качестве примера имени *λῆδος* (гостеприимств), а Помпоний *ἀσπερ* — значит, такого рода имена не оказываются имен как что-то исключительное, маргинальное.

Лямбда. Между прочим, они и ведут себя по-разному. Можно сказать *спазм*, *вороненок*, *комек*. А *бесик*, *бесенок* — не скажешь. Потому что *бег* не означает вещь¹⁶⁷.

Альфа. Вот как раз потому, что они не означают вещь. Если слово означает вещь, то от него можно образовать другое слово, означающее такую же вещь, только маленькую. *Стол* — *столик*, *кит* — *котик*. А если не вещь, то нельзя. Поэтому и нет такого слова — *бесик*.

Эта. А *сметник*, *сметончик*?¹⁶⁸

Альфа. Все-таки это не совсем обычные слова, придуманные.

Каппа. Но все-таки это слова — существительные. Независимо, что они означают. Палочка ведь тоже не обязательно означает действие — мы говорили о таких глаголах, как *лежать* или *бездельничать*.

Альфа. Ну, эти слова, глаголы, они, по-моему, не могут быть первыми, главными словами. Они означают, что есть кто-то, кто лежит. Или кто-то, кто бездельничает. Существо какое-то есть, которое может что-то делать. Или ничего не делать. Сначала какая-то вещь или существо, а потом уже оно что-то делает или с ним что-то происходит. А не так, как Гамма и Эта говорят — что сначала действие, а потом вещь. Вещь есть сама по себе, может делать что-то, может так просто быть. Мы видим разные вещи, они отличаются друг от друга, потом что-то делают... Сначала что-то должно *быть*, потом уже что-то происходит. Существительные главные глаголов, они главные слова¹⁶⁹.

¹⁶⁷ Лямбда замечает, что хотя эти существительные ведут себя сходно в процессе словосочетания (склоняются) и аналогичным образом сочетаются, напр., с прилагательными, но их корни ведут себя по-разному в отношении словообразования.

¹⁶⁸ Ср. также у Хлебникова *любам*, *любтам*, у Мамковского *любасек*, миллион миллионов маленьких греческих *любам* — образование производных с помощью уменьшительных суффиксов от слов, означающих название действия, а не физического предмета.

¹⁶⁹ Вопрос об иерархии частей речи поставлен схоластиками-модистами (XIII в.) (см. об этом: Савельев А. П. История идеи универсальной грамматики. СПб., 2006). Модисты полагали, что имя важнее глагола. Два главных существительных модуса обозначения — модус сущего и модус существования, определявшие основные части речи, восходили к фундаментальному для схоластики различению сущности

Урок 15

Лямбда. Вот цветок. Ты скажешь, Альфа, что он может просто так быть, а может цвести. Но ведь это одно и то же! Для цветка-то — быть цветком и значит цвести.

Бета. Гамма говорит, что действия сначала, потом уже вещь. Что цветет, то и будет цветком. Вот мы говорим *бег*. Это существительное, правда? А разве есть такая вещь, как *бег*, сама по себе, отдельно от того, что кто-то бежит? Или есть только то, что кто-то бежит, а отдельно бега никакого нет? Если Гамме поверить, то сначала *бежим*, действие, а потом уже *кто бежит*. А Альфа говорит, что существительное *бег* сначала.

Лямбда. Альфа, по-моему, не так сказал. Он не говорит, что *бег* сначала. Он говорит, что сначала *бегут*. Кто бежит. Потом уже он бежит, и случается *бег*¹. Но со словами-то, конечно, не так. То есть именно с этими словами. *Бег* — первое, производное слово, *бегут* — производное. Часть эту, которая к корню прибавляется, можно выделить, *-ут*, она есть и в других словах: *крикун*, *летун*, *ворчун*, *пачкун*. И то же самое в них значит, что и в слове *бегут*, — тот, кто делает это действие. С эти словами проде как Гамма говорит — и *бегут*, и *бежим* — оба слова от *бега*. А есть ли сам *бег*, когда еще никто не бежит — не ясно. Слово-то *бег* есть, раньше слова *бегут*. А такая «вещь», как *бег*, — есть ли сама по себе, отдельно от того, чтобы кто-то бежал?

Альфа. *Бег* — не знаю, может бега отдельно и нет. А кто бежит, точно есть, отдельно от действия. Он есть даже когда не бежит. Вот лошадь. Она есть, она живая. Может бежать, может есть, может спать — она же все равно лошадь. От нее все действия. Ручка, вот мы спорили про ручку — слово это или название. Она же есть, а ее могу взять, не для того, чтобы писать ей, а просто, чтобы показать, что она есть. Я ее вижу сначала, потом беру, потом пишу.

Гамма. Ты, Альфа, представь себе — лошадь бежит. Ты что, видишь сначала лошадь, а потом — что она бежит? Ты сразу видишь — бежит. Если быстро-быстро бежит, ты даже сначала увидишь только *бег*. А только потом — что бежит лошадь.

и существования. Модус сущего определяет имя и местоимение, а модус существования — глагол и причастие. Таким образом, две главные части речи — имя и глагол — производятся модистами из принципиального философского разделения, причем сохраняется субординация, согласно которой имя важнее глагола» (Савенков. Указ. соч. С. 141). См. прим. 171–172, урок 40, прим. 189.

¹ Кирилл, 1-й класс.

Эта. Или пожар. Ты сначала видишь: горит. А что горит, может, и не увидишь.

Бета. Огонь видишь.

Гамма. Огонь же не вещь!

Лямбда. *Огонь* — существительное, *пожар* — тоже. Что видишь? — Пожар. Его в руки нельзя взять, как *Альфа* хочет. Как гром. Но он же есть. И слова эти есть. Слово *пожар* на вопрос *что?* отвечает.

Альфа. Я говорю, главные слова, имена существительные — это которые называют вещи, существа. *Дюнарь*, *ручка*. Есть вещи, есть их действия. И если слова бы правильно вели себя и делились на существительные и глаголы, то существительные бы значили существа, а глаголы — что они делают, эти существа¹²⁹. Это очень легко отличить¹³¹. А такие слова, как *бел*, *гром*, *пожар*, — только путают.

¹²⁹ То есть если бы слова вели себя в полном соответствии со своей семантикой. В конструкции С. Кацнельсона, например, противопоставлены имена и не-имена, как онимизация (выделяющие в окружающем мире) отдельные предметы, целостности, сущности, и — их свойства и признаки, более или менее постоянные и устойчивые. Такое противопоставление трудно связать с формально-грамматическим разграничением. В этой схеме базисными значениями для имен являются лексические значения, отображающие чувственно воспринимаемые предметы (физические тела); базисными значениями для атрибутивных слов являются чувственно воспринимаемые признаки предметов, обладающие относительной устойчивостью; для предикативных слов — простейшие именочные признаки — предикаты действия и состояния. С. Д. Кацнельсон в число «предметов» включает (как все время пытается сделать *Альфа*) далеко не все, что выражается именами существительными — в отличие от традиционной грамматики, где *концерт*, *пропа* (события), *мужественность*, дыра, *замысел* (пространственно-врем. отношения), *беловина*, *мыслить*, *улыбаться*, *близ* (качества и состояния), философские категории и т. п. относятся к именам существительным (Дубровский Е. С. Язык и знание. М., 2004. С. 133). См. уроки 16–18 и прим. 196.

¹³¹ Темы *Альфы* довольно спорный. Ср., напр., «Такие понятия, как процесс и объект, не воспроизводят объективных свойств действительности, но уже являются результатом языкового выражения действительности. <...> Различие между объектом и процессом обязательно только для того, кто рассуждает исходя из классификации своего родного языка, которые он превращает в универсальные значения; но даже такой человек, если его спросить, на чем основано это различие, вынужден будет скоро признать, что если «лошадь» — объект, а «бежать» — «процесс», то это потому, что первое — имя, а второе — глагол» (Демосиенко. Общая лингвистика. С. 168). Бенвенист далее пишет: «Достаточно приложить такое определение к языкам другого типа, чтобы увидеть, что отношение между объектом и процессом

Урок 15

Лямбда. Таких слов очень много: *урок, обида, кино, кинешум, весна, спор, разговор, лена, мысль...*

Альфа. Да, довольно много. Они странные слова: ведут себя как существительные, а означают... непонятно что. Неправильные слова.

Бета. О, Альфа, ты уже тоже готов сделать правильный язык, почти как Хлебников — чтобы слова вели себя по-правильному, по тому, что они означают! А раньше все время сердился, когда мы брали не те слова, которые все говорят, а придумывали что-то.

Эта. Вообще-то неизвестно, что сначала было, самое первое. То ли вещи, а потом из действия, то ли наоборот, что-то делается, потом вещи. А может быть, сначала вообще какое-то шевеление — воздуха,

может оказаться обратным или вообще исчезнуть, а грамматические выражения останутся теми же. Так, в языке дуна (Орегон) активные или пассивные глагольные формы 3-го лица употребляются как имена: *пабуа* «он спускается» — название «дождя», *пиййи* «он течет» — означает «ручей», *вайдоййи* «привлечено вокруг него» — значит «лоял» и т. п. Многочисленные примеры подобных слов в различных языках приводит Э. Сепир (см. прим. 387). Представители когнитивной лингвистики, возражая подобному представлению, ссылаются на особенности нашего восприятия действительности. «Различие между объектом и процессом основано на различии того, как воспринимаются эти сущности в чувственном опыте человека: только объект можно выделить из окружающей его среды (форма) в качестве фигуры, целостности, отдельности, имеющей свои собственные физические очертания и физические характеристики — цвет, размер и т. п. Ломая характеризуется человеком как «ощущенное существо не потому, что она обозначена существительным, а потому, что она передвигается по своей воле, дышит, рождает себе подобных... Думается, что среди языков мира не встретится и такого, в котором противопоставление ломая (объекта) и бегания (процесса) не найдет никакого отражения или в котором эти сущности, как не различаемые человеком, будут отождествлены» (Курбикова. Указ. соч. С. 76–77). Сторонники Бениниста могли бы на это возразить, что особенности восприятия и чувственного опыта predetermined языком воспринимающего и что говорящие на языке другого типа могли бы иметь отличную от нашей онтологию. (Курбикова, утверждая, что «мы видим мир не как поток света, не как целостную совокупность волн с разными физическими характеристиками, не только как игру света и тени, переплетения красок, <...> мы видим его как мир лиц и вещей, движений и событий», сама отвечает, что «видеть в мире объекты человека уметь» (с. 84) — уметь не в последнюю очередь с помощью языка, в котором есть, в частности, имена и глаголы). Если ист (или не описано) такого языка, в котором имена и глаголы вовсе не противопоставлены (очень близкие к таким языки описаны Сепиром, см. прим. 379), то можно все же предположить его возможность, и носители такого языка могли бы иметь другое видение мира. См. уроки 40–41, прим. 388. См. мою работу «Имя и глагол».

что ли. Тая, или так, или так (Эта делает разные движения руками).
 Что-то расходится, или густеет, или поднимается, соединится... А уже
 потом вещи появляются и начинают что-то делать.

Лямбда. Тогда первые слова от таких шевелений должны быть,
 и это были бы не существительные и не глаголы, а такие слова — *гу-
 сно, быстро, вверх, вниз, вокруг, врозь*...¹⁷²

Учитель. Такие слова называются *наречия*. На какой вопрос они
 отвечают?

¹⁷² Обратим внимание, что Хлебников значения «престых тел языка» (звуков
 алфавита) описывает почти исключительно через образы пространства и движе-
 ния — собственно вещи (финические тела) и собственно действия практиче-
 ски не упоминаются: «В ... значит вращение одной точки кругом другой или по
 целому кругу или по части его, дуге, вверх и назад... Х значит замкнутую кри-
 вую, отделяющую протрадой положение одной точки от движения к ней другой
 точки... М значит распад некоторой величины на бесконечно малые... П значит
 рост по прямой пустоты между двумя точками... Ч значит пустоту одного тела,
 заполненную объемом другого тела...» (Художники мира! Творения. С. 621).
 Ср. аналогичное описание выразительных смыслов звуков в «Послании»
 А. Белого: «Образование спиралей — образование горючих туманностей галак-
 тической материи звуков; в „м“, „н“, „г“, „б“ и „д“ мы имеем распад на тепло
 (м), энергию (г), воздух холодный (н) и воздух теплый „К“, на свет и огонь („г“
 и „д“); а в совокупном ряду и-ш-т-л-п — образование: из воздуха влаги; l-m-p —
 явно жидки, три жидкие — g-b-d — почти тверды „б“ — вода, „д“ — льдом,
 „g“ — рыхло-рассыпчатого; k-l-p — (ряд глухих, глухо-вырванных) — тверды; а —
 сказал бы, что каменные, если б „р“ не являлся нам символом твердой животно-
 сти, „г“ — растительной тканью, „к“ — каменный, минерально-бессоленный
 звук; вот три царства животных („р“, „б“), растений („д“, „г“), кристаллов („к“)
 и аморфных земель („g“)- (З). Сущности (царства растений, животных, минера-
 лов) появляются здесь как производные от «атрибутов» — твердого, рыхлого,
 жидкого и т. п.

Ж. Делез говорит о чистом становлении, которое логически предшествует бытию.
 Субстанциями оказываются не тела, но положения, бестелесные события, т. е. по-
 верхностные эффекты. Эти эффекты он связывает с глаголами. «На стороне пред-
 положений — имена и определения, обозначениями положения вещей, но есть они и
 глаголы, выражающие события и логические атрибуты. С одной стороны — еди-
 ничные собственные имена, существительные и общие прилагательные, указыва-
 ющие на предметы, паузы, остановки и наличие; с другой — глаголы, влекущие за
 собой становление с его потоком необратимых событий, и настоящее, бес-
 конечно раздвигющееся на прошлое и будущее» (Делез Ж. Логика смысла. Ека-
 теринбург, 1998. С. 45). Эта и Лямбда, кажется, готовы пойти дальше — глаголы
 (даже глаголы состояния) тоже предполагают субстанцию (что-то делает нечто,
 находится в определенном состоянии). Чистые эффекты выражаются *наречиями*.
 См. урок 16.

Урок 15

Дельта. На разные. Как, куда, где...

Каппа. На вопрос как отвечают еще слова такие — *тепло, странно, весело, светло*...

Бета. Да, они означают и не вещь, и не действие, а что-то вообще без вещей и действий. Состояние какое-то без ничего. И даже не то, что происходит. Изменения никакого нет. Вот мы скажем *теплый чай* — это одно, а просто *тепло* — это другое, это не про что-то, не про какую-то вещь, а вообще. И не меняется ничего — был бы плагол, если бы менялось, *менялся*. Может быть, они первые были, такие слова? Сначала просто *тепло*, потом уже какая-то вещь, и она греет. Гамма бы сказал — *теплым*. Я хочу сказать, сначала *тепло* как *холодно*, а не *тепло* как *мороз* или *холод*. Не чин, а *как*, наречие. Мы видим сначала — просто *светло*. Потом присмотримся, видим какую-то вещь, и она светит. И если захотим сказать, то сначала скажем наречие: «*светло*», а потом уже «*солнце светит*»¹⁷¹.

Эта. То есть не просто, как Гамма сказал, все сначала что-то делало, а потом стало. А все время что-то делается, становится. Ничего не

¹⁷¹ Пытаюсь найти некоторую исходную неразчлененную целостность, прообраз высказывания, из которой потом выделяются, противопоставляются, части речи, многие исследователи обращаются к генетическим первичным целостным высказываниям. Так, например, И. И. Мещанинов предлагает концепцию диффузного имени. «Сначала, до деления по частям речи, было одно имя в широком понимании этого термина, имя вообще. Это — не имя существительное, не имя прилагательное, а просто „имя“. Дифференциация его происходит позднее» (Мещанинов И. И. Части речи и члены предложения. Л., 1978. С. 16). В диффузном имени Мещанинова одновременно содержится и то, что формирует высказывание (прообраз глагола), и то, что вызывает некий когнит (о чем высказывание; прообраз имени).

То же самое описано и в онтогенезе — первые детские «речи», или высказывания, не расчленены на отдельные слова, но представляют собой языковой комплекс, содержащий смысл предложения. Кажется, однако, сомнительным утверждение, что первичное однословное высказывание ребенка должно быть понято как имя. Многие исследователи полагают, что первые языковые формы — императивы (см.: Дубровина. Указ. соч. С. 241). Нет ничего фантастического в предположении Беты, что прообразом высказывания могло бы быть слово-предложение типа *светло, светлым*, выражающее не вещь и ее атрибуты, но целостную ситуацию. Может быть, «*светло*» — исходное, прототипическое высказывание, не содержащее ни имени, ни глагола, а *свети* и *светится* — результат дифференциации и усложнения? См. прим. 183. См. Имя и глагол.

успокаивается, чтобы стать чем-то и все, не шевелиться больше. Тогда все умрет. Ведь мы говорили — живое меняется, мертвое все время одно и то же. Вот цветок, Лямбда говорил — чтобы ему быть цветком, он должен всегда цвести!¹⁷¹

Каппа. Вот мы вроде говорим о словах, а все время обсуждаем не слова. А то, что вообще главное — вещь или действие, что как получилось.... Что такое понятно....

Бета. Но ведь слова — о вещах и действиях, не сами по себе. Они значат что-то. И это что-то мы и обсуждаем. Ты, Каппа, правда, говоришь, что это неважно — что слова значат, а только как они ведут себя, как мы их используем. Но это как-то странно — мы бы вообще не могли говорить, если бы слова ничего не значили. Слова — это о чем-то. Вот, мы говорили о вещах и действиях. Ведь не потому есть вещи и действия, что есть слова — существительные и глаголы. А наоборот, потому есть такие слова, что есть вещи и действия. Это только когда волшебные слова, в сказке — как скажешь, так и будет!¹⁷²

Звонок

¹⁷¹ Ср. обсуждение этой проблемы в античной онтологии: «Речь теперь идет о смысле бытия. <...> Знание-истина предполагает бытие как подлинность. Не становление здесь противопоставляется бытию, а бытие-становление (бытие-событие) бытию-пробытию, один смысл бытия — другому. И чтобы это было ясно, чтобы „платонизм“ заранее не застал читательское внимание, Сократ делает еще один шаг навстречу „декуним“ (так он позже (181а) назовет сторонников этой онтологии), показывая, в каком смысле даже бытие чем-то предполагает непрерывное движение. Быть значит порождаться и порождать, обываться, овалывать себя в действиях etc., тогда как „покой (ήρεσις)“ делает все несуществующим и мертвым“ (153а). Даже быть чему-то самим собой, пребывать в своей форме предполагает постоянное движение: физическое упражнение для тела, обучение для ума (души), питание, дыхание, чувствование, думание, — словом, если есть существительные, то все они отлагольны. Движение Солнца, смена времен года, движение востров, течение потоков — условия жизни, „а если бы вдруг это стало, как во сне, то все вещи погибли бы“ (153д, пер. Т. Васильевой)» (Ахунина А. В. Чтение Тократа // Архе. Труды культурологического семинара. Вып. 3. М., 1998. С. 137).

¹⁷² Не только в сказках. Действительный, перформативный смысл высказываний, не только сообщений о фактах, но создающих, меняющих их, будет подробно обсуждаться на уроках 23–25.

Как изменяются существительные и глаголы.

Наречия – неизменяемые слова.

Связано ли поведение слов с их значением?

«Шум», «шумно» и «шумит» – означают разное.

Прилагательные. Части речи

Учитель. Помните, о чем мы говорили на прошлом уроке?

Гамма. Начали говорить о корнях, из которых слова, а закончили тем, как все устроено.

Альфа. Говорили о том, что сначала — вещь, или действие, или вообще какое-то состояние, шевеление... непонятно чего.

Бета. Говорили опять о том, что слова — о чем-то. Что-то значат... Вещи, или действия, или эти Этины шевеления... И какие слова первые, главные — имена существительные или глаголы или вот эти слова, о которых мы на прошлом уроке узнали, — наречия: *вниз, вверх, тепло, дусто, свемла*.

Ламбда. Эти слова, они подходят как раз тогда, когда нет того, кто что-то делает, и даже действия нет. А есть просто как-то, ну, какое-то состояние. Что-то есть, но даже *чмо-но* слово не подходит. Что-то — это уже как вещь. А тут просто — *тепло*...

Учитель. Давайте подумаем вот о чем. Каппа все время обращает внимание на то, как ведут себя разные слова, в частности, как они изменяются. Существительные, мы заметили, склоняются. Можно сказать *книга, книгой, книжку*, о книгах — это разные формы слова *книга*; или, если взять наше придуманное слово *блямбик*, то — *блямбик, блямбиком, блямбиком, блямбиках*.

Альфа. Поэтому-то Каппа и говорит, что, хотя мы не знаем, что такое этот блямбик, но точно знаем, что это существительное. А не потому, что оно означает вещь или существо. А я говорю, что как раз потому, что существительные означают вещь или существо, они и склоняются. Мы можем просто назвать вещь ее названием, потому что она есть сама по себе — это одна форма, как сказал учитель. Можем с ней что-то делать — тогда слово в другой форме. Потому что есть просто книга, сама по себе существо, а можно взять книгу, читать книгу, думать о книге, что-то вообще делать с книгой или с книгами — поэтому и форм так много у слова, что с предметом можно что-то делать, а не просто так. Со смыслом же эти формы. И главная форма — *книга*, то есть что она просто есть. Остальные формы уже потом — что-то меняется, делается с книгой, а эта — главная, она просто есть. Не о чем было бы говорить, если бы вещей самих по себе не было¹⁷⁸.

Бета. И вопросы к существительным разные: вот к тем формам, которые вы называли, такие вопросы: *что?* — книга; *чего?* — книги,

¹⁷⁸ Греческие и латинские слова, обозначающие имененные формы слова, *назомен* (*слова*), *флексии* (*declinatio*) — значит *падения*, *наклон*, то есть предполагается, что основное значение передается как устойчивое стояние, которое может испытывать разные отклонения и отпадения (эту этимологию сохраняют и русские *кальки назомен, склонение*). А. В. Азучин предполагает, что эта (грамматическая) система предполагает античную онтологию: быть чем-то значит устойчиво стоять в своей собственной форме, а потом, на этом основании, отправляясь отсюда возможны разные отклонения и деформации.

Ср. замечание А. Ф. Лосева о падежах: «Именительный падеж говорит о вещи, что она есть именно она. Именительный — это падеж субъекта как носителя бесконечных предикатов. Я бы назвал его *своим subjecti, своим substantiali*. Там, где ты угадал, что вещь есть субстанция, причем отличная от всех других, ты ее наименовывал. Так же как родительный падеж это *своим genetivi*, т. е. падеж, указывающий на род, к которому относится вещь. Вентельный я назвал бы падежом объекта, *своим objecti*. Главный падеж, *своим substantiali*, фиксирует предмет среди прочих» (Бабихин В. В. А. Ф. Лосев. С. С. Аверинцев. С. 212).

Урок 16

опять что? — книгу (взять книгу). Здесь вопрос одинаковый, но форма совсем другая, и значит разное. Как омонимы. Есть слова имена-омонимы, а есть вопросы-омонимы, наверное. Дальше: о чем? — о книге. Или о книгах. Здесь вопрос один и тот же, но форма слова разная.

Гамма. Это потому, что в одном случае книга одна, а в другом много.

Учитель. Да, поэтому. Говорят, что существительные изменяются по числам. Есть формы единственного числа и формы множественного числа. А первое изменение, которое мы заметили, называется изменением по падежам. Мы потом узнаем, сколько падежей в русском языке и какое у них значение. Но я уже сейчас скажу вам, что тот падеж, который Альфа назвал главным — книга, *блэмбик*, — называется именительным падежом. Он *именуеи*, то есть называет, вещь.

Дельта. Если он главный, этот падеж, то он должен быть самый простой и короткий. Вот как *блэмбик*. Падеж — это просто корень¹⁷⁷. В других падежах добавляется еще особый конец — *блэмбик-а*, *блэмбик-и*. То, что главное, должно быть самое простое и короткое. А не всегда так. Например *книга*. Тут именительный падеж с концом.

Бета. А просто корень будет *книж* — например много *книж*. Но все-таки главная форма — *книга*, хотя она и не самая простая и короткая, а с концом.

Лямбда. По-Альфиному, именительный падеж вообще не должен называться падежом. Потому что падеж — когда вещь *падает*. А в этой главной форме она не падает, стоит себе такая, и все¹⁷⁸.

Учитель. Да, ты прав, Лямбда, можно считать эту форму слова главной, а остальные — *ее* падежами, то есть *ее* изменениями, отклонениями от нее.

¹⁷⁷ Дельта должен был сказать *основа*.

¹⁷⁸ *Минус К*, 3-й класс.

¹⁷⁹ Так у Аристотеля: «„Филона“ же или „Филону“ и тому подобное не имена, а падежи (*πτῶναις*) имени» (Об истолковании, 16a30).

Это мы говорили о существительных. Слова-глаголы тоже изменяются, но они изменяются по-другому. Вы заметили, как?

Каппа. Я заметила, что вот этих падежей у них нет. Но по числам они тоже изменяются. Например, одна книга — *лежит*, а несколько книг — *лежат*. У глагола *лежать* разные формы. И вопросы разные: *что делает* и *что делают*. Альфа скажет, что книги ничего не делают, но я считаю, это неважно. Вопросы подходят к этим формам. И *блямбик* тоже, один — *блямбит*, а несколько *блямбиков* — *блямбят*. Такие же формы, как *лежит* и *лежат*, и такие же вопросы к ним.

Гамма. Еще глаголы по-другому изменяются: *сейчас лежат*, а раньше *лежали*. По времени. Вопросы тоже разные — *что делает* и *что делал*, раньше. А потом — *что сделает*.

Альфа. Ну уж если вы считаете, что это не связано со значениями слов? Разве неясно, что именно потому, что глагол означает действие, он и может иметь разные формы, связанные с временем? Действие — это то, что во времени делается. Предмет — это то, что есть, одна вещь или несколько. Действие кто-то делает, тоже один или несколько деятелей, поэтому у глаголов тоже есть формы, связанные с числом — *блямбит* и *блямбят*. Ведь слова не сами по себе¹⁷⁹.

Учитель. Мы об этом обязательно будем говорить — о том, как глаголы изменяются по времени, связано ли это с их значением, и еще о многом, связанном с глаголами. А сейчас я хочу спросить у вас: мы заметили, что и глаголы, и существительные изменяются, имеют разные формы, причем изменяются по-разному. А вот эти слова-наречия, типа *нужно*, *много*, *мало*, *везде*, *вокруг* — они изменяются?

¹⁷⁹ Альфа настойчива в стремлении связать частеречную принадлежность слов и грамматические особенности частей речи с семантикой. Связывание глагола со значением времени (в противопоставлении его времени на этом основании имени) имеет давнюю традицию, ср., например, у Аристотеля: «Глагол — составной, имеющий самостоятельное значение, с *определенным временем* *муж*, в котором отдельные части не имеют самостоятельного значения так же, как в именах. Например, «*человек*» или «*белое*» не обозначает времени, а «*идет*» или «*пришел*» имеют дополнительное значение: одно — *нынешнего времени*, другое — *прошедшего*» (курсив мой. — И. Б.) (1437а). Проблема эта, однако, сложнее, чем представляется Альфе. См. уроки 9–10 и прим. к ним, прим. 181.

Урок 16

Каппа. Нет, они не изменяются. Они всегда одинаковые. Можно сказать мне *тепло* или нам *тепло*, *сейчас тепло* или *раньше было тепло* — все время слово будет одинаковое. Вот Бета сказал на прошлом уроке: не *тепло* как *холод*, а *тепло* как *холодно*. Есть два слова *мыло*. Одно как *холод*, то есть существительное. Оно изменяется. Можно сказать: *я боюсь холода*, или *я боюсь тепла*, а можно *я люблю холод*, *я люблю мыло*. Окончания разные, формы слова разные, вопросы разные — *что* и *чего*. А есть *тепло* как *холодно* — по звукам то же слово, а по поведению другое. Оно не изменяется. Тепло, и все. Оно наречие.

Бета. Сейчас Альфа скажет, что не потому не изменяется, что наречие, а потому, что другое значит.

Альфа. Скажу. Эти слова, наречия, они знают все сразу, как Гамма говорит. Никакой нет ни вещи, ни действия во времени. Бета говорил на прошлом уроке — просто состояние, без вещей, без изменений, без ничего. Тепло, и все. Непонятно даже, кому тепло. Вообще тепло. Нечему тут изменяться. Потому и слово не изменяется — а совсем не потому, что оно наречие. А вот существительное *мыло* — ну да, оно изменяется. Но оно не означает никакой вещи. Оно тоже значит просто состояние. И таких слов, правда, много таких слов — *урок*, *взмах*, *болезнь*, *игра*... Какие-то неправильные существительные.

Лямбда. Вот ты сказал, Каппа, что наречия не изменяются. А можно изменить. Тепло — *теплее*. Было тепло, а стало еще теплее¹⁰⁰.

Каппа. Да, изменяются. Но знаете, какое-то это не такое изменение, как у других слов. Другие слова когда изменяются, то меняются и вопросы к ним. Например: *что?* — книга, *чем?* — книгой. Или: *какой?* — *теплый*, *какие?* — *теплые*, *какому?* — *теплому*, *что делаем?* — *лежим*, *что делали?* — *лежали*, *что делаем?* — *лежим*. А тут, с наречиями: *как?* — *тепло*, и *менее* — все равно *как?* Тот же вопрос.

Учитель. Классы слов, которые по-разному себя ведут и имеют разные значения, называются *частями речи*. Мы с вами говорили о таких частях речи, как имена существительные, глаголы и наречия. Как

¹⁰⁰ Наречия, образованные от прилагательных, могут иметь степени сравнения.

их выделяют, как связано их изменение и значение — это очень сложный вопрос, и об этом не только мы спорим, но и ученые. Вот скажите, шум, шумно и шумит — это однокоренные слова, к каким частям речи они относятся?

Каппа. Шум — существительное, шумно — наречие, шумит — глагол.

Учитель. А как вы считаете, они одно и то же значат?

Гамма. Да. Значат они, что мы что-то слышим. Что-то громкое, шумное. Корень — глагольный, от корня они и значат.

Эта. Тогда зачем разные слова, если они одно и то же значат?

Лямбда. А по-моему, не совсем одно и то же. Вроде одно и то же, но не совсем. Мы и так, и так можем сказать про одно и то же, но *значить* будет разное. Если мы говорим «шумит», то как будто думаем, что есть кто-то, кто шумит. Или что-то. Получается по-Альфину, чтобы было действие, надо, чтобы было кому делать. Просто мы не видим, кто шумит, а только слышим — шумит. Если мы говорим «шумно», то это по-Этнимо. Не надо никого, кто шумит. Шумно, и все. А если говорим «шум», то это мы как бы назвали то, что слышим. Ну, как бы сделали вещь из этого «шумно»¹⁰¹. Эта с Гаммой говорили,

¹ Мирон, 1-й класс.

¹⁰¹ Анализируя трудности, возникающие при анализе с точки зрения семантики «проблемных» имен, сторонники когнитивного подхода к частям речи полагают, что им можно дать вполне разумное истолкование, именно обращаясь к семантике. Когда для разных описаний одной и той же ситуации мы используем разные части речи, мы «ничем в виду» не совсем одно и то же. Например, такие выражения, как *раздался взрыв* и *что-то взорвалось*, могут описывать одну и ту же ситуацию, но, по мнению Р. Лангакра, «использование глагола заставляет воображать происходящее как что-то длящееся или случившееся во времени, тогда как использование существительного ведет к представлению этой сцены в виде единого (одномоментного) объекта восприятия. Поэтому и семантика этих выражений разная — говорящий выбирает ту или иную часть речи в зависимости от того, что важнее, лигируется для него в данной ситуации» (см. Кудрявцев. Указ. соч. С. 203–204). Разные части речи, относясь к одному и тому же, имеют разное, как говорит Лямбда. Но Лямбда обращает внимание на другой семантический оттенок, связанный с использованием глагола. — не представляется ситуация как «длющийся во времени», а предположение participiata, деятеля, которое связано не с временем, а с лицом глагола. См. прим. 171, 183 и 389.

Урок 16

что что-то становится вещью, когда мы этим пользуемся и даем название¹⁰². А пока не назвали, оно не вещь, а вот это наречие... А когда назовем — шум, что-то... Как бы вещь. Вот так же с теплом. Альфа говорит, оно неправильное существительное. А мы называем существительным это состояние, и уже получается что-то, что можно не только склонять, но как о вещи думать. Сказать, например: я люблю тепло. Оно уже стало что-то, это тепло. Эта сказала, что-то шумное. Вот когда не что-то шумное, а само шумное — что-то, то это шум. Как бы вещь.

Дельта. Получается у тебя почти по-Альфому: существительное, потому что значит вещь, как бы вещь.

Бета. Я согласен с Лямбдой про «шум» и «шумно», а про «шумит» не согласен. Если бы было как Лямбда говорит, что это что-то действие, только мы не знаем чье, мы бы сказали не «шумит», а «что-то шумит». А «шумит» — это не то. Вот мы говорим «светает» — мы же не думаем, что *что-то* светает. Просто становится светлое, и все. А нет никакого что-то, что *светает*. Вот так же и шумим — не что-то шумит, а просто шумит¹⁰³.

¹⁰² Урок 15.

¹⁰³ Слаговыми безличными выражения (предложения типа *темнеет, светает, шумит*) кажутся Бете аналогичными (хотя и не полностью совпадающими, см. след. прим.) по смыслу предложениям типа *светло, темно, шумно*. Здесь глагол частично лишен собственно глагольной семантики, в частности значения лица. Процесс дан как всеобщий, как чистое явление, не соотносённое ни с каким деятелем, в отличие от совпадающего по форме глагола 3-го лица (*темне-~~ет~~ шуми-~~т~~*). Шерба, указывая на безличные предикаты (он приводит следующие примеры: *солнечный, сумрачный, ночной, ясный* (придн.), *ночь* (преддн.)), отмечает, «что они представляют „действия“ и „состояния“ как не зависящие от чьей-то воли, говорит, что „может быть, правильно было бы не считать „безличных глаголов“ глаголами» (Шерба Л. В. Языковая система и речевая деятельность. М., 2007. С. 59).

Такие высказывания соотносятся скорее не с событиями, а с целиком святиваемой ситуацией, где впечатление говорящего не связывается с определенными выделяемыми объектами и их действиями. Событие предполагает партиципацию, предмет предполагает признаки и действия; т. е. и то и другое уже амбивалентно. Слова-фразы типа «шумно» и, с точки зрения Беты, «шумит» или «светает», кажутся, не предполагают расчленения, они фиксируют что-то вроде делового эффекта. Говорящий, игнорирующий эти эффекты, не выделяет, слит с ними. Прототипические подобные фразы, по-видимому, выражают эффект состояния и т. п. — без предположения что-то, вызывавшего эти состояния. Вероятно, исследуя семантику слов *черное* и *белое*, *темное* и *светлое*, пишет: «Я думаю, что ключом к раскрытию семантики слов *темный* и *светлый* служит понятие зрения,

Каппа. По-твоему, шумит значит то же самое, что шумно?

Бета. Не совсем. Все-таки ясно, что *сейчас* шумно. На время указывает. Раньше шумело, а сейчас шумит. А в шумно этого нет — мы ведь говорили, что наречия никак по времени не изменяются¹²¹.

Учитель. А вот еще одно слово с этим же корнем: *шумное*, шумный. Его Гамма сказал, когда объяснял, что значат слова шум, шумно, шумный. Он сказал: *что-то шумное*. Оно что значит? И вопрос, который для Каппы важен (и для нас всех, конечно, тоже) — как оно себя ведет, на какой вопрос может отвечать?

Альфа. Оно отвечает на вопрос *какой?*, *какое?*

Бета. И ведет себя так: может вместе с существительными говорить. И должно подходить к ним. Мы давно, еще когда блинчик обсуждали, заметили, что можно сказать *маленький блинчик*, но нельзя — *маленькая блинчик*. А если их много, то они *маленькие*. И так же эти блинчики могут быть шумные, а когда один — *то шумный*. И склоняются они вместе: *шумный блинчик*, *шумному блинчику*, *шумным блинчиком*.

Учитель. Также слова называются прилагательными. *Шум* — существительное, а шумный — прилагательное. *Маленький*, *состальный*,

а прототипическое употребление этих слов связано не с предметами, а со средой (курса мой. — И. Б.). Мы говорили: Было (уже) темно. Было (еще) светло. Предложения, которые включают такие выражения, как „темный мяч“ или „светлый мяч“, не кажутся столь же обычными и естественными, как предложения со словами *темной* или *светлой*, когда они относятся к среде» (Верабидская А. Обозначения цвета и универсалии зрительного восприятия // Верабидская А. Язык. Культура. Понимание. М., 1996. С. 249). Относился к среде, а не к предмету, слова приобретают другой «частеречный» смысл — не прилагательного, *соотнесенного* с признаком предмета, а наречия, *соотнесенного* с ситуацией в целом, в которую включен и говорящий (Верабидская предлагает следующее толкование того, что мы имеем в виду, когда говорим было темно: «в некоторые моменты видно очень мало; было именно так в то время» — там же). См. урок 41, урок 389.

Шерба в работе «О частях речи в русском языке» выделяет («в предположительной форме: «может быть, мы имеем здесь дело с особой категорией») особую категорию *состальных*, куда относит такие слова, как *мелко*, *жаль*, *лопа*, *мелко* (во фразе *в комнате мелко*) (Указ. соч. С. 96.) От наречий их отличает отсутствие отнесенности к глаголу (ср. последний пример *мелко* с *он писал мелко* и *мало*).

¹²¹ Слова-предложения типа *состаль*, шумит хотя и лишены значения лица, соотносимого с глаголом, но имеют значение времени.

Урок 16

мужиней, сильнйй — это прилагательные. Иногда и существительные, и прилагательные вместе называют именами, говорят имя существительное и имя прилагательное¹⁰². Как вы думаете, почему они называются именами — и существительными, и прилагательными?

Альфа. Неправильно это. Имя что-то называет, вещь какую-то, или существо какое-то. Существительное — это имя. А прилагательное — не имя. Что оно называет?

Бета. Оно называет все-таки что-то. Вот глагол — не называет, он не имя. Он говорит, что что-то делается. А прилагательное называет, оно имя.

Дельта. Как имя и фамилия. Вот, например, Иван Петров. Иван — это как существительное, Петров — как прилагательное. Это ведь тоже его имя, и называть так можно¹⁰³.

Лямбда. А почему оно так называется — *прилагательное*? Как будто оно к чему-то приложено.

Дельта. Потому что он Иван сам по себе, а Петров — при чем-то. При своей семье. Как бы приложен к ней¹⁰⁴.

Альфа. Существительное — это имя для существа, которое само по себе. Например, человек, ворона, ручка. А при них, к ним приложены — прилагательные, например *мужиней, бисирйй, легкйй, чернйй*.

Дельта. Вот ручка, которой мы пишем, и ручка от чемодана. Одна — само по себе существо, а другая ведь нет.

¹⁰² Ср., например, у О. Есперсена: «Прилагательные и существительные имеют много общего, и бывают случаи, когда трудно сказать, к какому из разрядов принадлежит данное слово. Поэтому удобно ввести термин, который объединял бы и то, и другое. В соответствии с латинской терминологией, широко используемой в новых континентальных трудах по грамматике, я буду употреблять термин *имя* (лат. *nomen*) для обозначения этого общего разряда, в который входят и существительные и прилагательные» (Есперсен О. М. Философия грамматики. М.: Издательство УРСС, 2002. С. 78). Некоторые языки (например, финский) не делают имени на прилагательные и существительные (см. там же).

¹⁰³ Опа, 1-й класс.

¹⁰⁴ Аннов, 1-й класс.

Альфа. Другая — прилагательная. Она при чемодане, она не сама по себе.

Бета. А слово-то одно. Не может же оно быть то существительным, то прилагательным¹²⁶.

Лямбда. Раз мы ее назвали *ручка*, имя ей дали, значит мы уже отделили ее от чемодана. Она как бы стала для нас сама по себе, существом стала, раз мы о ней отдельно говорим. И называем ее именем существительным¹²⁷.

Каппа. Это как Лямбда по шум говорил — раз назвали, то уже как бы вещь. С ручкой еще легче — ее потрогать можно.

Звонок

¹²⁶ В принципе слова, полностью совпадающие по звуковому составу, могут относиться к разным частям речи. В таких языках, как английский, это обычное явление, во подобные примеры можно найти и в русском языке, ср., напр., слово *больной* в выражениях *больной ребенок* и *больной человек* на *попылку*, *печь* в выражениях *печь пироги* и *малая печь*. Но пример с *ручкой* совсем другого рода.

¹²⁷ Ср. с репликой Митрофана из «Недоросля» Фонвизина: на вопрос, существительное или прилагательное слово *дверь*, Митрофан отвечает «Дверь, которая дверь... Эта? Прилагательная... Потому что она приложена к своему месту. Вот у чужака шесть недель дверь стоит еще не навешена, так та покамест существительная». Эта реплика, как и высказывания Дельты и Альфы, может служить парадоксальным примером связывания частеречной принадлежности слова с его семантикой. Это не так бессмысленно, как может показаться на первый взгляд. Дверь, «приложенная к своему месту», не является как самостоятельная сущность, она является некоторым моментом действия или ситуации; только та дверь, которая рассматривается сама по себе, может быть названа частым именем существительным, если положить именно и только семантику в основу выделения частей речи. Ср. с репликой Лямбды по поводу существительного *мямля*.

Прилагательные (продолжение). Как различаются части речи по значению, по изменению, по роли в предложениях? Глагол и время. На что похожи прилагательные — на существительные или на глаголы? Разные глаголы и разные прилагательные

Учитель. Помните, когда мы обсуждали, слово ли *блямбик*, Каппа сказал, что это слово, потому что оно склоняется¹⁰⁰. Мы теперь знаем, что склоняется — значит изменяется определенным образом, по падежам и числам. Глаголы, например, не склоняются — они изменяются по-другому. Наречия вообще не изменяются, это неизменяемые слова. А имена прилагательные?

Каппа. Склоняются так же, как и существительные.

Альфа. Они вместе с ними склоняются: *маленький блямбик, маленькие блямбики, маленькому блямбику, маленьким блямбикам. Шумный* так же: *шумный мальчик, шумному мальчику, шумных мальчиков.*

Лямбда. Потому, наверное, они имена, и существительные, и прилагательные. Хотя значит разное.

¹⁰⁰ Урок 2.

Учитель. Что же значат имена прилагательные?

Бета. Они значат что-то, что относится к существу, к вещи. К ней прилагается, потому что прилагательные. Вот мы когда говорим, что они отвечают на вопрос *какой*, то это ведь вопрос не о вид, а о том, к чему они прилагаются. Например, *какой блондин?* — *маленький*, *какой мальчик?* — *шумный*, *какая ручка?* — *синяя*. И так далее. Когда мы спрашиваем *что*, то мы про саму вещь и спрашиваем, которой отвечаем. Этот вопрос относится к самой вещи. А когда спрашиваем, *какая* она, вещь, то спрашиваем тоже про нее, про вещь. А отвечаем прилагательным. Прилагательное значит что-то не главное. Сама вещь главная, а какая она — уже не главное. Это к ней прилагается, прилагательное.

Лямбда. Если согласиться с Альфой — что главное — это вещь, существо, тогда все, что мы говорим, относится к ней, к вещи, к ней прилагается. И глаголы тоже. *Все вопросы тогда будут о вещи. Какая она* — это о ее качестве вопрос. *Сколько* — о ее количестве. *Что она делает* — о ее действии. *Где* — о месте, о «гдечестве», *когда* — о «когдачестве» — ее, вещи, гдечестве и когдачестве. Все это прилагательное, к вещи прилагается. Раз мы говорим о чем-то, то всегда, значит, о вещи говорим. Что-то — это вещь. Иначе мы будем говорить ни о чем, а ни о чем говорить — это все равно что не говорить¹⁰⁷.

¹⁰⁷ Тина Азутин.

¹⁰⁸ Ср. у Аристотеля в «Метафизике»: «О сущем говорится, правда, в различных значениях, но всегда по отношению к чему-то одному, к одному существу и не называя одинакового имени, а так, как все здоровое, например, относится к здоровью или потому, что сохраняет его, или потому, что содействует ему, или потому, что оно признает его, или же потому, что способно воспринять его, и точно так же врачское по отношению к врачебному искусству (одно называется так потому, что владеет этим искусством, другое — потому, что имеет способность к нему, третье — потому, что оно его применяет), и мы можем привести и другие случаи подобного же словопотребления. Так вот, таким же точно образом и о сущем говорится в различных значениях, но всякий раз по отношению к одному началу: одно называется сущим потому, что оно сущность, другое — потому, что оно составляет сущности, третье — потому, что оно путь к сущности, или уничтожение и лишность ее, или свойство ее, или то, что производит или порождает сущность и находящееся в каком-то отношении к ней; или оно отрицание чего-то из этого, или отрицание самой сущности, почему мы и о не-сущем говорим, что оно *яко не-сущее*» (Метафизика, кн. 4, гл. 2, 1003a20 и сл.).

Урок 17

Учитель. Да, Альфа все время говорит, что главное — это вещь, и верные, главные слова — имена вещей, существительные. Но Гамма с ним спорит — он считает, что главное не вещь, а что она делает, зачем она. Имена появляются потом, как и сами вещи. Ведь даже чтобы нам заметить вещь, говорит Гамма, надо, чтобы она как-то отпечата-лась¹⁷².

Бета. Гамма еще тогда сказал, что главное — не сама вещь, а *какая* она, что она делает. Мы тогда на это слово — *какая* — не обратили внимания, а только на *что делает* обратили и стали обсуждать, что главное — имена существительные или глаголы.

Дельта. Мы тогда не знали о прилагательных. А *какая* — это же вопрос для прилагательного.

Гамма. Помнишь, Бета, ты сказал, что слова — отпечатки вещей. А ведь вещь отпечатывается потому, что она *какая-то* — например, твердая, или мокрая, или еще какая-нибудь. Качествами своими отпечтывается. И потому, что она *что-то* делает, а не просто так суще-ствует.

Лямбда. Странно. У Гаммы получается так, что прилагательные вместе с глаголами, а отдельно от них — существительные. Ведь прилагательные — это *какая* вещь, глаголы — *что* она делает. А по-моему, существительные и прилагательные больше похожи друг на друга и вместе сильно отличаются от глаголов.

Учитель. Чем они похожи друг на друга и чем отличаются от глаголов?

Лямбда. Они склоняются, вместе изменяются. Они называют что-

3. Введенная полагал, что Аристотелевы категории — логические категории грамматики древнегреческого языка (см.: Категории мысли и категории языка // Введенная З. Общед. лингвистика. М., 1974. С. 104–114). Это вопрос спорный, чрезвычайно сложный и вряд ли доступен нашим ученикам. Некоторые подходы к самой постановке вопроса о том, как связаны категории мысли и категории языка (в частности, частеречные), будут намечены на уроках 40–41, для этого понадобится взглянуть на вещи с точки зрения языка с другим грамматическим строем.

¹⁷² Уроки 9–10.

то, поэтому они имена. Глаголы от них сильно отличаются — это такие живые слова, они делают предложения. Правда, бывают и без глаголов предложения, мы также приводили. Но глаголы — это совсем другое.

Гамма. Я не согласен с тобой, Лямбда. Вещь, или существо, как Альфа говорит, это такое соединение свойства и действия. Вот, например, плот. Он плавает, и поэтому он плот. А можно сказать, что он плавучий, и поэтому плот. *Плавает и плавучий* — близко друг к другу.

Альфа. Да, и мне так кажется. Я обычно спорю с Гаммой, а тут согласен — в том, что глаголы и прилагательные ближе друг к другу, чем существительные. Но почему — я не согласен, я по-другому объясню. *Плавает и плавучий* — это относится к вещи, к плоту. Плот сам по себе есть. А то, что он плавает, и то, что он плавучий, это к нему прилагается. Глаголы тоже можно назвать прилагательными. Они к вещи относятся, о ней говорят¹⁹¹. Вот мы говорили про шумим, шумно, шумное. Я считаю, что это все прилагается к чему-то шумящему, к вещи какой-то. Какая-то вещь есть, она шумит, она шумная, она делает шум, и получается шумно.

Каппа. Шум получается у тебя тоже прилагательное? А оно точно существительное.

¹⁹¹ С точки зрения значения прилагательные вовсе не относятся к именам — они не обозначают сущность вещи, а скорее что-то присущее ей, и иногда по семантике сближаются, наоборот, с глаголами — при противопоставлении имен существительных как обозначающих вещь, прилагательным и глаголам, обозначающим предикаты и атрибуты — признаки, состояния, изменения, действия и т. п. этой вещи (см. прим. 109). Это подтверждается, в частности, тем, что в различных языках слова с одинаковой или очень близкой семантикой грамматически могут являться и прилагательными и глаголами. Так, в русском и английском языках есть прилагательное *голодный* (*hungry*), во французском и итальянском соответствующее прилагательное нет — соответствующее значение передается с помощью служебного глагола «иметь» и существительного «голод» (*faim, fame*), в латинском языке существовал специальный глагол *exsistē* «испытывать голод», слово *fradens* (от *laderē*) Аристотель приводит как пример типичного глагола, а в русском языке это прилагательное; в русском языке мокрый — типичное прилагательное, тогда как в латинском соответствующий предикат выражается глаголом (ср. *madere* «быть мокрым»). С этой точки зрения прилагательные от глаголов в индоевропейских языках отличаются отсутствием грамматического значения времени и лица.

Урок 17

Альфа. Ну да, Лямбда объяснял на прошлом уроке, что мы его выделили, как что-то отдельное. Но я как-то не могу это понять. Шум — не вещь. И даже Лямбда говорил, что как бы вещь. Не вещь, а как бы вещь. А изменяется это слово, шум — конечно, как существительное.

Учитель. Значит, то, как изменяются слова, как они ведут себя, может противоречить их значению, так, Альфа?

Альфа. Да, кажется, так.

Лямбда. А ты все время говорил, что это связано, что потому так и ведут себя слова, что они это значат, а не другое.

Альфа. Для меня настоящие существительные все-таки те, которые означают вещь, глаголы настоящие — те, которые означают действие. И про них понятно, почему они так себя ведут¹²².

Лямбда. Шум — сам по себе. А когда говоришь прилагательное, шумный, то оно не самостоятельное. Должен быть кто-то шумный. У них как будто один смысл, но одно самостоятельное слово, а другое нет, к нему еще что-то нужно. Поэтому оно прилагательное, это слово¹²³.

Учитель. Давайте вернемся к прилагательным. Лямбда говорит, что они ближе к существительным, а Альфа — что к глаголам.

¹²² См. прим. 166.

¹²³ *Они, 3-й класс.*

¹²⁴ Лямбда, кажется, рассуждает ближе к логу рассуждений в классической грамматике Пор-Рояля. Имена в ней делятся на существительные, обозначающие субстанции, и прилагательные, обозначающие акциденции, но решающую роль играет не столько значение, сколько способ обозначения. «Поскольку субстанция — это то, что существует самостоятельно, существительными были названы все имена, существующие в речи самостоятельно и не нуждающиеся в другом имени, даже если они обозначают акциденцию. И наоборот, прилагательными были названы даже те имена, которые обозначают субстанции, если по способу обозначения они должны быть присоединены в речи к другим словам. <...> Так, собственное значение слова *rouge* «красный» это *rougeur* «краснота». Но слово *rouge* означает «красноту», только указывая на предмет, обладающий этим качеством. Отсюда вытекает, что слово *rouge* не может существовать в речи самостоятельно, ибо должен быть выражен или подразумеваться предмет — носитель этого качества» (Арне А., Дамаск К. Грамматика обиходя и рациональная Пор-Рояля. М., 1998. С. 94–95).

Бета. Альфа сказал, что глаголы тоже прилагательные, относятся к вещи, прилагаются к ней. Но они не так относятся, как прилагательные. Во-первых, прилагательные изменяются вместе с существительными, склоняются так же, а глаголы — нет. Потом, глаголы — они о времени говорят, а прилагательные — нет. Вот, например, плот. Скажем, что он плавающий — это значит, что он вообще такой, *всегда*, у него свойство такое. А плавает — значит он *сейчас* плавает. А раньше плавал. Глагол — такое слово, которое со временем обязательно связано¹⁷⁴.

Альфа. Потому что глагол значит действие, а оно меняется во времени. Мы об этом уже говорили.

Дельта. Кажется, глагол правда связан с временем. Вот смотрите, мы одно и то же свойство можем выразить прилагательным и глаголом. Например, сказать, что кто-то *больной* — значит он вообще по жизни больной. А сказать, что кто-то *болеет* — совсем другое значит. Это значит, что он *сейчас* болеет, а потом выздоровеет. В первом предложении прилагательное, во втором — глагол. А как будто про одно и то же говорится, только с временем или без.

Каппа. Мы то же самое говорили о друзьях, когда о предложении спорили¹⁷⁵. Лямбда говорил, что если сказать, что двое *друзьям*, то они *сейчас* дружат, а если сказать, что они *друзья*, то вообще друзья. Тогда про прилагательные мы еще не знали, а существительные и гла-

¹⁷⁴ Об этом говорили ученики на уроке 10. Традиция связывать противопоставление имен и глагола с наличием «оттенка времени», как уже отмечалось, очень давняя, со всей определенностью именно «оттенок времени» кладет в основу различения имени и глагола Аристотель — см. цитаты, приведенные в прим. 117, 179; см. также: «Имя — это составной, имеющий самостоятельное значение, без оттенка времени, знак [ὄνομα μὲν οὖν ἐστὶ φωνὴ συνημμένη κατὰ συμβῆσιν ἄλλῳ ὑφ' ὅτου], часть которого не имеет никакого самостоятельного значения сама по себе» (16a20). «Глагол есть [φωνησχητικόν], обозначающее *оно* и *время* [ῥῆμα δὲ ἐστὶ τὸ προσημειώον χρόνον]; ...глагол всегда есть знак для сказанного об *икоме*» (16 b10). «...был здоров» и «будет здоров» не глаголы, а наименования глаголов по временам и отличаются от глагола тем, что глагол обозначает настоящее время, а они — время до и после настоящего» (16 b20). Однако глаголы употребляются также в предложениях, поговорках и т. п., где они лишены значения времени (я лица, см. прим. 117) — такое употребление глаголов скоро, уже на этом уроке, заметит Эта и Лямбда.

¹⁷⁵ Урок 10.

Урок 17

голы у нас так различались — что одни связаны со временем, другие нет. В этом отношении прилагательные, как существительные, у них времени нет. Они и ведут себя похоже — склоняются вместе. Правильно, что они названы именами, и те, и другие.

Лямбда. Они ведь не сами по себе говорят, эти слова. И когда они в предложениях, то похожи, наоборот, прилагательные и глаголы. Мы говорим: птица белая и птица черная. Тут они похожи, прилагательное и глагол — но не так похожи, как Каппа говорит о существительных и прилагательных, что они похожи изменяются, сами по себе. Нет, прилагательные и глаголы изменяются по-разному. Но они в предложениях ведут себя похоже — они говорят о птице!¹⁸⁶

Бета. Лямбда, а помнишь, мы обсуждали такое предложение: *Петя и Вася друзья*. Тут о Пете и Васе говорится, что они друзья. А ведь *друзья* — это существительное!¹⁸⁷

Учитель. Смотрите, мы пытаемся различить существительные, прилагательные и глаголы. И замечаем, что различие и сходство связано с тем, что значат эти слова, с тем, как они себя ведут, как изменяются, и с тем, какую роль они выполняют в предложении. И по одним признакам похожи существительные и прилагательные, по другим — прилагательные и глаголы.

¹⁸⁶ Лямбда обращается не к собственно семантике или парадигме именения отдельных слов, а к синтаксису предложения. С. Д. Кацнельсон, пытаясь найти «категориальный минимум» частей речи для всех языков, противопоставляет не имена и глаголы, а имена и не-имена, исходя из того, что факты действительности отражаются не в изолированных словах, а «в речевых коммуникациях, целостных сообщениях, текстах, минимальными единицами которых являются предложения». В этих коммуникациях он выделяет имена — экспликандумы (то, что подлежит объяснению) и не-имена — имплицитаторы (то, что объясняет). Экспликативы делятся на атрибутивные и предикативные (прилагательные и глаголы). Имена и не-имена, противопоставленные по их месту и роли в коммуникациях (предложениях), в конечном счете различаются Кацнельсоном все же главным образом семантически — по приречным и приименным значениям (см.: Кудрякова Е. С. Язык и знание. М., 2004. С. 133). Ближний ход рассуждений продемонстрируют вскоре и наши ученики.

¹⁸⁷ Здесь существительное с точки зрения синтаксиса выполняет функцию предикцирования, которую Лямбда (и не только он) считает отличительным признаком глаголов. См. об именовом предикцировании прим. 117.

Альфа. И по всем признакам путаница получается. Слова очень странно себя ведут. *Шум*, например — по смыслу как наречие или прилагательное, а по изменению существительное. *Друзья* в этом предложении — существительное, а почти то же самое получится, если сказать, что они дружат. Правда, мы решили, что когда дружат, то это со временем связано.

Эта. Вот мы говорили, что глаголы связаны со временем, а существительные и прилагательные нет. А вот помните, мы говорили, что легкие вещи плавают в воде, тяжелые тонут. Это же не *сейчас* они плавают, а потом утонут. Они вообще плавают, всегда. Это их свойство такое — плавать. Оно прилагательное, так же как деревянный. Мы говорили, что деревянные вещи все плавают. И время тут, кажется, ни при чем.

Гамма. А говорится слово *плавать* — глагол. А значит, без всякого времени, что вообще может плавать. Свойство — это когда вещь что-то может делать. Ну, *сейчас* не делает, но вообще в ней это действие есть. Про это говорят и прилагательные, и глаголы.

Лямбда. Знаете, глаголы бывают разные. Не вообще разные, а в том, что *сейчас* Гамма сказал. И даже есть однокоренные глаголы разные. Например, *плавает* *плавает* — это он *сейчас* плывет. А *плавает* — значит он вообще может плавать, не обязательно, что *сейчас* плывет. Такое свойство у него. А *сейчас*, может быть, не плывет, но вообще умеет плавать.

Учитель. Еще можете назвать такие пары однокоренных глаголов, из которых один обозначает действие, а другой — способность к такому действию?

Альфа. Да, например, *лечит* и *лечает*. *Лечит* — это значит, что *сейчас* лечит, а *лечает* — вообще может лечить. Когда мы говорим, что птицы летают, а рыбы плавают, мы думаем не о том, что они *сейчас* делают, а вообще — как они передвигаются.

Дельта. Или, например, *бежит* и *бегает*. *Бежит* — *сейчас*, *бегает* — вообще.

Гамма. Эти глаголы, *лечает*, *бегает*, *плавает* — по смыслу почти как прилагательные. Мы можем сказать *плавающие* про такие вещи,

Урок 17

которые вообще плавают. Не сейчас плывут, а могут плавать. Получится прилагательное.

Эта. Да, *плавучие, летучие, горючие, бегучие* — это такие слова, как бы глаголы, превращенные в прилагательное. Тут действия нет, а свойство, что вещь может вообще такое действие делать. Не обязательно сейчас, а вообще.

Бета. Это значение у них не от корня, а от суффикса. У глаголов этих суффикс *-а-*: *летает, бежит, плавает*, а когда они превращаются в прилагательные, то суффикс *-уч-*: *плавучий, летучий, горючий*. Но ведь не у всех глаголов так. Вот, например, *горит*. Мы одинаково скажем *горим* — и про вещь, которая сейчас горит, и про такую вещь, которая вообще может гореть, которая *горючая*.

Альфа. Или, например, *говорим*. И сейчас говорит, и вообще говорить умеет, говорящий — будет один глагол — *говорит*.

Лямбда. Можно было бы сказать *говорящий* про того, кто может говорить — как *летучий, горючий, плавучий*. А говорят — *говорящий*. А одно слово *говорящий* — это как-то неправильно, странно. Ведь, например, *летающий* — совсем не то, что *летучий*. Летящая птица — это которая *сейчас* летит, а не вообще может летать. И *бегущий* — это кто *сейчас* бежит, а *бегучий* — кто вообще бегает.

Каппа. Даже эти прилагательные изменяются по времени — *летающий* и *летевший*, *бегущий* и *бежавший*. Очень странно.

Бета. Неправильные прилагательные? У нас уже были неправильные существительные, неправильные глаголы. Теперь появляются неправильные прилагательные.

Звонок

Учитель. Об этих «неправильных прилагательных» я расскажу вам на следующем уроке.

Урок 18

Причастия. «Промежуточные слова».

Прилагательные — промежуточные между существительными и глаголами. Слова: что сначала — имя, глагол, наречие? «Пожар!». Всегда ли мы говорим о чем-то? Дельта: мы всегда говорим не о чем-то, а зачем-то. Функция языка и речи. Мы говорим предложениями, а не словами

Учитель. Мы на прошлом уроке обсуждали, на что похожи прилагательные — на существительные или на глаголы, и выяснили, что они занимают промежуточное место — чем-то похожи на существительные, чем-то похожи на глаголы. И в конце урока у нас появились слова, которые Бета назвал неправильными прилагательными. Все поняли, почему?

Альфа. Они выглядят как прилагательные, имеют такое же окончание, так же, как прилагательные, склоняются. Но они, как Канна заметил, связаны с временем, то есть означают не вообще какое-то свойство вещи, которое всегда при ней, а как глагол — во времени. Они, по-моему, тоже между существительным и глаголом, как прилагательные, только еще ближе к глаголам.

Урок 18

Бета. Получается тогда, что они между прилагательным и глаголом.

Лямбда. Их от всех глаголов можно образовать: лететь — летающий, писать — пишущий, спать — спящий, плыть — плывущий...

Учитель. Такие слова, как *летающий, бегающий, пишущий, спящий, сидящий, плавающий*, называются причастиями. Они, с одной стороны, похожи на прилагательные, склоняются так же и всегда относятся к существительным. Но они образованы всегда от глаголов, и у них есть значение времени. Говорят, что это именная форма глагола.

Дельта. Промежуточные какие-то слова.

Эта. А вот например *говорящий*. Говорящий попутай. Ведь он может сейчас молчать, а все равно он говорящий, потому что умеет говорить. А слово это вроде причастие — оно точно такое же по устройству, как *летающий*, и образовано от глагола.

Лямбда. Говорящий может быть по смыслу и как *плавающий*, и как *плывущий*¹²².

Альфа. Дельта сказал, что эти причастия — промежуточные слова. А по-моему, и прилагательные тоже промежуточные — между существительными и глаголами. Они к вещи относятся, всегда, они с ней связаны, с этой вещью, к ней прилагаются, у нее всегда такое свойство. А глаголы относятся тоже к вещи, но не всегда. Вещь может делать какое-то действие, и тогда к ней подходит глагол. А может не делать, тогда не подходит. А свойство остается.

Бета. Да, похоже. Например, *плави*. Это вещь и имя существительное. Он *плавающий*, вообще, это его свойство и прилагательное. И вот он сейчас *плывет* — это его действие.

Дельта. Или например *бегун* — *бегущий* — *бежит*. Гамма скажет, что он *бегун*, потому что *бежит*, что сначала действие, а потом вещь. Альфа скажет, наоборот, *бегун* сначала, а потом уже он *бежит*. Это не важно. В любом случае между вещью и действием или действием и вещью такое свойство, почему она такая вещь и почему может быть такое действие. Свойства между вещью и действием, прилагатель-

¹²² Это слово может быть и причастием, и прилагательным.

ные между существительными и глаголами. Чем-то похожи на существительное, чем-то на глагол.

Лямбда. Тогда получается, что сначала эти самые свойства. Вот Эта говорил — сначала *свешное*, потом *свешным* и *свет*.

Бета. Нет, Эта не так говорил. Он говорил, что *свешно* сначала. Наречие. *Свешное* не может быть сначала, оно прилагательное к чему-то, чье-то свойство. Уже *что-то* есть светное. А *свешно* — это просто светло, без вещей и действий¹⁰⁹.

Каппа. Альфа говорит, что прилагательные промежуточные, между существительными и глаголами. Бета и Дельта тоже так считают. Пречастия, сказал Альфа, между прилагательными и глаголами. Альфа, а наречия, по-твоему, где?

Альфа. Не знаю. Сейчас подумаю.

Учитель. Подумай вслух, пожалуйста.

Альфа. Я думаю, что сначала существительное, потому что вещь всегда сама по себе, существо. И она называется существительным. У этой вещи, существа, есть что-то, что к ней *всегда* прилагается, какое-то ее свойство. Оно с ней всегда, этим похоже на вещь. Оно прилагательное. И еще есть что-то, что иногда делает эта вещь, а иногда нет. Это действие, для него глагол. Он тоже называет не саму вещь, а что-то, что к ней относится, с ней связано — но не всегда связано, как прилагательное, а иногда, по времени. Вот и получается, что прилагательное между существительным и глаголом¹¹⁰. Преча-

¹⁰⁹ См. уроки 15–16.

¹¹⁰ Семантически можно выделить имена, означающие предметы и существа, прилагательные — их постоянные признаки и свойства — и глаголы, означающие временные действия и состояния. Ср., например, слово Крофта — не классическую двучленную (имя — глагол), а трехчленную существительное — прилагательное — глагол, где прилагательное занимает место между существительными и глаголами.

Синтаксическая категория	существительное	прилагательное	глагол
дискурсивная функция	референция	модификация	предикция
семантический класс	(физический) объект	(физическое) свойство	(физическое) действие

Урок 18

ствия тоже говорят о действии, но как-то больше прилагают его к вещи. Летящий — тут уже явно *что-то* летящее. Поэтому я думаю, что это между глаголом и прилагательным. А наречия — они про все сразу, и они непонятно где. Может быть, и правда они под всеми другими частями речи, как Эта говорила?¹⁰⁰ Они никак не изменяются...

Эта. Изменения потом начинаются, и тогда все появится. Помните, мы говорили: сначала просто шумно, а потом уже *шумит, шум, шумный*, и вот еще причастие — *шумящий*.

Лямбда. Наречие не всегда есть. Например, мы можем сказать: *шум, шумит, шумящий, шумный* — от корня *шум*. Как Гамма говорит, все эти слова выросли из этого корня. А вот, например, можно сказать *бежать, бегут, бегущий, бегучий* — а наречия с таким корнем нет.

Учитель. Есть слово *бегло*.

Лямбда. Есть. Но оно не такое, оно от слова *беглый*, кто уже убежал, а не кто бежит. И значит, по-моему, не совсем то. Или вот, например: *писать, пишу, пишущий, писучий*, и еще *письмо* — а наречия нет.

Бета. Не *писуч*, а *писец*.

Лямбда. Неважно. Это я как *бегун* сказал, нарочно. Писец, кто пишет. Но наречия такого нет.

Дельта. *Лететь* тоже — есть *летуч*, *летающий, летучий*, а наречия нет.

Альфа. Потому нет, что это не про какие-то состояния, а про то, что кто-то что-то делает. А в наречии ничего этого нет, поэтому у этих корней нет наречия.

Гамма. Можно сказать: все как-то *летуче*. Вот про стихотворение Хлебникова об Эль мы так сказали. Вернее, мы сказали, что все *летит*, *летит*. А могли бы сказать наречием: *летающе, летуче*. Потому что оно как раз про это¹⁰¹.

¹⁰⁰ Урок 13.

¹⁰¹ Урок 4.

Лямбда. Да, смысл у этого стихотворения какой-то наречный. Хотя там много разных частей речи. Как будто это наречие разворачивается, разделяется на разные слова, из него все появляется.

Бета. И про стихотворение «Заклятие смехом» можно сказать — все смешовно. Жалко, что такого наречия нет. Смешно есть, но оно не подходит.

Учитель. Видите, как сложно разные части речи связаны друг с другом, со смыслом слов, с тем, как эти слова изменяются и связываются друг с другом.

Бета. Альфа говорит, что это все зависит от того, что значат эти слова — и какая часть речи, и смысл предложения от этого зависит. А Дельта говорит, что все зависит не от отдельных слов, а от того, что говорится. Мы вот обсуждали, что значат слова нум, нумит, нумно... Дельта бы сказал, что сами по себе ничего не значат, то есть неизвестно, что они значат. А смысл не от этого. Я сейчас подумал, что он прав, кажется. Слова могут быть разными. Вот сказать: «Пожар!» или: «Горит!» — одно и то же значит, по-моему. А они разные части речи — существительное и глагол, и корни у них разные. А смысл один.

Дельта. Это смотря как сказать. Если в таком предложении: «Вчера случился пожар» — то пожар одно значит, а если просто «Пожар!», то совсем другое.

Альфа. Слово-то одно и то же. Существительное.

Бета. По-Дельтиному получается, что это разные слова. И произносим по-разному — «Пожар» и «Пожар!». И смысл разный²⁰².

Эта. Если «Пожар!» — целое предложение, то оно вообще не существительное. Никакой вещи оно не означает. Оно не просто значит, что пожар, а значит, что надо тушить.

²⁰² Ср. у Л. В. Щербы: «Завтра? и завтра? являются в той же мере разными словами, как, например, корень и корень, так и так да? решительно все равно, чем и где достигнется акустическая дифференциация: во раз она палицо и ассоциирована со смысловой, то перед нами два слова» (Языковая система и речевая деятельность. С. 113).

Урок 18

Бета. Тогда уж оно скорее глагол.

Лямбда. По-Этиминому, скорее наречие — все сразу.

Альфа. Ну, так про любое слово можно сказать. Вот я включаю телевизор, мама говорит: «Громко!» Это значит не просто «громко», а значит, что она велит мне сделать тише.

Каппа. Вот мы басню читали, про волка. Там сказано: «Огня, — кричат, — огня! Пришли с огнем». Вот это «Огня!» — это ведь целое предложение, и оно значит не *огонь*, а чтобы привесли огня²⁰¹.

Бета. Тут глагол пропущен. Мы часто так говорим — пропускаем слова. Вот стоим на остановке, и кто-нибудь говорит: «Идет». Ясно, что трамвай идет, но этого слова не говорит²⁰².

Лямбда. «Огня!» гораздо лучше. Более решительно, чем «принеси огонь». И более ясно. Ты говоришь, Бета, что глагол пропущен. А я не согласен. Почему надо считать, что обязательно глагол есть? И без глагола ясно. Ведь не так же, что ты говоришь про себя «Принеси огонь» или «Надо тушить пожар», а потом думаешь: «Нет, это слишком длинно, я пропущу некоторые слова», и говоришь просто «Огня!», или «Пожар!», а я, когда тебя слышу, вставляю эти слова обратно, и потом уже понимаю. Не так ведь? Говорят «Пожар!», или

²⁰¹ Речь идет о так наз. транспозиции, когда одна грамматическая или синтаксическая форма употребляется в значении другой. В данном случае форма повелительного наклонения предложения употребляется в значении побудительного. В русском языке не только имена в разных падежах (чаще в именительном; ср. пример, приведенный Каппой, или: «Коня, коня! Королю за коня!») употребляются в значении глагола в побудительном наклонении, но и другие части речи («Тихе!» — крикнул кто-то, не выходя тишиной»). Дж. Остин рассматривает аналогичные конструкции не как побудительные формы, а как транспонированные перформативы, ср.: «Даже слово *собака* само по себе может иногда выступать как эксплицитный и формально правильный перформатив: с помощью этого маленького слова совершают то же действие, что и при помощи высказывания *предупреждаю вас, что вы как соберетесь вылезти собаки*» — Цит. по: Бенвенист. Указ. соч. С. 204. О перформативах см. уроки 23–25 и прим. к ним.

²⁰² Пример заимствован у Л. С. Выготского, который приводит его в подтверждение своего тезиса о предикативности речи в ситуации, когда предмет речи хорошо известен говорящим и поэтому подразумевается, не находя в речи явного выражения (см. Мышление и речь // *Собр. соч.* Т. 2. С. 333).

«Огня!» — и все ясно. Ничего тут не пропущено. Наоборот, ты составляешь глаголы — лишние, по-моему. А не кто-то, кто говорит, их пропустил²⁹⁸. Без них все ясно.

Бета. Это ясно, но не из слов. Это по-другому ясно, из того, что делается, не из самих слов. Из того, где, когда и как сказано. Вот когда горит, и кто-то кричит: «Пожар!» — то действительно ясно. И все другие слова лишние. А если мы просто скажем «пожар» — не на пожаре, а здесь, в классе, то не ясно.

Дельта. Вот я все время вам про это говорю. Мы говорим так, как будто слова — это просто о вещах и действиях. А мы ведь кому-то говорим, зачем-то, для чего-то. Не просто говорим, что громко, а просим сделать тише. Даже когда рассказываем что-то, ну, пусть даже об этих вещах. Но мы говорим слово — значит кому-то, для чего-то. Сами ведь вещи не говорят. Поэтому слова и значат всегда разное. На пожаре — одно, а в классе другое. Потому что говорится для разного.

Учитель. Обратите внимание на то, что сейчас сказал Дельта. Это, кажется, очень важно — для того, чтобы понять, что такое слово, речь. Мы говорим не только о чем-то, но зачем-то. И все наши слова — кому-то, для чего-то.

Бета. Да, знаете, вообще мы не всегда говорим о вещах и действиях. Не всегда о чем-то.

Каппа. Как же? Вот даже Дельта говорил, что смысл есть, когда ответ на вопрос. А вопрос-то всегда о чем-то.

²⁹⁸ Ср. у Витгенштейна анализ гипотетического примитивного языка, состоящего из команд, где предложение «Планта!» означает просьбу подать плитку: «Выражение „Планта!“ можно назвать и словом, и предложением, пожалуй, наиболее уместно здесь говорить о „выродившемся“ предложении <...> — Но ведь оно есть просто сокращенная форма предложения „Принеси мне плитку!“ <...> — Однако почему бы мне, вда от противного, не назвать предложение „Принеси мне плитку!“ удлинненным предложением „Планта!“? — Потому что, выкрикнув слово „Планта!“, в действительности подразумевают „Принеси мне плитку!“. — Но как ты это докажешь: как ты подразумеваешь это, произнося слово „планта!“? Разве внутренне ты произносишь несокращенное предложение? Почему же я должен переводить возглас „планта!“ в другое выражение — для того, чтобы сказать, что подразумеваю этим нечто?» (Витгенштейн Л. Философские работы. Часть I. М., 1944. С. 87).

Бета. Вот смотри, Дельта. Ты сказал, что смысл есть, когда слово — ответ на вопрос. А вот если я тебя позову: «Эй, Дельта!» — разве нет смысла?

Дельта. Есть.

Бета. А почему? Ты ведь не спрашивал ни о чем. И интересно, о чем это? Когда мы говорим: «лошадь бежит» — это понятно о чем. А «Эй, Дельта!» — непонятно. Я что, что-то тебе про тебя рассказываю?

Гамма. Вот ты говоришь, что Дельта тебя не спрашивал. А может быть, он ждал, что ты позовешь. Как бы вопрос. Готов был тебя услышать.

Бета. Наоборот, если он готов, так я не буду его звать: «Эй, Дельта!» Просто скажу, что хочу. А если он, например, отвлекся, не слушает меня, я его позову, чтобы он слушал.

Эта. Знаете, совсем не обязательно, когда зовешь, чтобы послушал, если кто отвлекся. Может быть, просто зовешь: «Эй, Дельта!» — не для того зовешь, чтобы ему что-то рассказывать. А просто зовешь, чтобы был с тобой. И это не о нем, не о Дельте, слово, а для него. Прав Дельта, он давно об этом говорит.

Альфа. Прав, кажется. Что угодно может значить это «Эй, Дельта!». И так, как Бета сказал — чтобы он слушал, что я ему хочу сказать. И так, как Эта — чтобы был со мной. Или, например, мы с ним гуляем, и он задумался. А перед ним яма, он ее не видит. И я кричу: «Эй, Дельта!» — чтобы не упал. Всегда будет разное значить¹⁰⁷.

¹⁰⁷ Ученники поднимают вопрос о функциях речи, из которых традиционно рассматриваемая лингвистами функция *высказывания суждения* — только одна из многих. Подробно эта сторона речи стала исследоваться в XX веке в рамках прагматик (ср. языковые игры Л. Витгенштейна, теорию речевых актов Дж. Остина и т. п.), хотя замечена была еще Аристотелем: «Но не всякая речь есть высказывающая речь, а лишь та, в которой содержится истинность или ложность чего-то; молитва, например, есть речь, но она не истинна и не ложна» (Аристотель. Об истинности. 16b26). Стоики, классифицируя предложения по цели высказывания, выделили следующие типы: повествование, вопрос двух типов, побуждение, желательность, молитву, заклинание, клятва, обращение. Обращения, приведенные в качестве примера Бетой, как и молитва, названная Аристотелем как пример невысказывающей речи, не высказывают суждения о чем-то или речи. Прагматический смысл этого

Дельта. Например, ребенок маленький говорит: «Мама!» Он же не просто ее называет, о ней говорит — он ее ласкает. Он как будто говорит: «Мама, иди ко мне!», или: «Мама, мне страшно!», или: «Мама, я хочу есть!» Все в одном слове говорит. Мама всегда понимает. Одно слово звучит, а оно разное значит.

Лямбда. Это одно слово — целое предложение на самом деле. Просьба, или жалоба, или призыв²⁰⁸.

Каппа. Да, мы говорим не словами, а предложениями¹. Даже когда одно слово, оно по смыслу говорится как предложение. Сейчас Дельта как бы расшифровал. Одно слово, а значит целое предложение. Потому-то Дельта и называет словами только целые предложения.

Звонок

речевого акта совсем другой — в данном случае (в примере Бети) установление контакта (фатическая функция речи). Об этом высказывании нельзя сказать, что оно о чем-то, оно также не может быть истинным или ложным (как и императивы, которые приводились в пример раньше), тем не менее оно не бессмысленно. Р. Якобсон полагал, что речевое событие есть *се-бытие* разных, взаимодополняющих функций языка — коммуникативной, аналитической, поэтической, экспрессивной, фатической, метаязыковой (см. *Якобсон Р.* Лингвистика и поэтика // Структурализм: «за» и «против». М., 1975. С. 203). См. уроки 19–20.

²⁰⁸ Первые детские «речи», или высказывания, не рассчитаны на отдельные слова, но представляют собой звуковой комплекс, содержащий смысл целого предложения. «Известно, что восточная сторона речи развивается у ребенка от слова к спелению двух или трех слов, затем к простой фразе и к спелению фраз, еще позже — к сложным предложениям. <...> Но известно также, что по своему значению первое слово ребенка есть целая фраза — «однословное предложение» (Вильямс Л. С. Мышление и речь // *Собр. соч.* Т. 3. М., 1982. С. 306). Многие исследователи полагают, что онтогенетически первые языковые формы — императивы, хотя и субстантивные, т. е. оформленные как имена (например, слово ребенка «мач!»), сопровождаемый жестом, не есть наименования, но означает «Дай мач!»).

¹ Мама, 1-й канал.

Предложения повествовательные и побудительные.

Интонация.

Какие еще бывают предложения: вопросительные,

отвечательные, ругательные, драматические,

пожелательные, назывательные, хвалительные,

сомнительные

Учитель. Мы опять от частей речи перешли к вопросу о самой речи, о том, что в ней главное — о чем мы говорим, как говорим, зачем говорим. Дельта привел пример, когда кажется, что говорится одно слово, но из ситуации ясен его смысл — это смысл целого предложения. Ребенок говорит одно слово мама, но если расшифровать его, получится предложение, сказал Дельта. Мы сейчас поговорим о том, какие бывают предложения. Послушайте и сравните такие предложения: «Мама идет ко мне» и «Мама, иди ко мне». Чем они отличаются?

Эта. Первое просто рассказывает, второе зовет.

Лямбда. У глагола разные концы: *идет* и *иди*. От этого смысл меняется.

Учитель. Смысл глагола или смысл всего предложения?

Бета. Предложения. Гамма нам говорил, что глаголы главные. Может быть, правда? От глагола зависит смысл всего предложения.

Учитель. Такие предложения, как «Мама, иди», называются побудительными. Мы их употребляем, когда хотим побудить нашего собеседника что-то сделать — просим о чем-то, приказываем. Часто в таких предложениях бывает глагол в определенной форме — Лямбда заметил, что у него другой конец. *Иди, сиди, присми, скажи, сделай, ищи*. Но не всегда. Дельта, Каппа и Альфа приводили примеры таких предложений, в которых глаголов нет совсем, но смысл у них побудительный: «Огня!», «Пожар!» — эти предложения не называют предметы, а побуждают что-то делать.

Эта. Да, Лямбда даже заметил, что «Огня!» гораздо побудительнее звучит, чем «Принеси огонь».

Учитель. Эти предложения отличаются от повествовательных и вопросительных — чем?

Альфа. Смыслом.

Дельта. Зачем говорит. Чтобы рассказать — значит, повествовательное; чтобы спросить — значит, вопросительное, чтобы побудить, заставить что-то сделать — значит, побудительное. Они различаются тем, что они делают, эти предложения.

Эта. Выражением еще отличаются, как говорится, голосом. По-разному говорится совсем. Послушайте: «Мама идет ко мне». И «Мама, иди ко мне!» Если даже мы слов не слышим, мы можем догадаться — человек просто рассказывает, или спрашивает, или просит чего-то, или зовет.

Учитель. То, с чем говорит Эта, называется интонацией. Мы говорим с разной интонацией одно и то же слово или предложение — и получается разный смысл. И действительно, по интонации речи можно о многом догадаться, даже не слыша слов, — например, что человек испуган, или просит чего-то, или зовет. А еще чем-нибудь эти предложения отличаются?

Урок 19

Каппа. Устройством. Как ведут себя слова. Вот Лямбда заметил, что если там есть глагол, то у него конец меняется. Даже если какой-то придуманный глагол, мы можем понять. Вот хоть тот, что Гамма придумал: *бык бычит* — повествовательное предложение, *бык*, *бычи* — побудительное.

Гамма. Ты по-другому сказал, же только конец у глагола изменил. Интонацию изменил. Эта правильно заметил, что у этих предложений разная интонация.

Бета. А бывает, что глагол есть, но не с побудительным концом, а с повествовательным. Нам воспитательница в детском саду так говорила: «Сели, сложили ручки на коленках и внимательно слушаем»¹⁰⁹. Это она велела нам все это сделать, а глаголы такие, с такими концами, как будто просто рассказывала.

Лямбда. Тогда только угадать можно. По тому, кто говорит, когда кому. И еще по интонации. Вот, например, вопросительные и повествовательные предложения вообще могут быть совсем словами одинаковые, а только интонацией отличаться: «*Бык бычит*» — повествовательное, «*Бык бычит?*» — вопросительное.

Альфа. Что же, тогда по написанному предложению нельзя вообще их различить? Ведь на письме интонацию не передашь.

Учитель. На письме интонация передается специальными знаками. Например, после вопросительных предложений ставят специальный вопросительный знак. И другие есть знаки, они называются знаки препинания.

Гамма. Очень смешное слово. Как будто они препинаются.

Лямбда. Ну да, мы же не одинаково говорим, все слышно, а остаиваемся, меняем голос, меняем выражение, ударение делаем. Препинаемся.

Дельта. Еще бывают разные предложения по смыслу.

¹⁰⁹ Здесь употреблена форма именительного падежного глагола в значении побудительного.

Учитель. Какие еще?

Дельта. Вот Бета говорил, отвечательные¹⁰⁸. Есть вопросительные, а есть отвечательные.

Учитель. Например?

Дельта. Например: «Пойдешь гулять?» — «Пойду». Первое предложение вопросительное, а второе отвечательное.

Лямбда. Оно выглядит как повествовательное.

Дельта. Выглядит так, а смысл совсем другой. Бета нам приво-
дил только что пример «Сели и сложили ручки» — тоже выглядит
как повествовательное. А по смыслу — побудительное. А в моем
примере выглядит как повествовательное, а по смыслу — отвеча-
тельное.

Эта. Еще разные другие предложения бывают.

Учитель. Какие? И приводите сразу примеры таких предложений.

Эта. Ругательные. Например: «Ну ты козел!»

Альфа. Обещательные. Например: «Больше не буду».

Бета. Прозительные. «Щас как дам!»

Учитель. Подумайте еще, какие бывают предложения и чем они
друг от друга отличаются — по форме, по тому, как они устроены, по
тому, как слова там себя ведут.

Гамма. Приглашательные еще. Например: «Пойдем гулять!»

Альфа. Дразнительные. «Жадина-говядина, злая шоколадина!»

Лямбда. Считательные. Как мы считаемся, когда играем. «Шнел-
мышел, взял да вышел».

Эта. Жаловательные. «Мама, мне больно». Когда жалуются.

¹⁰⁸ Урок 10.

Урок 19

Бета. Пожелательные. Например: «Хорошо бы скорее канякулы!»

Альфа. Еще призывательные. Бета на прошлом уроке привел пример: «Эй, Дельта!»

Дельта. Еще — волшебные. Например, «Сим-сим».

Каппа. А еще такие есть. Вот я маленького брата учу говорить. Показываю какую-нибудь вещь и говорю, как она называется. «Мяч», «Книга». И он как выучит какое-нибудь слово, сто раз его повторяет и показывает на вещь. Я раньше думал, что это просто отдельные слова, названия. А теперь мне ясно, что это целые предложения. Они говорят, как вещь называется.

Лямбда. Смотрите, как похоже мы их называем, эти предложения. Их названия всегда от глагола, и там есть часть *-тель* — суффикс такой. *Побудительные, повеснсовательные, вопросительные, ругательные, зватьельные, призывательные, драгительные, дрогительные...* Названия их говорят, что они делают, эти предложения.

Бета. А слова-то эти — не глаголы, а прилагательные. Они говорят, какие предложения — вопросительные, побудительные, зватьельные... На вопрос «какие?» отвечают.

Гамма. Слова-то прилагательные, но это также прилагательные — глагольные. В них слышен глагол, и смысл у них глагольный — что делают эти предложения.

Лямбда. Все-таки, наверное, глаголы главное, как говорил Эта — не потому, что есть обязательно слово-глагол в каждом предложении, а потому, что оно, предложение, само глагол, что-то делает¹¹¹. Все эти предложения мы называли по глаголам, потому что они что-то делают. Мы ими что-то делаем. Нет, лучше сказать, они сами. Говорят и делают сразу — одно побуждает, другое ругает, третье зовет...¹¹² Только

¹¹¹ См. урок 18.

¹¹² Л. Витгенштейн называл языковыми играми «язык и действия, с которыми он переплетен». «Термин „языковая игра“ призван подчеркнуть, что говорить на языке — компонент деятельности или форма жизни». (См.: Витгенштейн Л. Философские исследования // Философские работы. Часть I. С. 83, 98.) Анализы «действительного» смысла речи провед Дж. Остин в своей теории «речевых актов». См. уроки 21, 23.

Каппа так не назвал свои предложения, и Дельта сказал «волшебные» — тут не видно глагола.

Каппа. Я свои называю неизменяемыми. Они называют какую-то вещь.

Бета. А Дельтиным, волшебными, можно назвать заклинательными. Помните стихотворение «Заклятие смехом»? Оно все такое, заклинательное.

Учитель. Можно ли еще какие-то типы предложений выделить по тому, что они делают?

Эта. Можно. Прощательные. «До свидания».

Бета. Тогда и здоровательные. «Здравствуй», «Привет».

Дельта. Одобрительные, или хвалительные. «Молодец!»

Эта. Извинительные. «Не сердись на меня, я нечаянно» — когда что-то сделал плохо²⁰¹.

Альфа. Еще можно. Сомнительные. «Может быть, это и не так, как ты сказал».

Лямбда. Возражательные. «Нет, я с тобой не согласен».

Каппа. Ну, так можно хоть сто разных типов предложений придумать.

Бета. Дельта скажет, что даже одно и то же предложение может быть разным — в зависимости от того, кто скажет, и когда, и как, и кому. Вот, например, я назвал пожелательные предложения. А можно сказать: «Хорошо бы попить чаю» — оно вроде бы пожелательное, но может значить и просьбу, чтобы тебе дали чай.

Дельта. И сожалительным может быть. «Хорошо бы попить чаю, да некогда, надо делать уроки». Ты сидишь за уроками, и конец

²⁰¹ «Принесение извинений» как особый тип речевых актов рассматривает Дж. Остин (см.: Остин Дж. Принесение извинений // Три способа пролить чернила СПб., 2006).

Урок 19

можно не говорить. А просто: «Хорошо бы попить чаю». И вздыхаешь. По виду пожелательное предложение, а по смыслу — сожалительное.

Альфа. Но все-таки не сколько угодно их можно придумать, этих типов предложений. Некоторые похожи между собой. Например, призывательные — они похожи на побудительные. «Пойдем гулять» — значит, я тебя приглашаю, побуждаю, чтобы ты пошел. Я бы их объединил. И волшебное, заклинательное, которое Дельта привел, «Сим-сим» — это то же самое, что побудительное. Тут пропущен глагол. Тут говорится на самом деле «Сим-сим, откройся!» И считательные, которые Лямбда привел — они тоже побудительные. Рутательные и гроизательные тоже похожи между собой. А сомневательные похожи на повествовательные. Они тоже рассказывают о чем-то, повествуют. Но только как-то неуверенно.

Дельта. Нет, Альфа, про свое заклинательное предложение я не согласен. Тут не просят, чтобы открылся. А само слово открывает. Не говорят, чтобы открылся, а открывает само. Это совсем другое. Волшебное слово. Ведь мы об этом говорили — что волшебное слово не просит, а само делает¹¹.

Бета. По-моему, Дельта прав. Тут разница с побудительными словами. Те побуждают, надо, чтобы их услышали и выполнили то, что они просят. А эти, волшебные, сами делают, никого не побуждают. Вот ты просишь: «Открой дверь», — и идешь, чтобы открыли. Или никого не побуждаешь, не просишь, сам идешь и открываешь, своей рукой. Когда говоришь: «Сим-сим» — тоже никого не просишь, сам открываешь. Только не рукой, а словом. Волшебным. Как «Чурики», например. Сказал — и вышел из игры. А никого ни к чему не побуждаешь. И вот считательные предложения тоже такие.

Гамма. Побудительные тоже бывают разные. Бывают просительные, бывают приказательные, бывают средние.

¹¹ См. урок 11.

Учитель. Так что же, можно действительно сколько угодно типов предложений придумать, сколько предложений, столько и типов? Или все-таки как-то можно близкие предложения объединить?¹²³

Звонок

Учитель. С этого вопроса мы начнем следующий урок, а вы подумайте над ним дома.

¹²³ Ср. у Витгенштейна: «Сколько же существует типов предложений? Скажем, утверждения, вопрос, повеление? — Имеется бесчисленное множество таких типов — бесконечно разнообразны виды употребления всего того, что мы называем „знаками“, „словами“, „предложениями“. И эта множественность не представляет собой чего-то устойчивого, раз и навсегда данного, наоборот, возникает новые типы языка, или, можно сказать, новые языковые игры, а другие устаревают и забываются» (Витгенштейн. Философские исследования. С. 90). Ему возражает Дж. Остин: «Нет никаких сомнений в том, что существует великое разнообразие способов использования языковых выражений. Но вымывает сомнение, что люди с такой легкостью признают все новые и новые способы использования языка. <...> Разбор этих способов требует возможно более жесткой структуры, и я полагаю, что мы не должны слишком легко впасть в отчаяние, признавая, подобно тому, как это делают многие, что их число бесконечно. Философы склонны говорить о бесконечном количестве таких способов, останавливаясь в их подсчете приблизительно на числе семнадцати» (Остин Дж. Три способа прощать чернила. М., 2006. С. 363). Некоторые из наших учеников пытаются типологизировать эти способы, другие склоняются к мысли, что их бесконечно много.

Вот какие примеры языковых игр приводит Витгенштейн: «Отдавать приказы или выполнять их — Описывать внешний вид объекта или его размеры — Изготавливать объект по его описанию (чертежу) — Информировать о событии — Размышлять о событии — Выдвигать и проверять гипотезу — Представлять результаты некоторого исследования в таблицах и диаграммах — Сочинять рассказ и читать его — Играть в театре — Распевать народные песни — Разгадывать загадки — Острить, рассказывать забавные истории — Решать арифметические задачи — Переводить с одного языка на другой — Просить, благодарить, прощать, приветствовать, молить» (там же, С. 96. Там же). В этом перечне случайное, неполное, меняющее основания перечисление Витгенштейна некоторые игры совпадают с приведенными нашими учениками типами предложений (информировать, просить, приветствовать, отдавать приказы). Некоторые витгенштейновские игры были бы, по-видимому, ими отвергнуты как не *собственно языковые* (не словесные, в терминологии Каппа): выполнять приказы, изготавливать объект по чертежу и т. п. — Каппа дальше поддержит сомнение с этой точки зрения даже просьбы, извинения, угрозы и т. п. Такие игры, как описание объекта и информирование о событии, ученики объединяют в рамках повествовательных предложений.

Урок 20

Сколько разных типов предложений?

Для каких действий обязательно нужны слова,

а что можно сделать и без слов?

Всегда ли жесты нам понятны?

Учитель. Итак, мы обнаружили, что предложения, которые мы говорим, бывают разные по смыслу, по тому, зачем они говорят. Иногда они при этом еще и по-разному устроены, а иногда слова в них одни и те же, а смысл получается разный в зависимости от интонации, от того, когда и кому они говорят. Такой пример привел Лямбда. И даже когда говорится одно слово, то оно может иметь смысл целого предложения, причем в разных ситуациях — разных предложений. Вы привели примеры таких предложений, разных — их довольно много. Повествовательные, побудительные, вопросительные, ответительные, обещательные, ругательные, извинительные, приглашательные. Можно, наверное, привести еще примеры других предложений. И я вас спросил в конце прошлого урока — можно ли их объединять в несколько разных типов, предложения, близкие по смыслу, по тому, зачем они говорят, что они делают?

Лямбда. Я бы объединил. Приказательные с просительными назвал бы побудительными. Они только по силе побудительности отличаются. Сомнительные с утвердительными — те и другие рас-

сказывают о чем-то, только одни более уверенно, другие менее. Знательные тоже на побудительные похожи — они побуждают: подойти, или отгнуться, или обратить внимание, или послушать. Ответательные — они как повествовательные. То же самое, только на какой-то вопрос отвечают.

Бета. А я не согласен. Ответательные совсем не то значат, что просто повествовательное. Они даже могут быть точно так же устроены, слова такие же и в том же порядке стоят. Но смысл разный, потому что в них есть вопрос, на который они отвечают. То есть в словах его нет, но они, ответательные предложения, как бы его помнят. Вот, например, я говорю: «Это моя книга». Ну, просто рассказываю. Это повествовательное предложение. А если это ответ на вопрос «Чья это книга?», то я скажу то же самое: «Это моя книга». По словам то же самое. Но смысл будет совсем другой. Тут главное — *мой*.

Эта. Ты совсем по-другому скажешь. Это только если написать, они будут одинаковые предложения. А когда говоришь, разные. Вот ты сейчас говорил и сказал совсем по-разному. Интонация совсем другая. Сразу можно догадаться. Если ты отвечаешь, чья книга, и говоришь моя книга, то ударение будет на этом слове *моя*. А если спросили «Что это такое?», я могу то же самое ответить: «Это моя книга». Но тут главное будет книга, и на этом слове будет ударение. Они на слух разные, эти предложения. На письме будут одинаковые.

Лямбда. Вообще-то только на письме и будет такое ответательное предложение. А устно, если тебя спросят «чья это книга?» — ты никогда не скажешь: «Это моя книга». Просто скажешь «Моя».

Дельта. Все зависит от того, где, когда, зачем говорится. И интонация от этого зависит. Вот, например, предложение «Вышел зайчик погулять». Оно по виду повествовательное предложение, просто рассказываем о том, что зайчик вышел погулять. Но это если оно в сказке. А если это считалка, то совсем другое значит. Если оно ответательное, то, как Бета говорит, важно, на какой вопрос. Если вопрос «Кто вышел погулять?», то главное слово будет зайчик. Если на во-

Урок 20

прос «Где зайчик?», то главное слово — *послушать*. И смысл другой, *ответительный*¹⁰⁰.

Лямбда. А если это считалка, то тогда зайчик как будто совсем ни при чем, а вся считалка отвечает на вопрос «Кому водить?».

Каша. А я бы разделил предложения так. Только у меня длинная мысль, пожалуйста, пожалуйста. Вот мы привели много примеров — назвали всякие предложения: прощительные, сожалительные, звательные, приглашательные. Они все что-то делают, эти предложения, Лямбда сказал — одни жалуются, другие грозят, третьи зовут. Так вот, я бы разделил их все на те, для которых нужны слова, и те, которые можно сделать без слов. Вот жаловаться можно без слов. Плачешь, и тебя жалко. Или ходишь с грустным видом. Прощать можно без слов, кулаком. Позвать тоже можно, привлечь внимание. Например, я могу взять кого-то за руку. Одобрительные предложения можно тоже сделать без слов — показать палец, вот так (*показывает*), или хлопнуть по плечу. Про заклинятельные Бета с Дельтой сами сказали — можно сказать «сим-сим», можно просто открыть дверь. То же самое сделать. А вот есть такое, что нельзя без слов. Например, рассказать о чем-то. Спросить. Попросить.

¹⁰⁰ Грамматик обращался к «ответительному», в терминологии наших учеников, смыслу повествовательных предложений при анализе синтаксиса предложения, в частности при выделении подлежащего и сказуемого. Ср., напр.: «Все ответы на вопросы являются сказуемыми как таковыми, а все сказуемые могут рассматриваться как ответы на возможные вопросы. Если утверждение *Я голоден* является ответом на вопрос *Кто голоден?*, сказуемым будет *я*. Если же задан вопрос *С кем что-то голоден?*, сказуемым будет *голоден*. Каждый новый шаг в развитии мысли можно рассматривать как ответ на вопрос. Подлежащее является, так сказать, формулировкой вопроса, а сказуемое — ответом» (Струт. Stout, *Analytic Psychology*, 2, 212 и сл. Цит. по: *Витгенштейн. Философия грамматики*. С. 185). Аналогичное рассуждение мы находим у Л. С. Витгенштейна. Он предлагает различать грамматическое и психологическое подлежащее и сказуемое. Витгенштейн рассматривает фразу *Часы упали* и показывает, что в зависимости от коммуникативной ситуации психологическим подлежащим и сказуемым в этой фразе будут разные слова. В том случае, если эта фраза отвечает на вопрос человека, замечавшего, что часы остановились, и спрашивавшего, как это случилось, подлежащим будет *часы*, а сказуемым *упали*. В этом случае грамматическое и психологическое членение фразы совпадают. Если же фраза «Часы упали» отвечает на вопрос человека, услышавшего шум падения и спрашивавшего, что упало, то психологическим подлежащим будет *упали*, а сказуемым *часы*. Чтобы привести в соответствие психологический смысл фразы и ее синтаксическую форму, следовало бы сказать что-то вроде «упавшее есть часы» (Витгенштейн Л. С. Мышление и речь. М, 1986. С. 309. См. урок 28).

Я бы поэтому выделил предложения повествовательные, побудительные, вопросительные, пожелательные, назывательные. Мне кажется, они главные. Знаете почему? Остальные, они не обязательно требуют слов. А мы ведь о словах говорим, о речи, о предложениях. А некоторые вещи, о которых мы говорим, не обязательно слов требуют. Они выражают чувства всякие, и слова необязательны.

Еще одна разница. В этих предложениях, которые чувства выражают, никто не ошибется — по лицу видно, кто жалуется, кто грозит, кто ругается. И если говорят их, то слышно по интонации — как Эта сказал, по тому, как говоришь, а не *что* говоришь, какие слова. Это у всех людей одинаково, а слова, мы говорили, в разных языках разные, и если не знаешь, что они значат, то можно ошибиться¹⁰⁷.

Учитель. Какую интересную мысль Каппа высказал! Давайте подумаем над этим. Действительно, речь, предложения что-то делают — рассказывают, просят, жалуется, заклинают, зовут, жалуется и так далее. Вы привели много примеров таких предложений, различающихся не тем, *о* чем они, а тем, *что* они делают. И вот Каппа нам говорит: все это правильно, такие предложения мы говорим. Но много из того, что мы, говоря, делаем словами, можно сделать и без слов. А нам интересно, говорит Каппа, что такое слово, чем оно особенное, что в нем такого есть, чего нельзя без слов сделать. Мы общаемся и понимаем друг друга, говоря словами. Но, кажется, Каппа прав, и многое можно без слов передать. Подумайте, пожалуйста, для каких действий *обязательно* нужны слова, а какие могут обойтись без слов.

Гамма. Вообще-то, даже когда мы говорим словами, можно догадаться не только из слов, что мы делаем. Вот если мы увидим, как люди на незнакомом языке разговаривают, мы слов не понимаем, но можно понять, что человек жалуется, или грозит, или спрашивает что-то...¹⁰⁸

¹⁰⁷ Каппа полагает, что вчерашнее выражение эмоций является непосредственным и не носит, в отличие от слов языка, конвенционального характера. Это, по моему, не так. Скоро на это обратит внимание Лямбда.

¹⁰⁸ Ср. у А. Белого: «Ведь наибольшая оратория, когда жесты его и не слыша вслали содержания его речи, мы можем однако определить содержание это по жестам, как „страх“, „восхищение“, „жестование“, мы заключаем, что речь, нам слышимая, есть „мечто-восхищенное“ или „страшное“, мы потом узнаем, что оратор предосте-

Урок 20

Учитель. Давайте вспомним про предложения, которые мы приводили на прошлом уроке, и подумаем: то, что они, эти предложения, делают, можно ли сделать без слов? И что — нельзя? Вот, например, мы здороваемся. Бета называл то, что мы при этом говорим, здоровательными предложениями. Можно ли здороваться без слов?

Эта. Можно. Пожать руку, помахать рукой, обняться.

Альфа. Поклониться, если издали. Вот в кино, про старые времена, — там шляпу поднимают. Или реверансы всякие.

Лямбда. Честь военные отдают. Много есть жасное таких — здоровательных. Даже собаки приветствуют друг друга — хвостом помакивают. Только я не согласен с Каппой, что это прямо всегда сразу понятно. Он сказал, что когда без слов чувства выражают, то это всегда одинаково, из самого жеста ясно, а когда словами, то надо знать, что значат эти слова, а из самих слов это не ясно. И в разных языках слова разные, и когда не знаешь языка, то ты из одних слов не поймешь, что с тобой поддоровались. А я думаю, что с жестами так же. Вот раньше делали реверансы, а теперь нет. Как со словами — какое-то слово раньше значило одно, теперь значит другое. И вот, например, собаки, когда приветствуют друг друга, хвостами машут, а коты — когда сердятся. Как бы разные языки.

Учитель. Лямбда прав, в разных обществах приняты разные жесты для того, чтобы приветствовать друг друга, чтобы выражать одобрение, согласие или несогласие. Например, в некоторых странах в театре свистят в знак одобрения, а у нас это значит, наоборот, порицание. А еще что из того, что мы говорили, можно сделать без слов? Пожаловаться можно?

Лямбда. Можно. Но все-таки непонятно, на что жалуешься. Будет понятно, что жалуешься, но непонятно, на что.

рстал против чего-то, стараясь к чему-то внушить толпам страх и мы возмизис, что восприимчив нидного жеста внешне соответствовало содержанию, не слишком нам» (А. Белый. Трассоматия).

Некоторые из наших учеников слонны, подобно Белому, рассматривать звуки речи как *выразительные жесты*; Каппа пытается отделить эту сторону речи от той, которую он называет «словесной» и связывает с конвенциональными значениями.

Бета. Так как раз Каппа об этом и говорит — сама жалоба может быть без слов, а на что жалуешься, надо рассказывать. Каппа говорит именно об этом, он хочет отделить эти вещи. Он говорит, что делать разные вещи, те действия, по которым мы назвали наши предложения — жаловаться, грозить, извиняться, здороваться — можно и без слов. А слова обязательно нужны только для того, чтобы рассказывать — чем грозишь, на что жалуешься, за что извиняешься. Вот Эта привел пример — извинительные предложения. Ведь собака тоже может виниться. Когда она виновата, она всегда показывает это — уши прижимает и тоже хвостом машет, но не так, как здоровается. А рассказать, в чем она виновата, не может — для этого слова нужны. Само извинение может быть без слов. А вот за что винишься — тут надо рассказывать. Так я Каппину мысль понял. Он считает, что в словах главное — что они о чем-то, что-то рассказывают. А остальное, он думает, можно без слов сделать.

Учитель. А ты, Бета, как думаешь?

Бета. Я не знаю. Мне кажется, это не совсем то же самое — поздороваться, например, словами, или просто рукой помахать. Хотя и то и это — приветствия...

Эта. А дразниться вроде тоже можно без слов, но совсем не так интересно. Словами когда дразнишься, совсем другое. Я согласен с Бетой. Тут даже труднее разделить, чем с жалобой, — само дразнение и то, о чем оно. В дразнилках оно как-то вместе...

Лямбда. А еще, знаете, бывают такие предложения — шутейные, или, чтобы было похоже на другие наши названия, шутительные. Они вообще ни о чем не рассказывают и ни для чего, а так просто. «Ты кто? — Конь в пальто». Ну, это же не вопрос и ответ, а так, шутка. Их тоже без слов не сделаешь.

Гамма. А вот интересно — волшебство без слов может быть?

Альфа. Может. Например, волшебной палочкой взмахнешь.

Эта. Но надо же сказать: «Хочу, чтобы было то-то и то-то».

Альфа. Тут, кажется, как Каппа сказал — можно отделить одно от другого. «Хочу, чтобы было то-то и то-то», или «Сделай то-то и то-

Урок 20

то» — это обычные предложения, мы их называли побудительные или повелительные. Но они сами не делают волшебства, только просят. А само волшебство — оно отдельно от этих слов, оно в палочке.

Дельта. Или вот волшебную лампу повернешь — появляется джинн. А потом уже говоришь ему слова, *рассказываешь*, как сказал Каппа, что ты хочешь. Тогда скажешь побудительно — «сделай то-то и то-то».

Гамма. А со словом *сим-гим* не так. Тут само слово *заклинательное*, как мы говорили. Нельзя разделить — без слов само волшебство, а словами *рассказываешь*, какое именно.

Эта. С волшебством непонятно. Есть *волшебные слова* и *волшебные действия*. Вот что-то волосы *сжечь*, или еще всякое колдовство.

Дельта. Там все равно надо слова говорить, *закликая* всякие, *заговоры*. Просто *сжечь* — не получится. Колдовство без слов не обойдется¹. Вроде разное, но обязательно одновременно надо делать. Там, по-моему, нельзя разделить, как Каппа хочет — словесное и несловесное, оно вместе.

Учитель. Хотите послушать заговор?

Гамма. Настоящий?

Учитель. Настоящий. Вот такой, например: «Чтобы ребенка уберечь от спала, надо взять воды, три серых камешка, три ложки; в блюдо налить воды, чтобы она пробежала по ложкам. Это делают на заре на печном шестке. Этой водой ребенка надо умыть: намочить темя, грудь, а потом дать попить. Затем выйти на улицу, вылить и проговорить: «С лесу пришло, на лес поди, с ветру пришло, на ветер поди, с народу пришло, на народ поди». Три раза проговорить».

Гамма. Как в сказке, волшебный! Настоящее колдовство! Правильно Эта говорит — и слова надо сказать, и действия.

Альфа. Еще скажите!

¹ Она М., 1-й класс.

Учитель. Еще один скажу, если успею. Сейчас звонок будет. Это заговор от детского крика: «Вот в подол ребенка положут. И по двору ходишь, к этим воротам раз подойдешь, к задним три раза. И говоришь: „Воротный скрип, возьми робочий крик. Воротный скрип, возьми робочий крик“»¹¹⁷.

Звонок

Каша. Скажу маме. Когда брат кричат, пусть попробует.

Гамма. Не получится. У вас ворот скрипучих нет. И дверь даже не скрипит.

¹¹⁷ См.: Русские заговоры и заклинания. Материалы фольклорных экспедиций Московского государственного университета 1953–1993 г. М., 1998: (<http://newsc.philol.msu.ru/~folk/scikrub/texttext.htm>).

Урок 21

Для чего нужны слова (продолжение). Знаки.
Слова Каппа спорит с Дельтой: главное в слове —
кому или о чём?

Дельта: любое предложение — побудительное
и вопросительное.

Назывательные предложения.

Может быть, они — самые «словесные»?

Учитель. Продолжаем обсуждать Каппин вопрос — когда мы общаемся, что мы можем сделать без слов, а для чего обязательно нужны слова.

Бета. Вот, например, у нас были сомневательные предложения. Сомневаться вроде нельзя без слов.

Альфа. И возражать нельзя.

Каппа. Сомневаться и возражать, правда, нельзя без слов. Но сомневательные, размышлительные, возражательные предложения — они как повествовательные, но когда точно не знаешь или не соглашаешься. Они все о чём-то. А колдовством мы на прошлом уроке говорили, может ли оно быть без слов, я тоже не знаю. Но я вот что

хотел сказать. Вот мы говорим «сим-сим», и дверь открывается. Словом открываем. Слово тут не рассказывает, не называет ничего, а прямо действует. А можем дверь открыть без всяких слов. Рукой. То же самое сделать, но обычным действием, без слов. Так вот, я хочу понять, что такое делают слова, что другими действиями, не словесными, не сделаешь. Для чего *только* слова *годятся*, а ничего другое не подходит. И по-моему, когда рассказываешь о чем-то, то тут обязательно нужны слова.

Эта. Знаками можно рассказывать. Вот немые — они как-то рассказывают без слов...

Гамма. Вот нарисован кирпич. Он тебе говорит, что нельзя ехать. Это как запретительное слово.

Бета. По-моему, так и называется — «запретительный знак».

Эта. А вот стихи, всякие считалки, скороговорки, дразнилки тоже — тут, по-моему, обязательно нужны слова — но не потому, что они о чем-то рассказывают. Ты, Каппа, говоришь, что главное — что слова о чем-то рассказывают, остальное можно без слов сделать. А тут звуки важны, само говорение. Вот, помните, мы говорили, что считалки складные или веселые. Их произносить весело, или грустно, или смешно, или трудно. Мы с ними играем...

Каппа. Я согласен с тобой, Эта. Есть всякие игры специальные, со словами. Шарады, когда слово делишь на кусочки. Или вот — из мухи делать слона. Или города называть на последнюю букву, или животным. Или слоги специально переставлять. Много всяких игр. Но это не связано с тем, что слова значат что-то. А мы с самого начала сказали, что слово что-то значит, что оно о чем-то. Это в нем главное.

Бета. А Дельта все время говорит, что главное в слове — что оно кому-то.

Каппа. Да, это наш спор. Я говорю, что кому-то может быть и жест, необязательно слово. Например, можно кому-то грозить. Или плавать. Или кому-то жаловаться без слов. Дельта все время гово-

Урок 21

рит, что слова кому-то, зачем-то, чтобы кто-то понял. Но для этого не всегда даже нужны слова. Мы можем вообще без слов понимать. Вот Дельта говорил про грудного ребенка и его маму — ей вообще слова не нужны. Она, может, по глазам читает. Или чувствует, что хочет ее ребенок. А когда нужны слова, это совсем другое.

Дельта. А взрослые, они не плачут, словами говорят, но они все делаем *что-то* словами, не только о *чем-то* рассказывают — просят что-то, или отвечают, или жалуются. Разве не так?

Каппа. Послушай, Дельта, но ведь мы не только так говорим. Маленький ребенок — он, правда, все время зовет кого-то, и что-то хочет, и жалуется или угрожает. Он просто так не говорит. А мы можем *просто* говорить о вещах и рассуждаем, задаем вопросы, рассказываем. У нас больше предложений таких, повествовательных — о *чем-то* они рассказывают.

Лямбда. О, Каппа, как ты сейчас интересно сказал! Ты сказал: «Послушай, Дельта...» — и дальше уже говорил, чтобы он слушал. Значит, даже когда ты рассказываешь о *чем-то*, что ты думаешь, ты к *кому-то* обращаешься. И вот это *послушай* — это ведь побудительное слово. Оно же не рассказывает о *чем-то*.

Дельта. Да, всегда к кому-то. Каппа мог даже не говорить это «послушай!», все равно, всегда, когда говорится что-то, уже есть это — *побудительное*. Все речи побудительные. Ведь я же не просто так говорю, а чтобы кто-то слушал.

Эта. Ну, раз это не говорится, значит, не речь. Ведь если бы Каппа просто Дельте ответил, Дельта бы все равно знал, что к нему Каппа обращается. А словами-то это не сказано. А если он сказал «Послушай, Дельта» — это уже другое, когда сказано.

Гамма. Знаешь, Эта, если даже и не говорится — «Послушай, Эта», то ты как бы все равно это слышишь. Ну, как будто сам себе говоришь. Ведь ты ничего не услышишь, если не слышишь, что к тебе обращаются. Ведь бывает, звуки есть, а мы их не слышим. Ну, не обращая внимания. А потом скажешь себе: *послушай!* И только тогда

услышишь — тот звук, который и раньше уже был, а ты не слышал, пока не сказал себе: слушай!¹²⁰

Бета. Получается, все, что мы говорим, это как бы внутри одного большого предложения, побудительного. Оно начинается так: «Слушай!» А дальше уже можно много сказать. Как бы рамка такая. Сначала «Слушай!», потом сама речь, а потом, когда кончаешь, вопрос «Понял?» Потому что не просто же надо, чтобы тебя услышали, а еще, чтобы поняли, — Дельта правильно говорит. И тот, кто слушал, если не понял, или, например, не согласен, будет дальше свое слово говорить.

Альфа. Значит, уже эта вся большая речь не только побудительная, но и вопросительная. Вначале ты говоришь «Слушай!», а в конце «Понял?».

Дельта. Это одно и то же.

Альфа. Как это — одно и то же? Разное. Вначале побудительное, в конце — вопросительное.

Дельта. Вопросительное тоже побудительное. Это вот вопросительное, о котором сейчас Бета сказал, которое в конце каждой речи. Оно не просто спрашивает, оно значит: отвечаай. Или: спроси, если не понял. Или: спорь, если не согласен. Или: прими, если согласишься. На-

¹²⁰ Повествовательная речь («высказывающая», по Аристотелю, изъявительная или индикативная, в современной терминологии, как и императивная (побудительная), тоже всегда адресована, прямо или косвенно, однако в ее грамматической форме это скрыто, в отличие от императива. В этой связи индикатив вообще можно понимать как не самостоятельный модус речи, но как (пассивно) включенный в перформатив или императив. Дж. Росс выдвинул т. н. перформативную гипотезу, согласно которой любая повествовательная (индикативная) форма высказывания содержит в неявном виде перформативную формулу «Я говорю тебе, что...» (Ross J. On declarative sentences / *Reading in English transformational grammar*, Waltham (Mass.), 1970). Можно предположить, вслед за Лямбдой, Дельтой и Гаммой, что индикативную речь можно понимать и как пассивно включенную в императивную конструкцию: «Слушай...» См. «Имя и глагол». См. сд. прим.

Гамма говорит о аутоимперативе, речи, обращенной к себе. Можно предположить, что и этот модус высказывания часто присутствует, особенно во внутренней речи, но находя формального выражения. Розенштейн-Хюкк, например, замечает, что в декартовом *cogito ergo sum* не содержится услышанный Декартом призыв *cogito et igitur* (мысли, и да будешь) (см.: Розенштейн-Хюкк. Речь и действительность. М., 1994. С. 90).

чало речи значит: *слушай*. Конец значит: *отвечай*. Всегда побудительное и вопросительное вместе¹²¹.

Лямбда. Дельта, раньше ты говорил, что каждое предложение особенное по смыслу, даже если слова один и те же, но сказано по-разному или в разных ситуациях. А теперь у тебя получается, что вообще разницы никакой нет — любое предложение тогда и побудительное, и вопросительное, и повествовательное одновременно. Это все равно, что перед любой речью поставить «Я говорю», или «Слушай», и дальше уже идет сама речь. Можно так делать. А на самом деле есть ли вопрос, или побуждение, или рассказ? Не всегда, по-моему¹²².

¹²¹ Вопросительный, побудительный и перформативный смысл обычной индикативной речи, как правило, лишь подразумевается, не напоминая явного словесного выражения, но в лирике довольно часто эти смыслы выражены явно. Вот несколько примеров:

Поступайте: / ведь если звезды зажигают, / значит, это кому-нибудь нужно (В. Маяковский).

Я скажу тебе с последней прямотой: / все лишь бредни, шутки-бредни, аяяя мой (О. Мандельштам).

Первый пример включает индикативное высказывание в императив, второе — в перформатив.

Очень много таких конструкций в Евангелии:

От Матфея 5, 18: Ибо истинно *говорю* вам: доколе не пройдет небо и земля, ни одна иота или ни одна черта не пройдет из закона, пока не исполнится все.

От Матфея 13, 17: Ибо истинно *говорю* вам, что многие пророки и праведники желали видеть, что вы видите, и не видели, и слышать, что вы слышите, и не слышали.

От Матфея 13, 10–11: И, призвав народ, сказал им: *слушайте и разумейте!* не то, что входит в уста, оскверняет человека, но то, что выходит из уст, оскверняет человека.

Первые два примера включают индикативное высказывание в перформативное, третий — в императивное.

Вопросительные высказывания тоже можно понять как включенные в перформативно-императивную конструкцию («Спрашивая... Скажи...»), и вот примеры явного включения:

От Матфея 22, 17: Итак скажи нам: как Тебе кажется? позволительно ли давать подать кесарю, или нет?

Скажи, лichen узор такой был даден / тебе восте лишь на ден? (Бродский).

(Курсив и приведенных примерах мой. — И. В.)

¹²² Витгенштейн бы сформулировал мысль Лямбды следующим образом: является ли действительно вопрос, побуждение и т. п. соответствующим *делом* в языковой игре, ясно не из грамматической формы высказывания, а из прагматик. «Мы могли бы представить себе язык, в котором все утверждения имеют форму и тональность риторических вопросов, а каждый приказ — форму вопроса: „А не хочешь ли ты это сделать?“ Тогда, возможно, утверждали бы: „Сказанное им имеет форму вопроса, но в действительности это приказ“, — то есть выполняет функцию при-

Бета. Дельта говорит, что всегда есть, даже когда не поставишь этих побудительных или вопросительных слов. Он думает, что это главное. А по-Каппиному, главное — что говоришь. Это в словах главное — что, с чем. А остальное, он говорит, можно и без слов сделать.

Учитель. Давайте вспомним, какие предложения привел Каппа, когда говорил о том, что можно сделать только словами и никак нельзя без слов. Он назвал такие предложения: повествовательные, побудительные, вопросительные, пожелательные, назывательные. Это такие действия, говорит Каппа, для которых обязательно нужны слова. Другие можно сделать словами, а можно и без слов.

Каппа. Я уточню. Может быть, и нельзя без слов. Но слова нужны не для самого этого действия, а для рассказа. Например, пожаловаться можно плачем, а не что жалуемся, надо рассказать. И другие действия, извиниться, например. Мы уже об этом говорили.

Эта. Каппа сказал, что пожелательные предложения — словесные, а просить можно без слов. А мне кажется, что они похожи. Я бы объединил просительные и пожелательные предложения. Когда просишь что-то, то ты, значит, этого желаешь. А когда хочешь чего-нибудь, то как бы просишь, только не знаешь кого. Вообще просишь, чтобы так было, как хочешь. Эти предложения можно объединить.

Альфа. Просить вообще-то тоже можно без слов. Вот, например, Каппа ест что-то вкусное. А я стою рядом и протяну руку. Ну, Каппа, ты ведь угостишь меня, подумешь, что я прошу поделиться?

Каппа. Пойму, конечно. Тут я даже пойму, что именно просишь. Даже это необязательно говорить.

Альфа. Если мы решили, что просить можно без слов — ну, само действие побуждения без слов, а словами только рассказываешь, что именно просишь, как Каппа говорил, а пожелательные предложения, как сказал Эта, объединить с этими, просительными или побудительными, то из того, что Каппа назвал, чего нельзя без слов делать,

как в привычке использования языка». Дельта настаивает на том, что прагматика речи именно такова, т. е. любое утверждение действительно является вопросом и побуждением и требует ответа.

Урок 21

останутся только повествовательные, которые рассказывают, вопросительные, которые спрашивают, и назывательные, которые называют. Еще мы говорили об ответчателъных предложениях, но я бы их объединил с повествовательными. Они тоже рассказывают о чем-то. Хотя Бета со мной не согласен¹²¹.

Эта. А точно рассказывать без слов нельзя? Вот мы говорили, что жестами можно рассказывать. Или нарисовать.

Альфа. Не все нарисуешь.

Бета. Вот знаете, что точно нельзя сделать без слов? Называть. Каппа сказал о назывательных предложениях. Может быть, они главные, ну, *сильные словесные*? Рассказывать как-нибудь можно без слов — жестами или, например, нарисовать. Вот я могу словами рассказать тебе, где клад зарыт, а могу нарисовать план. Трудно, конечно, совсем без слов обойтись, но все-таки можно. А вот *называть*, кажется, никак нельзя без слов — ведь название и есть слово.

Лямбда. Да, помните, мы в самом начале сказали, что главное в слове — что оно что-то значит. А почему оно значит? Потому что называет что-то. Вещь какую-то. И это, кажется, правда никаким другим действием не заменить, бессловесным. Потому что название — оно и есть слово.

Учитель. А скажите, назывательные предложения похожи на повествовательные? На те, которые рассказывают о чем-то?

Эта. Похожи. Я говорю название какой-то вещи — значит я рассказываю, как она называется.

Альфа. Можно, значит, их объединить с повествовательными. Останутся повествовательные и вопросительные. Ну, Дельта говорит, что каждое повествовательное — оно одновременно и вопросительное и побудительное. Но, может быть, Каппа прав, и это можно разделить.

Звонок

¹²¹ Урок 18.

Назывательные предложения (продолжение).
Какая может быть свое определение назывательных
предложений. Слова: может ли имя быть
правильным или неправильным?

Имя надо использовать

Учитель. Мы обсуждали назывательные предложения, и Бета спросил: может быть, они самые словесные? А Альфа и Эта сказали, что их можно объединить с повествовательными — они рассказывают, повествуют о том, как называется вещь.

Бета. А я совсем не так понимаю назывательные предложения. По-моему, они ни о чем не рассказывают.

Гамма. Как же, Бета? Альфа ведь сказал — они рассказывают, как называется вещь. Ну, как Дельта говорит, как бы отвечают на вопрос: как это называется? Рассказывают, повествуют об этом. По-моему, Альфа прав.

Дельта. А я понял, о чем Бета говорит. Назывательные предложения — они называют. А не рассказывают, как что-то называется. Это совсем другое.

Урок 22

Учитель. В чем же разница, Дельта?

Дельта. Это очень просто. Вещь уже как-то называется. Меня кто-то, например, малыш, который не знает, спрашивает: как это называется? Я ему отвечаю, ну, рассказываю: это называется *телефет*, например.

Альфа. Ну, вот ты и назвал его.

Дельта. Да нет же. Не я его назвал, он так сто лет называется. Я рассказал малышу, как он называется, а назвал его кто-то давно, или не кто-то один, а как-то случилось, что он так называется. Мы долго это обсуждали, как получается, почему вещи так называются, связаны ли с ними названия или нет, или как-то договариваются их называть — это не важно¹²⁴. То есть важно, но не для того, что я сейчас хочу сказать. Это никакое не назывательное предложение, просто рассказ. Повествовательное предложение, а совсем не назывательное.

Учитель. А какие же назывательные? Приведя, пожалуйста, пример.

Дельта. Назывательные — это когда мы называем что-то.

Учитель. Так в чем же разница?

Бета. Как же вы не понимаете? Дельта говорит, что совсем разные вещи — *рассказана*, как что-то называется, и *названа*. Вот, например, я с мамой гулял в парке, увидел птицу. Спрашиваю: «Как называется эта птица?» Мама мне говорит: «Дятел». Это пример, как Дельта привел. Она не назвала его, а просто сказала, как он называется. А теперь другой пример. Мне подарили собаку. И я ее назвал *Хоббитом*. Назвал, понимаете? Не сказал кому-то, как ее зовут, а назвал. И стали ее так звать. Это назывательное предложение, потому что я им назвал. Теперь меня спросят: «Как зовут твою собаку?», и я отвечу: «Хоббит». Это уже будет не назывательное, а повествовательное предложение — потому что ее уже зовут так, а я просто рассказываю об этом. А не называю. Назвал только внача-

¹²⁴ Уроки 2, 3.

ле. Хотя по словам они одинаковые, эти предложения, но по смыслу — разные¹²⁵.

Учитель. Ты об этом говорил, Дельта?

Дельта. Ну конечно. Называют вещь, значит, дают ей название. А не просто рассказывают, какое у нее название.

Учитель. Каппа, ты, когда говорил о назывательных предложениях, это имел в виду?

Каппа. Нет. Я не различал это. Я думал, что называть и говорить, как называется, — это одно и то же. Я даже пример приводил, как Дельта и Бета сейчас привели — как малышка учит, говорит ему, что как называется. Я такие предложения считал назывательными¹²⁶. Но я теперь, пожалуй, соглашусь с Дельтой и Бетой. Неправильно было их так назвать. Настоящие назывательные предложения — это которые впервые называют. Вещь была безымянная, мы ее назвали. Она стала называться. Это значит назывательное предложение. Оно что-то делает, как говорит Дельта — не просто рассказывает о том, что уже есть. Меняет что-то. А рассказ — он ничего не меняет.

Лямбда. А знаете, я вспомнил точно, как Каппа об этом сказал, об этих назывательных предложениях. Которые он теперь согласился не считать назывательными, но важно, как он сказал. Он считала их описал, как он маленького брата учит. А потом я сказал, что другие предложения мы называем от глаголов — *императивные, вопросительные, восклицательные*, и сказал только Каппа так не назвал свои предложения. И тут он говорит: «Я свои называю *назывательными*». Вот этим предложением он их и назвал. Не сказал нам, как они называются — он же не знал раньше, а тут-то и назвал,

¹²⁵ Ср. у Витгенштейна: «Существует и такая языковая игра: изобретать имя для чего-нибудь» (*Wittgenstein. Указ. соч.* С. 92). Дельта и Бета отличают ее от игры, заключающейся в том, чтобы сообщать о вещи, каково ее общепринятое имя. С другой стороны, Витгенштейн дальше утверждает, что «именование» — это еще не код в языковой игре, как и расстановка фигур на шахматной доске — еще не код в шахматной партии. Можно сказать: именованием вещи еще ничего не сказано. Вне игры она [вещь] не имеет и имени» (с. 103). Об этом на следующем уроке заговорит Эта; см. уроки 24–25.

¹²⁶ Урок 18.

Урок 22

этим предложением. Вот оно и было назывательным, это Капшино предложение «Я свою называю назывательным». Оно именно такое, как Бета привел в пример — как он свою собаку называл. Оно *действительно назывательное*, а не рассказ, не повествование.

Учитель. Я вас попрошу обратить внимание на две вещи — в том, что сейчас сказал Лямбда. И запомнить их, мы потом о них поговорим. Первое. Оказывается, если верить Капше и Лямбде, называть что-то можно правильно и неправильно. Помните, мы долго обсуждали, может ли быть у вещи правильное или неправильное имя. И Капша был самым последовательным сторонник того, что не может. Он все время утверждал, что как договорились называть вещь, так она и будет называться — важно, что бы все понимали и называли одинаково¹⁰⁷. И вот теперь сам Капша говорит, что он назвал неправильно те предложения, которые описал, назывательными, а это имя надо дать совсем другим предложениям, которые сейчас описали Бета и Дельта — хотя мы вроде вслед за ним использовали это имя так, как он предложил. Так ли, Капша?

Капша. И так, и не так. Не совсем так, потому что выяснилось — вот сейчас, на этом уроке — что нам только казалось, что мы все понимаем это слово одинаково, используем его одинаково, то есть применяем его к одним и тем же предложениям. Выяснилось, что Бета и Дельта понимают это не так, как я. Называют назывательными не те предложения, которые я так назвал вначале, а другие. То есть на самом деле мы тогда не договорились. Думали, что договорились (мне ведь тогда никто не возразил), а на самом деле каждый понимал свое. Во всяком случае, мы с Дельтой понимали разное под этим словом. Но я согласен, что не только в том дело, что договора не было, а и в том, что выяснилось, что эти предложения разные — те, что я имел в виду, и те, о которых говорили сейчас Дельта и Бета. И поэтому неправильно называть их одинаково, а надо различить. Именими различить. И более правильно назвать назывательным то, что называем, по существу, как Лямбда говорит. В общем, все оказалось сложнее, чем я думал.

Эта. (Смеется.) Конечно, сложнее. Так всегда получается. Чем больше думаешь и обсуждаешь, тем сложнее. Мы уже вроде привыкли к этому.

¹⁰⁷ Уроки 2, 3 и сл.

Учитель. А вторая вещь, на которую я прошу вас обратить внимание — это само устройство назывательного предложения, которое заметил Лямбда. Я свои предложения называю назывательными, сказал Каппа. Мы об этом поговорим на следующем уроке, а сейчас еще обсудим подробнее разницу между повествовательными и назывательными предложениями — я имею в виду не всякие повествовательные, а те, которые рассказывают о названии вещи.

Бета. Разница вот в чем. Когда мы рассказываем, ничего не меняется. А когда называем, меняется. Была вещь безымянная, стала с именем. Мы ее изменили, что-то сделали новое. Теперь уже не так, как раньше, пока не называли.

Альфа. Когда рассказываем, тоже что-то меняется. Вот ты сам приводил пример — ты не знал, как птица называется, потом тебе сказали, и ты знаешь. Разве ничего не изменилось?

Бета. Это я изменился. Я не знал, а потом узнал. А сама птица как называлась дятлом, так и называется. Ей-то все равно, знаю я, как она называется или нет.

Учитель. Бета, кажется, хочет сказать, что повествовательные предложения ничего не изменяют в том, о чем они. Не вообще ничего не меняют — тогда и говорить было бы незачем, — а в том, о чем рассказывают, ничего не меняют. Меняется тот, кто говорит, тот, кто слушает, между ними что-то меняется, а в том, о чем они говорят, ничего не меняется. А назывательные меняют именно то, о чем говорят — была безымянная вещь, стала с именем. Так, Бета?

Бета. Да, так.

Гамма. А я не очень понимаю, как это может быть, что что-то не меняется от того, что о нем рассказано. Мне кажется, так не бывает. Если о чем-то сказать, то оно, о чем говорят, не может не измениться. Вот моя бабушка говорит, что, если мы о ком-то говорим, ему икает. Мы не ему говорим, а о нем между собой. И он даже, может быть, об этом не знает. А икает, потому что раз говорится о чем-то, то это не может не изменить ничего.

Урок 22

Эта. Вот, например, мы говорили о назывательных предложениях — и они разделились. На те, которые называют по-настоящему, и те, которые просто рассказывают, как вещь называется¹.

Учитель. Мы пытались различить, по предложению Каппы, такие словесные действия, для которых обязательно нужны слова, и такие, которые могут быть без слов. Оказалось, что это довольно трудно. И теперь мы обнаружили, что нужно еще различить такие слова (в Детльином смысле), речи, предложения, словесные действия, которые меняют что-то в том, о чем они говорят, и такие, которые меняют что-то в говорящем, слушающем, между ними, но не меняют ничего в том, о чем они. Этими, говорят Бета и Детльа, отличаются назывательные предложения, которые называют вещь, дают ей имя, и повествовательные предложения, которые рассказывают об имени этой вещи. Мы раньше и те, и другие называли назывательными, но теперь решили, что надо их различать. Первые изменяют то, о чем они говорят, — у вещи не было имени, а назывательным предложением ей дают имя. Вторые в вещи и ее имени ничего не меняют — у вещи уже есть имя, и они просто об этом рассказывают тому, кто этого имени не знает.

Эта. А я в этом сомневаюсь. Вот Гамма сказал, что не может так быть, что мы о чем-то рассказываем, а это что-то совсем не меняется. Мне тоже так кажется. Вот возьмем это самое название. Вы говорите, что если вещь как-то называется, то можно рассказывать, какое у нее название, можно не рассказывать — в ней и в ее названии ничего не изменится. А я думаю не так. Надо все время как бы подтверждать, что она так называется, говорить ее имя, называть ее. Иначе она забудет, как называется. Как собака. Ее Бета назвал один раз, и потом надо все время еще говорить, что ее так зовут, называть ее — не в смысле давать другое название, а это же самое повторять — подтверждать, что ее так зовут, иначе она забудет.

Каппа. Надо это название, это имя использовать. А то все забудут его.

Эта. Да, и она забудет, и все забудут, и уже это не будет ее именем².

¹ Толя Ахутин.

² Алтан, 1-й класс.

Бета. Как с *блумбиком* — мы говорили, что оно должно прославиться, тогда станет настоящим словом. Чтобы много людей его использовали¹²⁸. То есть если мы просто договорились, какую вещь называть *блумбиком*, то это еще не настоящее название. А если мы все так ее будем называть, и потом другие тоже, долго, это станет ее названием¹²⁹.

Учитель. То есть мы должны все время повторять это назывательное предложение?

Каппа. Нет, необязательно. Любые предложения могут быть. Побудительные — «дай *блумбик*», рассказывательные, повествовательные — «*блумбик* *блумчит*», звательные — «*блумбик*, иди сюда» — если он живой, этот *блумбик*. Использовать это имя надо. Один раз дали имя, назвали что-то, а потом это имя используем. Подтверждаем, как Эта говорит, что у этой вещи такое имя. Это, может быть, даже важнее, чем просто дать имя — использовать его. Только тогда оно становится именем, названием¹³⁰.

Звонок

¹²⁸ Урок 2.

¹²⁹ Имя должно быть принято языковым сообществом. В частности, если есть конкретный акт называния, то у данного имя должны быть определенные полномочия. См. уроки 24–25, прим. 245.

¹³⁰ См. уроки 24–25.

Повествовательные и назывательные предложения:
что их различает? Перформативы (Дж. Остин).
Есть ли особые перформативные глаголы?

Учитель. Мы обсуждали назывательные предложения и выяснили, что «настоящими» назывательными предложениями правильно называть только те, которые впервые дают имя вещи, а не просто рассказывают о том, как вещь называется. Эти предложения *называют* вещь, то есть делают так, что она получает название. И Лямбда обратил внимание на то, как Каппа сформулировал свое «называние». Он сказал так: «Я свои предложения называю назывательными». Давайте сравним это предложение с таким предложением: «Я свои предложения записываю аккуратно».

Альфа. Они похожи. Тут говорится о предложениях. И тот, кто говорит, рассказывает, что он делает с этими предложениями. По смыслу похожи.

Дельта. Нет, по смыслу разные. Мы уже говорили: первое — назывательное, второе — повествовательное.

Альфа. Я же не говорю, что одинаковые. Разные, конечно. Но похожие — про одно говорится, только немного разное.

Эта. Пять слов и там и там, и некоторые слова совпадают, а некоторые — нет.

Бета. Начало совпадает, а концы разные.

Лямбда. И устроены они похоже, по словам — сначала я, кто делает (и он же об этом рассказывает), потом — с чем он это делает, свои предложения, это все одинаковое в двух предложениях. Потом в обоих идет глагол, само действие, что он делает с этими предложениями. Глаголы, правда, разные, потому что действия разные. Но концы у них похожие — *-ю*. Потому что это я делаю, и сейчас. Если бы кто-то другой делал, были бы другие концы: *называет, записывает*. А если бы раньше делал — тоже другие: *называя, записывая*. Вопросы можно к этим словам одни и те же задать: кто? (я), что? (свои предложения), что делаю? (называю, в первом предложении; записываю, во втором). Кончатся эти предложения по-разному, но тоже можно один вопрос задать, к последнему слову: как? И в первом предложении ответ *называю* и *записываю*, во втором — *аккуратно*. Ну, эти слова совсем не похожи, ни по смыслу, ни по форме. Но они отвечают на один вопрос.

Альфа. Но ответы разные.

Учитель. Дельта говорит, что одно из этих предложений назывательное, а другое — повествовательное. Но устроены они очень похоже, Лямбда нам рассказал, как они устроены. Что же делает одно предложение назывательным, а другое — повествовательным?

Эта. Последние слова? Они ведь только концами различаются, эти предложения. Начинаются одинаково, середина — глагол — разные, но похожи по форме. А последние слова разные.

Бета. Нет, не в концах дело. Глагол. Глаголы у них разные. По форме одинаковые, но именно из-за глагола вся разница.

Дельта. В одном глагол назывательный, а в другом...

Альфа. Повествовательный.

Урок 23

Учитель. Разве *записывать* — повествовательный глагол? Смотрите, я его немного изменю: *Записывайте аккуратно*.

Лямбда. Тот же самый глагол, но в побудительной форме. И предложение стало побудительное.

Учитель. А теперь я изменю глагол в первом предложении: *Называй свои предложения назывательными*.

Лямбда. Тоже стало побудительное предложение. От формы глагола предложения становятся разными. Одни и тот же глагол, но в другой форме — и уже предложение становится из повествовательного — побудительным. Эта говорил, что глагол главный в предложении¹⁰¹ — и действительно: от него, от его формы зависит не только то, о чем предложение, но и что оно делает — рассказывает, побуждает...

Бета. Но в этих-то двух предложениях глагол в одной и той же форме.

Учитель. Эти предложения действительно различаются глаголом. Но глаголы эти стоят в одной форме — *называю*, *записываю*. Тем не менее первое предложение назывательное, а второе — повествовательное. Очень долго ученые их почти не различали — они действительно очень похожи по устройству. Но сравнительно недавно один ученый (его зовут Джон Остин) заметил, что среди так устроенных предложений есть такие, которые не просто рассказывают о каком-то действии, а сами выполняют именно *это* действие. Например, если человек говорит: *я обещаю*, то именно это предложение и обещает, а не просто рассказывает об обещании. Если говорит: *я называю* — то именно этим и называет (в назывательных предложениях, о которых мы говорили). Такие предложения не просто делают что-то, как другие предложения — побудительные, например, — а именно то действие выполняют, которое называют.

Бета. Как волшебные слова!

¹⁰¹ Урок 10.

Учитель. Да, как волшебные слова — здесь называние какого-то действия одновременно и есть само это действие. Их нельзя разделить. Такие предложения Остин назвал *перформативными* — от латинского слова, которое означает *выполнять*. То есть это действующие предложения¹⁰².

Лямбда. Потому что они сами действуют, а не просто говорят о действии. Сами это действие и выполняют.

Дельта. Любое предложение само действует, а не просто рассказывает. Разве побудительное предложение не делает ничего? Оно просит.

Альфа. Да, а грозительное грозит, ругательное ругает, ответительное отвечает. Дельта все время об этом говорит. Все предложения вроде что-то делают.

Учитель. Да, все предложения что-то делают, и вы приводили много примеров таких предложений, которые делают разные действия. Но есть одна особенность в этих перформативных предложениях. Попробуйте ее заметить.

¹⁰² Остин начинает свое описание перформативных предложений с того, что они, не являясь бессмысленными и представляя из себя высказывания, не могут быть квалифицированы как истинные или ложные (это очень скоро заметит Кант). Аристотель показал, что истинность или ложность — неизменный признак высказывающей речи, в отличие от такой речи, как молебна и т. п. (см. цитату в прим. 207). С перформативными не так: «То, о чем бы я хотел поговорить, суть высказывания в самом прямом и строгом смысле слова, содержащие обычные глаголы активного залога настоящего времени изъявительного наклонения в первом лице единственного числа. И тем не менее с первого взгляда становится ясно, что они никак не могут быть истинными или ложными. Более того, если нечто произносит подобного рода высказывание, мы говорим, что тем самым он не просто *говорит* нечто, но *делает* нечто» (Остин Дж. Перформативные высказывания // Три способа пролить чернила. СПб., 2006. Соч. С. 264). Остин приводит следующие примеры перформативных высказываний: «Я беру эту женщину в законные жены»; «Называю это судом „Королева Виктория“»; «Держу пари на шесть пенсов, что завтра будет дождь». Слово *перформативный*, пишет Остин, по смыслу наиболее близко к слову *действующий* (*operative*), как оно используется в юриспруденции (юристы различают *преамбулу* и *действующую часть документа*) (там же).

Урок 23

Эта. Они как-то прямее действуют. Они как волшебные. Если ты просишь кого-то побудительным предложением, то еще надо, чтобы кто-то услышал и выполнил просьбу, тогда только делается действие. А тут — сразу. Сказал — и уже сделано. Названо, обещано. Сказал «обещаю» — все, уже пообещал.

Дельта. То действие, которое просишь в побудительном предложении — да, его надо чтобы кто-то еще сделал. Но ведь сама просьба уже сделана! Ведь просить — это тоже действие, кто-то и делает побудительное предложение.

Лямбда. Тут разница, по-моему, в том, что эти перформативные предложения не просто выполняют какое-то действие, а именно то, о котором говорят. Например, в обещательном предложении говорится об обещании — и само обещание и делается. В назывательном предложении говорится о назывании — и само это называние и делается этим предложением. А в побудительном — не так. Вот например «Дай мне книгу». Тут говорится о действии *дай*, а само предложение — не дает, а, наоборот, *просит*.

Учитель. Мы еще поговорим о сходстве и разнице между побудительными предложениями и перформативными, например назывательными. Остия как пример перформативного предложения привел и такое предложение, которое мы назвали назывательным: «Называю это судно „Королева Елизавета“». Самим этим высказыванием человек, который так говорит, дает имя судну. Можете привести еще какие-нибудь примеры таких предложений, которые сами выполняют то действие, о котором говорят?

Гамма. *Общаю больше не анализирую.* Тем, что говорю, я уже общаю.

Бета. Извинительные тоже такие. *Прошу прощения.* Я же не рассказываю о том, что я прошу, а самым словом и прошу.

Альфа. *Приглашаю тебя в гости.* Тут тоже не рассказываю словами, что я делаю, а прямо это словами и делаю.

Дельта. Это предложение — приглашительное по смыслу. Скажешь: *приходи ко мне в гости* — будет то же самое.

Бета. Мы такие предложения называли побудительными. Когда просишь что-нибудь или требуешь. Или приглашаешь. В них глаголы в таком виде, побудительном. *Приходи, сиди, принеси, позови*.

Каппа. А другие глаголы в побудительной форме по-другому выглядят: *дай, стой, гуляй, читай*.

Учитель. Да, концы у этих глаголов разные. Но это все равно побудительная форма. Но обратите внимание на эти два предложения: «Я тебя приглашаю в гости» и «Приходи ко мне в гости». По смыслу, говорит Дельта, оба предложения побудительные. Но они разные — во втором предложении глагол стоит в побудительной форме (*приходи*), а в первом — нет.

Каппа. Первое предложение притворяется повествовательным. Оно так устроено, глагол так выглядит, как будто просто рассказываешь, что делаешь. *Я приглашаю, я читаю, я уезжаю*. А на самом деле оно не рассказывает, а то и делает само, что значит этот глагол.

Гамма. Первое из тех, которые ты назвал, такое. *Приглашаю*. А остальные два — нет.

Каппа. Да, только первое. Остальные просто рассказывают о действии.

Лямбда. Это такие особенные глаголы — *прошу, обещаю, приглашаю, называю, называюсь*. Они сами делают то, что называют. Другие глаголы не такие.

Бета. Мы все глаголы хотели назвать действующими словами. Потому что в них — действие¹⁰².

Каппа. Нет, тут совсем другое. Все глаголы называют какое-то действие, а эти — это *вызывающие*. Вот ты можешь сказать: «Я прыгаю», а на самом деле можешь прыгать в это время, а можешь и не прыгать, си-

¹⁰² Урок 10.

Урок 23

деть. А если скажешь: «Я обещаю» — все, уже пообещал. Нельзя сказать неправильно¹²⁴.

Дельта. Ну, может быть, я так просто пообещал, чтобы отвязалась. А на самом деле тоже соврал¹²⁵.

Эта. Нет уж, дал слово — держись!

Учитель. Лямбда сказал, что есть такие особенные глаголы — действующие, или перформативные, которые сами выполняют то действие, которое называют. А вот послушайте такое предложение: «Он вчера приглашал меня в гости». Здесь глагол приглашал. А предложение — перформативное?

Гамма. Нет, обычное, повествовательное. Рассказывается о том, что кто-то меня вчера приглашал. Это не само приглашение, а рассказ о нем.

Лямбда. Это потому, что не сам говорит, кто приглашает, а человек рассказывает о том, что кто-то другой его приглашал. Конечно, тут рассказ не может совпадать с действительностью, потому что делает (приглашает) один, а рассказывает другой. Только когда я от себя говорю — сам обещаю, приглашаю, прошу и сам же говорю — тогда только перформативное предложение. Надо, чтобы совпадали кто делает и кто говорит.

Учитель. А такое предложение: «Я вчера приглашал его в гости» — оно перформативное?

Эта. Нет, тоже обычное, повествовательное. Потому что я вчера приглашал, а сегодня рассказываю. Надо, чтобы не только кто делает и кто говорит совпадало, но и одновременно говорилось и делалось, сейчас. Когда говоришь, в это самое время и делаешь.

¹²⁴ К перформативным высказываниям применим критерий истинности. См. следующие уроки и прим. к ним.

¹²⁵ Остин, говоря, что перформативы можно рассматривать как свидетельства о некотором духовном акте (обещания, например), которые могут быть истинными или ложными, приводит фразу, которую в трагедии Еврипида произносит Ниптолет: «Язык мой подался, но не сердце». Сам Остин возражает против такой трактовки (указ. соч. С. 265).

Учитель. Значит, мы не можем говорить об особых перформативных глаголах, потому что с этими же глаголами могут быть обычные повествовательные предложения. Нужно, чтобы глаголы эти были в особой форме, чтобы совпадало и время действия и время говорения, и кто действует и говорит, тоже должно совпадать¹²⁴.

Звонок

¹²⁴ Некоторые лингвисты выделяют как особый класс т. н. перформативные глаголы, например, *кляжусь, прощу, откажусь, обещаю* и т. п. Но перформативный смысл этих высказываний (высказываний, в которых высказывание тождественно самому акту, типа *кляжусь*) не заложен в номинативном глаголе, а проявляется только в особых речевых актах, при употреблении его в определенном лице, времени и наклонении. Фразы с теми же глаголами в 3-м лице не являются перформативными. Э. Бенвенист анализирует разницу между употреблением этих глаголов в 1-м и 3-м лицах: «В то время как я *кляжусь* является обязательством, он *клянется* — всего лишь описание того же рода, что и *он бежит, он курит*». То же самое можно сказать о прошедшем времени: *кляжусь* — перформативное высказывание, я *клялся* — нет (см.: Бенвенист Э. О субъективности в языке // Общая лингвистика. М., 1974. С. 296). См. прим. 239.

Перформативы (продолжение). Перформативные и побудительные предложения. Речи правильные и неправильные. Важно, кто и когда говорит

Учитель. Мы увидели на прошлом уроке, что бывают особые предложения, которые сами выполняют именно то действие, о котором говорят. Такие предложения называются перформативными. Мы привели примеры таких предложений — они выполняют разные действия: называют, приглашают, обещают, извиняются. Они отличаются от других предложений, которые тоже что-то делают. В перформативных предложениях тот, кто делает что-то, делает это именно тем самым, что говорит, а не просто одновременно делает и сообщает о своем действии.

Бета. Это как с кукушкой. Помните, Эта приводил пример — кукушка не сообщает, сколько вам лет, она не знает. А сколько скажет, столько и будет¹²⁷. Так и эти предложения. Сказано — значит обещано, тем самым, что сказано. А не так, что обещано и *об этом* отдельно сказано.

Дельта. Или как назывательные речи, когда имя дашь. Как назовешь, так и будет называться. А не так, что рассказываешь, как называ-

¹²⁷ Урок 11.

ется. Этим и отличаются те предложения, которые мы приводили, когда различали как бы назывательные и по-настоящему назывательные ¹²⁸.

Эта. Как волшебные слова, Бета говорит.

Лямбда. Да, но они же не волшебные. Мы все такие вещи делаем, говорим так, и довольно часто. Приглашаем, обещаем... Такие словесные действия делаем. А мы же не волшебники...

Бета. Дельта вообще говорит, что только так мы и говорим, всегда своими речами что-то делаем, а не просто рассказываем о чем-то.

Учитель. Мы попробуем отличить то, что имеет в виду Дельта, когда утверждает, что любая речь что-то делает, а не просто о чем-то рассказывает, от того, как связана речь и действие именно в этих, перформативных предложениях. Но немного позже. А сейчас вспомните, пожалуйста: мы увидели, что в этих предложениях глаголы должны стоять в особой форме.

Бета. Мы сначала думали, что это особенные действия, и поэтому должны быть *особенные глаголы*. Но потом поняли, что дело не в смысле этих глаголов. С теми же глаголами, но в другой форме, предложение не будет перформативным. Например, «Я приглашаю» — перформативное предложение, а «Ты приглашаешь» — нет. Важно, в какой форме глагол.

Дельта. Важно, чтобы это действие было одновременно с говорением. И чтобы тот, кто говорил, тот и делал.

Бета. Не только одновременно с говорением, а *самым говорением* и *делаешь*. Я могу сидеть и одновременно сказать *я сижу*. Тут и кто говорит, и кто делает, один и тот же, и одновременно все происходит. Но это не будет перформативное предложение — обычное повествовательное.

Альфа. Получается, что все-таки и в самом глаголе дело, а не только в какой он форме. Вот глагол *сидеть* — скажешь так, как Бета — и одновременно с действием, и кто сидит, тот и говорит — все равно оно не перформативное, это предложение. Глагол этот как

¹²⁸ Урок 22.

Урок 24

ни меняй, все равно не получится. Значит, дело в глаголе, а не только в том, в какой он форме.

Дельта. Или и не в глаголе, и не в том, в какой форме глагол. А в том, как, кем, кому говорится¹²⁰.

Лямбда. Эти глаголы правда особые. Вот, помните, Каппа пытался различить словесные действия и не словесные¹²¹. То есть те, которые можно без слов сделать, и те, для которых нужны слова. Вот эти действия, которые в перформативных предложениях, кажется, словесные. Их без слов не сделаешь. Приглашать, обещать, извиняться, называть (давать имя) — нельзя ведь без слов.

Гамма. Каппа говорил, что рассказывать нельзя без слов. У него самое словесное действие получалось — рассказ, повествование. А вот извиняться можно без слов. Или приглашать. Жестом, рукой позвать. Это ведь приглашение.

Бета. Опять запутались. Эти перформативные предложения мы противопоставили повествовательным — они не рассказывают о чем-то, а сами что-то делают. И этим они похожи на побудительные. Вроде бы потому, что действие, которое они делают, словесное, оно именно словом и делается. А у Каппы получается, что самое словесное действие — рассказ или вопрос. Остальное можно делать без слов — приглашать, здороваться. Ну, еще называние никак нельзя без слов сделать.

¹²⁰ Э. Бенвенист говорит об особых перформативных глаголах (глаголах со значением заявления или влечения), которые в первом лице настоящего времени, соединенных с диктумом, образуют перформативы. Будучи транспонированными (например в форму третьего лица пассивного залога: *объявление заседаний открытым* — *заседание открыто*), эти формы, даже теряя глагол, сохраняют перформативный смысл. Сам Бенвенист приводит примеры (правда, транспонированной формы), в которых один глагол в одной и той же форме может конституировать в одном случае перформативное высказывание, в другом случае констатирующее: «В устах одного и того же лица *заседание открыто* — это действие, а, например, *засе открыто* — констатация» (указ. соч., с. 306–307). Можно дополнить, что само выражение «заседание открыто» в такой такой же форме, но в устах другого лица или в другой ситуации будет не перформативным, но констатирующим высказыванием. В конечном счете главным для выделения перформативных высказываний оказывается вопрос о том, выполняет ли все высказывание в целом перформативную функцию. См. урок 25.

¹²¹ Уроки 20–21.

Лямбда. Кажется, я понял, в чем тут дело. Не в том, что действие, которое они *делаем*, эти предложения, — словесное. А в том, что действие, которое они *называем*, словесное. Вот, например, ты гуляешь. Рассказать об этом — словесное действие (ну, Бета говорил, что можно и нарисовать, но я сейчас не об этом). Гуляешь, это действие *несловесное*. Когда рассказываешь о нем словами, то *делаешь* другое действие — рассказываешь, и это действие, гуляние, *называешь* словами и *описываешь*. Это словесное действие. И они разные. А когда говоришь «обещаю», то нет двух действий — одно *делаешь*, другим его *называешь*, или о нем рассказываешь. Мы всегда словами что-то делаем, но не то, о чем эти слова, а что-то другое (рассказываем, или просим, или еще что-нибудь). А в этих перформативных предложениях то именно и делаем, о чем эти предложения. В них словесное действие не только то, которое они делают, но и то, которое они *называют*. Одно и то же.

Дельта. Знаете, они все-таки сильно похожи на побудительные. Их все можно переделать так, чтобы были побудительные, даже по форме, и с тем же смыслом. Например: «Приглашаю тебя в гости» — «Приходи ко мне в гости». «Называю тебя Хоббит» — «Зовись Хоббит». «Прошу прощения» — «Прости меня, пожалуйста»¹⁴¹. Вот они стали по форме побудительными, а смысл такой же. Какие там еще были перформативные? Мне кажется, что на самом деле все они побудительные.

Гамма. Обещательные — нет. Так не переделаешь, чтобы было побудительное.

Эта. Почему? Можно. Я, например, говорю: «Обещаю не опаздывать». Это я, значит, велю самому себе не опаздывать. «Не опаздывай», говорю — только не кому-нибудь, а самому себе. Всякое обещание настоящее, а не такое, как сказал на прошлом уроке Дельта, чтобы отвязались, оно такое — побудительное. Когда сам себе велишь что-то делать или чего-то не делать.

¹⁴¹ Большинство приведенных Остинем примеров перформативов тоже можно превратить в императивы (побудительные предложения). В статье «Перформативы и констатиры» он приводит такие высказывания: *Я даю этому суду имя «Свобода»*, *Прому извинения*, *Желаю вам счастливого дослать*, *Состыжу вам это сделать* (цит. по: Веллманс, указ. соч. С. 303). Все они легко трансформируются в императивы: *Зовись «Свобода»!*, *Примите мои извинения!*, *Сделайте это!*

Урок 24

Каппа. Да, по смыслу похоже. Но все-таки они явно превратились в побудительные.

Бета. Вот что в побудительных не так, как в перформативных. Об этом Лямбда сказал. Я говорю: *приходи ко мне в гости*. Тут я своим говорением что делаю, какое действие? *Приглашаю*, или *зову*. А действии, которое называется в этом предложении — *приходишь*, совсем другое. А глагола *приглашать* или *звать* нет в предложении — мы его словами не называем, хотя именно его делаем, когда зовем. Два разных действия, одно мое предложение называет, другое — само выполняет. А в перформативных нет двух разных действий. То, которое делается этими предложениями, то и называется¹⁰².

Учитель. Да, именно этим перформативные предложения отличаются от других — они выполняют именно то действие, которое называют — а не вообще какое-нибудь действие.

Есть еще отличие перформативных предложений от тех, которые что-то описывают, о чем-то рассказывают, повествуют. Когда мы что-то описываем, то мы можем описать правильно, так, как есть на самом деле, или нет¹⁰³.

Альфа. Да, соврать можем, или ошибиться, или пошутить, нарочно. Например, скажем: *Сейчас лето*. А на самом деле — зима.

¹⁰² Дж. Остин склонен считать побудительные высказывания перформативными. «Высказывание *закрыть дверь*, очевидно, столь же перформативно, столь же является осуществлением действия, как и высказывание *приглашаю вас на ужин*» (цит. по: Беньямин, указ. соч. С. 304). От этого один шаг до к. н. перформативной гипотезы Рорса (в такому пониманию речи склоняется наш Деша). См. прим. 220–221. Впрочем, возражая Остину, считает, что не следует раздвигать рамки перформативных высказываний, и приходит к тому же выводу, что в нашей ученице: «Высказывание является перформативным тогда, когда оно вызывает совершаемое высказыванием действие. <...> Различие вытекает из этого: императив побуждает к определенному поведению, в то время как перформативное высказывание и есть само называемое действие, и это высказывание вызывает свое действующее лицо. Следует поэтому отвергнуть всякие попытки отождествления императива и перформативного высказывания» (Беньямин Э. Указ. соч. С. 308–309).

¹⁰³ Аристотель считал именно то, что речь может быть истинной или ложной, критерием высказывающей речи (см. цитату в прим. 207). Ср. у Ветштейна: «Общая форма предложения такова: „Дело обстоит так-то“ — Трактат. 4. 5». В «Исследованиях»: «Представить фразу „Дело обстоит так-то“ — как общую формулу предложения и принципно все равно что заявить: „Предложением является все то, что может быть истинным или ложным“».

Эта. С шутками не так. И со считалками, и стишками. Вот, например, «Раз, два, три, четыре, пять — вышел зайчик погулять». Ну, тут ведь нельзя сказать, что он на самом деле вышел или на самом деле не вышел. К таким речам вообще не подходит это — как на самом деле.

Лямбда. А правильно или нет — подходит. Можно ошибиться, перевернуть считалку — не в том смысле, что на самом деле зайчик гуляет, а ты скажешь, что нет, что она не соответствует тому, как на самом деле. А в том смысле, что надо так говорить, как она говорится.

Гамма. Потому что она на самом деле не только о зайчике. Вообще ведь речи не только о чем-то.

Учитель. Да, и я как раз хочу обратить ваше внимание на эти самые перформативные речи, которыми мы с вами занимаемся. Они о чем-то? И можно ли о них сказать, что они неправильные в том смысле, что не так говорят, как на самом деле?

Альфа. Они же не рассказывают, как на самом деле, а сами это дело и делают.

Бета. Но ведь побудительные высказывания, все эти звательные, приглашательные, просительные тоже не рассказывают, как на самом деле. И тоже нельзя о них сказать, правильные они или нет — в том смысле, что так, как есть, или нет. Вот я говорю товарищу: «Пойдем гулять». Ну, даже если он не пойдет — нельзя ведь сказать, что я сказал неправильно, не так, как есть. Я же и не говорил, что пойдет, только звал его.

Каппа. Ну и перформативные так же — не рассказывают, а что-то делают.

Лямбда. Не так же. Они и рассказывают, и делают одно и то же. Мы уже это выяснили. *Пойдем гулять* — делает приглашение, но не рассказывает о нем. А *«приглашаю тебя гулять»* — и делает приглашение, и о нем говорит. Но про него тоже нельзя сказать, что оно говорит так или не так, как есть на самом деле. Потому что как оно говорит, так и есть на самом деле — не потому, что оно говорит правильно, как есть, а потому, что он делает то, что говорит. Что он говорит, то и есть. Наоборот.

Урок 24

Бета. А вот назывательные предложения — вроде они перформативные. Мы с них и начали понимать про эти перформативы. А вроде бы назвать можно правильно или нет. Помните, Каппа сначала называл назывательными другие предложения, потом решил, что это неправильно¹⁴⁴.

Гамма. Вот Дельта все время говорит, что не только в том дело, как устроено предложение, и какие там слова, и в какой они форме, и что они называют. А в том, *как* говорит и *кому*. Знаете, кажется, он прав. Вспомните пример, как Бета называл свою собаку. Вот пусть кто-нибудь посторонний придет и скажет «Называю тебя Жучкой». Тут и действие названо это самое, назывательное, и глагол тот же самый, и в той же форме. Но ведь по-настоящему это не будет называние. Ведь собаку только хозяин может назвать, а не кто угодно¹⁴⁵.

Звонок

¹⁴⁴ Урок 22.

¹⁴⁵ Аналогичный пример приводит Остин: «Представьте, что вас заметили возглавить церемонию, во время которой вы должны дать имя какому-нибудь судну, и вы вот-вот разобьете бутылку с шампанским о форштевень. Но в этот самый момент к вам подходит какой-то тип, выхватывает у вас из рук шампанское и, запустив бутылкой в носовую часть судна, кричит: „Называю этот корабль *Генералиссимус Сталлин*“, а затем сшибает со стивальной заборной башмака. Все мы в данном случае будем согласны друг с другом в том, что судно после всего происшедшего не называется *Генералиссимус Сталлин*...» (Остин Дж. Перформативные высказывания. С. 268–269.) Здесь речь идет не о содержании перформативного высказывания и не о его форме, а о *политичной* завершении. См. сл. урок.

Урок 25

Перформативы (продолжение). Повествовательные предложения могут быть истинными или лж., перформативные – удачными или неудачными. Дельта всякую речь понимает как перформативную. Правильно ли это? Все перформативные речи немного повествовательные, все повествовательные немного перформативные

Учитель. Мы сегодня продолжим разбираться с перформативными высказываниями. Понять, чем они отличаются от других, оказалось довольно трудно.

Бета. Вроде мы поняли, перформативное высказывание и выполняет какое-то действие, и рассказывает о нем же, об этом самом действии, одновременно.

Лямбда. Поэтому слово, называющее это действие, глагол, должно быть в определенной форме. Настоящее время, и тот, кто говорит, тот и делает.

Эта. И он должен, как Гамма сказал, иметь право это делать. Ведь не всякий может назвать собаку.

Урок 25

Дельта. Мы говорили, что глаголы бывают перформативные. А кажется, бывают даже имена перформативные.

Учитель. Как это? Поясни, Дельта.

Дельта. Вот, например, собака все равно будет собакой, независимо от того, знаем мы или нет как она называется. А с некоторыми именами по-другому. Кто называет свою собаку каким-то отдельным именем, именно тем, что назвал ее, и сделал, что ее так зовут. И человеческие имена все такие, нас всех называли как-то¹⁴⁴.

Альфа. Еще, если говорить о таких именах, которые делаются назывательными предложениями, имя должно прижиться. Вот назовем как-то, а никто не будет так называть. Имя не используется, оно мертвое¹⁴⁵. Значит, названия не получились.

Каппа. Повествовательные предложения получаются, когда мы говорим правильно, то есть как есть на самом деле. Еще надо правильно сказать в другом смысле — по правилам, ну, выговаривать как надо, соединять слова определенным образом, не ошибиться. Мы об этом говорили¹⁴⁷. А перформативные предложения получаются, когда тот, кто говорит, вправе это делать. И все должны признать это. Иначе они не получатся¹⁴⁸.

¹⁴⁴ Дельта говорит о собственных именах. Но феномен, на который он указывает, может относиться и к именам нарицательным. Лейбниц, говоря о реальных и номинальных сущностях, пишет: «Есть такие сущности, постоянно наделенные наименованием, у которых название участвует в определении вещи. Так, например, степень или звание доктора, рыцаря, посланника, короля узнаются нами тогда, когда данным лицу получено признанное право пользоваться этим именем; иностранный посланник, каково бы большое полномочие он ни имел и как бы ни была велика его власть, никогда не будет считаться послом, если верительные грамоты не дадут ему этого звания» (Лейбниц Г. В. Новые опыты о человеческом разумении // Соч. в 4 т. Т. 1. М. 1983. С. 305).

¹⁴⁵ Оля, 1-й класс.

¹⁴⁷ См. урок 9, прим. 59.

¹⁴⁸ Остин противопоставляет перформативные высказывания констатативным (утверждающим некоторый факт) в различных ситуациях, в которых перформативные высказывания оказываются неудовлетворительными, называет неудачными (infelicitous) (Остин Дж. Перформативные высказывания // Три способа пропеть червильца. С. 166).

Учитель. Выходит, что то, что делает правильным повествовательное предложение, связано, с одной стороны, с отношением речи к тому, о чем она говорит (чтобы мы говорили то, что есть на самом деле), а с другой стороны, с ее отношением к правилам языка, чтобы мы не ошиблись, выбирая слова, связывая их и т. п., как сказал Капша. А то, что делает «правильным» перформативное предложение, связано с отношением между говорящим и тем, кому он говорит, — он должен иметь право так говорить, и другие должны это право признавать²⁴⁹.

Эта. Но ведь другие предложения — они тоже могут не получиться — не потому, что они говорят не так, как на самом деле, а по-другому — например, попросишь, и никто не выполнит твою просьбу, или спрашиваешь — и тебе не ответят.

Бета. Об этом Дельта говорит все время — что главное, кто и кому говорит, а не как и о чем.

Учитель. Да, Дельта все время это говорит, потому что он всякую речь понимает как перформативную.

Гамма. Но важно ведь не только отношение между говорящим и слушающим — даже в перформативных предложениях. О чем — тоже важно²⁵⁰. Вот, например, мы даем имя собаке. Важно, чья это собака — тот и может ее называть. Это мы уже говорили — не всякий может называть. Но важно еще, чтобы имя ей подходило. А то не приживется. У человека, может быть, все права есть, чтобы давать имя, и другие признают эти права, а он даст имя неправильное, и оно не приживется, как Альфа говорил. Потому что не подходит. Помни-

²⁴⁹ Ср. у Бенвениста: условие того, чтобы перформативное высказывание стало некоторым актом, т. е. обрело реальность перформатива, — это «условие правомочности лица, произносящего высказывание, в особых обстоятельствах, в которых высказывание осуществляется» (Аналитическая философия и язык // Общая лингвистика, М., 1974. С. 367).

²⁵⁰ О том, что перформативное высказывание также соотносится с фактами, пишет и Остин, который начинает описание перформативных высказываний с противопоставления их констативным именно по этому основанию. «Хотя эти высказывания сами по себе не сообщают фактов и не являются истинными или ложными, произнесение их часто действительно в каком-то смысле подразумевает истинность или ложность определенных вещей» (Остин. Указ. соч. С. 266). См. прим. 257.

Урок 25

те, мы долго спорили о том, должно ли имя подходить вещи — по звукам или еще как-нибудь.

Альфа. Так бывает, правда. Вот мне, например, пришлось kota переименовать. Он вырос и такой стал, что имя ну совсем к нему не подходит. Пришлось другое дать¹.

Бета. Знаете, имя может по-разному не подходить. Вот мы можем дать имя коту, и оно не подойдет по звукам. Мы об этом в самом начале говорили. А когда мы говорили недавно о назывательных предложениях — тут совсем по-другому подходит или не подходит. Не по звукам, а по смыслу. Ведь Каппа согласился поменять название назывательных предложений не из-за звуков.

Каппа. Конечно, я о звуках совсем не думал, подходят они или нет. А согласился из-за смысла — назывательным надо назвать то, что называет, как, например, ответственным — то, что отвечает²⁵¹.

Эта. Вот вы говорите, что должно быть право у того, кто говорит. Как будто не каждый может так, «перформативно», говорить. Но, например, пообещать-то каждый может. Ведь обещания — это перформативные речи²⁵².

Дельта. Я-то по-прежнему считаю, что всякие речи перформативные. Потому что всякая речь не только что-то рассказывает, но и делает что-то — действующая речь; потому что для всякой речи важно, кто и кому ее говорит, а не только как и о чем она; потому что всякая речь меняет и того, кто говорит, и того, кто слушает, и то, о чем²⁵³.

¹ Лариса Великая.

²⁵¹ На уроке 22 Каппа изменил свое определение назывательных предложений не потому, что оно «не подходило по звукам». Здесь речь идет не о назывании-именовании, а о назывании-определении, которое не просто имеет вещь, но определяет ее, и вопрос о правильности названия приобретает другой смысл.

²⁵² Личные обязательства — это область, в которой правомочен каждый говорящий. Однако Остия обсуждает с точки зрения возможной «судачки» соответствующих перформативных высказываний различные ситуации, связанные с неискренностью говорящего, с произнесением таких высказываний по принуждению, с полной ответственностью говорящего, с взаимопониманием и т. п. (Указ. соч., С. 267–270).

²⁵³ См. урок 21, прим. 220–221.

Лямбда. Что же, по-твоему, нет никакой разницы между обещанием, или называнием, и рассказом? Мы так долго об этом говорили и, кажется, нашли различие, и оно важное, это различие. Перформативные речи — особенные.

Бета. Вот, помните, мы читали стихи Хлебникова — про губы и цепь. И там такая речь, что она не рассказывает о чем-то, не называет вещи, а как будто вещи сами себя говорят. Слова, звуки на них похожи и все такое¹²⁴. И вот Альфа тогда сказал, что это особенные, волшебные слова, они в стихах, в сказках, а другие слова, обычные, которые мы говорим, они не такие. А Лямбда сказал, что, может быть, все слова немножко волшебные, в них есть волшебный смысл, только мы его не всегда слышим, а поэты — всегда. Сейчас тоже что-то похожее получается — вроде в каждой речи, в каждом предложении есть этот перформативный смысл, и Дельта о нем говорит. А есть такие специальные речи, в которых он, этот смысл, главный, как в обещаниях, названиях, когда мы даем имя чему-то, и других предложениях, которые мы назвали перформативными¹²⁵.

¹²⁴ Урок 11.

¹²⁵ Возможно, сфера высказываний перформативных по преимуществу — это юридическая речь. Она не только отличается обилием прямо перформативных, и по форме и по смыслу, конструкций («Суд постановляет...», «Стороны договариваются...», «Признаю себя виновным...», «Настоящим удостоверяю...», «Завещаю...» и т. п.), но и выделяет, актуализирует перформативный и автореферентный смысл того, что наши ученые называют *смысловыми действиями* — свидетельств, признаний, распоряжений, суждений, сошений, обязательств. Это подчеркнуто, в частности, такой речевой формулой, как «Настоящим завещаю делом супругам распоряжение...», «Настоящим удостоверяю...» (вводная формула *мысленным* указывает именно на тождественность действия с высказыванием об этом действии; это, в частности, замечает Бейвистс, см.: Аналитическая философия и язык. С. 308). Не случайно, вводя понятие перформативного высказывания, Дж. Остин приводит большое количество примеров, связанных с юридической речью, и прямо ссылается на юриспруденцию.

Интересно попытаться найти специальную сферу для аристотелевских высказываний-суждений (*λόγος ἀποφαινετός*), сферу, где актуализируется именно этот смысл высказываний — возможно, это научная речь? (Она, однако, вполне тоже всегда адресована «императивна». Ср. высказывание Розеншток-Хюсси о «кабинетных ученых»: «...Всякий, кто печатает свою книгу, высказывает тем самым приглашение: приди и прочти, и полюби, и выступи, и усвой, и примени, и пойми» (Розеншток-Хюсси. Речь и действительность. М., 1994. С. 65)).

Урок 25

Эта. А Каппа говорит, что слова что-то значат, о чем-то рассказывают. И во всех речах есть такой смысл, они о чем-то — даже волшебные, и вот эти, перформативные, они тоже о чем-то.

Каппа. Ну, тогда получается, что все на все похоже, все речи одинаковые — везде есть и этот смысл, и другой. Вот Дельта говорил, что перед каждым предложением можно сказать (а если не сказано, то как бы устынать): «Говорю...», или «Слушай...», и дальше уже будет сама речь²¹⁶. Тогда всякое предложение будет как бы перформативное по смыслу. Это, конечно, правильно. Но тогда неинтересно, все оказывается одинаково. А интересно различать, как мы пытались отличить перформативные предложения от других, чем они особенные, как устроены, когда и как говорится, а не говорить, что все перформативное, или все волшебное, или все еще какое-нибудь²¹⁷.

Лямбда. Отличаются они, по-моему, все-таки глаголом. Мы говорили, что глагол — главное, что делает предложение таким, а не другим. Эта говорил, что вообще предложение делает глагол²¹⁸. И перформативные предложения делает перформативным глагол — он в определенной форме, и сами глаголы такие — называют словесные действия. Особенности глаголы. Правда, мы выяснили, что этого мало — еще нужно, чтобы именно тот, кто нужно, говорил, и когда нужно, и кому нужно — в определенной ситуации. Ну, все, на что Дельта обращает внимание.

Бета. Значит, все дело и не в том, что значат эти глаголы, и не в том, в какой они форме. И без глаголов можно. А в ситуации — кто, как, когда говорит.

²¹⁶ Урок 21.

²¹⁷ Остин, противопоставляя перформативные высказывания констативным утверждениям, в конечном счете приходит к выводу, что и перформативные высказывания, подобно утверждениям, каким-то существенным образом соотносятся с фактом, и, с другой стороны, «когда мы утверждаем нечто, произносит то же, что и при одних и тех же условиях или высказывания предпринимает: мы тем самым совершаем некоторый акт». «Данные соображения, похоже, означают, что принятое нами различие, в его исходной форме, между перформативными высказываниями и утверждениями, ослабляется настолько, что практически перестает быть таковым» (Указ. соч. С. 279–280), т. е., говоря словами Каппы, везде есть и этот смысл, и другой.

²¹⁸ Урок 10.

Ламбда. Нет, глаголы все-таки нужны. Мы говорим про перформативные речи. И они должны быть определенным образом устроены. Важно не только то, что они делают. То же самое можно сделать вообще без всяких слов, не только без глаголов. Вот Гамма говорит: кирпич повесишь, это значит, что ехать запрещено²⁰⁷. Это запретительный знак, он значит что-то.

Альфа. Не только значит, но и делает что-то — как слово.

Ламбда. Да, делает — запрещает. Это запрещение можно сделать и знаком, и словами. Сказать: «Здесь проезд запрещен». Но если скажешь: «Здесь проезд запрещен», то это не будет перформативное предложение — это ты просто рассказываешь о том, что запрещено. О запрете рассказываешь. Надо сказать: «Запрещаю» — тогда это перформативное предложение, потому что оно не просто называет этот запрет, говорит о нем, а одновременно его делает. Конечно, надо, чтобы говорил тот, кто имеет право запрещать, это мы уже выяснили на прошлом уроке²⁰⁸.

Эта. Все-таки, по-моему, Дельта прав. Дело не в том, что говорится, какое предложение, а кто говорит и как. Одинаковые по устройству предложения могут совсем разный смысл иметь, и одно будет перформативным, а другое — нет. Ты когда говоришь: «Здесь проезд запрещен», это может быть и просто рассказ о том, что проезд запрещен, и само запрещение. Ну, пусть и не точно перформативное, но по смыслу запретительное, которое само запрещает. Зависит от того, кто говорит. Вот, например, два человека едут, и один первый заметил этот знак, кирпич, а другой его еще не видит. Первый говорит:

²⁰⁷ Урок 21.

²⁰⁸ Подобный пример разбирает Бенвенист. Возвращая Остина, полагающему, что надписью «Собака» совершают то же действие, что и при помощи высказывания *предупреждаю вас, что на вас собирается напасть собака*, он пишет: «Перед нами <...> результат некоторого смешения различных явлений. „Собака“ как надпись на табличке — это языковой сигнал, но не сообщение, и тем более не перформативное высказывание <...> Любой сигнал — „иконический“ или языковой (плакат, вывеска и т. п.) — выполняет функцию „предупреждения“ <...> но это тем не менее совершенно иное, чем эксплицитное высказывание „Я вас предупреждаю, что...“ <...> Перформативным „предупреждением“ является только формула „Я вас предупреждаю, что...“ (при условии, что она произносится лицом, наделенным соответствующей властью)» (Аналитическая философия и язык. С. 309–310).

Урок 25

«Здесь проезд запрещен». Но ведь это не он запрещает, он просто говорит о том, что уже кто-то запретил. А запрещает тот, кто кирпич повесил. А если он сам, кто запрещает, говорит: «Проезд запрещен» — это пусть и не точно по форме перформативное предложение, но по смыслу — да. Все-таки Дельта прав — важно не как предложение устроено, а гораздо важнее, кто и в какой ситуации его говорит.

Альфа. Да — потому что тут в первом случае, когда просто рассказ, это может быть так, а может быть и нет. Например, я могу ответить: «Нет, это фальшивый кирпич». А если тот, кто может запрещать, говорит, тут уже не возражать.

Бета. Потому что он не рассказывает о чем-то запрете, а сам своим словом и запрещает.

Учитель. Да, мы говорили об этом — это важное отличие перформативной речи и речи, рассказывающей о чем-то. Когда мы говорим о чем-то, описываем положение дел, то можно сказать, верно это или нет. А в случае с перформативной речью — нет.

Лямбда. А как быть с назывательными предложениями? С теми назывательными, которые перформативные, когда мы не просто рассказываем о названии, а называем, даем имя. Раз они перформативные, то, значит, про них нельзя сказать, правильные они или нет. Но, кажется, имя можно дать правильное и неправильное, которое не подходит, или, как сказал Гамма, не приживется. Мы спорили давно о том, может ли быть имя неправильным. Каппа говорил, что это зависит только от того, что все согласны так называть. А Гамма и Дельта говорили, что само имя может быть неправильным. Все, может быть, согласились, и назвал тот, кто имеет право называть, например, хозяин этой вещи. А оно не прижилось — ну, не подходит, как Альфа про своего кота рассказал.

Гамма. Значит, неправильное название. Как фальшивый кирпич повесить.

Бета. Неправильное, но не в том смысле неправильное. Не потому, что мы говорим не так, как есть на самом деле. А потому, что что-то

хотели сделать — и не получилось. Если кирпич повесить, а все не обращают внимания, ездят — значит, запрет не получился. Но не потому, что ты говоришь «запрещено», а на самом деле не запрещено. Просто не получилось.

Каппа. А почему не получилось? Потому что все не согласны с этим именем или с этим запретом. Просто это потом выясняется. В предложениях, которых о чем-то рассказывают, это можно сразу выяснить, правильно или нет. Потому что уже как-то есть то, о чем они рассказывают. Пусть мы даже не знаем. А вот предложения запретительные, назывательные и другие перформативные — они не говорят о том, что уже есть, а что-то хотят сделать, и только потом выясняется, получилось или нет, сделали ли они то, что хотели, или нет²⁰¹.

Звонок

²⁰¹ Поэтому утверждения могут быть истинными или ложными, а перформативные высказывания — *удачными* или *неудачными*. Остин, однако, отмечает, что такое противопоставление оказывается несостоятельным (см. прим. 254). См. след. урок.

Урок 26

Что такое «правильно»? Разные смыслы слова «правильно», Норма, правило, истинность. Слова о правильности имени. Правильное и удачное — связаны между собой или нет? Какие бывают ошибки. Правда, право, правило, справедливость

Учитель. В конце прошлого урока Гамма, Бета и Каппа говорили о том, что наше слово, высказывание не только может быть правильным или неправильным, но еще может *получиться* или *не получиться*.

Бета. Когда запрещаешь, а никто не подчиняется.

Альфа. Или просишь, а никто не согласен.

Дельта. Или пугаешь, а никто не боится.

Гамма. Или назовешь что-то каким-то именем, а оно не прижится.

Учитель. Мы заметили, что те речи, высказывания, которые мы называли перформативными, действующими, мы можем оценивать по тому, получились они или не получились. Можно их назвать *удачными* или *неудачными*. А те, которые говорят о чем-то, что-то утверждают, мы оцениваем по тому, правду они говорят или нет.

Лямбда. Мы их называли правильными или неправильными. Но, по-моему, это не совсем точно. Потому что правильно, без ошибок, можно сказать и то, что будет неправдой. Вот Альфа приводил пример: *сейчас лето*. Я могу сказать: *зимнее лето*. И вы меня поправите, скажете: неправильно ты сказал, надо говорить *сейчас*, а не *зимнее*. А если я говорю правильно, *сейчас лето*, а на самом деле зима, то я не сделал ошибки, но сказал... неправильно, потому что *сейчас* на самом деле зима, а не лето.

Эта. И так неправильно, и так.

Дельта. Но совсем по-разному неправильно.

Каша. Слово *неправильно* здесь разное значит. Оно может значить, что не по правилам, не так, как положено говорить (или писать, вот мы косяк лишнем, делаем ошибки, и нас поправляют — потому что есть определенные правила, как надо говорить и писать). А может это слово означать не так, как *есть*. А правила здесь ни при чем.

Бета. В разных языках ведь разные правила как писать и как говорить. А как *есть* на самом деле, оно для всех одинаково.

Учитель. Такие высказывания, которые утверждают то, что есть, называют истинными.

Лямбда. Это похоже по смыслу на *правильное*, но и отличается. В слове *правильный* мы слышим *правило*. А *истинный* — это как *есть*. Может быть, они родственные, эти слова?

Учитель. *Правильный*, *правила* и *правило* — родственные слова. А слово *истинный* происходит от слова *истинь*, которое означало «тот же самый, подлинный»³⁶².

³⁶² Ср. в словаре Фасмера: *истый*.

GENERAL: *истовый*, др.-русск. *исти* «капитал», укр. *істиній*, *істиний* «истинный, настоящий», ст.-слав. *исти*, *истовъ* «истинный, сущий», болг. *исти* «тот же самый», *исти* «также», сербско-хорв. *істі* «тот же самый», *істі* «точно так же», словен. *isti* «тот же самый», чеш. *jistý* «подлинный, верный, определенный, надежный», др.-польск. *ist*, *isty*.

ORIGIN: Зал.-слав. формы делают преформу **istъ* «сознательной». Это слово сравнивают с лат. *ista*, *istena*, *istane* «настоящий, истинный», герм. *istagewone* — «наз-

Урок 26

Лямбда. То есть тот, который *есть* на самом деле.

Бета. Вот смотрите, например, Лямбда говорит: *сейчас зима*. Вроде сказал правильно, не только без ошибок, но и как на самом деле, все правильно сказал. А все кругом говорят, что зима *неправильная* — тепло, все тает. Неправильная зима, значит, не настоящая, не такая, как должна быть. А не то что на самом деле или нет. Не слово к ней не подходит, а она сама неправильная. Что, получается, не только имена, но и вещи могут быть правильными или нет?

Альфа. Мы говорили про ручку, которая не пишет, что она не ручка, а одно название¹⁰³. Так и про зиму можно сказать — не зима, одно название. Но вообще-то по календарю зима, значит, правильно говорить, что сейчас зима?

Гамма. Когда мы говорим, что имя может быть правильное или неправильное, это может значить, что оно подходит к этой вещи, какая она есть на самом деле. Так ее называет, как она есть на самом деле. Это правильное имя. Как, например, мы про быка говорили — его название *бык* правильное, потому что к нему подходит¹⁰⁴.

Бета. Ты говоришь, Гамма, как на самом деле. А говорят так: по календарю зима, а на самом деле — черт знает что. С тем, как на самом деле, тоже все непонятно. Такую зиму, как сейчас, может быть, и не-

ные др.-греч. племенного союза (Тархт, *Гетт*. 2) возм., сюда же, с др. вокализмом, можно отнести и название *Асми* (Тархт), *Аисти* (Эгггард) см. Буга, РФВ 70, 353 и сл.; Шенфельд 148 и сл.; Мух, DSt. 71; Шрадер-Неринг I, 383. С др. стороны, итп. *йа* могла отделиться от *йа*, так же как от лит. *jų* *йа* «зимний, зимний», *jų* *йа*, *jų* *йа*, *йа* *йа*, *йа* *йа* «зимний», арм. *йа* «в действительности» (М.-Э. I, 835, 838), которые относятся к *йа* (см. *йа*). В последнее время Станг (NTS 13, 347 и сл.) пытался связать слав. *йа* с др.-инд. *йа* «имею во владении», *йа* «владелец, состоятельный», гол. *айн* ср. р. «собственность», *айн* «иметь», д.-в.-п. *айн* «собственный». Исходя из *йа*, ранние предполагали родство *йа* с и. -е. **се* «быть», см. Моль, MSZ 7, 355 и сл.; Мейн, Hb. 390 и сл.; Фортунатов у Когана, ИОРЯС 17, 4, 406; против см. Брандт, РФВ 22, 134; Станг, там же; Бернхер I, 435 и сл.; но гипотеза последнего о *йа* (ср. ил- и *сма*, подобно лит. *сма*, франц. *сма* «существовать») тоже сопряжена с трудностями. Не убеждает и сравнение с лит. *йа*, *йа* «существовать», *йа*, *йа* — то же; см. Малец, Stud. 47 и сл.; Френкель, KZ 61, 261; *Славян* 13, 14; Голуб 99.

¹⁰³ Урок 7.

¹⁰⁴ См. уроки 3, 4, 9.

правильно называть зимой — настоящая зима, когда холодно³⁰². А для Каппы правильное имя — это как принято эту вещь называть. И он бы сказал, что *бмк* — правильное название не потому, что подходит, а потому, что все его так называют. Он говорит, что как угодно можно назвать, необязательно чтобы подходило, лишь бы все согласилось так называть, и будет правильно. А если не согласны все с этим именем, то пусть оно даже подходит, будет неправильно.

Каппа. Значишь, почему? Потому что если ты будешь называть эту вещь подходящим именем, но которое не принято, которое никто не знает, то тебя не поймут. И твое название будет неудачным — как запрет, которого никто не выполняет.

Лямбда. А если все знают, и согласны, но имя — ну никак не подходит, потому что неправильное, то оно может не прижиться. Значит, перестанет быть принятым. Об этом Бета и Гамма говорили на прошлом уроке.

Учитель. Значит, правильное и неправильное и удачное и неудачное связаны между собой? Каппа, ты считаешь, что то, что правильно сказано, то будет удачно, и наоборот — неправильное будет неудачным?

Каппа. С названием, я думаю, да. Потому что я не понимаю, как можно знать, какое имя у вещи на самом деле, если ее никто никак не называет.

Учитель. А с другими высказываниями?

³⁰² Словоупотребления, в котором говорит Бета, сторонники т. наз. теории прототипов связывают с тем, что общие имена в обычной бытовой речи соотносятся не со строго формально-логически определенными категориями, а с категориями, устроенными хрономорфически. См. прим. 53. В таких категориях некоторые члены могут быть выделены как центральные, прототипические (настоящая, правильная зима), другие члены могут входить в категорию на различных основаниях (зима только по календарю, но не по погоде). Дж. Лакофф показывает сложные прототипические эффекты, связанные с концептом *мать*, на примере словоупотреблений такого рода: *Я был усыновлен и не знаю, кто моя настоящая мать; Я не знаю своей биологической матери, но моя настоящая мать — это женщина, которая родила меня и вырастила; Эта женщина родила и вырастила своего ребенка, но никогда не была ему настоящей матерью* (см. Лакофф Дж. Женщины, власть и опасные вещи. М., 2004. С. 107–110).

Урок 26

Каппа. Вот, например, просьба. Она не может быть истинной или нет, потому что она не говорит о том, что на самом деле есть, а только хочет что-то сделать, чтобы было. Но она может быть правильной и удачной или нет. И она не будет удачной, если неправильно скажешь, слова перепутаешь, ошибок наделаешь, не так, как положено, попросишь, грубо, например.

Эта. Каппа, ведь это вообще может зависеть от вещей, которые со словами, с речью никак не связаны. Вот, например, я прошу что-то у папы, а он откажется — не потому, что я ошибся, не так попросил, а потому, что у него сейчас плохое настроение. Потом то же самое попросишь, теми же словами, и он согласится. Тут же нельзя говорить об ошибке, что это неправильная просьба.

Альфа. Почему нельзя? Можно. Ты ошибся в том, что не тогда попросил, когда нужно было, не вовремя.

Бета. Но ведь это не такая ошибка, как в словах ошибаешься. Есть ошибки по отношению к языку — как Лямбда привел пример, когда говоришь неправильно, иншис вместо сейчас. Есть ошибки по отношению к тому, что есть, о чем говоришь. Например, я скажу: два плюс два — восемь. А на самом деле четыре. Значит, я сказал неправильно. Конечно, бывают вещи, где неясно, как на самом деле. Вот как с зимой. И есть еще ошибки по отношению к тому, когда, как, кому говоришь. Тут тоже надо слова выбирать — когда просишь, например. Но не так, чтобы было по языку правильно, а так, чтобы было удачно.

Лямбда. По отношению к языку тоже разные бывают ошибки. Помните, мы говорили про суффикс -енок. И я сказал *собаченок*, а вы меня поправили. Так не говорят, но я считаю, что так правильно, потому что -енок всегда значит детеныш. Такое правило есть. А *щенок* — правильно в Каппином смысле, так все говорят и всем понятно, но неправильно в том смысле, что не по правилам¹⁰⁰.

Бета. Значит, правильность по отношению к языку тоже бывает разная. Есть там правила, которые если нарушишь, будет неправильно. А есть — без всяких правил, просто как принято, так и правильно. По-Каппиному.

¹⁰⁰ См. урок 9, прим. 99.

Лямбда. А *правый*, который справа, и *правый*, который делает правильно, — это одно слово, которое может разное значить, или разные слова, омонимы?

Каша. Разные. По смыслу никакой связи нет, просто звуки одинаковые, как *лук-овощ* и *лук-оружие*. Тот, кто делает правильно, может быть и справа, и слева, это никак не зависит одно от другого. А *правильно*, *правильно* и *правый* — тут есть связь. Хотя и не всегда совпадает — Лямбда привел пример, со щенком, когда можно сказать правильно, но не по правилам.

Учитель. Мы сейчас никакой связи между смыслом слов *правый*, который справа, и *правый*, который делает правильно, не чувствуем — или почти не чувствуем. Но слова эти связаны происхождением — раньше правая сторона считалась хорошей, правильной, а левая — злой, неправильной. И во многих языках правая сторона и правое, правильное слово или дело называются одним словом.

Дельта. Поэтому плюют через левое плечо?

Учитель. Да, наверное, поэтому.

Альфа. Правой рукой пишем правильно, а левой — неправильно¹.

Каша. Ну, это не всегда. Есть левши, у них все наоборот. Это все-таки совсем разные вещи.

Бета. Зато правильный по смыслу связано с *правом*. Как Гамма говорит: кто имеет право называть, или запрещать, или еще что-нибудь, тот и сделает *правильно* — правильное имя даст или правильный запрет установит. А у кого права нет, пусть он ни одной ошибки не сделает, все равно ничего не получится.

Альфа. То, что Каша говорит, про то, что правильно — как принято, это похоже на то, как в игре правила. О них ведь договариваются. И в одну игру можно играть по разным правилам, если договориться².

¹ Каша Малахова, 1-й класс.

² То, о чем говорит Каша, принято называть *языковой компетенцией*.

Урок 26

Эта. Тут опять все по-разному может быть. Не только так, что как договорились, так и правильно. Вот, например, стихи и считалки. Сказать «Эники-Беники или вареники» правильно, а «Эники-Беники или яблочки» неправильно. Но ведь не только потому, что все говорит «вареники», что так положено, принято, все так говорят, а совсем по-другому — потому, что с яблочками нескладно. Есть ведь что-то в самих стихах, почему они такие именно — не только потому, что так принято говорить.

Гамма. Потому и принято «Эники-Беники или вареники», что так складно. А с яблочками — нет. Какие-нибудь глупые правила придумашь для игры, все согласится, а игра не получится.

Учитель. Смотрите, у нас получается, что то, что мы говорим, может быть истинно, то есть соответствовать тому, что есть на самом деле, или нет; может быть правильно, то есть сказано в соответствии с тем, как принято говорить, каким правила в языке, или нет; и может быть удачно или неудачно, то есть получается то, что должно получиться в результате высказывания, или нет. И мы видим, что эти вещи связаны между собой, но связаны как-то сложно — не всегда то, что сказано по правилам, будет удачно, хотя часто неудача связана с тем, что нарушены правила, или у говорящего нет права, или он говорит неправду.

Альфа. Это как-то странно. Ведь человек может говорить правду, а ему никто не поверит. Так бывает, верно? Что же, он не прав, раз такая неудача случилась? Ведь он правду сказал.

Бета. Удача или неудача — это так от многого зависит. Если ты сказал все правильно, а тот, кому сказал, не понял, разве говорящий виноват?

Дельта. Может, и виноват. Не так сказал, непонятно, неубедительно. Мы ведь стараемся объяснить, чтобы понятно было. А может, тот, кто слушает, просто дурак.

Альфа. А если кто говорит — обманщик, а ему поверили? Получается, что исправильно, а получилось удачно. Он может специально стараться. Может быть, он так складно умеет говорить и всем может

запудрил. Это несправедливо — считать, что у кого получилось, тот и прав.

Бета. А с другой стороны, люди иногда говорят неправильно, с ошибками (иностранцы, например), а их все понимают. А иногда, наоборот, все правильно скажешь, и не поймут — по-разному правильно, и речь построишь правильно, и слова выберешь нужные, и ошибок не сделаешь, и тогда, когда надо, все скажешь. Но тебя не поймут или не поверят.

Альфа. Вообще много несправедливого в жизни.

Лямбда. Слово *справедливо* тоже, между прочим, с *правдой* связано. И с *друзилом*. Но не всегда то, что по правилам, справедливо.

Звонок

Урок 27

Риторика. Смысл есть тогда, когда есть ответ на вопрос. Слова разговор с самим собой.

Вопрос и ответ в каждом предложении — и даже в каждом слове. Части слова и смысл слова — слова и смысл предложения

Учитель. Мы говорили о том, что наши слова, высказывания могут быть правильными или нет — по отношению к правилам языка или к тому, как принято говорить; истинными или нет — по отношению к тому, о чем мы говорим; и удачными или нет — по отношению к тому, получилось ли у нас то, что мы хотели сделать своим высказыванием. Эти вещи между собой связаны — чтобы тебя поняли, надо говорить правильно. Но связаны они очень сложно, и не всегда правильное высказывание оказывается удачным. Есть такая специальная наука, которая изучает речь именно с этой точки зрения — как говорить так, чтобы быть понятным и убедительным. Тут нужно учитывать не только правила языка и то, о чем ты говоришь, но и то, зачем и кому ты говоришь. Эта наука называется риторикой, или наукой о красноречии. Как вы думаете, от чего зависит, будет ли то, что мы говорим, понятным, убедительным, — удачным, как мы это назвали на прошлом уроке?

Альфа. От того, что говорится, но не только. Надо правильно сказать, и надо, чтобы тебе поверили.

Дельта. Зависит еще от того, кто говорит. Некоторым веришь, а другой то же самое скажет — и не поверишь. Или тебе что-нибудь советуют — одного слушаешь, другого нет, даже если совет тот же самый. А иногда зависит от времени. Вот Эта на прошлом уроке привел пример, что попросишь что-нибудь, когда папа в плохом настроении, и ничего не выйдет, потом попросишь то же самое и теми же словами — и получишь. От настроения зависит.

Бета. От всего сразу зависит¹⁰². И от того, правду или нет говоришь, не так уж сильно. Мы же говорили, что могут и обманщика поверить, а тому, кто прав — не поверить.

Альфа. Значит, кто прав, должен учиться этой самой риторике, а то обманщик будет всегда побеждать.

Гамма. Вредная наука. Если ей может каждый выучиться, то обманщик научится и будет всегда обманывать.

Учитель. Ну, так бывает со всякой наукой, вообще со всем, что мы умеем¹⁰³.

¹⁰² Ср. у Аристотеля в «Риторике»: «Что касается способов убеждения, доставляемых речью, то их три вида: один из них находится в зависимости от характера говорящего, другое — от того или другого настроения слушателя, третий — от самой речи» (1356a).

¹⁰³ Ср.: Гораций. «Похвала Елене»: «(13) Что убеждение, использовав слово, может на душу нашу печать наложить, какую ему будет угодно, — это можно узнать прежде всего из учения тех, кто учит о небе: она, мнимым многие сменив, одно уничтожив, другое придумав, все неясное и неподтвержденное в глазах общего мнения заставляют своим явиться; затем — из неизбежных споров в судебных делах, где одна речь, искусно написанная, но по правде сказанная, может, очаровавши толпу, заставить послушаться, а в-третьих — из прений философов, где открываются и мысли быстрые, и языка острота: как быстро они заставляют менять доверие к мнению! (14) Одинаковую роль имеют и сила слова для состояния души, и состав лекарств для ощущения тела. Подобно тому как из лекарств разные разные уводят соки из тела и одни прекращают болезни, другие же жизнь, — так же и речи: одни огорчают, те восхищают, эти путают, ними же, кто слушает их, они хрибрость внушают. Бывает, недобрым своим убеждением душу они очаровывают и заколдовывают...» Ср. у Аристотеля в «Риторике»: «Если же кто-либо скажет, что человек, несправедливо пользующийся подобной способностью слова, может

Урок 27

Каппа. Эта риторика, получается, наука не о словах, а о людях — какое у них настроение, как можно влиять на них, кто чему поверит. К словам-то это мало относится²⁷⁶.

Бета. Ты сам, Каппа, говорил, что мы говорим что-то, о чем-то. Значит, как говорим, должно соответствовать вещам и названному быть убедительным. Не только к словам, к вещам должно относиться, о которых слова. Убедительной должна быть та речь, которая правильная. А что не всегда поверит, это бывает, конечно, — мало ли почему.

Дельта. Ведь для одного убедительно одно, для другого — другое. Один поверит, другой тем же словам не поверит. На каждый случай не придумаешь правила.

Альфа. Но есть ведь и общее. Как Бета говорит — убедительное, потому что правильно о вещах говорит, и правильно говорим. А не так, что для одного убедительно, а для другого нет²⁷⁷.

Дельта. А вот те речи, о которых мы говорили, перформативные — они ведь не о чем-то? Главное в них, что они что-то делают, а не о чем-

сделать много вреда, то это замечание можно [до некоторой степени] одинаково отнести ко всем благам, исключая добродетели, и преимущественно к тем, которые наиболее полезны, как например, к силе, здоровью, богатству, возмачливости: человек, пользуясь этими благами, как следует, может привести много пользы, несправедливо же [пользуясь ими], может сделать очень много вреда» (Аристотель, 1355b).

²⁷⁶ Ср. в «Риторике»: «Доказательство находится в зависимости от самих слушателей, когда последние приходят в возбуждение под влиянием речи, потому что мы принимаем различные решения под влиянием удовольствия и неудовольствия, любви или ненависти. Этим-то способом убеждения, повторяем, исключительно касаются нынешние теоретики словесного искусства. <...> Так как убедить можно такими путями, то, очевидно, или может пользоваться только человек, способный к умозаключениям и к исследованиям характера, добродетелей и страстей — что такое каждая из страстей, какова она по своей природе и вследствие чего и каким образом проявляется, — так что риторика оказывается как бы отраслью диалектики и той науки о правах, которую справедливо назвать политикой» (1356a15).

²⁷⁷ «Риторика не рассматривает того, что является правдоподобным для отдельного лица... но имеет в виду то, что убедительно для всех людей, каковы они есть» (1356b30).

то рассказывают. И тут не может быть общих правил, потому что то, о чем ты говоришь, есть, а если ты просишь или обещаешь, то это всегда по-разному будет.

Альфа. Почему? Тут тоже есть общие правила. Например, мы говорили, что когда человек называет или запрещает что-то, то у него должно быть право запрещать или называть, а не просто кто попало может. Это ведь *общее* правило.

Каппа. Мы говорили, что это должно быть признано. Например, тот, кто не знает, что этот человек имеет такое право, не примет того, что он говорит, и будет неудача.

Учитель. Помните, Дельта говорит, что тот, кто слушает эту речь, должен быть *готов* ее услышать. Иначе будет неудача. Это тоже, кажется, *общее* правило.

Дельта. Да, и я считаю, что оно относится не только к перформативным речам.

Бета. Дельта вообще считает, что смысл у того, кто слышит и понимает, а не у того, кто говорит.

Лямбда. Вопрос должен быть у того, кто слушает, говорил Дельта. Иначе ни к чему говорить, если тому, кто слушает, не нужно это, он и не поймет. Дельта говорит, что каждое предложение одновременно и вопросительное, и ответительное²⁷. В каждой речи как будто вопрос, на который она отвечает. Как будто ответительное предложение его помнит. Если нет вопроса, то и говорить нет смысла, значит, никому это не нужно, неинтересно, никто не услышит.

Бета. И ответительное предложение как бы помнит вопрос.

Эта. Получается, что даже когда один человек говорит, то он сам и спрашивает, и отвечает. Как бы сам себе говорит.

Альфа. Непонятно это. Если человек сам себя спрашивает, то если он знает, зачем же ему спрашивать? А если не знает, то что он

²⁷ Урок 21. Дельта тогда сказал, что каждое предложение — одновременно вопросительное и побудительное (побуждающее к ответу), но вариант Лямбды не противоречит его подходу.

Урок 27

может ответить? Спросить можно другого, кто знает то, что ты не знаешь.

Гамма. Когда думаешь, так всегда и бывает. И знаешь и не знаешь одновременно. Как будто ты сам себе другой.

Бета. И когда вспоминаешь, что забыл, тоже одновременно и знаешь, и не знаешь¹⁷³.

Лямбда. А я знаете что подумал? Что это можно даже услышать в устройстве предложения. Вопрос, который оно, предложение, как бы помнит. Вот кто-то приводил пример, такое предложение: «Трамвай идет»¹⁷⁴. Если мы скажем, стоя на остановке, просто «Идет» — то вопрос мы пропустим, потому что всем и так ясно, о чем говорится. Но он есть, этот вопрос, потому что все ждут трамвай. А если полное предложение сказать: «Трамвай идет», то *трамвай* — это вопрос, а *идет* — ответ.

Альфа. Как это — *трамвай* — вопрос?

Каппа. Трамвай — это просто слово. Это не предложение, значит, и не вопрос.

Лямбда. Ну, вообще-то это просто слово. Но когда ты стоишь на остановке и говоришь: «трамвай», то тут ты не просто называешь трамвай. Это как бы сокращенное «Где же трамвай?». А ответ — *идет*.

Эта. В этом предложении, «Трамвай идет», одно слово (трамвай) как будто молчит, а другое (идет) о нем говорит.

¹⁷³ См. урок 7. Сократ в «Тенете» так говорит о мышлении: «Я называю так рассуждение (*lógon*), которое душа ведет сама с собою о том, что она наблюдает. «...» Я воображаю, что, мысля, она делает не что иное, как рассуждает, сама себя спрашивая и отвечая, утверждая и отрицая. Когда же она, медленное или живое узнав что-то, определяет это и более не колеблется, — тогда мы считаем это ее мнением. Так что, по мне, иметь мнение — значит рассуждать, а мнение — это словесное выражение, но без участия голоса и обращенное не к кому-то другому, а к самому себе, молча». (189c—190a). См. аналогичные определения мышления: «Софист» 264a; «Филеб» 18c; «Тимей» 37b.

¹⁷⁴ Бета; урок 18.

Дельта. Не молчит, а спрашивает. Как Лямбда сказал. Слово не может молчать¹⁷⁹.

Гамма. А если говоришь просто «идет», то это слово, трамвай, неслышно спрашивает.

Бета. Как бы сам себя спрашиваешь и сам себе отвечаешь.

Гамма. Так можно и каждое слово понять.

Эта. Как это? Ведь слово одно, как в нем может быть и вопрос, и ответ?

Гамма. Одно, но в нем сразу есть разное. Оно, слово, соединяет все. В нем спрятан вопрос и ответ.

Учитель. Поясни, Гамма. Как это?

Лямбда. А я, кажется, понял, что имеет в виду Гамма. Ведь слово одно, но оно соединяет разные части. Помните, мы говорили, что в словах есть отдельные части, которые тоже что-то значат, не только целое слово?¹⁷⁹ Производное слово, я имею в виду. То есть каждое слово как будто как целое предложение, как Гамма говорит. Вот, например, *котенок* — тут две части: корень *ком-* и суффикс *-енок*. *Ком-* это как будто вопрос, какой он, кот. А *-енок* — ответ, что он маленький, еще детеныш. Или, например, глагол какой-нибудь *взять*. Например, *чинили*. *Чин-* это корень. В нем название действия и как бы вопрос, кто и когда это действие делал. А *конц -ли* — это ответ, что, во-первых, это раньше было, в прошлом. Если бы *сейчас*, мы бы сказали *читаем*. А во-вторых, что несколько человек читали, потому что если бы один, то мы бы сказали без *-и*, просто — *чинил*. В каждом слове, если посмотреть внимательно, можно увидеть целое предложение.

Альфа. Например, слово *Учитель*. Тут действие — *уч-*, это одна часть слова, корень, как в слове *учим*, и *-итель*, вторая часть, суффикс,

¹⁷⁹ Старт помогал, что в каждом предложении есть вопрос (подлежащее) и ответ (сказуемое). См. прим. 216.

¹⁷⁹ Уроки 12–13.

Урок 27

кто учит. Как в слове писа-тель, кто пишет. Слово устроено сложно, из разных частей, и они как бы образуют предложения¹⁷⁷.

Учитель. Каждое ли слово так устроено?

Каша. Нет, не каждое, не все слова, только производные.

Ламбда. Да, не все. В непронизводимых словах этого нет.

Гамма. В непронизводимых словах то же самое, только спрятано.

Альфа. Так спрятано, что и не поймешь. А говорим, чтобы было понятно. Для этого надо сказать много слов. Вот в предложении все понятно, потому что несколько слов.

Дельта. Помните, мы разбирали слово чайник?¹⁷⁸ И выяснили, что не так уж просто понять его из его частей.

Ламбда. Да, потому что части многозначные.

Бета. Ну, то же самое ведь и в предложениях. Слова многозначные, поэтому и предложение не всегда поймешь из отдельных слов. Оно целиком понятно, а уже из него понятны слова¹⁷⁹. И отдельное слово так же. Сами по себе части слов многозначные, а из слова понятно, что именно они означают. Например, суффикс -ник что-то значит, но в разных словах разное: в слове будильник — одно, в слове бумажник — другое, в слове дымок — третье. Мы еще кучу примеров приводили, помните? Только из целого слова понятно, что он значит в этом слове. И так же в предложениях.

Каша. Но в слове непонятно, что — вопрос, а что — ответ. Можно понять так: для чего будильник? — чтобы будить. А можно так: чем мы будим? — будильником.

¹⁷⁷ См. урок 12, прим. 141. Нашим ученикам пока недоступен грамотный разбор слова по составу (Ламбда не выделяет в слове читали глагольный суффикс -а-, не замечает, что в «кошке» -ли две морфемы, одна со значением прошедшего времени, другая — множественного числа; Альфа принимает за корень слова глагольную основу).

¹⁷⁸ Урок 12.

¹⁷⁹ См. урок 1, прим. 15, урок 12.

Бета. Да, непонятно. Так ведь и в предложениях тоже непонятно. Например, мы разбирали предложение *Это моя книга*. Тут совсем разный смысл, в зависимости от того, на какой вопрос оно отвечает, или ни на какой, просто рассказывает. Эта заметил, что и говориться будет по-разному, с разным ударением, а на письме одно и то же предложение. Или такое предложение: *Вышел зайчик погулять*. Можно понять так: кто вышел погулять? — зайчик. А можно так: где зайчик? — вышел погулять. Дельта об этом говорил, помните?¹⁰⁰ Если для нас главное — смысл, то мы будем считать это разными предложениями. А если главное — из каких слов составлено, то одним и тем же.

Учитель. А скажи, пожалуйста, Бета, со словами такая же ситуация или нет? Вот помните, мы говорили о том, что бывают слова, которые звучат одинаково (и могут писаться тоже одинаково), а значат совсем разное¹⁰¹.

Бета. Тогда, кажется, понятно было — если совсем разные значения, никакой связи между ними нет, то это разные слова. А если есть связь, то одно слово, но с разными значениями.

Альфа. А в предложениях всегда связь есть. Они всегда об одном и том же, но как бы на разное обращают внимание. Это и делается ударением. У них смысл разный, но они связаны между собой.

Звонок

¹⁰⁰ См. урок 20, прим. 216.

¹⁰¹ Урок 12.

Урок 18

В слове (производном) свернуто целое предложение.

Каждое предложение – сокращенный разговор.

Каждое слово – сокращенное предложение. Как

значат (отвечают на вопросы) корни, суффиксы

и приставки. Блюмчал и блюмчул. Можно ли

придумать новый суффикс? Приставки-омовины

Учитель. Мы говорили на прошлом уроке о риторике — науке о том, как говорить, чтобы речь была понятной и убедительной. Лямбда сказал (а Дельта нам все время об этом говорит), что у слушающего нашу речь должен быть вопрос к тому, кто говорит, ему должно быть важно то, о чем говорится, иначе эта речь не будет иметь смысла для него и, значит, не будет понята, не будет удачной. Мы так говорили о перформативных речах, но мы заметили, что другие высказывания тоже можно в каком-то смысле называть удачными или неудачными. И еще мы заметили, что вопрос и ответ можно увидеть даже в одном предложении — не только тогда, когда один человек говорит, а другой ему отвечает, но каждое предложение, даже которое человек сам себе говорит, когда думает, как бы содержит вопрос и ответ.

Дельта. Да, иначе оно было бы бессмысленное.

Учитель. Верно. А Гамма и Лямбда нам пытались показать, что не только в предложении, но и в отдельном слове мы можем увидеть спрятанные в нем, соединенные вопрос и ответ.

Альфа. Дельта говорит, что вопрос и ответ всегда соединены вместе. Но ведь это не так. Вот мы разговариваем, и один спрашивает, а другой отвечает. Они говорят разные предложения — одно вопросительное, а другое — ответительное.

Дельта. Но кто отвечает, он в своем ответе как бы повторяет этот вопрос. Мы сказали, что ответное предложение помнит вопрос. Они там соединены — в предложении. Если просто предложение взять, то неясно, а в конкретной ситуации ясно, что вопрос, а что ответ. Вот помнишь, мы про зайчика говорили? Одно и то же предложение может быть ответом на разные вопросы¹⁰¹.

Эта. Да, кто отвечает, он должен помнить вопрос. Значит, в его ответе вопрос как бы спрятан. А кто спросил, он ждет ответа — правильно Дельта говорит. И то, что один человек сам себе говорит — Альфа об этом спрашивал... Ведь когда говоришь, себя слышишь. А когда слушаешь другого, всегда как бы сам с ним вместе говоришь. Чтобы понять.

Лямбда. Смотрите, получается, что каждое предложение — как сокращенный разговор, вопрос — ответ. Например, *Вышел зайчик погулять* — это сокращенный диалог: *Где зайчик?* — *Вышел погулять*. Можно свернуть, спрятать, как Гамма сказал, все в одном предложении. Теперь можно все еще больше свернуть и спрятать, не в предложении, в одном слове. Например, тот же зайчик. Это маленький зайц, а тоже можно как бы развернуть в диалог: *какой зайц?* — *маленький*.

Эта. Но в слове зайчик нет, что он пошел погулять. Нужен глагол. Мы об этом много спорили, помните?¹⁰² Чтобы был смысл, нужен глагол. Он, правда, может быть спрятан, как Гамма говорит.

¹⁰¹ Урок 20, прим. 216.

¹⁰² Урок 10.

Урок 28

Бета. Он во многих существительных спрятан, глагол! Мы много таких примеров приводили. Например, *писать, варить, учить*. Таких слов очень много. Гамма вообще считает, что все слова от глаголов (а все вещи от действий). В вещах как будто действия спрятаны, а в словах-существительных спрятаны глаголы.

Гамма. Да, вещь — отпечаток действия. И слово, которое ее, эту вещь, называет, — тоже ¹⁰⁴.

Лямбда. Знаете, они там спрятаны по-разному. Гамма говорит, что во всех словах действия спрятаны. Но есть слова, в которых они глубоко спрятаны — сразу не услышишь. А есть другие слова, там сразу видно. Они существительные, но там спрятано действие, потому что в них отдельные значащие части. Вот, например, такое слово: *покупатель*. Тут не только существительное, но и глагол как бы есть. Это слово как целый рассказ. По-куп-а-тель. Тут все части этого слова рассказывает нам, что кто-то покупает что-то; *-тель* — это тот, кто покупает, как в словах *учитель, водитель, родимель*; *покуп-* — это действие, *покупать*; тоже там две части — *по-* и *куп-*, корень, как в слове *купить*. Даже такая маленькая часть, *-а-*, суффикс, тоже что-то значит — она говорит о том, что он не один раз покупает, а все время покупает, иначе было бы *покупитель*. Купил и ушел. А покупатель покупает и покупает¹.

Учитель. Помните, как называются такие слова, в которых есть значащие части?

Альфа. Производные слова.

Бета. Например, слово *учитель*. Также производное. Тут тоже есть часть, которая называет действие, и часть *-тель*, которая называет того, кто это действие делает, учит.

Эта. Или *водитель* — то же самое.

Гамма. Еще *родимель* — кто родил.

¹⁰⁴ Ср.: «Существительное — это осадок действий» — Ролан Батай. Бог заставляет нас говорить, С. 42.

¹ Книга Калашенко, 3-й класс.

Каппа. Сирон-мель — кто строит.

Альфа. Вы приводите слова одинаковые, то есть по смыслу похожие и по устройству одинаковые — они все называют того, кто что-то делает, и у всех две части. Ясно, что там будет как бы рассказ — кто делает и что делает. Но ведь не все слова такие.

Бета. Не только ведь такие слова производные, которые называют того, кто что-то делает. Я могу другой пример привести. Вот, например, глагол *рассветает*. Тут части *рас-*, *свет-* и *-ает*. И хотя тут никого нет, кто делает что-то, но тоже как бы рассказ. И каждая часть что-то значит.

Альфа. Это не просто слово, это предложение. Маленькое, из одного слова, но целое предложение. А *учишь* — нет. Если это и предложение, то какое-то испрошенное. Свернутое, как кто-то говорил. Настоящее будет, если оно отвечает на вопрос.

Учитель. Вспомним наше слово *блуждаю*. Лямбда сказал, в самом начале, что это что-то маленькое, потому что здесь такой конец, суффикс *-ю*. И потом мы заметили, что можно в слове — производном слове — увидеть отдельные значащие части, у каждой есть, как сказал Лямбда, своя смыслинка, каждая что-то значит¹²⁷. Бета разбирая слово *маснуает*, показывал нам, какая часть что значит в этом слове. И вы приводили многие слова, в которых есть значащие части. А вот Гамма придумал глагол *блуждаю* — это то, что делает блуждаю. Этот придуманный глагол — производное слово или нет?

Альфа. Как же мы можем знать, если это слово придуманное?

Учитель. Скажите, *блуждал* и *блужду* — это о разных действиях или об одном и том же?

Альфа. Кажется, одно и то же действие.

Бета. Действие-то вроде одно и то же. Но *блужду* — значит, один раз блужнул, и все. А *блуждал* — значит, долго блуждал. Блуждал и блуждал.

¹²⁷ См. уроки 12–13.

Урок 28

Гамма. Не обязательно долго. Может быть, поблкомчал немного и перестал. Но все-таки какое-то время блкомчал. А блкомкнул — не то что недолго, а вообще без времени.

Эта. Да, блкомкнул и все. Как глотнул, звякнул.

Учитель. Всем так кажется, верно? А почему? Мы ведь придумали это слово и не знаем, что оно значит, какое действие называет.

Лямбда. Мы корень только придумали. А вот это -ну, суффикс — мы его не придумали. Он есть в других словах, в глаголах, и значит именно это — что один раз что-то сделалось, мгновенно. Как в словах *члкнул, глотнул, прыгнул, лякнул*¹⁰⁰. Куадра эта, о которой рассказ из придуманных слов, она *будлкнула* бокра. То есть один раз будлакнула. Как блкомкнула. Потому что суффикс -ну. А кудрячит — как блкомчит. Может быть, долго кудрячит.

Эта. Не только суффикс ну- это значит, но сам такой, этот суффикс. Вот скажите: *глотнуул*. Вы глотнете, выговаривая это -ну. Быстрое, резкое движение в горле делается, когда мы выговариваем его. А глотал — совсем не так выговаривается.

Каппа. А вот *тянуул* — совсем не это значит, что тигнул один раз, и все. Как раз наоборот, значит, тянул, тянул, тянул, долго тянул. Эта бы сказал, что и выговаривается так — тянется: *тянуууул*. Хотя суффикс-то тот же самый.

Бета. Да. Но слов, где -ну- значит то, что в *блкомкнул*, вроде больше. Крикнул, махнул, мигнул.

Альфа. Лизнул, стукнул, свистнул.

¹⁰⁰ Если глагол описывает какое-то событие, то он может иметь или же не иметь в разных языках специальные грамматические средства для выражения видовой особенности этого события (завершенность или незавершенность, повторность или однократность, длительность или отсутствия длительности и т. п.). Глагольный суффикс -ну- означает такой признак, как *событие-точка*, однократное событие с нулевой длительностью.

К. И. Чуковский в «От двух до пяти», говоря о языковой чуткости детей, приводит многочисленные примеры детских неологизмов, свидетельствующих о том, что они улавливают значение морф, в частности и глагольных суффиксов, напр. «*пыхнул* один разок» (от *пых*), «*плакнул*» (от *плакать*).

Бета. Помните, мы говорили о том, можно ли считать, что корень — главная часть в слове? Лямбда возражал, он сказал, что у каждой части есть своя смыслинка, и нельзя говорить, что одна часть главная. Но корень все-таки как-то выделяется, он особенная часть, не такая, как другие. Мы пытались сказать, почему. Гамма говорил, что из него все растет, все слова получаются. Я сказал, что в корне главный смысл. Дельта говорил, что корень может сам по себе быть словом, а другие части — нет. Мы еще пытались одними корнями говорить¹⁰⁷. Я теперь заметил, что еще одна разница есть, между корнем и другими частями, хотя у них тоже есть смыслинка. Мы слова придумываем. Вот *блэмбик*, например. У Хлебникова в стихах много придуманных слов — *смахачи*, *смажано*, *временей*, *сварытели*. И вот нам учитель рассказывал про куздру — целый рассказ из придуманных слов, ученый Щерба их придумал. А я сейчас заметил, что придумываются *только* корни. Все суффиксы и приставки не придуманные, обычные. Или и корни обычные, и суффиксы, они соединяются в новом слове — как *смахачи*. Или корни новые, придуманные, как *блэмбик* или *слокая куздра*. Но суффиксы, концы слов — всегда обычные. Никто не придумывает новых суффиксов. Вот еще чем корень отличается от других частей. Его можно придумать. А другие части — вроде нельзя.

Каппа. Надо попробовать. Придумать новый суффикс. Кажется, это труднее, чем новый корень.

Лямбда. А я еще одну вещь заметил. Из этих значащих частей мы все примеры приводим с суффиксами. Может быть, они какие-то особенно значащие?

Учитель. Почему, Лямбда? Разве приставки менее значащие? Мы просто не приводили такие примеры. Вот послушайте глаголы, которые отличаются только приставками: *ходить*, *уходить*, *заходить*, *приходить*...

Альфа. *Выходить, отходить.*

Эта. *Находить, подходить.*

¹⁰⁷ Урок 13.

Урок 28

Бета. *Входить, сходить, переходить.*

Учитель. А попробуйте вспомнить такие слова, у которых приставка одинаковая, а корни разные, и чтобы у них смысл был близкий.

Эта. *Приходить, приезжать, прибегать, приносить.*

Лямбда. Да, тут похожий смысл — от приставки.

Капа. Можно, как Бета сказал, эти приставки приставлять к придуманным корням. Блкомчить, переблкомчить, поблкомкивать, заблкомкать, отблкомчить. Тут и корни и приставки значат.

Учитель. Лямбда сказал, что слово можно услышать как целое предложение или даже диалог, что в нем могут быть спрятаны вопросы и ответы.

Дельта. Вот эти приставки и корни — они-то и отвечают, какое действие. А вот корни, они значат, но не отвечают на вопросы, только называют действие, и все. Если мы скажем *поблкомкиваем*, или *переблкомкнул*, то уже будет как бы рассказ.

Лямбда. Почему? *Блкомчим* тоже не просто называет действие. И там можно услышать вопросы и ответы. Отвечает, кто делает — кто-то один. А если много блкомбиков — то они *блкомчат*.

Учитель. Правильно, в слове *блкомчим* конец слова говорит о том, что действие делает кто-то один. И еще кое-что говорится о том, кто делает, — это не тот, кто говорит (иначе было бы *блкомчу*), и не тот, кому говорят (было бы *блкомчимся*), а кто-то третий. Ясно еще и когда делает — сейчас (иначе было бы *блкомчил*). Мы говорили о том, как изменяются глаголы, помните?¹⁰⁰

Альфа. Да, как раз этими концами они изменяются, по числам, по временам.

Капа. Если услышать, как Лямбда говорит, в одном глаголе диалог, вопрос и ответ, то в слове *блкомчим* вопросы и ответы не о самом действии, а о том, кто его делает, когда. А какое действие — тут нет

¹⁰⁰ Урок 16.

таких вопросов. Про само действие, какое оно — длинное или короткое, повторяется или нет. Тут уже нужны приставки и суффиксы, как в наших словах *поблизкивал, близкивал, заблизкивал...*

Лямбда. Приставка одна и та же может тоже разное значить. Вот, например, приставка *за-*. *Заблизкивал*, как ты думаешь, что за действие?

Каппа. Которое только начинается. *Заблизкивал* — значит начал близкивать. Как закричал — начал кричать, зацвел — начал цвести.

Гамма. А вот *завсел* — за что-то, как *завесил*. Тут приставка *за-* совсем другое значит.

Дельта. Это от слова зависит. В одном слове одно значит, в другом — другое. Как слова-омонимы — в разных предложениях они разное значат, так и приставки в разных словах значат разное.

Бета. Иногда и в одном слове может приставка разное значить. Вот, например, *завсел* — начал петь. А можно сказать: *завсел метя до смерти*. Тут приставка *-за-* другое будет значить. И *зачитывал* тоже.

Альфа. И *заблизкивал*.

Каппа. Это уже разные будут слова. Омонимы. И в них приставки-омонимы.

Эта. Другие приставки тоже. Вот, например, *пере-*. *Переходимы* — через что-то, как *перепрыгнуть, перелететь*. А вот *перезучить* значит кто-то усел что-то одно, его научили другому.

Альфа. Или еще — слишком много учиться.

Бета. Так что мы не знаем, что значит *заблизкивать*. Может и то, и то значить. Как с чайником¹⁰⁷.

Звонок

¹⁰⁷ Ср. урок 12, об омонимичности суффиксов.

Урок 29

Из чего состоят непронизводимые слова? Слова
о самой маленькой части речи. Слова — значат
ли звуки? И если нет, то как из них получаются
значащие слова? Самый маленький осмысленный
кусочек речи — словесное существо. Как мы делим
слова на звуки

Учитель. Лямбда на прошлом уроке сказал, что каждое слово — как рассказ в нем, в разных его частях, спрятан целый рассказ, и вопрос и ответ тоже спрятаны. Мы много слов приводили и увидели, как разные части слова — не только корни, но и приставки, и суффиксы, и концы слов — имеют самостоятельное значение и в целом слове как бы отвечают друг другу. Мы занимались словами производными, в которых мы можем выделить несколько значащих частей. А как вы думаете, в непронизводимом слове можно услышать сложное устройство?

Лямбда. Наверное, нет. Потому что в непронизводимых словах нет частей.

Эта. Как это нет частей? Слова из звуков состоят, и непронизводимые тоже. Мы говорили на самом первом уроке — слово членораздельное, оно состоит из особых человеческих звуков.

Альфа. Но ведь звуки ничего не значат, не рассказывают нам ни о чем. В производных словах части что-то значат. А звуки сами по себе — нет.

Лямбда. Да, я должен был сказать, что в непроизводном слове нет значащих частей. А звуки-то есть, в каждом слове, но они если и значат, то все-таки не так.

Бета. Ты, Альфа, раньше говорил, что и части слов ничего не значат. Передумал?

Альфа. Я не совсем так говорил. Я говорил, что части — это не слова. Они что-то вроде значат, но не так, как значат слова. Ну, они намекают на какое-то значение, но чтобы понять, на какое, надо знать все слово. Вот мы говорили про часть *-ник*, в слове *чайник*. Вроде она что-то значит, но что именно, — только тогда понятно, когда все слово знаешь. И на прошлом уроке мы говорили про приставку *из-*. Она может разное значить. Они не так значат, как слово. Они несамостоятельные, сами по себе не говорят, только в словах²⁰⁰. Но вроде значат что-то, ну, как бы намекают на какой-то смысл²⁰¹. А звуки — не значат. Хотя мы когда об этом говорили, то спорили.

Учитель. Мы долго спорили об этом, и некоторые из вас считают, что и отдельные звуки значат что-то, а некоторые не соглашались²⁰². И вот я хочу спросить тех, кто не согласен, кто считает, что отдельные звуки сами по себе ничего не значат: как так получается, что из того, что ничего не значит, составляется слово, которое значит? Мы можем о производных словах сказать, что оно значит потому, что со-

²⁰⁰ См. урок 9.

²⁰¹ Ср. у Аристотеля (Об истолковании): имя есть такое сочетание звуков, «ни одна часть которого отдельно от другого ничего не означает». В самом деле, в слове *„Kalippos“* *hippos* само по себе ничего не значит, не так, как в речи *kallos hippos* („красивая лошадь“). Однако в составных именах дело обстоит не так, как в простых, ибо в последних ни одна часть не значима, а в первых вместе все же [25] намек на значение, хотя в отдельности [каждая часть] ничего не означает; так, например, в *ερατοκριτες* („судьи морских разбойников“) *kalos* само по себе ничего не означает» (16a20). Здесь речь идет о значении корней в составных именах; можно сказать, как наш Альфа, что намек на значение содержат и морфемы в производных словах.

²⁰² Уроки 3–4.

Урок 29

ставлено из значащих частей, как мы говорили о словах учителя, покупателя и т. п. Но производные слова, которые состоят из значащих звуков, — как получается, что они значат?

Эта. Да и сами эти части, в производных словах — они ведь тоже из звуков состоят. И если они что-то значат, то тоже непонятно, как они значат, если состоят из незначащих звуков.

Бета. Что самое маленькое в речи, что имеет смысл? Дельта говорит, что только целый разговор, вопросы и ответы вместе, имеет смысл. Но и одно предложение в этом разговоре — тоже осмысленное.

Дельта. Потому что оно в целом разговоре. Само по себе непонятно. Смысл маленький получается только внутри целого большого смысла¹.

Бета. А Лямбда на прошлом уроке показал, что в одном предложении может быть целый разговор, вопрос и ответ, как бы свернут. И можно еще дальше пойти, и в одном слове — производном — увидеть свернутое предложение. Как, например, в слове *учимель*, или *лабчик* — мы такие примеры приводили. И части слов что-то значат. А вот что же самое маленькое, что значит? В чем уже все будет словесное?²

Альфа. Слово самое маленькое словесное. Части слов, я уже сказал, что-то значат, но не сами по себе. А слово значит само по себе, даже без предложения. Звуки, по-моему, не значат.

Каша. Мы долго спорили о том, значат ли звуки или нет. Но если они и значат, то не так, как слова.

¹ Каша, 1-й класс.

² Ср. у Р. Якобсона: «Необходимо выделить минимальную, неделимую звуковую единицу, неделимую значением, или, если так можно выразиться, найти языковой квант» (Якобсон Р. Звук и значение // Избранные работы. М., 1983. С. 31–32). Минимальную единицу языка в речи по-разному выделяли разные теоретики: некто, как наш Альфа, считает такой единицей слово. См. прим. 29. Якобсон в качестве такой минимальной единицы речи выделяет фонему (а в качестве элементов — значимые признаки фонемы); см. прим. 310, 316. Л. С. Выготский в качестве единицы речи и мышления (осмысленной речи и речевого мышления) выделяет *мелочные слова*. См. продолжение этой темы на сл. уроке и уроке 37.

Учитель. Так вот как же получается, что звуки не значат, а состоящее из них слово — значит?

Эта. Ведь оно значит, потому что из этих звуков состоит слово. Слова мы по звукам узнаем. Один звук поменять, и уже другое слово будет. Например, *ворона* — *корона*. Здесь только один звук отличается, и совсем другое слово²⁰⁴.

Лямбда. И, например, *дрова* — *трава*. Тоже одним звуком различаются.

Гамма. Мы приводили примеры слов, глаголов, которые различаются одним звуком — *быть, лить, рыть, жить*²⁰⁵. Они различаются одним звуком. Но этот звук не просто так, он подходит по смыслу к этим словам. Нельзя сказать, что он ничего не значит.

Бета. В этих словах он вроде значит. Но вообще в словах — не всегда.

Дельта. Ты сам говорил, что *быть* звучит более быюще, чем *лить*.

Бета. Да, мне так кажется, что в этих глаголах не случайно такие звуки, и я согласен с Гаммой, что они, эти звуки, что-то значат. Но вот в тех словах, что привел Эта — *ворона* и *корона*, — кажется, что эти звуки — *в* и *к* — не значат сами по себе, не связаны со смыслом этих слов. Об этом Каппа говорил, что надо вообще объяснить, про все слова, а не только про такие, в которых звуки подходящие. Ведь там, где мы не видим связи звука со смыслом, тоже важно, что такие именно звуки. Их меняешь — и уже другое слово. Как *ворона* — *корона* или *дрова* — *трава*.

Гамма. *Дрова* и *трава* — тоже звуки подходят. Д более твердо звучит, чем т. И *дрова* тверже.

Каппа. А *в* в слове *ворона*? Тоже считаешь, что этот звук подходит?

Эта. К *вороне* *р* подходит, потому что она каркает.

²⁰⁴ Эта близок к идее о смысловоразличительной функции звука (фонемы). См. урок 11–12.

²⁰⁵ Урок 4.

Урок 29

Бета. Ну да, *p* подходит. А *v* — непонятно почему. В *короне* тоже есть *p*, каркающий звук, и могла бы так называться ворона.

Каппа. Могла бы, если бы ее все так называли. *Корона* еще более каркающе звучит, чем ворона. Могла бы ворона короной называться. Но так уже называется корона.

Учитель. Каппа, вот я тебя и спрашиваю, и вас всех: если звуки ничего сами по себе не значат, то как может из незначащих звуков составиться осмысленное слово?

Каппа. Смысл не из звуков составляется. Если бы слова были устроены так, как Гамма говорит, то тогда каждый звук бы что-то значил, и из этих маленьких смыслов бы составлялся смысл слова, которое из этих звуков. Так мы разбирали производные слова — в них каждая часть что-то значит, ну, по крайней мере, как Альфа сказал, намекает на какой-то смысл. А в непронизводимых словах — в некоторых, и правда, кажется, что звуки на что-то намекают. Но ведь даже там, где вам так не кажется, где у звуков вроде нет смысла, у слова-то он есть. Но смысл слова не составляется из смыслов звуков. Несколько звуков, в определенном порядке, имеют смысл — только *все вместе*. Потому что мы говорим, все говорят эти звуки с таким смыслом. А не в них самих этот смысл. Но это вопрос ужасно трудный.

Учитель. Да, очень трудный — не только для нас, но и для ученых, которые изучают слова. Ты, Каппа, ведь согласишься, что слова состоят из звуков?

Каппа. Согласен.

Бета. Каппа, а написанное слово тоже состоит из звуков? Ведь оно значит.

Каппа. Написанное слово состоит из букв. Но буквы значат звуки. И написанное слово значит не потому, что оно состоит из букв, а все-таки потому, что оно состоит из звуков. Я не знаю, как так получается, что из незначащих звуков получается что-то значащее.

Гамма. Непонятно, откуда смысл берется, если считать, что в звуках его нет. Как раз из звуков-то он и берется. Если бы в звуках его не было, то не было бы и в словах.

Учитель. Гамма приводил в пример много слов, в которых ясно, что смысл этих слов связан со звуками.

Бета. Гамма даже доказывал нам, что в каждом звуке уже есть слово¹²⁶.

Учитель. Да. Но мы заметили много слов, в которых непонятно, как звуки связаны со смыслом. А слова эти значат. Вот я и предлагаю подумать об этом.

Альфа. Вот послушайте. Мы говорим, что слова состоят из звуков. И потом начинаем думать, откуда там берется смысл. По-моему, это все равно, что сказать, что человек состоит из рук, ног, головы, туловища. У него, конечно, есть все эти части, но составить из них человека нельзя. Если мы возьмем отдельно все это и соединим, человека живого не получится. Есть целый человек или другое существо, *целое*. В нем только есть смысл. В нем есть разные части, но смысла в них, в отдельных частях, самого по себе нет. Отдельная рука или нога — в ней нет смысла. Смысл только в целом существе, он никогда не получится, если составлять из частей¹.

Бета. Да, надо выяснить, что в языке такое существо, которое целое, само существует и имеет смысл. Я на прошлом уроке как раз об этом говорил. И мы, как всегда, запутались.

Альфа. В языке такое целое существо — слово. У него есть смысл. А звуки — их самих по себе мы не говорим, только в словах.

Эта. Разве мы не можем сказать отдельно какой-нибудь звук?

Лямбда. Мы можем какие угодно звуки сделать. А сказанье мы говорим не про любые звуки, а которые в словах, *словесные звуки*. Мы еще в самом начале это заметили, на первом уроке. Вот я чихну или свистну — это будут звуки. Но, по-моему, неправильно говорить, что я их сказал.

Бета. Эта говорил не про такие звуки.

¹²⁶ Урок 4.

¹ Мария Зинельберг, 1-й класс; Васа Далцкий, 1-й класс.

Урок 29

Эта. Да, я говорил про словесные звуки.

Альфа. Мы же просто так эти звуки, словесные, не говорим — только в словах. И смысла в них самих по себе нет. Их вообще нет самих по себе. Вот откуда ты, Лямбда, знаешь, что *а* — словесный звук? Только потому что он бывает в словах, ты знаешь, что он словесный. Даже если его отдельно сказать, мы узнаем, что он словесный, потому что мы его из слов взяли. Ты сам, Лямбда, сказал — те звуки, которые *в* словах. Мы начинаем делить слово на части, тогда получаются слоги, звуки. А самих по себе их нет. А слова-то есть сами! Они только значат, слова.

Учитель. А Дельта говорит, и мы все убеждались, что слова тоже не имеют смысла в зависимости от того, в каком предложении эти слова. И Лямбда нам все время показывает, что в слове тоже есть отдельные значащие части.

Бета. Все-таки только слова — это самостоятельные существа, со смыслом. Из них состоит речь. Знаете, почему? Дельта говорит, что смысл — когда на какой-то вопрос отвечает. И отдельное слово может быть *отдельно*. Мы такие примеры приводили. А звук или слог — нет. Они не могут быть ответом на вопрос. Правда, Лямбда показал нам, на прошлом уроке, что в слове могут быть вопрос и ответ спрятаны, в его частях — помните, про слово *зайчик*? Там в одной части слова как бы вопрос, а в другой — ответ. Но про отдельные звуки уже так не скажешь.

Каша. Получается у тебя, Бета, что значащие части слов — это самые маленькие существа — корни, приставки, суффиксы. Они осмысленные, из них уже слова.

Альфа. Эти части мы тоже из слов выделяем. Не слова из них состоят, а мы слова на них делим. Звуки — тем более. Мы их сами выделяем. Ну, можем взять и разрезать какой-то рисунок на части. Можно так разрезать, можно по-другому. А слова сами по себе *есть*, и нельзя разрезать предложение на слова как пазлы. Конечно, слова меняют смысл, в разных предложениях разное могут значить — в одном предложении значат одно, в другом — другое. Но только потому, что разные смыслы уже *есть* в этом слове. А предложение выбирает какой-нибудь из них.

Эта. Но ведь рисунок как угодно можно разрезать, а слово — не как угодно. Ведь в нем есть эти звуки.

Альфа. Это еще неизвестно. Не всегда даже ясно, сколько там звуков, в слове, и какие они. Ведь мы их произносим подряд, слитно. Если бы слова состояли из звуков, сами состояли бы, а не мы их делили на звуки, то между этими звуками был бы промежуток. А в слове его нет, промежутка. Речь как речка течет, непрерывно¹²⁷.

Лямбда. Альфа, если речь как речка непрерывно течет, то и слова не отделены друг от друга. Тогда только вся речь отделается целиком от другой речи — вот ты кончил говорить и остановился, ждешь, что тебе ответят. А в твоей речи, что ли, все сплошное? Промежутки между словами, ты говоришь. Но они ведь не всегда есть. Правда, есть ударения, которые подсказывают, сколько слов. Мы об этом спорили в самом начале¹²⁸.

Учитель. Да, и кажется, что нам придется еще об этом поговорить и, может быть, поспорить.

Звонок

¹ Степан, 1–6 класс.

¹²⁷ Ср. у Л. Шербы: «надо себе представить, что реально дано нам в языке: речевой поток; звуков речи нет. <...> Звуки получаются в результате анализа потока». Шерба, впрочем, замечает: «Однако поскольку звуки речи служат для различения слов... и поскольку отдельные звуки могут иметь самостоятельное значение... по-настоящему справедливо будет все же сказать, что всякая речь распадается на отдельные звуки или состоит из отдельных звуков» (Грамматика русского языка. Т. 2. Фонетика и морфология. М., 1952. Цит. по: Шерба Л. В. Языковая система и речевая деятельность. М., 2007. С. 12).

¹²⁸ См. спор об отдельности слов на уроке 1 и прил. 20.

Урок 30

Самое маленькое словесное существо — звук или слово (продолжение). Речь сплошная или состоит из отдельных кусочков? Важна ли длина звука для смысла слова (Гамма спорит с Р. Якобсоном)?

Есть ли звуки в уме? Словесные игры.

Скороговорки — в них отдельные звуки живут сами по себе

Бета. Альфа говорит, что слова только есть сами по себе, а звуки — нет, звуки мы сами выделяем, как бы нарезаем на них слова. Помните, мы говорили об измерении на уроках о числе. И у нас все время возникал вопрос — состоит ли длина из отдельных кусочков, единиц, или мы сами режем ее на единицы, а она сама сплошная. И вообще все — сплошное или составлено из маленьких частей, самых маленьких, которые уже нельзя делить. Вот речка, Альфа сказал. А вода в речке, неизвестно — она сплошная или из отдельных капелек?

Учитель. Да, у нас и на «Загадках числа» тоже возникал подобный спор. Дельта говорил, что каждая вещь имеет свою собственную мерку и что нельзя считать какой угодно единицей.

Бета. И получалось, что вообще нельзя считать никакие вещи. Каша говорил, что мы считаем только воображаемые вещи.

Альфа. А говорим-то слова не воображаемые. Слова-то настоящие, это не какие-то единицы⁷.

Лямбда. Слова-то настоящие, а они по-настоящему состоят из звуков, или мы их сами нарезаем на звуки, как длину — на мерки-единицы? По-твоему, Альфа, получается так, что слова настоящие, а звуки в них — воображаемые. Это странно как-то⁸.

Каша. Такая странность у нас была и с измерением. Вода — настоящая, а измерять ее можно воображаемой меркой.

Бета. Тогда бы получалось, что нарезать можно как угодно. Ведь ведро воды можно любой меркой вычерпывать — хоть большой, хоть маленькой.

Эта. Не как угодно. С водой — да, как угодно. А со словом — нет. Звуки сами отделяются.

Альфа. А по-моему, не сами. Сами отделяются только слова. Когда мы говорим и слышим, мы говорим и слышим уже целые слова. Они прямо в речи отделяются — паузами, ударениями. А внутри слова звуки подряд говорят, сами не отделяются друг от друга. Надо специально делить. Как со счетом — пальцы на руке сами отделяются, а чашки воды — не сами, мы делим воду на мерки-чашки, а в самой воде их нет⁹.

Дельта. Что же, ты считаешь, Альфа, что слова можно как угодно нарезать на звуки? Так же, как воду можно вычерпать разными чашками, какими угодно?

⁷ Катя Кошечко, 1-й класс.

⁸ Эта вроде бы парадоксальная точка зрения разделяется многими лингвистами, полагающими, что минимальной языковой единицей для говорящих является слово (или морфема), а фонема (и звук речи) лишь результат искусственной процедуры анализа. Против такого подхода выступают Р. Якобсон (см. прим. 310) и, с несколькими другими поинциями, Л. Щерба (прим. 317).

⁹ В «Загадках числа» при обсуждении проблем счета и измерения ученики замечают, что при пересчете отдельных предметов у нас есть естественная единица счета, а при измерении величины — произвольная мерка.

Урок 30

Каппа. Звуки-то разные, а единицы-мерки, которые мы выделяем, чтобы измерять и считать, одинаковые. Гамма говорил, правда, что ничего нет точно одинакового¹⁰¹. Но когда мы считаем, то они как бы одинаковые. А в словах звуки разные. Поэтому тут совсем не так, как с числами.

Альфа. Вот ты послушай, как ты говоришь. Ты подряд все слово говоришь, а не так, что один звук кончишь говорить, отдохнешь, потом начнешь второй¹⁰². Вместе говоришь. А слова — именно так. Сначала одно слово, потом другое. Поэтому слова есть сами по себе, а на звуки мы должны слово делить, и не всегда понятно как.

Бета. Интересно, мы говорим и слышим одинаково? Может ли быть, что выговариваешь, например, два звука, а слышно один?

Эта. Да. Я давно заметил — если сказать подряд звуки «ш» и «ц», то услышишь «щ».

Каппа. В английском языке есть такие плавные¹⁰³ — надо два звука слитно сказать, получится один.

Бета. Но тогда — как же мы делим слова на звуки? По тому, как говорим, или по тому, как слышим?

Дельта. Как слышим, конечно. Ведь говорим для того, чтобы кто-то услышал. И, например, если мы слышим один звук «щ», то несомненно, как он выговаривается. В слове столько звуков, сколько слышно, по-моему¹⁰⁴.

¹⁰¹ «Загадки числа», урок 17.

¹⁰² Ср. у Р. Якобсона: «Если рассматривать речевую цепочку только с артикуляционной точки зрения, то вообще нельзя говорить ни о какой последовательности звуков. Звуки не следуют один за другим, — они переплетаются друг с другом: артикуляция звука, который по акустическим впечатлениям следует за некоторым другим звуком, может происходить одновременно с артикуляцией последнего или частично даже до него» (Якобсон Р. Звук и значение. С. 34).

¹⁰³ Дифтонги.

¹⁰⁴ Так полагал Ф. Соосюр: «Акустическая данность воспринимается нами, хотя и бессознательно, еще до того, как мы приступаем к рассмотрению фонологических единиц; мы слух мы определяем, имеем ли мы дело со звуком b или со звуком t и т. д. Если бы оказалось возможным при помощи каких-нибудь воспринимать все движе-

Ламбда. Звук такой мы выделяем, потому что он есть и в этом слове, и в другом — точно такой же. Слов много, а звуков гораздо меньше. И они повторяются. Мы же слышим звуки в словах, а не только одно сплошное слово.

Учитель. Некоторые звуки можно тянуть. Можно сказать: *кося* и *коссса*, *коми* и *комммит*. Как надо считать эти длинные протянутые звуки?

Бета. Можно считать, что тут два звука *с*, или два *о*, или даже три. А можно — что один, только длинный. Получается, как Альфа говорит — как договоримся, так и посчитаем.

Каппа. По-моему, неважно, какой они длины. Важно, что это тот же самый звук, и его надо считать за один¹⁰¹.

Альфа. Потому что слова те же самые¹⁰².

ныя рта или гортани, порождающие звуковую цепочку, то в этой связи артикуляций нельзя было бы вскрыть внутреннего членения: начало «одного звука и конец другого». <...> Только в акустической цепочке можно непосредственно воспринять, остается ли звук тождественным самому себе с начала до конца или нет, поскольку сохраняется впечатление чего-то однородного, звук продолжает оставаться самим собой» (Соссюр. Труды по языкознанию. М, 1977. С. 75). Якобсон утверждает, что сама по себе акустика тоже недостаточна: «Акустические данные сами по себе не могут служить основой для установления внутреннего членения между разными единицами в речевой цепочке: это возможно только с учетом языковой значимости этих данных» (Якобсон. Избранные работы. С. 35). «Мы говорим для того, чтобы быть услышанными. Теперь к этому следует добавить, что мы хотим быть услышанными, для того чтобы нас поняли», поэтому, с точки зрения Якобсона, мы делим слова на звуки не «как говорим» и не «как слышим», а «как понимаем» — от этого зависит и артикуляция, и акустическое впечатление; принципы, организующие звуковую субстанцию языка, не следует искать ни в артикуляции, ни в акустике. «Мы вкладываем область фонетики, научной дисциплины, изучающей звуки только с артикуляционной и акустической точек зрения, и вступаем в область фонологии, которая занимается изучением звуков речи с точки зрения системы языка» (там же. С. 41). (В качестве яркого примера Якобсон приводит динамическое ударение, которое с акустической точки зрения одинаково в разных языках, но его функция, например, в русском и чешском языках, существенно различается (С. 43–44.)

¹⁰¹ Ср.: «Значение имеет вовсе не его [звука] действительность... а качество акустического впечатления. Акустическая цепочка распадается не на равновеликие, а на однородные такты, характеризуемые единством акустического впечатления» (Соссюр, там же).

¹⁰² С точки зрения фонологии, длина звука в русском не является смысловажественным признаком, не различает слова («слова те же самые», как сказал Альфа).

Урок 30

Учитель. В английском языке от длины звука может зависеть, какое слово. Например, слово *ship* означает корабль, а слово *sheep* — овца. А отличаются они только тем, что в одном слове гласный звук короткий, а в другом — длинный.

Альфа. Значит, для англичан это будут разные звуки, для нас — один и тот же. Я же говорю, главное — слово. А звуки уже мы из слова выделим³⁰⁷.

Гамма. Знаете, я не уверен, что коса и *косса* — одно и то же. Косса — она острее, она свистит сильно, когда косишь.

Каппа. А кооот — длиннее, чем вот, что ли?
(Смеется.)

Гамма. Вот ты смеешься над тем, что я говорю, а напрасно. Вот, например, *корова* — это животное. А *көрррова* — это уже дразнилка!³⁰⁸ Вот мы когда ругаемся, сказать «Дуррррак!» гораздо обиднее, чем просто «дурак!»³⁰⁹.

Каппа. Да, я согласен с тобой, что обиднее. Но ведь слово-то то же самое, хотя оно и обиднее звучит. Оно значит то же самое.

Бета. Совсем не то же самое. Если одно слово — название животного, а другое — дразнилка, то как же они будут то же самое значить?

³⁰⁷ С точки зрения фонематического подхода (например, Якобсона) важно не акустическое вычленение само по себе, а смыслоразличительная роль акустического признака, и в языках, в которых длина звука выполняет такую роль (например, в английском), звуки [i] и [i:] не только следует считать разными фонемами, но и восприниматься они будут в качестве разных единиц носителями этих языков. В русском языке долгота звука не является смыслоразличительным признаком. Однако Гамма в следующей реплике утверждается, что значения все же различаются в зависимости от длины звука.

³⁰⁸ Максим, 2-й класс.

³⁰⁹ Гамма утверждает, что «нефонематические» акустические признаки тоже могут менять смысл слова — но, по-видимому, не языковое значение. Это попытается различить Альфа и (на сл. уроке) Бета. Аналогичный пример приводит Якобсон, ссылаясь на Л. Руде: во французском языке ударение, в отличие от русского, не имеет смыслоразличительной функции — оно в норме всегда падает на последний слог; но, перемещаясь к началу слова, оно может нести эмоциональную, экспрессивную нагрузку: «Vous êtes *incroyable*!» («Вы *невероятны*!»), «C'est *barbare*!» («Это *варварство*!») (Звук и значение. С. 44); он также упоминает об экспрессивном удлинении ударных или безударных гласных в русском языке (С.62). Экспрессивную функцию Якобсон не относит к смыслоразличительным — в отличие от Гаммы.

Ламбда. А помните, мы говорили о перформативных речах, о том, что в каждой речи есть перформативный смысл? Там важно не только обозначить какую-то вещь, но и сказать, чтобы подействовать, — можно сказать удачно или неудачно. Вот, например, если ты хочешь обидеть кого-то. Ты сам, Каппа, говоришь, что *дуррррак* — обиднее звучит. Значит, и значение его обиднее?

Альфа. Все-таки слово-то одно — *дурак* и *дурррак*, *кося* и *коооооо*. Мы можем одно и то же слово произнести ласково или сердито, и, может быть, смысл будет разный. Но мы же не говорим, что мы два разных слова произносим, а говорим, что у того же самого слова смысл меняется. И это же не так, как *коса* на голове и *коса*, которая косит, — разные слова из одних звуков, тут наоборот — слово одно, а звуки разные. Вот учитель говорит, что по-английски с длинным и коротким звуком совсем разные слова получаются — *корабль* и *овца*. А у нас-то не так. То же самое слово, но с другим смыслом говорится¹⁰⁰.

Бета. Вот слова-омонимы — *коса* и *коса* — эти слова из одних и тех же звуков. Их смысл зависит от предложения, в котором они. А *дурак* и *дурррак* — тут смысл зависит от звука — если считать, как Памма, что тут есть разный смысл.

Учитель. Вернемся к нашему спору. Какую самую маленькую часть речи можно считать отдельным осмысленным существом — звук или слово? Смысл зависит от звука, говорит Бета. При этом сам звук может ничего не значить — по крайней мере некоторые из нас так считают. Альфа говорит, что слова сплошные, делим мы их на звуки искусственно.

Эта. Вот интересно: мы когда говорим не вслух, а в уме — мы отделяем звуки друг от друга?

Альфа. Нет. Мы же не слышим, только думаем. А звуки мы только в слове слышим. В уме слова представляем, а не звуки¹.

Ламбда. Я не согласен. Мы в уме представляем себе звуки, не только целые слова. Вот, например, игра «из мухи слова». Мы когда дума-

¹⁰⁰ Альфа пытается различить денотативное значение и коннотативный смысл слова.

¹ Кирилл Маматов, 2-й класс.

ем, какое слово сказать, мы же думаем о буквах, а не о том, что значат эти слова. И скороговорки — тут же звуки очень важны, они как бы сами играют друг с другом. И про себя когда говоришь скороговорку, в уме разве не представляешь отдельных звуков? Я еще на прошлом уроке хотел об этом сказать, когда Альфа доказывал, что звуков в словах, когда говоришь его, нет самих по себе, надо специально делить. Я хотел привести в пример такую скороговорку: *не руби дерева на берегах моря*. Тут ведь звуки [т], [д], [р] — отдельно живут, а не только из слов они выделяются. Они сами по себе есть. И мы их отдельно слышим, даже в уме. Альфа говорил о существах. Вот тут эти звуки как отдельные существа, а не как рука или нога, отрезанные от кого-то. Они сами живут, от них смысл скороговорки, а не от того, что значат, какие вещи называют эти слова. Значит, не просто мы сами нарезаем слова на звуки, как попало, а они есть — отдельные звуки¹⁰⁰.

Бета. Так, по-моему, все скороговорки устроены. Вот, например: *Шел Саша по шоссе и сосала сушку*. Тут тоже, как сказал Лямбда, сами живут звуки [ш] и [с].

Эта. Или вот: *Карл у Клары украл кораллы, Клара у Карла украла кларнет*. Тут звуки живут [к], [р], [л], они точно существа, они бегают друг за другом, цепляются, друг с другом играют. А ты, Альфа, говоришь, что их нет, что мы их придумали, как мерку специально создали.

¹⁰⁰ Подобный аргумент, связанный с игрой звуков в каллибурах и других словесных играх приводит Якобсон, опровергая теорию (А. Шюматта) о том, что для говорящего минимальной единицей является слово: «...Нормальный говорящий не воспринимает слово как нечто okamennoe, недвижимое, употребленное им в совершенно автоматическом режиме... он может понимать или даже сам придумывать „перевортыш“... то есть игру слов, при которой комический эффект достигается перестановкой звуков в словах или целых выражениях». Якобсон приводит примеры такой игры слов, которая одновременно является игрой с фонемами и демонстрирует их автономность: *un roi pille — un roi sale; l'enséez votre veste — venez de votre veste, mort de laim — fort de main*. Якобсон и фонемы не считает минимальными неделимыми элементами языка — фонемы противопоставлены друг другу не непосредственно, а своими различительными признаками (губные/зубные — негубные/зубные; гласные переднего и заднего ряда; закрытые — открытые и т. п.). «Идя вразрез с устаревшей, но все еще бытующей концепцией, мы можем утверждать, что фонема является сложным образованием: не фонема, а каждый из ее различительных признаков является неделимой, чисто оппозитивной сущностью» (там же. С. 87). Той же точки зрения придерживается, например, М. В. Панов, определяя сегменто-фонему как различительный признак сегмента речи (звука) (см. Панов М. В. Современный русский язык. Фонетика). См. прим. 364.

Альфа. Вы же сами говорите — так устроены скороговорки. Они специально так устроены, как поэт Хлебников специально придумывал стихи на какой-то звук.

Эта. А скороговорки-то никто не придумывал, они сами есть в языке. И поэт, ну пусть он даже придумал специально такое стихотворение. Но звуки-то он не придумал. Он стихотворение придумал специально, чтобы показать тебе, что звуки есть, и какие они, и как живут.

Бета. И потом, Альфа, ведь слова в этих скороговорках самые простые, а не какие-нибудь придуманные, заумные, звуки в них самые обычные.

Альфа. Я согласен про скороговорки. Но все-таки я считаю, что в обычной речи главное — это слова. Мы на звуки только иногда обращаем внимание, в стихах или скороговорках.

Лямбда. Я хочу еще сказать про скороговорки. Но это, кажется, довод в поддержку Альфы — что звуки берутся из слов, а не наоборот, не слова составляются из звуков. Бета сказал — в скороговорках звуки из обычных слов, а не просто какие-нибудь звуки. Может, скороговорки правда специально для того, чтобы мы их слышали, эти звуки, как бы сами по себе. Альфа говорит, что звуки из слов выделяются, а не сами по себе. И вот я подумал: ведь нет русских скороговорок, где бы сами жили, по-разному, одни и те же звуки длинные и короткие? Учитель нам рассказывал, что в английском языке эти звуки различают слова, а в русском нет. Поэтому и нет таких скороговорок — эти звуки не различают слова, хотя на слух мы их, звуки, можем различить¹¹¹. Гамма, правда, не соглашается, он говорит, что смысл у слов не меняется¹¹². Но слова-то те же самые...

Звонок

¹¹¹ Лямбда прав в том смысле, что скороговорки выделяют и сталкивают звуки фонологически значимые, играющие смыслообразительную роль в языке. Так, например, в английском языке есть скороговорки, построенные на игре длинных и коротких гласных, напр.: *Betty Botter bought some butter/ But, she said, the butters bitter/ If I put it in my butter/ It will make my butter bitter/ But a bit of better butter/ Will make my butter better...* Перевести скороговорку, воспроизведя игру акцентом или звуком в русском языке, невозможно, хотя очень похожие звуки в русских словах встречаются в определенных позициях.

¹¹² См. прим. 308.

Урок 31

Самое маленькое словесное существо — звук или слово (продолжение). Как мы спорим. Звуки могут различать слова, даже если сами по себе ничего не значат. Отдельные звуки могут значить, когда значащие части слов состоят из одного звука

Учитель. Попробуем подвести итог нашему спору. Что же все-таки будет самое маленькое отдельное словесное существо?

Бета. Альфа говорит, что слово. Дельта говорит, что целая речь, которая кому-то сказана и кто-то ее понял. Лямбда нам показал, что внутри слова есть отдельные части, тоже осмысленные. При этом они могут быть очень маленькими, даже из одного звука, тогда этот звук значит. Например, в словах *покуситель* и *покушитель*. Гамма говорил, что корень слова — как единица, в нем уже все слова есть. И даже говорил, что отдельный звук тоже такой, в нем уже слова. И Эта говорит, что звуки сами по себе живут, во рту делаются. Вот скороговорки, которые мы вспоминали, — в них звуки точно отдельно живут.

Учитель. И каждый из вас не просто так ведь говорит, а пытается доказать свою мысль, приводит разные доводы.

Бета. Да, у каждого есть доводы. Может же быть, все правы?

Каппа. Как же так — все говорит разное, и все правы? Мы ведь об одном и том же говорим.

Лямбда. Альфа когда утверждает, что слово — это такое самое маленькое существо в речи, которое есть само по себе, он доказывает это тем, что слова в речи сами отделяются друг от друга, а звуки нет, что мы говорим целыми отдельными словами. А помните, мы спорили, сколько слов в предложении? И было непонятно¹⁰¹. И можно считать, что мы говорим целыми предложениями, в которых есть смысл, а на слова делим предложения уже специально. Тут не такая уж большая разница между словами и звуками.

Каппа. Но слово что-то значит и само по себе, не только в предложениях. В предложениях лучше поймешь, конечно; или из нескольких значений слова ясно будет, какое надо выбрать. Даже с частями слов, как суффиксы -ых, -онок, то же — у них есть какое-то свое значение или несколько; в слове ясно, какое именно¹⁰². Но все-таки какой-то смысл есть в отдельном слове и в его частях — корнях, суффиксах и других. Ну, пусть не точно ясно, какой именно, но они ведь не бессмысленные. А звук — даже если он сам, как вы говорите, отделяется от другого звука — он сам по себе ничего не значит. Эта и Гамма говорят, что значит, но я с ними не согласен и пытаюсь доказать это¹⁰³.

Учитель. Вспомните, пожалуйста, как Каппа доказывал эту свою мысль.

Дельта. Каппа говорил, что в разных языках слова из других звуков, а значат те же вещи. Что есть много слов, в которых звуки не подходят по смыслу. Что написанное слово значит для всех одинаково, и не важно, кто как его произносит.

Бета. Ну, про написанное слово — этот довод, по-моему, не подходит. Мы вроде выяснили, что, когда мы читаем написанное слово, мы

¹⁰¹ Урок 1. См. прим. 20.

¹⁰² См. урок 12.

¹⁰³ Уроки 3–5.

Урок 31

вспоминаем или представляем в уме его звуки, то есть как бы произносим. А я вот придумал еще один довод, который Каппа не говорил, — вот слова-омонимы. Они совсем разное значат, а звуки в них те же самые.

Учитель. Да, это довод в пользу Каппиной мысли — если бы значение слова определялось его звуками, то омонимов бы не было.

Каппа. Вообще-то так могло бы быть. Как со словами или значащими частями слов. В разных словах эти части могут значить разное, но это не значит, что они сами по себе бессмысленные. Так могло бы быть и со звуками.

Гамма. Смотрите, как интересно — Каппа говорит как будто против своей мысли. А Бета придумал довод за Каппу, хотя он с его мыслью вроде не согласен.

Бета. Но мы же не просто спорим, чтобы свое доказывать. Мы же пытаемся разобраться, что такое слово, речь, звук, как все устроено...

Лямбда. Да, но вопрос учителя — если звуки сами ничего не значат, то как из них получаются значащие слова, — мы в нем так и не разобрались. Ну, пусть звуки не значат ничего, как Каппа считает. Но слово-то что-то значит потому, что в нем такие звуки. Ведь если звуки поменять, даже один звук, как Эта говорил, будет другое слово.

Учитель. То есть ты считаешь, что звуки значат сами?

Бета. Как у Хлебникова или как Гамма говорил?

Лямбда. Не знаю... Вот Гамма говорил, что *линь* и *быть* разное значат, потому что в нем такие звуки — льющее л и бьющее б. Может быть, и так, а может быть, и нет — Каппа, например, с этим не соглашался. Но даже если не соглашаться, все равно эти слова будут разные потому, что в них разные первые звуки. Мы их на слух-то различаем — поэтому.

Учитель. Эти слова, *линь* и *быть*, разные: они различаются одним только первым звуком и — смыслом. И даже если бы эти звуки, [л']

и [б], ничего сами по себе не значили, они различали бы эти слова — мы бы поняли, что это слова разные, потому что у них звуки разные¹¹².

Альфа. Эти слова не потому разные, что в них разные звуки. Они просто разные, потому что разное значат. Потому что лиси — не то же самое, что бинь. Действия разные, и слова, которыми мы говорим про эти действия, разные — поэтому. А вот чтобы мы могли их различать, слова, нужно, чтобы они различались по звукам, хотя бы одним звуком отличались.

Учитель. Ты, Альфа, считаешь, что не потому слова разные, что они составлены из разных звуков, а наоборот — звуки в них разные, потому что они разные слова?

Альфа. Ну да, чтобы различать разные слова, нужны разные звуки.

Бета. Альфа говорил про человека и его части — что нельзя составить человека из рук, ног, головы и других частей, что не потому он человек, что он из всего этого состоит. Сейчас ты, Альфа, объяснял про звуки и слова, и я вспомнил про человека и его части. Я понял так: по-моему, не потому человек ходит, что у него есть ноги, а наоборот — ноги у него потому, что ему надо ходить. И со звуками так же. Так ты думаешь?

Альфа. Да, так.

Каша. А по-моему, совсем не так. Я с Альфой согласен, что слова не потому разные, что в них звуки разные, а наоборот — разные зву-

¹¹² Ср. у Якобсона: «Фонема... отличается от всех остальных языковых значимостей тем, что ей не соответствует постоянное значение. <...> Различие в значении, различие точное и постоянное, соответствует различию между двумя морфемами. Различие, существующее между вопросом и ответом, соответствует различию между двумя интонационными рисунками во фразе, но что же соответствует различию между двумя фонемами? Различию между двумя фонемами соответствует только сам факт различия значений, тогда как содержание этих значений меняется от слова к слову. <...> В этом отношении фонема занимает совершенно особое место в системе языка (да и вообще в мире знаков. <...> Непосредственному, собственному, позитивному смыслу всех остальных элементов фонема противопоставляет чисто дифференциальную и, следовательно, чисто отрицательную значимость)» (Указ. соч. С. 63). Якобсон придает этому специфическому свойству фонемы чрезвычайное значение: «Язык — это единственный в своем роде система, элементами которой, являясь озвучивающими, вместе с тем полностью лишены значения. <...> Именно фонема является характерной единицей языка» (отличающей его от всех остальных языковых систем) (с. 66).

ки нам для того нужны, чтобы различать разные слова. И в том согласен, что не потому человек ходит, что у него есть ноги, а наоборот, ноги есть потому, что он ходит. Но тут, по-моему, большая разница со звуками. Ноги и руки ведь не просто разные. Они разные все-таки со смыслом. Нога приспособлена, чтобы ходить, рука — чтобы брать. Они так устроены, по-разному, чтобы разное делать. А со звуками совсем не так. Они просто должны различаться, и все. А не так, что один звук годится для одного, а другой — для другого. Они все равно какие, лишь бы различались. Все равно чем, могут одним различаться, могут другим. Вот учитель говорил, что в английском языке они различаются длиной, а в русском — нет. То есть могут различаться, но не различают слова.

Эта. Нет, Каппа, это неправильно. Звуки тоже, как ноги и руки, — один для одного подходит, другой для другого. Вот гласные и согласные звуки совсем разные вещи делают.

Бета. И согласные звуки все разные, со смыслом. Мы об этом говорили уже сто раз. Ты, Каппа, так и не убедил нас. Но знаете, еще по-другому у звуков смысл может быть. Я вспомнил, как Лямбда сказал, что покушатель — там звук [а] значит, что он все время покупает. А если бы мы сказали покупатель — то купил и ушел. Значит, [а] и [и] звуки — они не просто различаются и поэтому различают слова, а со смыслом. Как рука и нога. Один звук одно значит, а другой — другое. Но не так, что один звук, например, страшный сам по себе, а другой добрый сам по себе. А они просто разное значат¹¹⁷.

¹¹⁷ Бета говорит не о непосредственной выразительности звуков (о чем шла речь на первых уроках), а об их способности ассоциироваться с определенным значением. Эту способность они реализуют не сами по себе, а в качестве потенциального минимума морфемы, в данном примере глагольного суффикса, состоящего из одного звука (фонемы). Щерба именно эту способность вкладывает в основу определения фонемы как «кратчайшего фонетического представления данного языка, способного ассоциироваться со смысловыми представлениями и дифференцировать слова и могущего быть выделяемым в речи без искажения фонетического состава слова» (указ. соч. С. 121). Поясняя утверждение о том, что элементы смысловых представлений могут ассоциироваться с элементами звуковых представлений — не только на уровне слов, но и на более дробном уровне, он приводит такие примеры: /л/ в словах *лап, был, ел»,* *дел»,* *дел»,* *дел»,* ассоциировано с представлением прошедшего времени; /л/ в словах *лорд»,* *лод»,* *лод»,* ассоциировано с представлением субъекта; /л/ в словах *лорд»,* *лод»,* *лод»,* ассоциировано с представлением объекта (Там же. С. 114–115). Аналогичные примеры приведут на сл. уроке Бета и Лямбда.

Учитель. Бета заметил очень интересную вещь. От перемены одного звука может измениться смысл слова, но не только потому, что эти звуки просто разные и могут различать слова, а потому, что эти звуки, каждый из них, имеют определенное значение. Вспомним слова *покупатель* и *покупились*. Слова *покупитель* нет, но оно могло бы быть, и я согласен с Бетой и Лямбдой, что если бы оно было, то, наверное, именно так отличалось бы по значению от слова *покупились*, как Лямбда сказал — *покупатель* регулярно покупает, а *покупитель* — однажды купил. И именно потому, что в одном слове звук [а], а в другом — [и]. Чтобы убедиться, что это действительно так, попробуйте привести другие слова, в которых эти звуки, [а] и [и], значат похожие вещи.

Лямбда. *Спасатель* и *спаситель*. *Спасатель* — кто спасает все время, *спаситель* — кто однажды спас.

Альфа. *Искатель* и *находитель*. Тут, правда, корни еще разные. Но, кажется, этот смысл разный — от суффиксов. Но ведь это не просто звук, [а] или [и], а целый суффикс. Он просто из одного звука состоит, как предложение может состоять из одного слова.

Эта. А вот *учились*? Он же все время учит, а не просто однажды научил. А там -и-.

Лямбда. Там приставки нет, поэтому. Вот если сказать *научились* и *научались*, то *научитель* один раз научил, а *научатель* всегда учит.

Каппа. *Научатель* не говорят. А *научатель*, кажется, есть слово, и оно значит того, кто часто учит.

Альфа. *Поручитель* и *поручатель* еще. Тоже так же различаются, теми же звуками, и по смыслу так же.

Учитель. Помните, Лямбда давно, еще в самом начале заметий, когда мы придумали слово *блэмбик*, сказал, что оно должно значить что-то маленькое, потому что у него такой конец — *-ик*. Этот конец, сказал Лямбда, не просто сам по себе звучит маленько, как некоторые звуки звучат страшно, или быстро, или ласково, или легко, а значит что-то маленькое. Мы теперь знаем, что это суффикс. Лямбда привел в пример такие слова — *котик*, *домик*, где этот суффикс значит что-то

маленькое¹¹⁸. Мы потом на многих примерах видели, что в словах есть отдельные части, которые имеют самостоятельное значение. Вот эта часть -ик называется уменьшительным суффиксом — она придает слову значение чего-то маленького. Правда, не всегда эти части имеют только одно определенное значение, и часто нельзя, зная значение частей, понять точно значение целого слова — мы в этом убедились, разбирая слово *чайник*¹¹⁹. Но все-таки значение эти части имеют, они не бессмысленные. И вот сейчас Бета обратил наше внимание на то, что такая значащая часть иногда может состоять из одного звука: -н- и -а- в словах, которые мы приводили. Не все эти слова есть в языке, но они могли бы быть и, наверное, значили бы именно то, что мы предположили¹²⁰. Получается, что эти звуки имеют определенное значение, и причем не так, как мы говорили на первых уроках, что один звук кажется нам страшным, другой резким, большим или маленьким — звучит так или произносится так, сам по себе, а именно в определенных словах, на определенном месте звук *значит* что-то.

Альфа. Но ведь и н и а совсем не всегда такой смысл имеют.

Учитель. Да, не всегда. Помните, Каппа сказала, что один *блкомбн* *блкомчит*, а несколько — *блкомчат*?¹²¹ *Блкомчит* и *блкомчат* тоже одним звуком отличаются, в одном слове [и], в другом [а]. И мы видим, что значение этих слов меняется в зависимости от этих звуков. И так бывает часто в таких формах глаголов: *сидит* и *сидят*, *ложит* и *ложат*, *говорит* и *говорят*. Что значат -н- и -а- в этих словах?

Эта. -И- значит, что кто-то один делает, -а- — что много или несколько. Совсем другое значат эти суффиксы, чем в тех словах, которые мы раньше говорили, — *покупатель* и *покупатель*, *поручитель* и *поручитель*.

¹¹⁸ Урок 3.

¹¹⁹ Урок 12.

¹²⁰ О правомерности подобного рода экспериментов при исследовании лингвистических проблем — построении несуществующих, но возможных (или невозможных) конструкций и их анализе см.: Шурба Л. В. О тройном аспекте языковых явлений и об эксперименте в языковедении // *Языковая система и речевая деятельность*. М., 2007. С. 24–28.

¹²¹ См. уроки 16, 28.

Учитель. Да, другое. Эти суффиксы можно назвать омонимами, как и слова, которые из одинаковых звуков состоят, но разное значат. Но то, что эти звуки могут что-то означать в разных словах, подтверждается тем, что даже в незнакомом или придуманном слове мы понимаем это значение. Например, мы не знаем точно, что за действие означает слово *блмычанн*, но знаем, что если оно означает какое-то действие, то это действие нескольких деятелей, а не одного, а *блмычнн* — наоборот, действие одного деятеля. И откуда же мы это знаем? Именно из этих звуков — суффиксов.

Ламбда. До сих пор у нас значащие части слова были из нескольких звуков. Но, оказывается, может быть только один звук. И тогда, правда, получается, что он, один, что-то значит.

Звонок

Что могут значить отдельные звуки. Суффиксы из одного звука — они имеют значение и ведут себя похоже на то, как ведут себя слова: меняют смысл в зависимости от контекста, бывают синонимичны и омонимичны. Альфа стоит на своем: самый маленький осмысленный кусочек речи — слово, а не звук. Фонетика — наука о звуках речи

Учитель. Мы с вами обнаружили, что в слове могут быть значащие части из одного звука. Вот послушайте такие слова: был, нел, писал, сидел. У них последний звук общий — звук [л]. Как вы думаете, он что-то значит?

Бета. Да, этот конец тоже значит. В этих словах он значит, что раньше действие было.

Учитель. Верно, в глаголах был, рыл, писал суффикс -л значит одно и то же. Он называется суффиксом прошедшего времени.

Лямбда. Мы глаголы сейчас приводили. А когда мы говорили про то, как изменяются существительные, заметили, что концы у них меняются. И одинаковые концы одинаковое значат, например [у] и [а].

В словах *конец*, *воду*, *школу* — тут конец -у значит одно, а *книга*, *вода*, *школа* — конец -а значит другое. Не просто они различают слова, а что-то значат. Значит, можно считать звук самым маленьким существом, словесным, которое имеет свой смысл — и даже не по-Гамининому, что звуки такие, подходят, а как на прошлом уроке Бета объяснил. В словах *покупатель* и *покупитель*, *спасатель* и *спаситель* — тоже звуки [а] и [и] значат.

Альфа. Ну вот смотрите: звук а значит то одно, то другое. Когда конец в существительных, одно, когда суффикс в середине глагола — другое. А слово всегда что-то определенное значит.

Каша. Но ведь не всегда одно и то же. Альфа. В одном предложении одно, в другом другое. И бывают еще омонимы. Со звуками похоже.

Дельта. Бывает, что слово в разных предложениях значит разное. Мы говорили, например, про слово *пожар*. В зависимости от того, в каком предложении, и даже от того, когда и как сказать, у одного слова смысл будет разный. Но разве бывает так, что разные слова значат одинаково? А со звуками бывает. Вот эти глаголы, *сидит* и *сидят*, *лежит* и *лежат*, *блуждает* и *блуждают* — здесь [и] и [а] значат один или много. Но ведь не всегда эти звуки бывают, когда кто-то один делает что-то или много, несколько. Например, *поет* — *поют*, *идет* — *идут*, *крадет* — *крадут*. Кажется, таких глаголов тоже много. Также они различаются одним звуком, но не так, как те глаголы. Там [и] и [а], а тут [о] и [у]. А значат то же самое. Со словами так разве бывает? Если слова разные, то у них и смысл разный.

Учитель. Бывают ли слова, которые звучат по-разному, а значат одно и то же?

Дельта. Кажется, бывают. Например, *лес* и *собака*.

Бета. Ну нет, они не совсем одно и то же значат. Похожее значат, но не совсем одно и то же. Например, про маленькую собаку не скажешь *лес*.

Лямбда. Ты сам говорил, Бета, что если сказать «Пожар!» и «Горит!» — не в классе, а на пожаре, — то будет один смысл. А слова разные.

Бета. Их одинаковый смысл не от слов, а от того, когда говорится. А слова сами разное значат.

Кама. Если разные слова одно значат, совсем одно, значит *асемды* вместо одного можно другое сказать. Со словами так не бывает, помемму. Вот например Бета предложил, давай еще, рубль называть платинкой³²¹. Эти слова называют одну и ту же вещь. Но они не совсем одно и то же значат, потому что *рубль* — что *рубил*, а *платинка* — чем платит. И еще *платинка* — это наше слово, так не говорят. Мы можем его говорить, а другие его не знают, как *бамбин*. Оно не прославилось еще. Значит, слова эти не только звуками различаются. А эти суффиксы совсем одинаковое значат, и все их говорят, только в разных словах.

Ламбда. Но один вместо другого никто не скажет. *Платинка* вместо *рубля* еще можно было бы сказать. Бета предлагал так говорить. А *поин* и *пойт* если сказать вместо *пойт* и *поин*, совсем другие слова получаются. А *сидён* и *сидюм* — совсем не говорят³²².

Альфа. Вот видите, даже если считать, что звуки осмысленные, с ними все равно не так, как со словами. И потом, все равно самый маленький осмысленный кусочек получается не звук, а вот этот суффикс. Ну и что, что он может быть из одного звука? Звук не сам по себе тут значит, а потому что он суффикс.

Бета. Альфа, ведь это тоже похоже на то, как значит отдельное слово. Дельта говорит, что то, что ты считаешь словом, не значит само по себе, а значит только целая речь, которая кому-то сказана и кто-то

³²¹ Урок 2.

³²² У слов *рубль* и *платинка* одинаковое означение, но разная внутренняя форма (см. прим. 481); они употребительны в разных коллективах — их можно считать полными, абсолютными синонимами. В. Айрапетян утверждает, что «каждое слово имеет по меньшей мере одно собственное значение. <...> «Абсолютная» синонимия — единство, синонимы неразличимы, а взаимно равнозначные слова принадлежат разным говорящим и разным языкам или диалектам». Айрапетян называет это тезисом Проткина, в честь софиста с острова Кросс, учившего различать синонимы. (Айрапетян В. Берменитическое подступит к русскому слову. С. 83). Слово-синонимы типа *рубль* — *платинка* и *нес* — *собака* частично синонимичны, они взаимозаменяемы в одних контекстах, в других же — нет. С глагольными суффиксами, кажется, не так — они синонимичны полностью, но не являются взаимозаменяемыми ни в каких ситуациях и контекстах, т. е. сочетаются с разными корнями.

ее появля. А ты, когда ему возражал, говорил, что предложение может состоять из одного слова и одно слово может быть ответом на вопрос. И даже мы говорили, что в производном слове как будто его части, например, суффикс, может быть ответом на вопрос¹⁰⁴. И вот представь себе, что это суффикс из одного звука. Тогда получается, что звук самостоятельный, осмысленный.

Альфа. Все-таки я не могу согласиться с тем, что звук — отдельное существо. Я по-прежнему считаю, что самый маленький осмысленный кусочек речи — это слово, а не звук. И вот какие у меня доводы. Во-первых, мы несколько примеров привели, на некоторые звуки. А другие звуки? Разве каждый звук может составить отдельную значащую часть слова? А слово каждое что-то значит, нет бессмысленных слов. Потом про отдельное слово можно сказать, что оно значит, даже если оно не в предложении, а само по себе. Оно значит что-то определенное. А звук — в глаголах одно значит, в существительных — другое. В одних глаголах нужен один звук, для того же самого смысла, в других другой. Еще: то, что мы говорили, — это значит не сами звуки, а суффиксы. Ну, бывает иногда, что они из одного звука, как, бывает, предложение из одного слова состоит. Но не так уж часто. А самое главное мое возражение вот такое: речь на слова сама делится, а на звуки нет. И даже эти значащие части не так уж легко выделить. Я уже говорил об этом, но не убедил вас.

Дельта. Наши споры как-то ходят по кругу. Все время одно и то же. Мы действительно об этом много раз говорили, и опять то же самое повторяем.

Лямбда. Нет, не совсем одно и то же. Мы же не просто повторяем то же самое. Вот, например, мы знаем теперь, что в слове не только звуки отдельные можно услышать, а еще и части, которые сами состоят из звуков. И они значат почти так же, как слова. И они, эти части, могут из одного звука состоять. Это ведь важно для нашего спора. Это за то, что звук можно считать отдельным существом, самым маленьким.

Эта. Мы еще теперь знаем, что можно увидеть все свернутое — в слове — предложение, в предложении — целый разговор. В частях слова — тоже как бы вопрос и ответ.

¹⁰⁴ Урок 28.

Бета. Гамма говорил, что в звуке, как в семетке, свернуты слова, которые потом из него вырастают. Слова *рыл*, *был*, *лыл*, *ныл* — он говорил, что они из первого звука вырастают. Корень тут из одного звука. Но сейчас мы увидели, что звуки и по-другому могут иметь смысл — например звук [л] в этих же самых глаголах: *рыл*, *был*, *ныл*. Из него не вырастают эти слова, а он, звук, добавляет к словам определенный смысл — что это действие раньше делалось.

Каппа. Лямбда прав, не только все повторяется, появляется и что-то новое. Но вот на вопрос-то мы так и не ответили.

Учитель. Но все-таки кое-что поняли. Мы поняли, что, даже если бы разные звуки сами по себе не имели бы смысла, они могли бы различать слова, просто потому что они разные. Не потому, что каждый звук отдельно что-то значит, а потому, что он отличается от другого. Этими разными звуками могут различаться слова. И еще мы увидели, вот сейчас, что звуки могут значить не только так, как мы раньше говорили, что один звук страшный, а другой нежный, один большой, а другой маленький (с этим Каппа все время спорил), но по-другому могут значить — когда из одного звука, например, состоит суффикс, как в глаголах *был*, *ныл*, *рыл*.

Бета. Вот послушайте. Мы говорили такие слова: *бить*, *рыть*, *лить*, *злить*, *нить*. Они первым звуком отличаются. И тут у Гаммы с Каппой был спор. Гамма говорил, что эти звуки не просто так, а со смыслом. А Каппа говорил, что может быть это только кажется так. А вот последний звук, [т'], он вроде значит что-то одно и то же. И *бить* — *был*, *рыть* — *рыл*, *лить* — *лыл* отличаются только последними звуками — со смыслом эти звуки, и одно и то же значит в разных глаголах. С этим ты, Каппа, не будешь спорить?

Каппа. Нет, с этим я согласен, конечно. Но это же не просто звуки, сами по себе, а суффиксы из одного звука. Альфа прав, по-моему — сами-то звуки не значат, а только суффиксы. Бывает, что они из одного звука. И кажется, что слова все-таки не из звуков составлены, а вот из этих частей — корней, суффиксов и прочих. А они, эти части, уже состоят из звуков, и в самых маленьких из них только один звук. А дальше, кажется, делить уже нельзя — меньше ничего нет³²³.

³²³ Фонологом делить и дальше. См. прим. 310.

Учитель. Итак, мы поняли, что звуки, даже если не считать, что они что-то значат сами по себе, могут различаться — вернее, слова ими различаются, потому, что они, звуки, различаются между собой. Кроме того, увидели, что звуки могут иметь определенное значение — например, когда из одного звука состоит суффикс или другая значащая часть слова. А вот почему звуки бывают разные?

Альфа. Мы их говорим по-разному. И слышим.

Учитель. Эта очень точно говорил, что звуки делаются во рту. И разные звуки делаются по-разному. И звучат они по-разному — мы звуки различаем на слух. Различие может быть любое, даже очень маленькое — важно, чтобы мы могли его заметить. Мы говорили еще на первом уроке, что в словах особенные звуки, звуки речи. Есть даже специальная наука об этих звуках, из которых составляются или на которые разделяются осмысленные слова — эта наука называется фонетикой. И мы теперь несколько уроков специально занимаемся звуками речи. Поучимся их слушать, выделять в словах, посмотрим, как они ведут себя в разных сочетаниях. Следующий урок мы начнем с гласных и согласных звуков. Вы умеете их отличать на слух. Подумайте, как можно объяснить — чем же они отличаются? Как можно определить про какой-нибудь звук — гласный он или согласный? Я предупреждаю вас, что это не так уж легко.

Звонок

Звуки гласные и согласные. Как трудно
сформулировать, чем они различаются!
Соворные звуки, Согласные звонкие и Глухие,
Как они различают слова

Учитель. Мы поговорим о звуках гласных и согласных. Помните, мы разделили звуки на гласные и согласные?

Альфа. Да. А, о, у — гласные. К, п, д, ш, м — согласные. Еще много других. Гласных меньше, согласных больше.

Дельта. Мы еще спорили, какие главнее для смысла.

Бета. Эта говорил, что согласные главнее. Они как-то выразительнее. И все примеры, которые мы приводили, в которых звуки сами что-то говорят, они были с согласными. А Альфа сказал, что в стихах, скороговорках, чтобы было складно, гласные повторяются. И мы все заметили, что без гласных трудно говорить — слоги не получаются¹²⁶.

Учитель. А скажите, пожалуйста, чем они отличаются в произношении?

Эта. Рот больше раскрыт. А-а-а, о-о-о.

Учитель. А произнесите звук [у]. Сильно ли раскрыт рот?

¹²⁶ Урок 5.

Гамма. У-у-у. Нет, не сильно. Рот вытянут в трубочку. Он узкий. Но этот звук гласный. Его можно петь.

Бета. И [я] когда произносишь, не так уж сильно открываешь рот. И-и-и.

Учитель. Специалист по фонетике Михаил Владимирович Панов так сказал о гласных и согласных звуках: «Гласные — ртотраскрыватели. Чем громче мы их произносим, тем шире раскрываем рот. Согласные — ртотсмыкатели. Чем громче их надо произнести, тем плотнее надо сжать рот»¹²⁷. Произнесите звук [а] сначала тихонько, а потом как можно громче. Когда рот шире раскрывается?

Эта. Когда громче.

Учитель. А теперь произнесите звук [б] — тихо и громко.

Гамма. Тоже когда громко, рот шире раскрыт. Чем громче, тем шире.

Эта. Нет, вроде не совсем так. Не все время. Сначала ты плотнее губы сжимаешь. А потом вроде шире раскрываешь.

Каппа. Очень трудно по произношению отличить гласные от согласных. На слух гораздо легче.

Лямбда. Гласные — они вообще кажутся громче, чем согласные.

Альфа. Нет, согласные тоже можно громко кричать: (кричит) Р. Б. Ж.

Бета. И некоторые можно тянуть с-с-с, в-в-в. Правда, петь нельзя.

Эта. Почему, некоторые можно. Л-л-л-л. [Л] ведь согласный. И м-м-м.

Учитель. Действительно, трудно сказать, чем они отличаются — гласные и согласные, верно?¹²⁸ Произнесите еще несколько гласных и согласных звуков.

Ученики произносят различные звуки, следя за артикуляцией.

¹²⁷ Панов М. В. Современный русский язык. Фонетика. М., 1979. С. 129.

¹²⁸ См. прим. 60, 332.

Урок 33

Эта. Они делаются во рту по-разному. Когда гласный произносишь, во рту пусто, свободно. А когда согласный, то или губы складываются, или язык поднимается...

Учитель. Эта давно еще говорил, что во рту воздух шевелится, когда мы говорим, и выходит из рта. Так вот, когда мы произносим гласные, то воздух проходит свободно, без преграды, как когда играем на дудочке. А когда мы произносим согласные, то мы устраиваем во рту преграду для воздуха. Вот произнесите [д].

Эта. Язык поднимается и устраивает преграду. А когда [б] говорим, губы сжимаются.

Дельта. Они как-то постепенно различаются, гласные и согласные, не все сразу. Вот например [м]. Он какой-то промежуточный^{*}. Он похож на гласный. Петь его можно. И он такой голосистый[†].

Эта. М-м-м. А преграда во рту есть.

Учитель. Таких звуков в русском языке несколько: [м], [н], [р], [л]. Когда мы их произносим, то во рту есть преграда, но она не сильно задерживает воздух. Когда мы говорим [м] и [н], звук проходит через нос. Вот попробуйте закрыть нос рукой и произнести [м]. Или [н].

Альфа. Не получается.

Каша. Что-то вроде [б] получается вместо [м].

Бета. А вместо [н] — как [д].

Лямбда. Когда насморк, так говоришь, гнусаво.

Эта. Это потому что нос закрыт. И вместо [м] и [н] получаются не промежуточные, а совсем согласные[‡]. А эти, [м] и [н], действительно, какие-то полугласные, полусогласные.

Бета. А [р] и [л]? Они тоже голосистые, но ведь они не через нос говорятся?

^{*} Мирон, 1-й класс.

[†] Аля В., 1-й класс.

[‡] В школьной терминологии не сонорные, а шумные.

Учитель. Когда говорится эти звуки, [р] и [л], то воздух огибает язык с боков. И голос тоже звучит, эти звуки голосистые.

Лямбда. Ну вот, они похожи на гласные. Они между гласными и согласными. Дельта правильно сказал, что гласные и согласные — они не резко, а постепенно различаются.

Учитель. Эти звуки, [р], [л], [м] и [н], считаются все-таки согласными, но особыми согласными. Они называются *согласные*, от латинского слова *звук*, то есть звучные. Дельта не зря сказал, что звук [м] — голосистый. В этих согласных мы слышим голос, как и в гласных.

Гамма. Вот вы говорите, [р] — сонорный звук. А он ведь не просто сонорный. Он совсем особенный, страшный, дрожащий¹. Похож ни капли на [л], [м] и [н]. А [л'] — тоже особенный звук, легкий такой, нежный. Лить, легкий — он в таких словах не случайно...

Бета. Мы говорим, что похож тем, что как бы промежуточный между гласными и согласными. А по звуку, на слух, правда, не похож. И по смыслу — он страшный, [р], а [м] и [н] совсем не страшные.

Гамма. А я все-таки считаю, что со смыслом звуки-то, от них слова²⁰⁰.

¹ Аня М., 1-й класс.

²⁰⁰ Об этом ученики спорили на уроках 3–5 и позже. То, что Гамма и Бета называют здесь смыслом звука, Журавлев называет фонетической значимостью и показывает (с помощью процедуры факторного анализа), что с этой точки зрения звуки группируются приблизительно так же, как и в классической фонетике. — в отдельной группе оказываются гласные, выделяются группы мягких и твердых, глухих и звонких согласных. «Фонетическая значимость звуков основана на их физических характеристиках. <...> Звук Б не потому «слабый», что он входит в слово *бык* или *бульон*, а потому, что он твердый и звонкий. Звук М «легкий» не потому, что входит в слово *милый* или *мыла*, а потому, что он мягкий. Звук Г «быстрый», потому что красивый (звонкий), а Ш «медленный», потому что долгий» (Журавлев. Звук и смысл. М., 1981. С. 28–29). Но это касается лишь шкал, которые Журавлев называет шкалами силы и подвижности. Что касается шкал «оценки» (хороший — плохой, безопасный — страшный, радостный — печальный и т. п.), именно такого рода суждение Гаммы о звуке [р], то здесь не удалось обнаружить какой-нибудь прямой зависимости оценки звуков на этих шкалах от физических характеристики звуков» (там же. С. 30). Звук [р] в экспериментах Журавлева информанты оценивают как «страшный», как и многие ученики, и по многим оценочным шкалам он отличается от других сонорных звуков.

Урок 33

Каппа. Значит, нельзя точно разделить гласные от согласных? Получается, что какие-то звуки совсем гласные, какие-то — совсем согласные, какие-то промежуточные, а точно все звуки разделить на согласные и гласные — нельзя.

Бета. Мы говорили, что гласные образуют слог, а согласные нет. Это, кажется, относится ко всем гласным и ко всем согласным.

Эта. А мне кажется, что нет. Вот эти сонорные — они могут слог образовывать. Например, *маи́нр*. Ведь тут только две гласных, а слога три.

Учитель. Скажи по слогам это слово.

Эта. Ты-а-тр. Тот слог, который в конце, он звуком [р] образуется, на этом звуке держится.

Бета. По-моему, тут все-таки гласная. Мы говорим ти-а-тыр. От гласной последний слог¹⁰¹.

Альфа. Все-таки тут два слога: ти-а-тр.

Лямбда. Нет, не два. Ну, два с половиной, может быть. Но никак не два. -а-тр — не один слог, он делится.

Каппа (*смеется*). Разве может быть два с половиной слога?

Учитель. В некоторых языках сонорные звуки образуют полноценные слоги. И, действительно, назвать один абсолютный признак, которым обладают все без исключения гласные и не обладает ни одна согласная, кажется, нельзя. Но все-таки мы их различаем, по разным признакам, и в словах они ведут себя по-разному, хотя некоторые звуки нам кажутся как бы промежуточными — чем-то похожи на гласные, чем-то на согласные¹⁰². Гласных звуков в русском языке счи-

¹⁰¹ М. В. Панов считает, что в словах *маи́нр*, *пе́даи́нр*, *бо́др*, *о́мыс* и т. п. в современном литературном произношении господствует вариант с гласным [тыр]; более старшие носители языка после глухих произносят глухой сонорный: *тиа(тр)*, возможен вариант и со слоговым сонорным [тр] (Панов М. В. История русского литературного произношения. М., 2007. С. 28).

¹⁰² См. прим. 60. Можно предположить, что категории *гласный звук* и *согласный звук* устроены прототипически (см. прим. 53), т. е. нельзя формально выделить

тается шесть: [а], [о], [е], [и], [ы], [у]³³³. Все они образуют слог, они произносятся так, что воздух свободно проходит во рту, не встречая препятствия. Их можно не только тянуть, но и петь. И они умеют различать слова. Вот послушайте такие слова: мул, мол, мал, мыл. Они различаются только одним звуком — гласным. Остальные звуки в них одинаковые. А сами эти гласные различаются между собой по тону, как они произносятся.

Эта. Они все голосом произносятся, и без препятствий. Но рот совсем по-разному устраивается. Когда говорим [а], широко рот открываем. Когда [у] — губы вытягиваем в трубочку. Когда [и] — растягиваем, наоборот, как улыбаемся.

Учитель. Ты правильно заметил, Эта. Звук [а] иногда так и называется — широкий. Звуки [у] и [и] — узкие.

одни или несколько признаков, на основании которых можно было бы строго их различить. Перечислив отличительные признаки гласных и отметив разнотипные «исключения», Л. Бондарко замечает: «Можно утверждать, что звук речи, обладающий перечисленными особенностями, — скорее всего гласный, а не согласный» (Гласные // Лингвистический словарь). М. В. Павлов, однако, выделяет две пары различительных признаков звуков (синтагма-фонем; см. прим. 344): вокальные (гласные и сонорные согласные) — невокальные (шумные согласные) и консонантные (согласные) — неконсонантные (гласные). Сочетаясь, эти признаки образуют ряд из трех членов: гласные (вокальные неконсонантные) — сонорные согласные (вокальные консонантные) — шумные согласные (невокальные консонантные). Сонорные действительно оказываются «проникновенными», как говорят Дельта и Эта (см.: Павлов М. В. История русского литературного произношения. М., 2007. С. 23). Претексты и латинские графоматки делили буквы (*etiohædæm, clement*) на безгласные, полугласные и гласные (см.: Третьяков М. Проблемы языка в античной науке // Античные теории языка и стиля. С. 13–15); в этом случае и некоторые из наших участников.

³³³ Точнее следовало бы сказать, что в русском языке шесть гласных фонем, а не звуков (в слабых позициях гласные фонемы могут быть представлены другими гласными звуками (оттенками), которых гораздо больше. При этом смыслоотличительные свойства пары [ы] — [и] проблематичны. Эти гласные легко различаются артикуляционно и на слух, но в русской речи они не встречаются в одинаковых позициях ([ы] в русских словах не встречается в начале слова, после мягких согласных, носов гласных, [и] — носов твердых согласных). Павлов, например, пишет, что под ударением различаются пять русских гласных (История русского литературного произношения. М., 2007. С. 8). Щерба, отмечая, что [ы] и [и] чередуются фонетически, все же полагает, что «вет оснований сейчас совершенно отклонять «ы» в самостоятельности: потенциально оно может стоять в независимом положении и может дифференцировать слова *исать/мыкать*» (Щерба, указ. соч. С. 238).

Урок 33

Эта. И язык по-разному себя ведет, когда разные гласные произносятся. То поднимается, то опускается, то вперед выдвигается, то назад¹⁰⁴. Можно поднимать язык во рту и тянуть гласный звук — он в другой превращается. А-о-у. А-э-и.

Бета. Ты не только язык опускаешь. Губы еще вытягиваешь.

Эта. Да. Я просто заметил, что они как бы непрерывно меняются, гласные. Друг в друга переходят. Начнешь говорить [а], кончишь [у]. С согласными не так. Не получится, чтобы постепенно [б] превратиться в [т], надо кончить один звук и начать другой. Они сильнее отличаются друг от друга, согласные, — не превратишь одну в другую. А гласные можно друг в друга превратить.

Альфа. Может быть, это еще одно их отличие — гласных и согласных? Согласных больше, и они более разные. И, как Эта сказал, они не превращаются друг в друга.

Бета. Вот эти согласные, которые через нос говорятсЯ, они тоже могут друг в друга перетекать. М-м-и-и. А [р] в [л] постепенно не превратишь¹⁰⁵.

Эта. Гласные — они гласные. Их не спутаешь с согласными. А согласные — они действительно разные, и некоторые более согласные, некоторые — промежуточные, похожие на гласные¹⁰⁶.

¹⁰⁴ В зависимости от степени подъема языка гласные делят на гласные низкого подъема, высокого подъема и среднего подъема. Это деление, впрочем, условно. Щерба выделяет 4 степени подъема гласных, кроме высокого и низкого. Л. Р. Зиндер предполагает, что «от „а“ к „и“ ...ведет непрерывный ряд гласных, возникающий при постепенном опускании или подъеме языка. Три, четыре, шесть или семь ступеней подъема — это лишь условные остановки на этом пути» (Зиндер Л. Р. Общая фонетика. М., 1979. Цит. по: Гласные // Лингвистический словарь). По положению языка в передней или задней части полости рта гласные делятся на гласные переднего ряда, заднего ряда и смешанного ряда. Это деление тоже условно.

¹⁰⁵ На уроке 35 Эта заметит, что можно «постепенно превратить» твердый согласный в шаркий или мягкий.

¹⁰⁶ Ср.: «Согласные могут быть выстроены в ряд по степени выраженности в них консонантных признаков: так, согласный [р] занимает в этом ряду первое место, полностью соответствуя этим артикуляционно-акустическим характеристикам. [л] и [й] по всем признакам могут быть отнесены как к классу согласных, так и к классу гласных и отличаются от гласных лишь в условиях контрастирования в синтаг-

Гамма. Мы еще в начале, когда говорили о звуках — значат ли они без слов, — говорили, что согласные вроде больше значат, чем гласные. Во всяком случае, мы примеры приводили только с согласными, и у Хлебникова тоже такие примеры — на согласные. Может, это как раз связано с тем, что они разнее гласных, больше различаются.

Эта. Гласные зато звучнее, веселее. Как-то веселее, приятнее их говорить¹⁰⁷.

Бета. Лямбда сказал, что гласные громче. Правда, Альфа потом кричал громко согласные — они тоже могут быть громкими. И, как Гамма сказал, голосистыми — [м], [р] и прочие, как их?

Лямбда. Сонорные.

Учитель. Да, согласные тоже могут произноситься громко и звучно, с голосом. Причем интересно, что некоторые согласные нельзя, наоборот, произнести тихо. Попробуйте сказать шепотом слова *бар, жар, док*.

Дельта. Не получается. Получается *вар, шар, ток*.

Учитель. Если мы произнесем согласный [б] без голоса, то получится [п]. А если [ж] так произнести?

Альфа. Из [ж] [ш], получается, из [д] — [т].

Лямбда. Вот эти-то согласные, тихие, [п], [ш], [т], они совсем согласные, настоящие согласные. В них голоса нет.

Гамма. А [б], [д], [ж], [р] — это согласные с голосом.

Альфа. Также промежуточные? Но они все-таки более согласные, чем сонорные.

матическом ряду» (Бендарко Л. В. *Согласные* // Лингвистический энциклопедический словарь). (Здесь используются знаки транскрипции на основе латиницы.) См. прим. 60.

¹⁰⁷ Журавлев полагает, что, хотя по «оценочным» шкалам прямой зависимости от физических характеристик звука не обнаруживается (см. прим. 311), можно, хотя и с оговорками, говорить о некоторых тенденциях к такой зависимости. «Гласные в общем оцениваются как более хорошие, чем согласные» (за исключением звука [м], который по шкале хороший — плохой значимо сдвинут в «плохую» сторону). См. Журавлев, указ. соч. С. 30.

Урок 33

Учитель. Некоторые согласные образуют пары. Если пытаться произнести определенный согласный звук без голоса, шепотом, то он не получится, а получится другой, похожий на него, но, как сказал Ламбда, тихий. В фонетике такие звуки называются *глухими*, а парные им, которые произносятся с голосом, — *звонкими*. Произнесите такие звуки: [ж] — [ш], [д] — [т], [б] — [п], [в] — [ф].

(Ученики упражняются в произнесении парных звонких и глухих звуков.)

Эта. Они похожи очень. Парами похожи, почти одинаково делаются. Во рту все одинаково. Только когда глухие, голоса нет.

Бета. Когда горло болит, так получается.

Ламбда. Даже говорят, что у человека голос сел. Он и говорит одни глухие звуки, громко говорить не может.

Учитель. Назовите еще такие пары — согласные звуки, которые только тем отличаются, что один из них произносится без голоса.

Бета. [з] — [с].

Дельта. [г] — [к].

Учитель. Эти парные звуки хотя и очень похожи друг на друга, но умеют делать важную работу — различать слова. Мы пытались произнести *глухо*, без голоса, слова *бар*, *жар*, *док* — и у нас получились совсем другие слова, *пар*, *вар*, *мок*, слова с другим значением. Придумайте еще такие пары слов, которые состоят из одних и тех же звуков, кроме одного, а этот один — в одном слове звонкий, а в другом — парный ему глухой. Сначала называйте слово со звонким звуком, потом с парным ему глухим, а потом произнесите отдельно эти парные звуки.

Каша. Дело — тело. Пара [д'] — [т'].

Альфа. День — тень. Та же пара.

Дельта. Коса — коза. Звуки [з] — [з].

Учитель. Какой из них звонкий, а какой — глухой?

Дельта. [З], конечно, звонкий.

Учитель. Мы ведь договорились сначала называть слово со звонким звуком, потом с глухим.

Дельта. Да, я должен был сказать каза, потом кэси.

Учитель. Еще такие пары заметили?

Альфа. Вол — фол. Звук звонкий [в] и глухой [ф].

Лямбда. Балка — палка. [б] — звонкий, [п] — глухой.

Бета. Жили — шили. [ж] — звонкий, [ш] — глухой. Как в словах жар — шар. Много таких слов.

Учитель. Видите, различие в звуках может быть совсем небольшое, как между парными звонкими и глухими согласными. Главное, чтобы вы могли его заметить — и тогда эти звуки смогут различать слова.

Гамма возражает против фонетической классификации звуков: каждый звук имеет свой особенный смысл. Не все согласные имеют пару по звонкости — глухости. Особенности звонкие — сонорные. Твердые и мягкие согласные. Они тоже умеют различать слова

Учитель. Мы пытались понять, чем же гласные звуки отличаются от согласных, и выяснили, что это очень трудно объяснить — некоторые согласные чем-то похожи на гласные, некоторые совсем не похожи. И еще мы увидели, что согласные бывают звонкие и глухие. Звонкие немного похожи на гласные, они произносятся с голосом, и у некоторых из них есть пары — очень похожие на них согласные звуки «безголосые», глухие. Их Лямбда назвал настоящими согласными. Такие звонкие и глухие звуки называются парными по звонкости и глухости согласными. Говорят еще, что эти звуки образуют пары по признаку звонкий — глухой. Вы называли пары слов, которые отличаются только такими звуками, а все остальные звуки в них одинаковые — значит, эти звуки умеют различать слова.

Гамма. Все-таки я не согласен звуки так делить. Вот вы говорите, [г] — звонкий. Ну да, он с голосом произносится, и к нему есть пара

глухая — [к]. Но разве он таковой же, как [з], [в]? То есть таковой же звонкий? Он гораздо более глухой. Он не случайно в слове *глухой*¹. А в слове *звонкий* — звонкие звуки — [з], [в].

Каппа. Гамма, а может быть, он кажется тебе глухим как раз потому, что он в слове *глухой*? А например, в слове *гром*?

Гамма. В слове *гром* он громкий. Он вообще громкий, этот звук. Громкий и гулкий. Его правильнее назвать гулким, а не глухим. Громкий и звонкий не то же самое. Гром может быть громким и глухим. А колокольчик — тихим и звонким. Разве тебе [г] кажется таким же звонким, как [з], [в]?²

Каппа. Нет, честно говоря, не кажется. Он только по сравнению с [к] звонкий. В этой паре.

Гамма. Ну по сравнению с [к] — да, звонкий. А сам по себе — не очень. А звуки-то надо слушать сами по себе!³

Бета. А Альфа говорит, что их нет самих по себе, только из слов мы их выделяем. Но когда уже выделили, то кажется, что они есть, прямо как живые.

Каппа. Гамма, а скажи, в слове *глухой* есть звук [л]. Ты тоже считаешь, что он глухой?

Гамма. Также скажу честно, как ты. Нет, звук [л] — звонкий. И даже в этом глухом слове.

Лямбда. Он совсем, совсем звонкий. Он сонорный. А какая же к нему глухая пара?

Эта. Я как раз об этом хотел сказать. Мне очень понравился прошлый урок, как мы тянули гласные, как подбирали парные звуки. Я дома долго этим занимался. И я пытаюсь получить парную к [р].

¹ Вера Далецкая, 1-й класс.

² С точки зрения фонологии звуки речи существуют не «сами по себе», а в системе и связаны в оппозиционные пары, с точки зрения поэтического «звукового символизма» звуки могут быть выразительными и значимыми «сами по себе». Гамма и Каппа спорят об этом начиная с 3-го урока. См. прим. 3, 35, 36, 347.

Урок 34

и никакой другой звук, глухой, не получается. Как будто тот же самый звук, только очень тихий.

Гамма (именно так произносится глухой [ɣ]). Вообще не слышно ничего, только язык во рту дрожит молча.

Эта. Нет, какой-то звук есть, тихий очень, кажется, что тот же самый. И [л] тоже, и другие сонорные. Их нельзя сказать шепотом, без голоса, так чтобы получились другие звуки, парные.

Бета. Звонкие согласные нельзя шепотом сказать — получаются глухие. Мы пробовали на прошлом уроке.

Эта. Да, пробовали — и у нас получались похожие на них, но глухие. Парные. Из [ж] получалось [ш], из [б] — [п]. А вот из [р] и [л] ничего не получается.

Лямбда. Их нельзя глухо сказать. Они самые звонкие, они такие звонкие-звонкие, что у них нет глухой пары. Как гласные — их тоже нельзя глухо сказать¹⁰⁰. Мы не зря сказали, что эти согласные промежуточные, какие-то полугласные.

Каша. Значит, не все согласные парные?

Учитель. Не все. Попробуйте получить глухую пару к [м] или [н].

Лямбда. Не получается.

Учитель. Не все русские согласные парные по глухости — звонкости. Некоторые звонкие согласные не имеют глухой пары, т. е. звука, который произносится так же, но без голоса. Это сонорные [р], [л], [м], [н] и еще один звук [й].

Гамма. Он очень похож на гласный [и]. Только он короткий очень.

Альфа. И буквы у них очень похожи. И называется он «и краткое», я знаю.

¹⁰⁰ В некоторых языках есть т. н. шепотные гласные. Щерба в «Кратком очерке русского произношения» выделяет глухие сонорные, которые произносятся после глухих в конце слова и перед глухими в начале слова (рот — рта [ɥ]). Эти оттенки не осознаются учениками как звуки речи, т. е. не являются фонологически значимыми.

Учитель. Так называется буква, а не звук. А звук [й], действительно, иногда похож на звук [и]. Но все-таки это другой звук, звонкий согласный. И не всегда для обозначения этого звука нужна буква «и краткое». Мы об этом обязательно поговорим, но чуть позже.

Эта. Совсем он не похож на [и]. Он тоже тянется, но он совсем другой. Он жужжит, вот послушайте: й-й-й.

Каппа. Это только если его отдельно произносить. А в словах не жужжит, вот послушай: мой. Там в конце ничего не жужжит. И потом, ты его тянешь, когда отдельно говоришь, и он меняется¹⁰⁰.

Учитель. Это интересный звук, непохожий на другие, он действительно, можно сказать, меняется. Мы поговорим о нем попозже¹⁰¹.

Лямбда. А есть непарные звуки глухие, у которых нет звонкой пары?

Учитель. Такие звуки тоже есть. [X], например. Попробуйте произнести этот звук с голосом.

Эта. [γ]. Можно произнести.

Учитель. Такой звук можно произнести, и раньше он произносился во многих русских словах, где мы сейчас говорим [г]. Говорили: [γ]рад, [γ]ора. А теперь мы говорим: [г]рад, [г]ора. Язык ведь меняется, меняется и произношение. Звук этот есть в некоторых других языках, например, в украинском, белорусском. Так говорят некоторые и по-русски, особенно на юге, но это произношение сейчас считается неправильным.

Эта. О[γ]о — разве неправильно так говорить? А как надо?

Учитель. Есть такие слова — ого, ого, аге — в которых этот звук произносится, и это считается правильным. Это особые слова, междометия, их немного, и никогда в них произносятся звуки, которых в других словах нет. В русской правильной речи (кроме этих междометий) такого звука нет, и он не нужен, чтобы различать слова. Мы не

¹⁰⁰ См. сл. урок.

¹⁰¹ Урок 36. О фонеме [й]. См. прим. 354.

Урок 34

найдем таких слов, которые бы различались только звуками [х] и [γ]. А пары звонких и глухих звуков умеют различать слова: *дом* — *том*, *год* — *кот*, *вол* — *фол*. Вы сами приводили много таких примеров¹⁴¹. Есть еще глухие звуки, которые не имеют звонкой пары. Например, [ч].

Гамма. Тоже можно произнести (*Гамма* произносит звук, похожий на английский [dʒʃ]): *дж* если быстро и слитно сказать, получится как бы звонкий [ч].

Учитель. Да. Такой звук тоже есть в некоторых языках, например в английском. Но в русском языке его нет. Некоторые выделяют глухой звук [щ], как в слове *щука*, который не имеет звонкой пары. Попробуйте произнести [щ] звонко.

Эта. [ж':]ука. Похож на [ж], но немного другой.

Учитель. Такой звук в русских словах встречается, например, в таких словах: *дождик*, *выжигать*. Таких слов не очень много, но они есть, это нормальные русские слова, и в них произносится этот звук — звонкий, парный к [щ].

Альфа. Это просто [ж], разве нет?

Учитель. Нет, он похож на [ж], но другой немного. И он различает слова. Послушайте: *са[ж]ать* и *ви[ж':]ать*. Последние слоги у них разные, и различаются они как раз звуками [ж] и [ж':]. [ж':] парный к глухому [щ], а звук [ж] — парный к глухому [ш]¹⁴². Еще непарный глухой звук — [ц]. Произнесите его звонко.

Эта. Получается как [д] и [з] слитно. Интересный звук.

¹⁴¹ Фонема [γ] существовала еще в начале XX века, в небольшом числе корней, сейчас произносится (в литературной речи) только в словоформах *бо[γ]а*, *бо[γ]у*, *бо[γ]ом* и т. п., но произносилась в этом слове с [γ] факультативно (см.: Панов, История русского литературного произношения. С. 26). Несмотря на, как и некоторые другие классы слов, имеют особую фонетическую систему.

¹⁴² Этот звук Панов, например, выделяет в отдельную фонему, хотя говорит, что ее положение неустойчиво и она «того и гляди изгредет» (Панов М. В. История русского литературного произношения. М., 2007. С. 25–28). Это долгий мягкий ж. Парный ему глухой описывается как долгий мягкий ш ([ш':]). Долгота же является самостоятельным признаком, она всегда сопровождает мягкость. Школьные учителя, как правило, не выделяют фонему [ж':].

Гамма. Да, такой скрежещущий и звенящий одновременно. Жалко, что его нет. Вот помните, стихотворение Хлебникова про лицо? Там ведь поет «гзи-гзи-гзю». А ей больше бы подошло с эти звонким ц, дзи-дзю. Потому что она *цен*ь, и нужен ей звук [ц], но только звонкий.

Бета. Смотрите, все глухие согласные, которые непарные — у них ведь есть пара, мы эти звуки можем произнести. Их только нет в русских словах, но они вполне нормальные звуки, даже как будто словесные. А те непарные звонкие, у которых нет глухих пар, там их совсем нет. Даже их произнести нельзя.

Ламбда. Потому что эти глухие — они обычные глухие согласные, только непарные. А те звонкие непарные — они не просто звонкие, а сонорные. Они даже не совсем согласные — они поются и слог могут образовывать, они немножко как гласные.

Учитель. Согласные звуки образуют еще другие пары. Они тоже очень похожи между собой, но могут различать слова. Помните, мы говорили, что для того, чтобы звуки могли различать слова, достаточно любого, даже небольшого различия между этими звуками, хотя бы по одному признаку. В разных звуках признаки эти могут быть разными. В английском языке долгие и краткие гласные звуки различают слова, хотя они очень похожи между собой, только длиной отличаются, я вам приводил примеры таких слов. В русском языке такие звуки не различают слова. Зато в русском языке есть очень похожие друг на друга согласные, которые различают слова — парные согласные мягкие и твердые. Англичанам их даже трудно различить на слух, хотя они слышат ничуть не хуже нас — просто они не привыкли обращать внимание на это различие, оно для них незначимо — эти звуки в английском языке не различают слов. Вот послушайте такие слова: *мел* — *мел*е. Чем они различаются, какими звуками?

Альфа. Мягким знаком. На конце у одного мягкий знак, у другого нет.

Учитель. Протяни последний звук в том и другом слове.

Альфа. Мел-я-я-я, мел'-я'-я'-я'.

Учитель. Разве там слышен такой звук «мягкий знак»?

Урок 34

Бета. Что ли ты так говоришь: мелмягкийзнак? Говоришь [мел']. Там в конце звук [л'], похожий на [л], но немного другой. Различаются эти звуки: [л] и [л'].

Лямбда. Там буква «мягкий знак» пишется. А звук слышится [л'].

Учитель. Про такие звуки, как [л] и [л'], говорят, что они образуют пару по твердости — мягкости. [Л] — твердый звук, [л'] — мягкий. Есть много слов, которые различаются только этими звуками: лед [л'от] — лот, лук — лок, кол — коль. Многие согласные в русском языке образуют такие пары: [б] — [б'], [м] — [м'], [с] — [с'], [л] — [л'], [т] — [т'], [з] — [з']. Приведите примеры таких разных слов, которые различались бы только одним звуком — в одном слове твердый, в другом — соответствующий ему мягкий.

Бета. Моя — моя.

Гамма. Вес — весь.

Каша. Лес — лесь [лес'].

Лямбда. Кон — конь.

Эта. Мел — мель.

Дельта. Порт — шорт. Глагол такой, например, не *морить те-
пелю*.

Альфа. Они, кажется, всегда на конце, эти мягкие звуки.

Эта. Почему? Совсем не обязательно, чтобы на конце они были. Вот пример, который учитель привел: лук — лок. Там они в начале.

Гамма. И еще, например: рад — рд. Также первым звуком различаются.

Учитель. Приведите еще примеры таких слов, которые различались бы только первым звуком — мягким и твердым.

Бета. Пасть — пасть.

Альфа. Что это за часть? Такого слова нет.

Учитель. Есть такое слово, хотя оно и редко употребляется. Оно означает часть кисти. От него слово *запястье*, которое вы все знаете.

Дельта. Лук — люк.

Бета. Уже говорили.

Дельта. Тогда тапки — тяпки.

Эта. Сок — сэк [с'эк]

Альфа. Да, правда, в начале слова тоже много. Просто на конце как-то лучше слышно различие¹⁰⁰. Но и в начале тоже эти звуки могут различать слова. Я сам могу пример привести: соль — сёл [с'ол]. Ну, одно село, а несколько сел.

Учитель. Послушайте, какой интересный пример привел Альфа. Действительно ли эти два слова различаются только первым звуком?

Альфа. В первом слове первый звук — твердый [с], во втором мягкий [с'].

Учитель. А больше разве нет каких различий? Протяните последний звук в каждом слове.

Эта. Сол'-л'-л', сёл-л-л. Есть. В последнем звуке. Тут наоборот — у первого слова он мягкий, у второго — такой же, но твердый, [л'] и [л].

Альфа. Да, этот пример не совсем правильный, все-таки там два различия. Но я придумал, кажется, такой, который подходит: мышка — мишка. Тут только первые звуки разные, [м] твердый и [м'] мягкий.

¹⁰⁰ Альфа, возможно, ориентируется на графический образ слова, и ему легче услышать мягкий звук там, где мягкость обозначена буквой *в* (не только на конце, но и перед согласными, напр. *ложка* — *палочка*). См. прим. 356. Кроме того, слова типа *жел* — *мел* и *ложка* — *палочка* различаются не только согласными звуками, парными по твердости — мягкости, а в словах *сок* — *сэк*, *лук* — *люк* и т. п. отличаются также и гласными звуками (отличие это позиционное, поэтому считается афономатическим). См. урок 35.

Урок 34

Учитель. А в середине слова могут мягкий и твердый звуки различать слова?

Лямбда. Могут. Вот, например: брак — бряк. Ну, когда упал кто-то, [Р] и [Р'] их различают.

Эта. Крут [крук] — кряк. Тоже [р] и [р']

Бета. Вита — Витя. Имена такие, для девочки и для мальчика. Тут звуки хоть и в конце, но не последние — [т] и [т'].

Альфа. Полка — полька. [л] и [л'].

Дельта. Гроб — греб [гр'об]. [Р] и [Р'].

Учитель. Значит, такие звуки могут различать слова в любом месте слова — в начале, в конце, в середине.

Звонок

Парные твердые и мягкие согласные – действительно разные звуки? Гамма и Дельта спорят с Капшой. Как обозначается твердость и мягкость парных согласных на письме.

Па и пя – различаются только согласным?

Или гласным и согласным? Или целым слогом?

Бывают ли твердые и мягкие гласные? Звуки очень трудно различать на слух. Каппа и Альфа предлагают ориентироваться на буквы

Учитель. Мы узнали о парных твердых и мягких согласных звуках, которые тоже умеют различать слова. И, наверное, у вас возник вопрос: все ли твердые согласные имеют мягкую пару и наоборот или, так же как звонкие и глухие, не все.

Дельта. У меня другой вопрос возник, про эти твердые и мягкие звуки. Слова-то они различают, и сами на слух различаются. Но все-таки они так похожи! Они больше похожи, чем звонкие и глухие. [Д] и [д'] гораздо больше похожи, чем [д] и [т]. И другие тоже. Напри-

Урок 35

мер, [в] и [в']. Или [л] и [л']. Кажется, что это прямо один звук, только в разных словах немного по-разному произносится. Неужели они разные?

Эта. Они знаете чем по-разному произносятся? Когда мягкий говоришь, немного язык поднимашь. [б] — [б'], [т] — [т'], [в] — [в']. Все остальное то же самое. Очень похожи.

Каша. Но раз они различают слова, мы не можем их считать за один звук.

Гамма. Считать-то можем за разные, а слышим как один и тот же. Ну, не такая ведь между ними разница, как между звонкими и глухими [д] и [т], [б] и [п].

Каша. Раз и те, и эти пары могут различать слова, то неважно, большая ли там разница или маленькая. Важно, чтобы была хоть какая-то.

Гамма. Вот помните, мы говорили о звуках, не о том, как они работают, когда различают слова, а просто о звуках самих по себе. Мы тогда приводили примеры, что бывают звуки страшные, добрые, большие и маленькие, веселые и грустные. Что звуки сами говорят что-то, даже не в словах, а сами по себе. И вот мы тогда слушали стихотворение «Слово об Эль». Там [л] и [л'] вместе. Они вроде одно и то же значит.

Учитель. Вспомните, какие в этом стихотворении слова с звуками [л] твердый и [л'] мягкий. И называйте сразу, какой там звук: [л] — твердый или [л'] — мягкий.

Бета. Лист (мягкий), луч (твердый), ладонь (твердый).

Каша. Лось (твердый), лодка (тоже твердый).

Гамма. Лодырь (твердый), лёт (мягкий), лень, ленивец (мягкие).

Дельта. Луг, ложе, лежанка. Там ленивец этот лежит. Луг — твердый, ложе тоже, лежанка и лежит — мягкий.

Альфа. Лапа (твердый).

Лямбда. Легкий (мягкий).

Учитель. Действительно, в этих словах оба звука, [л] твердый и [л'] мягкий, одинаково часто встречаются. И мы сказали тогда, что звук Л легкий и летучий, как бы объединив твердый [л] и мягкий [л'], не различая их по твердости и мягкости.

Бета. И все другие примеры мы приводили — помните, на М: *мелочь*, *малина*, *муха*. Или на Б — *битье*, *бык*, *брани*. Там тоже — и твердое и мягкое³⁴⁵.

Альфа. Мы не знали тогда, что они различаются. Теперь выучились.

Бета. Альфа, но мы же их слышали, и не просто слышали, а старались слушать внимательно. Ведь мы как раз на звуки тогда обращали внимание. И другие-то звуки мы различали. И в стихотворении у Хлебникова тоже они не различаются, а оно специально про звук написано.

Альфа. Может быть, оно написано про букву «эль»? Оно так и называется — «Слово об Эль», а эль — это название буквы. Ведь эти парные звуки, твердые, они одной буквой пишутся.

Гамма. Неподожде, чтобы про букву оно было. Поэт звуки слушает, а не буквы.

Эта. Знаете, звуки [л] и [л'] — их можно друг в друга превратить. Начать твердо, кончить мягко. Постушайте: [л-л-л'-л']. Все-таки это звуки не совсем разные, раз они превращаются друг в друга.

Учитель. Попробуйте другие твердые согласные превратить в мягкие, непрерывно их протягивая.

Дельта. С-с-с'-с'. Можно. Постепенно превращается.

Гамма. В-в-в'-в'. Тоже превращается.

Бета. Н-н-н'-н'.

³⁴⁵ Уроки 3–4. Хлебников, анализируя значение звуков, тоже не различает парных мягких и твердых согласных (см. примеры в прим. 44). См. прим. 347.

Урок 35

Альфа. А вот [б] не превращается. И [к], и [д].

Эта. Такие звуки вообще тянуть нельзя, поэтому они ни во что не могут превращаться. Они остро так произносятся, резко, и сразу заканчиваются¹⁴⁶. А те, которые можно тянуть, те превращаются. Мягкость можно постепенно добавлять. И когда мягкий звук произносим, мягкость в конце появляется. Начинается звук как твердый, потом умягчается.

Лямбда. Ну и что, Эта? Вот ты сам говорил, что гласные можно превратить друг в друга, если тянуть. Но они же все равно разные. [а] на [у] непохоже. А превратить можно: а-о-у.

Гамма. Но они же совсем не похожи, [а], [о], и [у]. А [б] и [б'], [л] и [л'], [п] и [п'] — на слух одно и то же почти.

Альфа. И буквой одной записываются. Может, это и правда один звук?¹⁴⁷

¹⁴⁶ Вспомните согласные [б], [п], [д], [т], [к], [г] и их мягкие пары: нельзя тянуть, и они «ни во что не превращаются».

¹⁴⁷ Спор о твердых и мягких согласных обнаруживает не только трудность звукового анализа для младших школьников, но и возможность принципиально разного подхода к звукам речи. П. С. Жадек пишет: «Существует грубое заблуждение, будто есть какие-то „двойники“, „двойники“, которые могут быть то твердыми, то мягкими. Каждый из звуков в паре п и п', н и н' и др. могут представлять совершенно самостоятельные звуки (фонемы), т. е. способны различать слова. Сравним: мек и мек', лук и лук', нос и нос' и т. п.» (Русский язык в начальных классах, М., 1993. С. 86). (Отметим, что один и тот же звук тоже может представлять разные фонемы, правда, только в т. п. слабых позициях, напр. плет [т] и плед [т'].) Систематическое чередование мягких и твердых согласных в русском языке (и позиционное и непозиционное, фонематическое и прагматическое), а также то, что они обозначаются на письме одной буквой, подталкивает не только детей, но и взрослых носителей языка к объединению парных звуков. С точки зрения школьной фонологии это представление действительно грубая ошибка: твердые и мягкие согласные представляют разные фонемы и в сильных позициях. (В указанном пособии последовательно провозглашен фонологический подход тоже не удастся. Если бы мы понимали звуки только как смыслоразличители, то мы не могли бы характеризовать парные звуки как мягкие и твердые, тем не менее это делается во всех школьных учебниках. Такие звуки, как [к] и [к'], [г] и [г'], с этой точки зрения, строго говоря, не являются разными, они не встречаются в одинаковых позициях. См. урок 39, прим. 384.)

Но фонологический (и вообще теоретический) подход не является единственным возможным по отношению к звукам речи. Звуки могут пониматься не только как

Учитель. Буквой эти звуки записываются одной, но твердость или мягкость парных звуков на письме обязательно обозначается, чтобы эти звуки различать. Потому что различие их важно, значимо — если его не обозначить, то мы спутаем разные слова, например, *мел* и *мель*. Сейчас я расскажу вам, как это различие обозначается. Если слово кончается на мягкий согласный, у которого есть твердая пара, то, чтобы обозначить это, после него пишется специальная буква «мягкий знак», как в слове *мель*. А если на твердый, у которого есть мягкая пара, то ничего не пишется, как в слове *мел*. Когда Альфа сказал, что слово *мель* кончается на мягкий знак, он сказал о букве, которая обозначает мягкость согласного звука [л'].

Бета. А если в середине слова мягкий звук?

Учитель. В середине или в начале слова у парных согласных тоже обязательно обозначается их твердость или мягкость. Если после них идет согласный звук, то так же, как на конце, в случае мягкого согласного пишется мягкий знак, как в слове *поляки*; если согласный твердый, ничего не пишется. А если после парного согласного идет гласный звук, то мягкость и твердость обозначается по-другому — глас-

представители (реализаторы) фонем, но и как самостоятельные «существа», носители смысла, в столкновении этих подходов может быть значимым для формирования слова и речи как предмета понимания. С. Ю. Курганов пишет о «диалоге аналитического и поэтико-синтетического типов лингвистического мышления» и обосновывает необходимость столкновения этих подходов в начальной школе (см.: Курганов С. Ю. *Формы диалога // Философско-психологические предположения Школы диалога культур*. М., 1998. С. 146). Поэтическое вслушивание в звуки речи, напр. В. Хлебникова, объединяет мягкий [х] и твердый [х'] звуки в «простолю», и так же с другими парными твердыми и мягкими звуками (кроме приведенных стихотворения об «Эль» и примеров, приведенных в прим. 44, см. также обобщение: *бег — бог и бык — бок* в анализе «внутреннего слоения», прим. 62) Наши ученики демонстрируют склонности к разному пониманию звуков. Гамма и Дельта близки к хлебниковскому поэтическому вслушиванию в звуки речи, относятся к ним как живым самостоятельным существам; для Каппы важно, как эти звуки работают (различают слова); Эта внимательно следит за артикуляцией звуков (он продемонстрирует это, вслушиваясь в звучание гласных между мягкими согласными); Альфа ориентируется в основном на графический образ слова, поэтому иногда он ближе к выделению фонем, чем другие ученики, но те слова, написанные которых маскирует и звуки, и фонемы, как *аме*, приводят его в замешательство (см. дальше).

Вопрос о парных мягких и твердых звуках возникнет опять на уроке 39.

Урок 35

ной буквой. После твердых парных согласных пишутся буквы а, у, о, э, м, а после мягких — я, ю, ё, е, и. Буквы эти после парных согласных обозначают не только гласные звуки, но еще твердость или мягкость согласного звука. Вы все умеете обозначать это — вы ведь пишете в словах *мама* и *мяч* разные буквы — а и я, хотя там слышится один гласный звук [а]. Почему? — потому, что перед ним разные согласные звуки, [м] и [м'].

Каппа. И такие же слова *рад* и *ред* — там разные буквы пишутся, а и я, чтобы обозначить твердый [р] или мягкий [р']. Это, значит, разные звуки, хотя и буква одна, но их различие все равно обозначается. И слова они различаются.

Бета. Мы, помните, говорили, давно еще, глаголы, которые первым звуком различаются *рыть*, *быть*, *лыть*, *мыть*. Вот есть такие слова, похожие на них, которые различаются одним и тем же звуком, но только твердым и мягким: *быть* и *бить*, *мыть* и *мечь*.

Лямбда. Как же одним и тем же звуком, раз ты сам говоришь, что эти слова различаются?

Бета. Ну, парными звуками. Но, честно говоря, я их все-таки слышу как один, который немного изменяется.

Каппа. Тогда бы ты эти слова, которые привел, слышал бы как одинаковые. А ведь ты их различаешь, сам сказал, что это разные слова.

Эта. Знаете, эти слова не только первыми звуками отличаются. Там и гласные разные, в словах *мыть* и *мечь*. Вот послушайте, я их отдельно произнесу: [м] — [и]. Выговариваются по-разному, [м] как-то глубже во рту говорится. И на слух они разные.

Альфа. Ну вот, они целым слогом отличаются. Вы и я. А не отдельно твердым и мягким звуком. И то же самое *быть* и *бить*.

Каппа. Ы и и, получается, пишутся разные буквы не только, чтобы обозначать и твердость согласного, а они еще и разные гласные звуки обозначают?

Эта. Разные, да. И *мяня* и *мяч* — там гласный звук не тот же самый. Когда учитель рассказывал нам, как обозначается мягкость и твер-

дость согласного, он привел эти слова. Я их произносил про себя и заметил, что гласные тоже разные. Сразу хотел сказать, но не успел.

Учитель. А слова тест ([ɬ]) и теть? Я имею в виду начало, [тə] и [тɛ].

Эта. То же самое, по-моему. И согласные звуки различаются, и гласные другие. Еще больше разница. Даже если тянуть *э*, то не совсем *э* получается. Похожий звук, но не тот¹. И другие слова с буквой *с*, там тоже, по-моему, гласные различаются, не только согласные. *Мёсо* — там совсем не тот гласный звук, что в слове *это*. Там не только [и'] мягкий, но и сам гласный немного мягкий. У него вначале мягкость, у гласного. А у согласного в конце. Когда мы говорим слог, например *те* или *ме*, то у согласного в конце мягкость, у гласного вначале. Они складываются, и получается мягкий слог. Весь слог мягкий². Но и отдельно гласный немного мягкий. Вот я отдельно гласный *с* произнесу, без согласного — он другой. Язык будто выше. А [ɬ] как-то глубже произносится, и рот вроде больше открыт³.

Бета. *(произносила несколько раз ме и мэ, подчеркивая артикуляцию).* Да, вроде и гласные разные. Или кажется только? Может быть, Альфа прав, и звуки сами по себе не различаются, а только слоги различаются — *ме* и *мэ*?

Эта. Или *насть* и *пьянь*, и только начало сравниваю, *ня* и *пя*. Вроде [а] гласный звук и там и там, но они разные. В слове *пьянь* он другой, тоже вроде язык больше поднимается. И на слух разные.

Каппа. По-моему, одинаковые звуки. Вот я их противопоставляю. П-а-а-ать, п'-а-а-а-ть. Согласные разные, гласные одинаковые.

¹ Ана, 1-й класс.

² Каппа Кашенко, 1-й класс. Гласные делит на твердые и мягкие и шипящие-перешипящие С. Ю. Курдюмова (см.: Курдюмова С. Ю. Шестилетние перво-классники // *Детский сад со всех сторон*. № 34–35 (262–263). С. 136, 2003).

³ Между мягкими согласными произносятся более передние гласные [я], [ё], [и]. Различие позиционное, не смысловоразличительное, поэтому, как считают фонетики, на слух улавливается с трудом. Однако некоторые чуткие младшие школьники слышат его. В начальном преподавании, как правило, это различие игнорируется (в том числе и в преподавании по системе В. В. Репкина), детей учат отождествлять эти звуки в качестве именно звуков (а не фонем, как предполагает теоретическая фонология). См. полемику с таким подходом: С. Ю. Курдюмова. Шестилетние первоклассники.

Урок 35

Лямбда. Буквы эти, а и я, э и е, и и ю, разные звуки гласные они обозначают или все-таки одинаковые?¹⁰⁹

Гамма. Разные. Твердые и мягкие. А — твердый гласный звук. А я — мягкий*. Как и и я'. Гласные тоже бывают твердые и мягкие. Эта, по-моему, правильно говорит. И они парами тоже: а — я, э — е, у — ю.

Дельта. Когда ты, Гамма, говоришь я, ты два звука выговариваешь. Й-а. Там [а] есть. Ну, может, не точно [а], Эта говорит, что немного другой гласный звук. Но очень похож на [а]. А еще перед ним [й].

Бета. А — простой звук, а я — сложный. То ли там мягкость, то ли еще звук [й]. И в каждой паре так. Вот как можно это унать: берешь имя буквы, например, я. И тянешь ее. Й-а-а-а. Получается имя для другой буквы, которая с ней парная — буквы я'. Это если конец тянуть. А ничало если тянуть, получится жужжание, как Эта сказал: й-й-й-а.

Лямбда. Эта говорит, что там конец тоже другой. Не такой, как просто а. Отдельно если сказать, будет так: [й]. Какой-то правда мягкий.

Учитель. Послушайте слово яма. Какой там первый звук?

Альфа. я.

Учитель. Послушай: й-й-й-ама. Протяни сам первый звук.

Альфа. Й-й-йама. Да, вроде [й] звук, потом [а]: йа-а-а-ама. Но это только когда тянешь, разделяешь на два звука. А когда слово гово-

¹⁰⁹ С точки зрения фонологии буквы эти обозначают одинаковые гласные фонемы. Тонкое различия в звуках, которое слышит Эта и не слышат другие ученики, иногда называют вариациями одной фонемы (Алансони), иногда отгосками (Шерба). Это различие связано с позиционным чередованием — между мягкими и твердыми согласными. Однако можно было бы сказать, что сами мягкие и твердые согласные позиционно меняются в зависимости от соседних гласных, то есть смысло-различительную функцию выполняет сочетание звуков. Эти примеры относятся к синтагматической (согласительной) стороне фонетики.

* Влад Бетодерковский, 1-й класс, гимназия «Очаг», г. Харьков.

¹¹⁰ Аля Гончаренко, 1-й класс, гимназия «Очаг», г. Харьков.

решь, слышится один звук, я. И буква ведь пишется я. А когда тянешь, от нее отделяется звук [й], как Бета сказал.

Бета. А может быть, как Эта говорит — когда тянешь, не только [й] звук отделяется, но и от самого гласного мягкость отделяется, и он сам меняется? Вот Лямбда сказал отдельно этот звук, и другой получился, чем когда тянешь. Гласные ведь могут превращаться друг в друга, когда их тянешь. А одна буква пишется — она может обозначать сложный звук.

Учитель. Пишется буква я, но ей в этом слове приходится обозначать сразу два звука — [й] и [а]. И так бывает всегда, когда звук [й] перед гласным звуком, например в словах *ель, ёж, яма* — здесь гласные буквы обозначают по два звука: буква е — [й] и [э], буква ё — звуки [й] и [о], буква ю — звуки [й] и [у]. Скажите эти слова, протягивая сначала первый звук, а потом второй.

Лямбда. Й-й-й-ож, й-о-о-ож. Да, кажется, здесь два звука, [й] и [о].

Бета. Й-й-й-ель, Йэ-э-э-ль, [й], потом [э], потом [л']. Хотя Эта говорит, что не совсем [э] и [о], а другие немного звуки, хоть и похожие? Я теперь вроде тоже слышу разницу. Но звук [й] точно есть, хотя в буквах его нет.

Учитель. Звук [й] обозначается на письме по-разному. Когда он на конце слова или перед согласными, то пишется буква «и краткое», как в слове *май*. Когда перед гласными, то он обозначается гласными буквами *я, е, ё, ю*. Эти буквы обозначают в таких случаях звук [й] и гласные звуки [а], [э], [о], [у].

Эта. А я слышу, что другие гласные звуки в этих словах. Я произношу *й-ель*, и звук [й] я слышу, он отдельный звук, согласный, а потом я слышу гласный звук, но не [э], другой. Такой же, как в слове *мель*. Он похож на [э], но там язык по-другому лежит. На слух тоже немного другой. Более узкий. На [и] немного похож. А в слове *май* в конце — совсем другой звук, не такой, как [й] в слове *ель* в начале.

Гамма. Да нет, Эта. Ты когда долго тянешь, там ясно слышно [э]: *йэ-э-э-эль*.

Урок 35

Эта. Йе-э-э-эль. Кажется, что он меняется, этот гласный. Внимале один, потом переходит в другой. Мы же говорили, что гласные могут один в другой непрерывно переходить, если тянуть. Но все равно, он не такой, как [э] в слове этонн. Вот сравни сам.

Гамма. Э-э-э-этот. Йе-э-э-эль. Ну, не знаю. Вроде чуть-чуть есть разница.

Бета. Когда долго слушаешь и специально повторяешь долго, то вообще все звуки начинают как-то плавать. Сразу если не услышишь, потом уже очень трудно.

Каппа. Вот я говорил раньше, про звуки — одному так кажется, другому так. Беспорядок получается. Мы не можем гласные от согласных отличить на слух и по произношению, теперь уже и гласные друг от друга тоже. Я, например, не слышу никакой разницы, а Эта слышит. И Бета правильно сказал, когда вслушиваешься специально, вообще можно что угодно услышать. Если протягиваешь звук, он, может быть, меняется. Может быть, нам только кажется, что эти звуки разные, а может быть, они правда разные. Проверить нельзя, если не слышишь. Я поэтому с самого начала предложил говорить о написанном слове. Там нет этого, оно для всех одинаково пишется.

Альфа. С буквами гораздо легче. Для всех в слове эль первая буква э, и никто не будет спорить, и все поймут.

Учитель. Значит, ты, Каппа, и ты, Альфа, — вы предлагаете по буквам определять, какой звук в слове?

Гамма. А если мы не знаем, как слово пишется? Что, у него тогда и звуков нет?

Каппа. Есть, конечно. Но видите, как трудно их различать...

Урок 36

Опять звуки и буквы. Иногда буквы прячут устройство слова (лай – лаять). Что важнее – как живут звуки сами по себе или как они различают слова? Можно ли договориться о том, какие звуки считать гласными и согласными, глухими и звонкими, мягкими и твердыми – или надо их внимательно слушать, и тогда они сами скажут? Скороговорки собирают вместе похожие звуки

Учитель. Мы обнаружили, что звуки речи очень трудно различать на слух. Бета даже сказал, что когда внимательно вслушиваешься, растягиваешь звуки, пытаешься понять, разные они или одинаковые в разных словах, то они мешаются, и их еще труднее различить. Некоторые звуки только Эта различает на слух, а нам они кажутся одинаковыми. Как же быть? Каппа и Альфа предложили ориентироваться на буквы — их не спутаешь одну с другой, они не превращаются друг в друга, и они для всех одинаковые.

Каппа. Да, буквы как-то надежнее. Путаницы меньше. Главное, что меня расстраивает — это что мы все время, когда слушаем звуки, го-

Урок 36

ворим: кажется, что тут этот звук есть; кажется, что эти звуки одинаковые. И кому-то так кажется, а кому-то иначе. А с буквами такого нет. И еще — звуки короткие. Не успеешь понять, какой звук, и уже его не слышно. Хочешь остановить звуки, протягиваешь — тогда лучше слышно, но, может быть, они меняются. А на буквах написанные можно смотреть сколько угодно, они не меняются, такие же остаются.

Бета. Капша, но буквы-то не просто так. Они ведь звуки записывают. Вот, например, [й] звук. Он то записывается буквой «и краткое», то разными гласными обозначается. А звук-то один! Хотя Эта говорит, что и звуки разные...¹⁰⁰

Учитель. Вспомните, когда этот звук обозначается буквой «и краткое», а когда гласными буквами?

Лямбда. На конце «и краткое», например *лай, рой, лай*. В начале и в середине — гласными буквами, например, *яма, ель, лаять*.

Учитель. А например, *лайка*? Там этот звук в середине слова.

Альфа. Там тоже «и краткое», хоть и в середине.

Дельта. Зависит от того звука, который после.

Лямбда. Да, если согласный, то «и краткое», если гласный — то гласными буквами. Я ошибся, не от того зависит, в каком месте слова этот звук, а от того, какой звук после идет. Если после него согласный звук или никакого звука нет, то «и краткое» пишется. Если гласный, то гласные буквы пишутся.

Учитель. Лямбда привел очень хороший пример. Послушайте слова *лай, лайка* и *лаянь*.

Бета. Это семья однокоренных слов. Гамма такие семья любит, он говорит, что все эти слова вместе вырастают из корня, и не только слова, вещи связаны между собой. Мы еще спорили — Альфа говорил, что когда лайка лает, получается лай. А Гамма говорил, что лай сначала, потом лайка и лает. То есть он про бег говорил, но то же самое¹⁰¹.

¹⁰⁰ Точнее, одна фонема. Произносимые и слышимые звуки разные. См. прим. 104.

¹⁰¹ См. урок 12.

Гамма. Да, это похожие семьи — *бег, бесум, бежит* и *лай, лайка, ласт*.

Учитель. Общий корень у этих слов какой?

Гамма. Лай. Лай-ка, лай-ать.

Лямбда. Вот видишь, Каппа. А если бы мы только по буквам узнавали звуки — в слове *лаять* этот звук как будто не записан. Как будто он прячется в букве я, его не видно. А он там есть. Не кажется кому-то, а есть. Ведь ты не станешь спорить, что корень *лай*, с этим звуком на конце?

Каппа. Нет, не стану. Этот звук там есть. Я его не слышал сначала. А сейчас услышал, когда Гамма сказал, что в слове *лаять* корень *лай*.

Лямбда. Ну вот, тут, наоборот, буквы могут запутать. Они спрятали этот звук, и мы бы могли подумать, что его нет, если бы только на буквах обращали внимание¹⁰². Значит, неправильно по буквам узнавать звуки, они сами есть, звуки-то. Их и надо слушать, а про буквы забыть. Буквы, только когда пишем и читаем, нужны, говорим и слышим мы без всяких букв.

Каппа. Для этого надо не просто слышать. Надо знать, как устроено слово. Например, какой в нем корень.

Эта. Я с Каппой согласен. Я часто с ним спору, а тут согласен. Если просто слушать и говорить слово *лаять*, там никакого [й] нет. Послушайте: [лаят']. Если специально говорить медленно и по слогам, то он появляется: [ла-йат'].

Альфа. Как это он появляется? Мы зачем-то его прибавляем, что ли?

Каппа. Нет, не прибавляем. Он там есть все время. Просто когда быстро говоришь, его не слышно. Когда медленно, слышно. А он все время есть, он от корня *лай*.

¹⁰² Графический образ слов иногда маскирует их морфемный состав, как в слове *лаять*. Но Каппа мог бы привести примеры многочисленных случаев, когда на письме, наоборот, обнаруживается морфемный состав слова, скрытый в его звуковой форме, как, например, в слове *год* (на слух го[г]), в лесу (л[н]су), просидной (про[жн]ой) и т. п. Каппа и Альфа это заметят на следующем уроке.

Урок 36

Лямбда. И даже мы когда быстро говорим, его слышно, если подумать. Он в уме у нас есть. Если я не просто слово говорю, а хочу понять, какие там звуки, я буду медленно говорить, из ума¹⁰¹.

Эта. Когда считаемся, тоже так говорим. Членораздельно, чтобы все звуки было слышно¹⁰².

Дельта. А может быть, наоборот — этот звук, [й], он от буквы я отделяется, когда мы медленно произносим? Там вообще-то звук я. А когда мы произносим медленно, этот сложный звук разделяется, и получается два — [й] и [а]. Как Бета говорил.

Бета. Такой странный звук! То есть, то нет его; то жужжит, то нет; то как гласный, то как согласный. То пишется отдельной буквой, то нет. Еще страшнее, чем мягкие и твердые звуки¹⁰³.

Альфа. Если его нет, то как же мы говорим о нем? Чего нет-то? Почему мы говорим, что нет этого звука, а не какого-то другого? Что исчезает? Там же вообще никакого звука нет. А мы говорим, что нет именно этого. Значит, он как будто есть! Вот как странно!

¹⁰¹ Оля К., 2-й класс.

¹⁰² Щерба говорит об идеальном фонетическом составе слова, который проявляется, «когда употребляем редкое, для собеседника неизвестное слово, когда говорим из другой комнаты, когда говорим занатому, рассеянному, тутовому и т. п., когда поправляем детей, когда хотим привлечь внимание на то или другое слово или даже часть его... когда тишем слова в недоумении или удивлении, когда говорим паразитов или опросу поем и т. д. и т. п.» (Щерба. Указ. соч. С. 143).

¹⁰³ Панов отвечает, что с фонемой йот происходят многие позиционные исключения: перед ударными гласными это согласный [й] — палатальный; сонорный, но с значительным участием шума. Он жужжит: *аблик, ёк, гиль, юд, сомик*. <...> После гласных первого подъема перед согласными он — [н], неслоговой гласный: *уйду, выйду, исторышка*. После гласных [а, о, э] перед согласными йот реализован неслоговым гласным [э]: *море[э]м, стир[э]м, суме[э]м, лаф[э]к, ме[э]к, скани[э]к*. Этот неслоговой [н] или [э], после гласного перед сонорным, может становиться слоговым; возможны оба типа произношения: *лейт-во[э]н* и *во[э']н*, в последнем случае совпадает с *воам*. <...> после гласного перед [н] (а также [э']) <г> представляется нулем: *спрой — спройн, беснокой — беснокоить, мой — мои, стон — стон и под.* (Панов. Указ. соч. С. 30). Замечу, что здесь, как и в некоторых других случаях, Панову при описании функционирования фонем не удалось выдержать заявленный принцип бинарных оппозиций как различительных признаков (считаясь фонем) и приходится употреблять такие выражения, как *сонорный со значительным участием шума, более передняя артикуляция, более закрытый гласный* и т. п.

Каппа. Потому что появляется именно этот звук, а не другой. Вот когда по слогам произносим и внимательно слушаем: [ла-йаг']. [й] появляется, а не что-то другое. Значит, когда быстро произносим, именно *ель* нет. То есть, по-моему, он есть, просто его не слышно. Спрятался. Поэтому я и говорю, что надо знать, как устроено слово, а не просто слушать звуки. Они меняются, и могут прятаться. А этот звук, й, он правда странный такой. Его на слух не понимаешь, и в буквах тоже он прячется — в буквах *я, е, ъ*. Думать надо, а не просто слушать. Вот в слове *ляпть* мы знаем, что корень *лай*, и этот звук обнаружил.

Учитель. Каппа, а ты слышишь в слове *ель* звук [й]? Не думая о том, какой там корень, просто на слух — слышишь?

Каппа. Этот звук слышу. Я не слышу, одинаковые ли гласные в словах *ель* и *этом* или разные. Эта говорит, что разные, а мне трудно их различить. А то, что в слове *ель* звук [й] есть, а в слове *этом* его нет — это я хорошо слышу.

Альфа. Я тоже услышал. И в слове *эма* я его услышал. Я сначала думал, что там один звук *я*, а теперь я понял, что это целый слог, *й-а*. Может быть, потому мне так казалось, что там одна буква пишется.

Бета. Вот Лямбда и говорит, иногда из-за букв кажется. Каппа думает, что кажется — только когда мы звуки слушаем, и ему это не нравится, а в буквах, он считает, все по-правильному и для всех одинаково. А ведь иногда кажется как раз из-за букв. Вот помните, Альфа сказал, что в слове *мель* — мягкий знак на конце. Это он про букву *фа* сказал, а кажется, что отдельно такой звук.

Дельта. Мне не кажется. Я слышу мягкий [я'].

Эта. А может быть, когда тянешь этот звук, то он постепенно умягчается? Сначала просто *л-л-л*, а потом в конце мягким делается. Мне, по крайней мере, так кажется, я об этом уже говорил. Вот послушайте: *л-л-л-л'-л'*. Тогда можно сказать, что этот мягкий знак в конце — он добавляет мягкость к [л].

Каппа. Опять кажется! Мы же когда говорим, не тянем эти звуки.

Урок 36

Учитель. Каппа, ты на слух различаешь слова *мел* и *мель*?

Каппа. Различаю. По последнему звуку и различаю. Но если вслушиваться, как Эта делает, сразу он мягкий, этот звук, или только в конце умягчается — я этого не понимаю. Уже потом и на слух перестаю различать. Но я же знаю, что слова эти разные.

Бета. Альфа считает, что мы узнаем на слух только слова, а уже из слов — звуки.

Каппа. Ну да, эти слова разные, возможно в них разные последние звуки. Тут все ясно. А когда мы слушаем и говорим сами звуки, без слов, да еще тянем их — может быть, они вообще меняются³⁰¹. И потом мы не можем услышать одинаково. Вот Гамме кажется, что [г] не очень звонкий, что он густой, другим же кажется. Эта лучше звуки различает, такие различает звуки, которые для меня одинаково звучат. А в словах всем понятно. Гол и кол разные слова, первые звуки их различают. Звуки [г] и [к], значит, различаются, один глухой, другой звонкий.

Альфа. Надо просто договориться, какие звуки звонкие, какие глухие.

Дельта. Ну да, договориться. Вот я тебе предложу: давай, Альфа, будем считать [л] глухим звуком. Ты не согласишься!

Лямбда. Конечно, про [л] никто не согласится. Он такой звонкий-презвонкий, что его нельзя считать глухим.

Эта. Он сонорный, у него даже глухой пары не может быть, такой он звонкий.

Бета. Его глухим считать никак невозможно. Но есть звуки как-то промежуточные.

Альфа. Я же не говорю [л] звонким считать. Я говорю про те звуки, сомнительные, про которые мы спорим. Которые один так слышит, другой по-другому.

³⁰¹ Каппа прав, иногда звуки меняются при протягивании. Особенно отчетливо это с некоторыми редуцированными гласными.

Бета. Ты сам, Альфа, говорил, еще давно, что нельзя договориться и назвать вещь как хотим, потому что у каждой вещи есть свое имя. И мы еще про называние говорили — называть надо правильно, не как попало. А звуки ведь тоже — назовешь звонкий звук глухим, он не согласится.

Альфа. Я так говорил, Бета, не про звуки, а про вещи и слова. Потому что вещи и слова есть сами по себе. Они есть, а про звуки еще неизвестно. Мы словами целыми говорим, а не отдельными звуками. И потом, я же не говорю — как попало договориться, просто как захотим. Вот звук [л], конечно, звонкий. И [м], [н]. [Х] точно глухой. Все их так слышат. А есть звуки, которые трудно различить. Вот про них договориться. Со смыслом надо договариваться, а не просто так.

Гамма. Чтобы договориться со смыслом, как ты предлагаешь — для этого слушать надо звуки. Они сами скажут тебе, какие они. А если ты думаешь, что их нет самих по себе, то ничего не услышишь.

Учитель. Гамма, но ведь Каппа и Альфа все время обращают внимание на то, что мы слышим звуки по-разному.

Дельта. Может быть, они одному говорят одно, другому — другое?

Бета. Кто говорит?

Дельта. Звуки. Кто умеет их слушать, тому они скажут, какие они на самом деле.

Альфа. Может быть, мы правда не умеем их слушать. Учиться надо слушать и различать их. На слух ничего не слышно, никаких самих по себе звуков нет, просто так их не услышишь, ушами. Наука есть, где какие звуки надо слышать. Я вот не знал, что в слове ями звук [й] — и не слышал его. Теперь знаю. Он там от буквы я получается. И я его теперь слышу¹.

Бета. Моя сестричка начала учиться писать, печатными буквами. И она пишет й-ама, букву «и краткое» пишет. Значит, она такие зву-

¹ Толя Акутин.

ки слышит. А ведь ее никто не учил специально звуки слушать, ее учили только буквы рисовать¹⁰⁰.

¹⁰⁰ Это типичное написание для дошкольников, самостоятельно осваивающих письмо и пишущих на основе прямого соответствия звук-буква. В дальнейшем у пишущего и читающего ребенка представление о звуках речи прочно связывается с буквами, и при попытках выделить звуки появляются ошибки, связанные с неразличением звука и буквы и ориентацией на букву. Типичным для первоклассника, умеющего писать, является утверждение, что слово *ям* начинается со звука *а*, а слово *сад* кончается звуком *й*. Некоторые педагоги даже утверждают, что «до начала обучения ребенка, как правило, отличный фонетист», а начал обучаться в школе, он «перестает слышать звуки... В результате ориентации на букву фонетика утрачивает для ученика свой предмет» (Русский язык в начальных классах. Теория и практика обучения. М., 1993. С. 77). Это касается не только школьников. В неоднократно упоминавшемся исследовании Журавлева, выделяя звуки для экспериментального анализа, автор сталкивается с аналогичной проблемой. Он приводит пример со словами *сады* и *серена*. В этих словах в первом слове произносится один и тот же редуцированный гласный звук *э*, но респонденты (взрослые) «слышат» в первом слове *а*, во втором *ы*. Журавлев объясняет это тем, что, во-первых, мы помним, что в сильной позиции в первом случае появится *А* (*сад*), во втором *Ы* (*сар*), во-вторых, для обозначения этого звука пишутся разные буквы, которые, даже когда мы не читаем, а слушаем или произносим эти слова, «оказывают давление на наше восприятие, заставляя разумно воспринимать не то, что слышится, а то, что пишется». Учитывая это обстоятельство, он фактически анализирует не собственно звуки, а то, что он называет *звукобуквами* — иногда это фонемы, иногда слогов, обозначавшихся на письме одной буквой (*м*, *л* и т. п. в словах типа *ям*), иногда — «звукобуквенные образы» (например, слово *люблю* для анализа берется с таким видом: *л'юбю'*), помня, что в сознании его (грамотных) респондентов существует «единый звукобуквенный образ». Журавлев приводит строчку А. Вознесенского (из стихотворения о славянской азбуке) «И фырчит «Ф», похожая на филина», где «звукообраз» филина сравнивается со звукообразом «Ф», соединяющим звук и букву (не случайно похожие, в среднем ряде) (Журавлев. Указ. соч. С. 13–14). В приведенном в прим. 35 фрагменте «Краткого руководства к красноречию» Ломоносов, указывая, кажется, на то же явление, которое Журавлев называет «фонетической значимостью», тоже говорит о *нечислах*, т. е. буквах, составных на «их произношение», и перечисляет, наряду с другими, *а*, *ю*, *я* («и даже «бесчисленные писмена в оточении согласных в середине и на конце речений»). Под влиянием письма может меняться и произношение: многие не только слышат, но и произносят «ш[а]ры» (старая литературная норма ш[и]ры) и т. п. Ср. высказывание Соссюра о своеобразном «графическом фетишизме», приведенное в прим. 18. Среди вещей учеников больше всего к вому слову Альфа, для которого звуки речи вообще не существуют самостоятельно, многие всего — Эта, который считает звуки отдельными самостоятельными существами и с первого урока с увлечением прислушивается к ним и наблюдает, как они «делаются во рту». Но, возможно, здесь скрывается не только ориентация на графический облик слова, но и представление о его морфемном составе (например, интуитивное вычленивание корня *сар* в слове *серена*). Ср. на следующем уроке реплику Канни о том, что в слове *мод* на самом деле звук [д], потому что там тот же корень, что и в словах *ладу*, *лодмод*, *лодмоды*, и реплику Лямбды о словах *саммар* и *сермар*.

Учитель. А мы уже умеем писать и иногда делаем ошибки, пытаюсь поделить слово на звуки. Как вы думаете, почему?

Лямбда. Некоторые ошибки делаем, потому что буквы и звук путаем. Пишем букву *л*, и нам кажется, что звук такой, в этом самом слове *лям*. Начинаем внимательно звуки слушать, тогда ясно становится.

Каппа. Совсем не ясно. Наоборот, когда начинаем прислушиваться, да еще протягивать эти звуки, все запутывается. Бета правильно сказал, что угодно можно услышать, если долго прислушиваться.

Учитель. Так что же делать, Каппа? Договориться?

Каппа. По-моему, уже люди договорились. Где звуки различают слова, те звуки разные. Если нет, то услышать различие можно, если вслушиваться внимательно, но как бы договорились не обращать на него внимания. Где в словах корень одинаковый, то там звуки должны быть одинаковые. Пусть мы какой-то звук не слышим, но он должен быть там.

Гамма. Звуки же нужны не только для того, чтобы различать слова. Помните, мы слушали стихи и скороговорки? Там они живые, звуки. И из них можно слова делать, которых нет, но они могли бы быть. Как Хлебников. Там они живут по-своему, эти звуки. В обычных словах, как вы говорите, работу делают.

Лямбда. А в обычных словах они, что ли, не живут, мертвые? Еще какие живые. И работу делают, слова различают, и претворяются друг другом, и меняются, и бывают веселые и страшные, добрые и злые, и еще всякие, ведь не только в заумных словах, но и в самых обычных.

Эта. Да, вот скороговорки, которые мы говорили на первых уроках, и еще недавно вспомнили, когда о звуках говорили. Там слова самые обычные, никакие не заумные. А звуки там, как Гамма говорит, живут сами по себе, бегает друг за другом, цепляются. Но они так устроены, эти скороговорки, там звуки также вместе... Вот послушайте: *Карл у Клары украл кораллы, Клара у Карла украла кларнет*. Тут звуки самые живые [р] и [л]. Они во всех словах. И мы теперь знаем, что они чем-то похожие звуки, сорванные. А [к] звук — совсем другой. Он за них цепляется.

Урок 36

Учитель. Послушайте и проговорите скороговорку *Шла Саша по шоссе и сосала сушку*. Какие тут звуки заметны, живут сами по себе?

Дельта. [ш] и [с]. И они тоже похожи, они глухие, их можно долго тянуть. [ш] — шипит, [с] — свистит. А на [р] и [л] совсем не похоже.

Бета. А вот еще скороговорка: *Бык, бык, туногуб, туногубенький бычок*. Тут совсем другие звуки сами по себе, заметнее других. Они совсем не тянутся, ни капли, они, наоборот, быстро, резко произносятся: [б], [п], [т], [г], [к]. И тут две пары звонких и глухих: [б] и [п], [г] и [к]. Только [л] не хватает, чтобы была пара к [т].

Дельта. И такие же почти звуки в скороговорке. *От топота копыт пыль по полю летит* — [т], [п], [к]. Но все они глухие. Резкие, но глухие. Как топот. А во второй половине добавили [л'], сонорный, мягкий, и совсем по-другому сразу все звучит. Он такой гладкий, [л'], летучий, легкий... Как пыль летит.

Лямбда. Эти скороговорки собирают вместе такие звуки, которые похоже делаются: или они сонорные, или такие быстрые, резкие, или шипяще-свистящие¹⁷⁷. А как добавишь «чужой» звук, непохожий, сразу замечашь, как это [л'] в Дельтиной скороговорке. Вот, может быть, в них-то, в скороговорках, и легче услышать, какие они, звуки? Легче, чем в обычных речах?

Бета. Ты, Лямбда, говорил, что в обычных речах тоже звуки немножко волшебные и живые, только не так это заметно, как в стихах, скороговорках, всяких заклинаниях¹⁷⁸. Я согласен с тобой. Только мы это не всегда замечаем. А скороговорки так устроены, специально, чтобы мы это заметили.

Звонок

¹⁷⁷ Эти скороговорки выделяют и сталкивают согласные по способу образования (*От топота копыт пыль по полю летит*, *Бык, бык, туногуб, туногубенький бычок* — сталкивают взрывные согласные; *Шла Саша по шоссе и сосала сушку* — фрикативные; *Кара у Клары укрыв кораллы*, *Клара у Карла украла кларнет* — сонорные плавные).

¹⁷⁸ Урок 11.

Урок 37

Не только буквы, но и звуки могут прятать от нас устройство слова. Слово бывает на слух не такое, как на самом деле. Звуки не всегда могут различать слова. Каппа: слова состоят не из звуков, а из неслышных кусочков (фонем). Спор о фонемах: на самом ли деле из них состоят слова, или их учёные придумали? Где и как есть фонемы?

Учитель. Мы все заметили, что очень трудно понять, из каких звуков состоит слово, просто прислушиваясь к нему. И Каппа с Альфой предложили обращать внимание на буквы, а не на звуки. Буквы надежнее, сказал Каппа. Но мы обнаружили одну очень интересную вещь, на примере, который привел Лямбда, с семьей слов *лай, лайка, лаять*. В слове *лаять* буквы прячут устройство этого слова — там не видно корня *лай-*, с последним звуком [й]. А на слух мы его слышим (правда, слышим только когда медленно, по слогам произносим), и из сравнения этих слов понимаем, что именно этот корень. Значит, бывает так, что буквы не помогают нам, а, наоборот, мешают — скрывают устройство слова.

Лямбда. Буквы иногда прячут звуки, поэтому.

Урок 37

Учитель. Послушайте, пожалуйста, пару слов, которую мы уже приводили: *год — кот*. Разные слова, правда? Какие звуки их различают?

Каппа. Первые звуки, парные. [Г] — звонкий звук, [к] — глухой.

Учитель. Остальные звуки одинаковые?

Альфа. Последние звуки тоже разные, [д] и [т]. Тоже пара — звонкий и глухой.

Гамма. Альфа, разве ты го[д] говоришь? Говоришь го[т]. Вот скажи.

Альфа. [Гот].

Бета. Вот интересно как — Альфа сам говорит [гот], а слышит [год].

Альфа. Это из-за буквы. Я забываю.

Лямбда. Наоборот, ты не можешь забыть, помнишь, какая там буква. Из-за этого слышишь звук другой¹⁰⁰.

Каппа. Послушайте, ведь там *на самом деле* звук [д]. Не просто Альфе кажется так, из-за буквы. *На самом деле* [д].

Учитель. Скажи это слово и послушай последний звук.

Каппа. Я говорю и слышу [т]. [Гот] говорю. Но на самом-то деле там [д], это просто на слух так кажется. Ведь мы говорим *в году, полгода, годового*. Тут-то точно [д] звук, и слышно [д], и пишется *д* буква. Значит, и *год* — там тоже *д*. Корень-то один. Мы на прошлом уроке определили, что в слове *лаять* корень *лай*, независимо от букв, которые пишутся. В буквах его нет, этого [й], а *на самом деле* есть. И со словом *год* то же самое. Ну и что, что звук слышен другой. Надо корень определить. Там *на-настоящему* звук [д], только слышится [т]. Он *притворяется* другим звуком, глухим, и мы его так слышим, а на самом деле [д] звук¹⁰¹. И то же самое в слове *давать*. На самом деле звук [й] там есть, но мы не слышим его. А он есть.

¹⁰⁰ См. прим. 354.

¹ Пети Филатов, 2-й класс.

¹⁰¹ Каппа очень близок к идее фонем. То, что он называет настоящим звуком — фонема, которая в сигнификативно слабой позиции «притворяется» другим звуком, в данном случае — парным глухим.

Эта. Что значит *на самом деле*? Слышно на самом деле [т]. Ты же сам сказал, что ты такой звук слышишь. А то, что [д] в этом корне, в других словах — это ты не слышишь, когда говоришь *год*. Просто *знаем*. Значит, *на самом деле* [т]¹⁰⁴.

Лямбда. Ну, еще неизвестно, что *на самом деле* — что мы слышим или что мы знаем. Когда слышим, может неправильно показаться. Можем вообще услышать то, чего нет на самом деле. Так и говорим — *послышалась*.

Бета. На уроках про число мы тоже думали — что такое *на самом деле*? Числа, например, — есть ли они на самом деле? Или есть только то, что мы видим? Мы же их не видим, чисел. Видим вещи, а числа *знаем*.

Учитель. Вернемся к словам и звукам. Мы на прошлом уроке заметили, что буквы могут прятать от нас состав слова, например, его корень, как в слове *ляинь*. Теперь Каппа заметила, что и звуки, оказывается, могут прятать корень — как в слове *год*. Мы слышим [гот], но знаем, из других слов, что корень там *год-*. А вот послушайте слово *лук*.

Бета. Ну, нормальное слово, простое. Все звуки понятные. Вначале звук [л], звонкий, сонорный, потом [у] — гласный звук, потом [к] — глухой, твердый. Сопласные оба твердые.

Учитель. А теперь послушайте два предложения. Первое такое: «Утром, когда солнце взошло, я видел, как одуванчики раскрывают свои ладони, и от этого лут становился опять золотым». Оно из рассказа писателя Михаила Пришвина, который называется «Золотой лут». А вот второе: «Лук сей блестящий стрелец, натянувши, искусно владил». Оно из эпоса «Илиада». Из какого предложения я взял слово *лук*?

Альфа. Из второго, конечно. В первом лут, со звонким [г] на конце. Во втором лук — оружие, с [к], глухим. Другое совсем слово.

¹⁰⁴ Примерно так полагают некоторые лингвисты, например Шерба — что звук — объективный акустический факт, а фонема — субъективное психологическое обозначение.

Урок 37

Учитель. Послушайте еще раз «лут становился опять золотым». И «Лук сей блестящий...»

Бета. Одинаково звучат эти слова. [Лук], глухой [к] на конце, в обоих предложениях.

Учитель. Альфа, ты какой звук слышишь на конце слова лук в сочетании «лут становился опять золотым»?

Альфа. Ну, вы мне объясняли, что там глухой звук, лу[к]. Но все-таки мне как-то хочется услышать лу[ɤ], со звонким звуком.

Бета. Вот, помните, у Хлебникова: На ложе лопы на луку. Это тот же самый лут, что с одуванчиками. И ясно, что в нем [г]. И слышно [г]: на лу[ɤ]у. А когда говорим «лут становится золотым», то слышно лу[к]. Дельта не зря все время говорит, что в целом предложении только понятно, какие слова.

Лямбда. Даже и в предложении не всегда будет понятно. Например, такое предложение: «Мне очень нравится этот лук». Вот, целое предложение, но непонятно, про какой лук.

Дельта. В целом разговоре будет понятно, какой лук тебе нравится. Если про войну говоришь, один, если про природу — другой.

Альфа. Слова-то это разные. По буквам будет видно, что они разные. Даже если только одно слово записать, а не целый разговор. В одном слове буква к на конце, в другом л.

Учитель. Послушайте слова *самовар* и *сыровар*. Первый гласный в этих словах одинаковый или нет?

Ученики несколько раз произносят слова и прислушиваются.

Бета. Тут то же самое, что и с луком и лусом. По буквам разный. На слух вроде одинаковый.

Альфа. На слух тоже разный. Если тянуть эти звуки, слышно, что они разные. Са-а-а-мовар, сы-ы-ровар.

Эта. Ты его изменял, этот звук. Этот звук непонятно какой. Короткий очень, прямо не успеваешь услышать. А когда протягиваешь, он

меняется. Про согласные еще можно спорить, что они меняются, когда протягиваешь. А этот короткий гласный точно меняется, совсем другой становится, когда тянешь его.

Бета. Получается, что мы протягиваем *букаа*, а не звук. И получается он, звук, разный из-за букв.

Каппа. Ну как можно букву протягивать, Бета? Мы же не буквы говорим. Звук ртом тянем. А букву вообще протягивать нельзя. Букву можно только несколько раз написать, и это будет не длинная буква, а несколько букв одинаковых. Буквы, они отдельные.

Лямбда. Не только из-за букв разный этот звук. В слове *самовар* а, потому что он сам варит. В слове *сыровар* ы, потому что *сыр* варит.

Гамма. А слышно-то одинаково или нет?

Альфа. Не понять теперь уже, как слышно.

Каппа. Незажно. Там на самом деле а, в самоваре, и ы, в сыроваре. Как слышно, незажно. Слова на самом деле сделаны не из звуков и не из букв, а из таких маленьких кусочков, которые слышны как звуки, иногда разные, иногда одинаковые, а пишутся буквами.

Альфа. А сами-то они, эти кусочки — что такое? Если они и не звуки, и не буквы, как мы их узнаем?

Каппа. В уме когда представляем, из чего слова. Они как звуки, но неслышимые. Когда подумаешь в уме слово *год*, то последний звук подумаешь [д]. Вслух произнесешь «год» — получится го[t]. Когда думаешь слово *самовар*, то гласный звук подумаешь [а]. А как он слышится, вообще непонятно, он такой короткий, что не успеваешь услышать.

Эта. Как это, Каппа — неслышимые звуки? Звук — это то, что слышно.

Лямбда. Может быть, когда мы в уме представляем звуки, то там эти Каппины кусочки неслышимые. Вот подумай, вспомни какой-нибудь звук. Ты его сейчас не слышишь. Он как будто отпечаток, след от звука. Неслышимый звук. Звук, но неслышимый. Как будто от звука слышимое убрали. Сказали и убрали слышимое. То, что осталось, — это неслышимый звук. Как если нарисовать линию и стереть.

Урок 37

Каппа. А может быть, наоборот. Вот очень тонкий волосок, мы его не видим. А тень от него может быть больше и шире, ее видно будет. Вот этот звук, который в уме, не слышен, а слышимый звук — как бы тень от него.

Альфа. Ничего не останется, если от звука звук убрать.

Гамма. Нет, останется. След какой-то неслышимый

Бета. А если как Каппа говорит про волосок, то получается наоборот — звук как бы след, слышимая тень от неслышимого¹⁰².

Альфа. Не может быть такого — чтобы невидимое и неслышимое делало тень.

Гамма. Мы, может быть, вообще так думаем. Не словами, а как будто теньми слов... Они как неслышимые слова. Когда мы думаем, мы ведь слов не слышим. А как-то представляем. Как будто говорим совсем-совсем тихо, неслышно.

Бета. Если говорить тихо, неслышно, то звуки смешиваются. Мы еще раньше, помните, пытались шепотом произнести звонкие звуки — не получилось, вместо них глухие парные получаются. И даже иногда когда громко говоришь, вместо звонкого глухой получается, как в словах *год, луг*. А когда в уме представляешь, ты их различаешь, эти звуки¹. Я когда думаю слово *сырчмар*, я и представляю, когда *самовар* — а

¹⁰² Аналогичные образы возникают у учеников на ранних уроках при попытках представить идеальные существа. Ср., например, как ученики 3-го класса (учитель С. Курганов) обсуждают Евклидово определение линии («линия без ширины»): «(Пн.: Возьмем волосок. Он не виден. Но мы же можем увидеть тень от него. Она будет больше и шире. <...> Мю и Каппа: У нас есть еще способ нарисовать и увидеть линию Евклида. Мы соглашаемся, что у нарисованной «линии», даже у самой тонкой, есть площадь. Вот мы ее нарисовали. Но это — полоска [а не линия. — И. В.]. Вот мы стираем ее тряпкой. Получается она невидимая, но как бы есть. Как бы линия. <...> Мю. А можно так. Мы и полоску не будем рисовать! Мы просто проведем тряпкой по доске. Это будет невидимая линия» (Азуткин А. В., Библер В. С., Курганов С. Ю. Античная культура. Воображаемые уроки в 3–4-х классах Школы диалога культур. М., 1995. С. 71–72). Ср. у Платона об изображении как одной из ступеней познания (речь идет о круге): «На третьем месте стоит то, что нарисовано и затем стерто или выточено и затем уничтожено» (7-е письмо, 342c).

¹ Елена Филанова, 3-й класс.

Лямбда. Ты потому что о сыре думаешь. О слове сыр.

Альфа. Или о букве и.

Бета. Мы говорили все время о том, что звуки различают слова. А теперь получается, что не звуки различают, а эти непонятные кусочки, неслышные следы, которые в уме только. И, может быть, в этом дело — вот Каппа все время говорит, что произносят все по-разному, одно и то же слово, а мы узнаем его как одно и то же — может быть, именно потому, что звуки-то разные, а вот эти кусочки неслышные, как бы мысленные звуки, одинаковые? И наоборот, в словах самовар и сыровар — звуки, гласные, одинаковые, а мы их различаем³⁴².

Гамма. Умом-то различаешь, не ушами³.

Дельта. Как это? Звуки ведь ушами слышишь.

Учитель. Иногда звуки хорошо слышны ушами, но они не могут различать слова. Вот я вам приводил пример — слова *лук* (оружие) и *лук* (пужайка) — разные слова, правда? Но звуки в них слышатся одинаковые. И только когда мы услышим эти слова в целом предложении, или увидим написанными, или вспомним другие формы этих слов — *луку* и *луку*, например, мы увидим, что этот последний кусочек разный — в одном слове /k/, в другом /t/. С другой стороны, в словах *год* и *погода* ясно слышатся разные согласные звуки, [t] и [д], но, как говорит Каппа, на самом деле в там и там один «кусочек», /d/. Что-то похожее на эти кусочки, о которых говорит Каппа, ученые называют *фонемами*. Мы можем тоже употреблять это слово, но будем помнить, что это очень сложная вещь, и по этому поводу в науке идут споры, что именно называть фонемами³⁴⁴. (Об этих спорах мы потом узнаем.)

³⁴² Л. В. Щерба пишет, что смысл слова у людей, вполне владеющих языком, ассоциирован «со звуковым словом-типом, которому может соответствовать колеблющийся произношение, причем размах этих колебаний бывает очень значителен» (Щерба Л. В. Языковая система и речевая деятельность. М., 2007. С. 114).

³ Катя Кошечко, 2-й класс.

³⁴⁴ Приведу несколько определений фонемы.

Р. Якобсон: «Звук, наделяемый различительной значимостью, звуки, при помощи которых можно дифференцировать значения слов, получали в науке о языке

Фонемы — это как будто звуки, но не сами по себе, как мы их слышим, а поскольку они выполняют в речи особую работу. Вот, например, звук

специальное название. Их называют *фонемами*. Так, в русском языке закрытое е и открытое е — всего лишь варианты одной фонемы, варианты, которые называются позиционными (комбинаторными), поскольку они зависят от позиции, которую занимает звук, от его окружения: перед мягкими согласными звук е может быть только закрытым, во всех остальных случаях — только открытым» (Звук и значение // Якобсон Р. Избранные работы. С. 45). Различия в гласных звуках (аустические и артикляционные), которые замечает Эга (см. урок 32), являются позиционными, эти звуки являются разными вариантами одной фонемы.

Л. В. Щерба: «Фонемой называется кратчайшее общее фонетическое представление данного языка, способное ассоциироваться со смысловыми представлениями и дифференцировать слова и могущее быть выделено в речи без искажения фонетического состава слова» (Указ. соч. С. 121). Поясняя это определение, он приводит такие примеры: /л/ в словах *лал, был, ял, дал* ассоциировано с представлением прошедшего времени; /а/ в словах *карава, вода* ассоциировано с представлением субъекта; /у/ в словах *корну, вуду* ассоциировано с представлением объекта (там же. С. 114–115). В отличие от Якобсона, который приписывает фонеме лишь различительную значимость, Щерба полагает, что фонемы (потенциально) ассоциируются со смысловыми представлениями. Подобно тому, как слово может быть определено как потенциальный минимум предложения, фонемы могут быть определены как потенциальный минимум морфемы (см. урок 31). Для Щербы фонемы имеют когнитивскую природу и противопоставлены звукам как объективным акустическим явлениям. Реально произносимые и воспринимаемые на слух различные звуки, в которых реализуется обобщенный звуковой тип (фонемы), он называет оттенками фонемы, среди которых один, как правило, является самым типичным для данной фонемы, и именно он осознается носителями языка как звуковой элемент (там же. С. 132).

М. В. Панов различает *синтагма-фонему* (выполняющую различительную функцию) и *парадигма-фонему* (отжествительная функция). Парадигма-фонема — это ряд позиционно чередующихся звуков, о которых говорит, что они представляют эту фонему. Синтагма-фонемой Панов называет отдельный различительный признак звука (например, мягкость, целое образование и т. п.), но, специально оговаривая это, часто применяет этот термин к совокупности таких признаков, образующий сегмент речи (звук). Это второе употребление представляется более удобным, т. к. позволяет соотносить синтагма-фонему с парадигма-фонемой и познать фонему как сегмент речи (она соотносится и с определенным Якобсона — звуком, понятым с точки зрения их различительной функции).

Попытка наших ученых выделить единицу, «кусочек», из которой «на самом деле» состоит слово, приводит к объединению и смешению синтагма-фонемы и парадигма-фонемы (в терминологии Панова) — этот «кусочек» одновременно и различает, и отождествляет значащие части слов. Формирующиеся представления о фонеме отталкиваются от теоретического понятия в том или другом варианте. Учитель «поддразывает» ученикам сознательно — это представление существенно, как некоторый «монстр», удерживающий (а не разрешающий) реальную проблему. О значимости подобных монстров см.: Юриным С. Ю. Формы монстров.

можно произнести громко и тихо, но от этого слово не станет другим. А если в слове *мель* последний звук произнести не твердо, а мягко, то получим другое слово, *мелъ*. Поэтому такой признак звука, как мягкость, не относится к фонеме, а такой, как мягкость, — относится. Звуки как фонемы и различают разные слова и значащие части слов и отождествляют их, то есть показывают, что они одинаковые. Когда мы говорим и слышим, фонемам соответствуют звуки. Когда пишем и читаем — буквы. Но иногда слышимые звуки не различают слова — например, на конце слова мы слышим одинаковые согласные звуки там, где на самом деле, как говорит Каппа, разные фонемы. Таких слов очень много — *лук* и *луг*, *кош* и *код*. Приведите еще примеры таких слов.

Эта. *Плош* и *плод*.

Гамма. *Бес* и *без*. Ну, без чего-нибудь.

Альфа. *Лес* и *лез*.

Лямбда. *Рок* и *рек*.

Учитель. Много таких слов в русском языке. Они произносятся одинаково, но на самом деле это разные слова. Когда звонкий звук (или, точнее, фонема), у которого есть парный глухой, оказывается на конце слова, то он оглушается, произносится и слышится как глухой — вместо [л] слышится [т], вместо [г] — [к], вместо [з] — [с]. Такие места в слове, на которых звуки не различают разные слова, называются *слабые позиции*¹⁰². Например, для парных звонких и глухих согласных звуков, или фонем, это место на конце слова или перед некоторыми согласными.

Эта. Звуки-то — они есть, мы их слышим и говорим. Буквы пишем. А эти фонемы, которые в уме только, — может, их вообще и нет.

Альфа. Их ученые придумали, на самом деле их нет¹.

Лямбда. Не только ученые. Вот их сейчас Каппа придумал. Он не называл их фонемами, но эти кусочки самые маленькие, из которых слова на самом деле состоят, он придумал.

¹⁰² Точнее, сигнификативно слабые позиции (они могут быть перцептивно сильными).

¹ Оля М., 2-й класс.

Каппа. Как же вы говорите, что их нет? Люди же когда говорят, различают слова, которые звучат одинаково. На слух они одинаковые, значит, люди их различают не ушами, а умом, как Гамма сказал. Значит, у нас в уме есть эти фонемы.

Бета. Ты, Каппа, споришь всегда, когда тебе говорят про слышимые звуки. Ты говоришь, что одни слышат так, другой по-другому, и тебе это не нравится. Ты хочешь иметь дело с тем, что для всех одинаково. А эти фонемы-то, которые в уме, — с ними-то еще хуже. Как мы знаем, что у другого в уме? Звук — он есть. Хоть потрогать его нельзя, но он же есть. Его на пленку записать можно*. А эти фонемы...

Каппа. Они есть, фонемы. Для всех они есть, иначе мы бы не могли различать слова, такие как лук и лул. Или только в целых предложениях различали бы их. А мы их различаем, все различают. Значит, они для всех одинаковые, фонемы. А не придумали их ученые. Ими все пользуются, кто говорит, и одинаково пользуются. Ведь такие слова, как лул и лук, или плом и плод, для всех разные слова. Про й мы говорили — он везде на слух разный, где-то вообще его не слышно. А мы говорим, что он есть, и узнаем его. Все понимают, что это одно, хотя слышат по-разному¹⁰⁰.

Эта. Каппа, ты сейчас говорил эти слова не так, как мы говорим обычно. Последние звуки выпячивал.

Каппа. Я сейчас говорил специально, чтобы показать, какие там фонемы. Фонемы выпячивал, а не звуки. Звуки-то, вы говорите, одинаковые.

Гамма. Может быть, слова эти — омонимы? Мы говорили, слова бывают, которые звучат одинаково, а значат разное¹⁰¹. Вот слово лук

* Влас Далевичий, 1-й класс.

¹⁰⁰ На этом настаивают представители ленинградской фоноведческой школы, в частности Шерба. Система фонем того или иного языка — не просто результат логически построенный исследователя, а реальная организация звуковых единиц, обеспечивающая каждому носителю языка возможность порождения и восприятия любого речевого сообщения (см.: Шерба Л. В. Указ. соч.).

¹⁰¹ Урок 12.

лук, который оружие, и лук, который овод. Только в предложении можно различить.

Ламбда. Нет, здесь совсем другое. Омонимы вообще одинаковые, а эти слова звучат только одинаково, а фонемы эти самые в них разные. Потому что мы говорим луку и луку, ялоты и ялоты. Когда меняем слова, ясно, что там на самом деле другой звук. Он проявляется¹⁰², настоящий звук, и оказывается, что он разный. А когда омонимы, всегда будет одинаково, как ни меняй¹⁰³.

Эта. Я не могу представить себе, что слова не из звуков состоят, а из этих фонем. Это очень странно. Я говорю и звуки слышу. И выговариваю. А фонемы-то — как они есть, непонятно...

Каппа. Как воображаемые числа. Они не так есть, как вещи, но они ведь есть. Мы ими считаем. Фонемами различаем слова.

Звонок

¹⁰² В сигнификативно сильной позиции фонема представлена своим основным вариантом (алофоном).

¹⁰³ Слова типа *ялот* и *ялот* принято называть омофонами; в русском языке это, как правило, слова, совпадающие по звучанию только в отдельных формах, фонемный состав их, как верно замечает Ламбда, различен.

Как звуки выполняют свою различительную работу. Как мы слышим глухие и звонкие фонемы.

Выводим правило поведения парных глухих и звонких фонем. Сильные и слабые позиции. Буквы, оказывается, часто обозначают не звуки, а фонемы. Может ли фонема слышаться совсем разными, непохожими звуками? Бета возвращается к парным мягким и твердым звукам: может быть, это одна фонема?

Учитель. Мы обнаружили, что иногда и буквы, и звуки не позволяют нам различать слова или мешают видеть одинаковые корни, прячут от нас настоящее устройство слова. И Каппа предположил, что на самом деле слова состоят не из звуков и не из букв, а из таких невидимых и неслышимых кусочков, которые и различают слова. Эти кусочки мы называем *фонемами*.

Бета. Вот, помните, мы спорили, есть ли слова, когда мы не говорим, не слышим и не пишем? Гамма сказал, что они есть, а когда го-

ворим, они проявляются. Как фотография — там изображение проявляется, которое уже есть, но его не видно, пока не проявили¹⁷⁹. Вот, наверное, эти слова, которые есть до говорения, они-то и состоят из этих самых фонем. Когда мы говорим, они проявляются в виде звуков, и тогда получаются слышимые слова. Когда пишем — они, эти фонемы, буквами проявляются.

Учитель. В этих слышимых словах, которые состоят из звуков, звуки не всегда могут выполнять свою различительную работу. Бывают такие места или позиции в словах, в которых звуки не выполняют свою работу по различению слов, и слова или части слов, на самом деле разные, слышатся одинаково. Такие места называются слабыми позициями. Мы приводили такие примеры — когда на слух, по звукам, слова кажутся одинаковыми, а на самом деле, по фонемам, они разные — например, луг и лук. Так получается потому, что одна фонема может проявляться на слух в виде разных звуков, и наоборот — разные фонемы могут слышаться как один звук. Я вам сейчас расскажу о том, как ведут себя согласные, парные по звонкости — глухости. На конце слова слышатся всегда глухие звуки — и когда в слове «на самом деле» звонкая фонема (если, конечно, у нее есть глухая пара), и когда «на самом деле» глухая. Так происходит *всегда*, во всех русских словах. Поэтому на слух не различаются слова код и кот, плот и ялот, луг и лук, без и бес. Я сейчас их произношу, специально выпячивая, как сказал Эта, эти конечные фонемы, но в обычной речи мы так не говорим — произносим эти слова одинаково.

Лямбда. Получаются они как омонимы, хотя на самом деле разные.

Учитель. Да, по фонемам разные, а по звукам в некоторых своих формах получаются одинаковые. Поэтому место на конце слова называется слабой позицией для согласных фонем, парных по твердости и глухости, — в этой позиции они не различаются, произносятся и слышатся одинаково.

Бета. А в начале и в середине слова они слышатся правильно, то есть по-разному?

¹⁷⁹ Урок 6.

Учитель. Не всегда. Например, фонема /д/. Я уже сказал вам, что в конце слова, то есть когда после нее ничего нет, она всегда слышится как [т]. Род мы говорим и слышим как *род*. А вот когда после нее идут другие звуки, то она ведет себя по-разному. Перед гласными она всегда слышится как [д], например, *в роду*. И другие звонкие фонемы, имеющие глухую пару, ведут себя точно так же, на конце слышатся глухо, перед гласными звонко. Например, *ро[т]*, но в *ро[д]у*, *лу[к]*, но на *лу[г]у*. И сравните с этим словами слова с глухими фонемами: *ром* и *вор[т]у*, *луж* и *лу[к]у* — и на конце, и перед гласными звучат глухие звуки. Перед гласными парные по звонкости — глухости фонемы звучат разными звуками и различают слова. Позиция перед гласными — сильная позиция для парных по глухости и звонкости: в этой позиции глухие фонемы звучат глухо, звонкие — звонко. Разные фонемы — по-разному, одинаковые — одинаково.

Каппа. Значит, на конце слова фонемы можно спутать на слух, а перед гласными — нет. А перед согласными?

Учитель. Перед разными согласными — по-разному. Но не как по-чало. Можно увидеть определенное правило.

Бета. Какое?

Учитель. Попробуем сейчас вместе выяснить. Мы знаем, что в словах есть, кроме корня, другие значащие части. Например, перед корнем может быть приставка — она тоже что-то значит. Возьмем приставку *от-*, в словах *откинуть*, *отбегать*, *отпрыгнуть*, *отбросить*. Что она значит?

Альфа. Она значит отодвинуть, убрать, уйти, от чего-то отделить.

Учитель. Да, это одна и та же приставка, и с ней очень много разных слов. В этих словах после приставки будут разные звуки. Давайте посмотрим, как она звучит перед разными согласными. Называйте слова с этой приставкой, но с разными корнями. И слушайте внимательно, как звучит согласная фонема [т] в приставке.

Альфа. *О[д]бегать*, *о[т]плывать*, *о[т]носить*.

Каппа. *o{t}кусить, o{t}ходить.*

Эта. *o{t}крышь, o{d}делять.* По-разному звучит, то [т], то [д].

Учитель. Попробуйте увидеть какое-нибудь правило. Я вам даю подсказку: произношение этой фонемы зависит от того, какой звук за ней.

Бета. Она звучит перед звонкими звонко, перед глухими — глухо. Например: *o{d}бежать, o{d}бросить, o{d}прыгнуть* — говорим [од], перед [б] и [д]. А *o{m}прыгнуть, o{m}низнуть, o{m}ходить* — тут говорим [от], перед [п] и [х].

Гамма. Нет, говорим [ад] и [ат]. Послушай, [о] ведь не выговариваем: [ад]бежать.

Учитель. Да, говорим [ад]бежать, не совсем [а], но ближе к [а], чем к [о]. Но мы сейчас занимаемся согласными. Значит, Бета предположил, что перед звонкими согласными произносится [д], перед глухими — [т]. И многие слова подтверждают это предположение. Например, кроме тех слов, которые он назвал, я могу еще привести такие: *o{m}назиди, o{m}щипнуть* — здесь [т] перед глухими [п] и [щ]; *o{d}дирать, o{d}бирать* — здесь [д] перед звонкими [д] и [б].

Дельта. Еще *o{t}кусить, o{m}стать* — [т] перед глухими, *o{d}фреш, o{d}мыть* — [д] перед звонкими. Перед глухими всегда [т], перед звонкими [д].

Учитель. А послушайте такие слова: *отмести, отмянь, отвалишь.* Как мы слышим эту приставку?

Гамма. Тут слышим [т]. Еще *отразить* тоже.

Учитель. Тут слышим [т], хотя следом идут звонкие [м'], [н'], [в], [р].

Альфа. Значит, правила никакого нет, беспорядок один.

Лямбда. И еще нигде гласный звук появляется, [а]. *отойти, отодвинушь, оторвать.*

Урок 38

Учитель. Ну нет, полного беспорядка нет, и есть правило. Гласный действительно появляется иногда, но не когда попало. И насчет согласных есть правило.

Эта. Гласный потому появляется, что без него неудобно произносить. Ну, не скажешь же: *опййи*, *отррррр*. Он там сам вставляется.

Бета. А насчет согласных какое же правило?

Учитель. Вот какое. Перед глухими согласными глухие фонемы всегда звучат глухо, перед звонкими согласными *м, н, р, л, в, й* — тоже глухо, перед остальными звонкими — звонко. С *й* мы не говорили еще примеров, и с *л* тоже. Назовите слова с этой приставкой, чтобы после нее были звуки [й] и [л].

Лямбда. Корень значит должен с этих звуков начинаться. *Отлесть, отлупнуть*. [Т] звучит.

Каппа. А с [й] — *отъеханы*. Также [т] произносится.

Учитель. С глухими парными согласными разобрались. Теперь выясним, как звучат перед согласными звонкие фонемы.

Бета. Также давайте какую-нибудь приставку найдем, но звонкую. И будем к ней разные корни приставлять.

Учитель. Вот приставка *под-*.

Каппа. Да, с ней слов тоже много, и с теми же корнями: *подползти, подасернуть, поднахмусть, подбежать, подкинуть*.

Дельта. *Подлезть, подметать, подъехать, подшавить*.

Учитель. Какое тут правило можно вывести?

Каппа. Перед звонкими — звонко, перед глухими — глухо.

Бета. И перед этими [м], [н], [в], [й], которые тогда мое правило нарушали, — тоже звонко. *Подвезти, поднимать, подбегать, подлестить*.

Учитель. Верно. Это правило подходит ко всем звонким фонемам, имеющим глухую пару. Перед звонкими они звучат звонко, перед глухими — глухо. И теперь мы можем сказать, перед какими согласными парные глухие и звонкие фонемы различаются всегда. Это [м], [н], [р], [л], [ж], [й], то есть сонорные согласные, [к] и [й]. И обратите внимание, что перед мягкими парами этих согласных то же самое: *о[нп']азить* и *о[нп']езать*, *о[тн']рашить* и *о[тн']ернуть*, *о[нм']ахнуть* и *о[нм']енить* — и *по[др']убить* и *по[др']езать*, *по[дв']одить* и *по[дв']ести*, *по[дм']ахнуть* и *по[дм']енить*. Перед всеми этими согласными (их 11 — восемь сонорных, твердых и мягких, [ж] твердый и [ж'] мягкий и [й]) звонкие звучат звонко, глухие глухо, их не спутаешь. Это сильная позиция для таких согласных, как и позиция перед гласными. А перед остальными согласными эти фонемы не различаются — перед глухими и те и другие звучат глухо, перед остальными звонкими, кроме этих 11 — и те и другие звучат звонко. В этих позициях их можно спутать. Это слабые позиции, как и позиция на конце слова.

Эта. Значит, правильно мы говорили, что [р], [л], все сонорные — не совсем согласные, чем-то на гласные похожи. Вот и парные согласные перед ними себя ведут, как перед гласными, а не как перед согласными. [й] тоже. Про [ж] мы так не говорили, и у [н] глухая пара есть, но это тоже такой, не совсем обычный согласный.

Бета. Моя сестра немного плохо [ж] выговаривает, близко к [у]. Почти как гласный.

Учитель. Да, этот звук невозможно необычный, правда. А правило, которое мы вывели, оно годится не только для приставок. Так же ведут себя парные согласные и в корнях, и в других частях слова. Вот, например, корень *род*. Перед звонкими согласными и перед гласными фонема /д/ слышится как [д], а перед глухими и на конце слова — как [т]. Послушайте: *ро[т]*, *в ро[д]у*, *ро[д]ня*, *ро[ш]ство*. Во всех этих словах корень *род*, с фонемой /д/ на конце, но слышится по-разному — в зависимости от позиции этого звука, от того, есть ли за ним другой звук, и если есть, то какой — слышится то [д], то [т]. И так ведут себя все звонкие согласные фонемы, имеющие глухую пару.

Альфа. А пишется д буква всегда.

Каппа. Значит, эта буква обозначает не звук, а фонему?

Учитель. Да, в этих словах, и в большинстве русских слов, буквы обозначают фонемы, а не звуки. Поэтому значащие части слов — корни, суффиксы, приставки — записываются, как правило, одинаково, независимо от того, как они звучат³⁷¹. Вот давайте просклоняем слово *вода*. Вы ведь помните, что имена существительные склоняются?

Дельта. *Вода, воды, водой, а воде.*

Учитель. А множественное число?

Каппа. *Воды, водам, водой, о воде.*

Учитель. Какие гласные звуки мы слышим?

Бета. *Вода, в воде* — [а], *водм* — [о].

Лямбда. И в однокоренных словах — то [а], то [о]. *Водичка, под-водный.*

Учитель. Еще мы говорим: *пойми по воду*. Какой там гласный звук?

Эта. Там такой короткий гласный, похож на тот, который в слове *самолет*.

Учитель. А обозначаются все эти разные звуки буквой о. И поэтому на письме корень всех этих слов выглядит одинаково. Звуки слышатся разные — под ударением [о], без ударения [а] или [ъ], этот неясный короткий звук, но фонема одна и та же, и она обозначается на письме одной буквой³⁷².

³⁷¹ Ведущий принцип русской орфографии иногда называют морфологическим (ленинградская фонологическая школа), т. е. он основан на единичном написании морфем, независимо от их произношения (позиционно чередующиеся фонемы *д* и *т* обозначаются одинаково), иногда (московская фонологическая школа) — фонематическим, т. е. одной буквой обозначается парадигмафонема во всех ее вариантах (звуки [д] и [т] в приведенном примере с точки зрения этой школы — варианты фонемы /d/). Здесь Учитель близок к трактовке московской школы. См. прим. 39, 364.

³⁷² Ряд позиционно чередующихся звуков [о], [а], [ъ] образует парадигмафонему /a/, именно она обозначается на письме буквой а.

Каппа. Значит, с гласными так же, как с согласными. Тоже есть фонемы, из которых слова состоят, и они могут слышаться по-разному. *Вода* — *водный* — на самом деле одна гласная фонема, а слышатся звуки разные. Так же, как *ред* — *в ряду*.

Эта. Странно это, как-то неправильно, что одна и та же фонема — то [а], то [т], другая то [а], то [о]. Это же совсем разные звуки. Вот гласные в словах *местн* и *месть* — ну, может быть, там на самом деле одна фонема, то так слышится, то так. Они похожи, хотя и различаются. А [д] и [т] — непохожи совсем. Ну, не может фонема одна так притворяться, что прямо не узнать. [А] и [о] тоже. Совсем ведь разные звуки¹⁷³.

Каппа. Ну и что? Звуки совсем разные, а корень-то один. И фонема, значит, одна.

Бета. Вот мы спорили, помните, один и тот же звук мягкий и твердый или разные¹⁷⁴. А может быть, это тоже одна фонема, а разными звуками произносятся? Фонема «просто б», а иногда говорится как [б] твердый, иногда как [б'] мягкий? Или [т] и [т']. И буквы пишутся одинаковые.

Звонок

¹⁷³ Этот вопрос по-разному трактуется в ленинградской и московской фонологических школах. Представители ленинградской школы считают «близко» звуки [а] и [ъ] (в словах *сад* и *садовый*) оттенками одной фонемы, а «совсем разные» [о] и [ь] в словах *едьн* и *водовоз* или [д] и [т] в словах *в ряду* и *ред* — чередующимися фонемами (см.: Шерба. Указ. соч.). В московской фонологической школе поминанно чередующиеся звуки [а/а'] в словах *едьн*, *едьн*, *водовоз* представляют одну парадигмо-фонему, но две синтагмо-фонемы /а/ и /а'. (Ср., напр.: транскрипция слова *водовоз*: с точки зрения синтагмо-фонем /вадовос/; с точки зрения парадигмо-фонем: <водовоз>; фонетическая транскрипция [вадовос]). См. Манов. Указ. соч.

¹⁷⁴ Урок 15.

Урок 39

Почему мягкие и твердые звуки – разные фонемы?

Если в однокоренных словах корень звучит по-разному, как узнать, разные ли фонемы – или просто они слышатся разными звуками? Альфа: с фонемами еще сложнее и непонятнее, чем со звуками. Прощаемся с фонетикой. Что мы поняли о звуках и фонемах. На прощание – парные и непарные твердые и мягкие согласные

Учитель. Бета в конце прошлого урока предположил: может быть, парные мягкие и твердые звуки – это разные проявления одной фонемы? Например, [б] и [б'], [г] и [г'], [л] и [л'], [в] и [в']. Они похожи между собой, и некоторые из вас говорили, что это один звук. Вспомните, какие слова мы приводили с этими звуками.

Альфа. *Мол – моль, мел – мель, полка – потеха.*

Эта. *Бить – быть.* Еще спорили, гласные там тоже разные или только согласные.

Дельта. *Кон и конь.*

Альфа. Нет, разные фонемы. Они различают слова. Слова ведь разные. Как говорит Каппа, там на самом деле [н'], в слове моль, и [н], твердый, в слове мол, а не просто на слух кажется такой звук. Потому что эти слова разные.

Каппа. И другие слова тоже — мел и мель, вес и весь. На самом деле там разные звуки, фонемы эти разные, а не просто кажется.

Бета. Каппа, а если мы будем этот мел склонять? О меле. Там мягкость появляется. Не другая же фонема? Так и кажется, что та же самая, звук тот же, просто у него мягкость появляется.

Лямбда. И с конем тоже. Если по корню посмотреть. Послушайте: конь — конский. Корень кон-. С просто н. В одном слове, конский — твердый [н], в другом, конь, мягкий [н']. А на самом деле один звук, то есть одна фонема, но она проявляется, слышится по-разному в разных словах. А корень-то тут один.

Эта. Значит, в этом корне просто н, иногда мягкий, иногда твердый? А в меле — просто л...

Альфа. Возьмем это слово. Будем его склонять: конь, коня, кони, коню — везде мягкий [н']. А конский — другое слово, и звук другой.

Бета. Альфа, а мел-то мы как раз как одно слово склоняли.

Лямбда. А с конем слово другое, но однокоренное ведь? Корень-то один у этих слов. Значит, или корень кон-, с просто н, который может быть то твердым, то мягким. Или корень может меняться. Учитель говорил, так бывает, что корни меняются.

Гамма. То же самое письмо и писанье. Корень вроде один, то с твердым с, то с мягким.

Альфа. Куда-то мягкий знак пропадает.

Бета. Звук изменился, стал твердый. Вот и пропал мягкий знак. Он же пишется, чтобы мягкость обозначать.

Дельта. Могли бы мы сказать ко(н')ский.

Урок 39

Каппа. Мало ли что могли бы. Не говорит же так. Ведь и *го[д]* могли бы сказать, и *бе[з]*, и *пло[д]*. Который *пло[д]* на самом деле, а говорится *пло[ж]*. Где глухие говорится, могли бы говориться звонкие, парные к ним, те, которые на самом деле в этих словах. И правильно было бы, тогда бы слова не путались. Но так не говорят¹⁷⁷.

Лямбда. А вот *бег* — *бежит*. Тут какой корень?

Дельта. *Бег. Бег, бегу, бегун.* А *бежит* — здесь [г] меняется на [ж]. В виде ж проявляется, как вы говорите.

Эта. Бежит ведь говорится. Тут все меняется, и гласный, и согласный. Первый только звук общий, [б]. Но не из одного же звука корень? Так не бывает.

Учитель. Бывают корни и из одного звука. Но в слове *бежит* корень *беж*. А звучит этот корень действительно по-разному в разных словах. Мы говорим и слышим [б'иж]ит, но [б'эж], [б'иг]у, [б'иг]ун, про[б'эж]ка.

Бета. Каппа бы сказал, что на самом деле тут везде *бе*, слышится только *би*. Потому что *бег*.

Лямбда. И сказал бы, что в слове *бежит* на самом деле *бег*, а слышится [биж]?

¹⁷⁷ Звонкие согласные фонемы, являющие глухую пару, оглушаются на конце слова *го[д]*, это общий закон русской фонетики, потому (с точки зрения московской фонологической школы) чередование звуков [д] — [т], [г] — [к] в словоформах *го[д]*у — *го[т]*, *бе[г]*у — *бе[к]* и т. п. — это позиционное чередование аллофонов, представляющих *одну* фонему (/d/ и /t/ соответственно). В словах *конь* — *конский* чередование [н] — [к] не является позиционным — в той же позиции может не происходить смены мягкого звука на твердый (ср. *яньчжэнь* — *яньчжэньский*), поэтому здесь говорят о чередовании *разных* фонем /n/ — /n'/ (а не звуков, представляющих *одну* фонему). В словоформах *мел* — *мележ* и т. п. чередование /n/ — /n'/ с этой точки зрения является результатом грамматизации чередования, которое раньше было фонетически позиционным: в позиции перед [ж] парные по твердости-мягкости согласные нейтрализовались в мягкий синтагма-фонем, затем это чередование стало морфологически (но не фонетически) позиционным (см.: Павлов. История русского литературного произношения. С. 34–35, 109–110). С точки зрения московской фонологической школы у парадигмофонов <н> и <н'>, например, пересекаются ряды представляющих их позиционно чередующихся звуков. С точки зрения ленинградской школы это разные, часто позиционно чередующиеся фонемы. См. сл. прим.

Каппа. Нет, так не сказал бы. Про *е* и *и* сказал бы, что на самом деле *е*, слышится *и*, а про *е* и *ж* — нет.

Учитель. Почему, Каппа?

Каппа. Не знаю. Надо подумать. Все-таки это совсем разные звуки. Не парные, чтобы меняться один на другой.

Лямбда. Ну и что? Вот гласные, *е* и *и*, или *о* и *а*, как в словах *вода* — *водный*, тоже совсем разные, не парные. А они меняются друг на друга.

Бета. А *ковь* — *ковский*? Здесь парные согласные меняются, и похожие¹⁷⁶.

Альфа. Вот я и говорю, все непонятно. Придумали какие-то фонемы, а с ними еще непонятнее, чем со звуками. Звуки хоть слышно... Лучше всего с буквами — пишется *бежми*, значит одна и та же гласная в словах *бег* и *бегу*, *корем* или *ж*. И не важно, что говорится

¹⁷⁶ С точки зрения московской фонологической школы степень сходства и различия звуков не играет здесь никакой роли. В словах *бегу* и *бежми* чередование фонем, а не звуков, представляющих одну фонему, не потому, что это «совсем разные звуки», а потому, что чередование это с точки зрения фонетики не является позиционным — в обеих позициях может быть как [г], так и [ж]: *бегу* — *лежу*, *бежми* — *фирмизм*; здесь фонемы различаются в сильных (и перцептивно, и сигнификативно) позициях. Но если рассматривать фонему как функциональную единицу языка, позволяющую различать и отождествлять ее значащие единицы, возникает противоречие. М. В. Панов пишет: «Почему говорящий воспринимает слова *водный*, *вода*, *водный*, но *воду* как однокоренные? Звук-то разный. Потому что все позиционно чередующиеся единицы (в частности, звуки) есть одна функциональная единица. Язык заставляет оценивать их как тождество» (Панов М. В. История русского литературного произношения XVIII–XX вв. М., 2007. С. 6–7). В отношении к этому месту примечание Панов указывает, что «для морфемного отождествления необходимо в единстве значения: все перечисленные слова включают понятие «вода». Но мы обращаем внимание читателя только на фонетическую сторону, обозначающую отождествление значащих единиц». Чередование фонем (а не позиционное чередование вариантов одной фонемы) в словах *ковь* и *ковский*, *бегу* и *бежми* не мешает отождествить значащие единицы — эти слова говорящими воспринимаются как однокоренные. Но отождествить их можно только обращаясь к смысловой стороне речи (единство значения) — фонетическая сторона не обеспечивает этого отождествления. Может быть, точнее было бы сказать, что в словах *а(а)ды* и *а(а)ды* [а] и [о] воспринимаются как варианты одной фонемы потому, что эти звуковые последовательности воспринимаются как формы одного слова (так говорит Каппа на прошлом уроке о словах *ло(о)* и *ло(о)у*), а не наоборот.

Урок 39

по-другому. В словах *бег* и *бежит* *г* и *ж* пишутся разные буквы, значит, согласные разные, корень меняется.

Учитель. Альфа, а *комь* и *комский* — меняется корень или нет?

Альфа. Тут просто мягкость убирается, исчезает мягкий знак. Буква та же самая пишется. По-моему, корень не меняется.

Каша. А если кто с ошибками пишет, может написать *быжми*, по звукам. И неправильно будет. Ведь буквы часто обозначают фонемы, а не звуки...

Бета. И вообще, Альфа, ведь сначала говорит, а не пишет. Уже сто раз это выясняли¹⁷⁷. А что непонятно, это правда. С конем, например. С *белом* и *бежим*. С *писаным* тоже.

Учитель. Мы с вами долго занимались звуковой стороной речи. Многое мы узнали. Узнали, какие разные бывают звуки. Мы поняли, как сложно иногда бывает понять, из каких звуков составлены слова. Поняли, что слова составлены не просто из слышимых звуков, а из таких кусочков (мы называем их фонемами), которые могут различать слова и части слов и, наоборот, показывать, что они одинаковые. Сами по себе слышимые звуки иногда не справляются с этой работой. Мы увидели, что эти самые фонемы ведут себя довольно причудливо: иногда одна и та же фонема может слышаться разными звуками — иногда близкими, похожими, а иногда нет; иногда разные фонемы слышатся одинаково. Но все-таки не как попало они себя ведут — есть определенные правила. Про согласные фонемы, парные звонкие и глухие, мы на прошлом уроке обнаружили это правило. Помните его?

Бета. Я помню. Перед гласными и согласными сонорными, твердыми и мягкими, [в] твердым и [в'] мягким и [й] они звучат по-разному — звонкие всегда звонко, глухие всегда глухо. А вот на конце слова и перед другими согласными они не различаются. На конце и перед глухими согласными они все звучат глухо, и глухие и звонкие. А перед звонкими (не сонорными, не *в* и *в'*, не *й*) и те и другие звучат звонко.

¹⁷⁷ См. уроки 1, 6, 8.

Учитель. Да, правильно — в этих слабых позициях их можно спутать на слух. Такие правила, определенный порядок в том, как проявляются фонемы на слух, есть и в других случаях.

И вот теперь у нас возник вопрос: в однокоренных словах *бег* и *бежит* — из каких фонем состоит корень? И почему [и'] и [и] в словах *конь* и *конский* считают разными фонемами, хотя звуки похожи, а [д] и [т] в словах *ладовой* и *лад* — одной фонемой? Слова *конь* и *конский*, конечно, однокоренные. Слова *бегу* и *бежим* — тоже однокоренные. Я вам уже говорил, что корни могут меняться¹⁷⁸, меняться в них могут не только звуки, но и фонемы, и иногда так сильно, что даже трудно понять, что это один корень — и на слух трудно, и на письме. Вот, например, такие слова, о которых говорил Лямбда — *понимать*, *обнимать*, *попыхать*, *объявлять*, *попыхать*¹⁷⁹, — это однокоренные слова, но очень трудно обнаружить их общий корень — так сильно он меняется.

Мы не сможем сейчас ответить на многие вопросы, связанные со звуками и фонемами, и этот вопрос пока останется непонятым. Это наука очень сложная, и об этом спорят ученые, которым специально изучают эти вопросы. Надо ведь еще учитывать, что не только в разных языках звуки и фонемы разные, но и в одном языке они могут меняться со временем. Раньше говорили по-русски не совсем так, как говорят сейчас, и мы сегодня можем услышать, что старые люди немного не так говорят, как молодые, — не только слова другие говорят, но те же самые слова произносят по-другому. Этой наукой о звуках — фонетикой — мы еще будем заниматься в следующем году. А пока на этом закончим. Многие вопросы остались непонятыми, многие вопросы и трудности мы даже не смогли заметить. Но все-таки кое-что о звуках поняли, верно?

Эта. Я понял, что ухом понимаешь, какие слова, не только на слух и по говорению — и даже какие звуки.

Альфа. А я понял, что не всегда слово звучит как по написанному, что буквы — одно, а звуки — другое. Звуки слушать научился немного.

Каша. Я понял, что эти самые фонемы — я думал, они как числа. Но понял, что они гораздо сложнее, и правила совсем другие. Их

¹⁷⁸ Урок 12.

¹⁷⁹ Урок 14.

Урок 39

исходя только из воображения вывести или договориться, а надо слушать, как говорят.

Бета. Но не просто ушами слушать, а умом. Эта сейчас правильно сказал.

Дельта. А я понял, что как мы звук слышим и как он работает, слова различает, корни и все такое — это не всегда совпадает. Но часто связано как-то.

Лямбда. И то, что сейчас нам непонятно почему в словах *комь* и *комский* разные фонемы, мягкая и твердая, а в словах *год* и *годный* одна, хотя слышно звонкий и глухой звук — ведь раньше даже вопроса такого не было. Появился вопрос, потому что что-то поняли.

Учитель. Ну вот, значит, не зря мы так долго словесными звуками занимались. А перед тем как оставить их — не навсегда, а на время, — я расскажу вам то, что начал рассказывать, но не закончил — про парные и непарные твердые и мягкие согласные¹⁰⁰. Мы тогда прервались, помните, и надолго отвлеклись.

Лямбда. Про фонемы зато узнали и вообще много важного поняли.

Учитель. Да, не зря отвлеклись. А сейчас закончим о парных и непарных твердых и мягких согласных. Твердость и мягкость согласных — это различительный признак: парные согласные, отличающиеся только этим признаком, а во всем остальном одинаковые, могут различать слова, как, например, *мелъ* и *мель*. Вы такие пары называли, их много: [б] и [б'], [п] и [п'], [т] и [т'], [к] и [к'], [р] и [р'], [ж] и [ж']. Много еще других. Но не все согласные звуки имеют пару по твердости и мягкости — некоторые всегда твердые, некоторые всегда мягкие. Например, [ц] в русском языке всегда твердый. Парной ему мягкой фонеме в русском языке нет, и нет таких слов, которые различались бы мягким и твердым [ц]. Звук [ч] всегда мягкий. Его можно твердо произнести, но этот твердый звук у нас не встречается, хотя он есть в других языках. Звук [й] мягкий всегда. Кажется, его нельзя произнести твердо.

А вот со звуками [ж], [ш], [ц] — они называются шипящими — дело обстоит очень интересно. Иногда говорят, что это непарные звуки —

¹⁰⁰ Урок 34.

[ж] и [ш] всегда твердые, [щ] всегда мягкий. Но мы с вами слышали, что мягкий звук [ж'] не только произносится, например, в словах *жужжать*, *дождик*, но и может произноситься в той же позиции, что и твердый — например *жалжеть* и *нажалть*¹⁰¹. Поэтому можно считать, что есть фонема [ж'], парная к твердому [ж]. Правда, делаясь мягким, этот звук немного удлиняется — это долгий мягкий [ж':]. А звук, который обозначается буквой щ — это долгий мягкий [ш':]. И как твердые [ж] и [ш] образуют между собой пару по звонкости и глухости, так и соответствующие им мягкие [ж':] и [ш:]–[ш':] образуют такую же пару по звонкости и глухости. А звуки [ж] — [ж'] и [ш] — [ш:]=[ш':] образуют две пары по твердости — мягкости.

Гамма. Эти звуки не все шипящие. [Ж] и [ж'] — жужжащие.

Эта. Да, они жужжат. [Й] тоже жужжит, если долго тянуть, я уже говорил, а вы со мной спорили¹⁰².

Дельта. Это интересные звуки. Они такие... говорящие. Ими, как мы раньше говорили, вещи сами себя называют. *Жужжанием* над жуже-лицей жуж...

Учитель. Да, эти звуки очень выразительные. И с ними много звукоподражательных слов — *жужжать*, *шуршать*, *шестеть*. О твердости и мягкости этих звуков я вам рассказывал¹⁰³.

А вот х — может произноситься твердый [х] и мягкий [х'], например, *хороший* и *дикий*. Но эти звуки никогда не встречаются в одной и той же позиции, перед одними и теми же звуками. Поэтому различительной работы они не выполняют и считают, что это одна фонема, которая звучит то твердо, то мягко. Так же было раньше и со звуками [к] и [к'], [г] и [г'] — они встречались только перед разными звуками.

¹⁰¹ Урок 34.

¹⁰² Уроки 34–35.

¹⁰³ См.: Панов. Указ. соч. С. 25–27. О фонеме <ж> сказано, что она в современном литературном языке «ведет тревожную, беспокойную жизнь», ее положение неустойчиво, она «того гляди захочет», но судьба ее пока не решена. Положение фонемы <ш> = <ш>, наоборот, вполне устойчиво. (В угловых скобках Панов дает транскрипцию парадигм-фонем.)

В большинстве школьных учебников эти звуки трактуются как не имеющие пар по мягкости — твердости.

Но теперь появилось в языке много слов, в которых твердый [к] и мягкий [к'] перед одними и теми же звуками — например *маны* [к'у]р и *мано* [ку]р. И теперь есть основание считать их разными фонемами¹⁰⁴.

Парные мягкие и твердые фонемы тоже себя ведут по определенным правилам — в некоторых позициях они не различаются, и те и другие звучат одинаково. Но мы этим все-таки сейчас заниматься не будем — отложим до следующего года. Можете сами попытаться это выяснить — вы уже примерно поняли, как это делать. Но предупреждаю вас, что это задача очень трудная.

Ламбда. Ох, как сложно это! Кажется, что тут такого — словесные звуки. Ну, говори их и слушай, и все. А как начнешь разбираться...

Бета. Я помню вопрос, с которого начали так подробно звуками заниматься, — как это из звуков, которые вроде сами по себе не значат, составляются слова, которые значат. Ну, кое-что поняли — как звуки, разные, даже если считать, что они сами незначащие, различают слова, значит, они уже не бессмысленные. Но еще больше стало непонятного — как обычно.

Звонок

¹⁰⁴ См. об этом *Панов*. Указ. соч. С. 14–15. Панов включает в список фонем современного русского языка <к> и <к'>, о фонеме <г'> говорит, что она «постепенно пробирается в литературный язык», о фонеме <х'> сказано, что для нас «видимых путей туда нет».

Урок 40

Нутка — язык без имен. «Камень падает»
и «камень вниз». Может ли быть мир без вещей?
Видим ли мы глазами или языком?

Учитель. Мы расстались на время с фонетикой и сегодня поговорим совсем о другом. Мы выделили слова — существительные и слова — глаголы, которые различаются по смыслу, по тому, как они себя ведут, и по тому, какое место они занимают в предложениях¹⁰¹. В большинстве наших предложений есть и существительные, и глаголы. Помните, мы обсуждали, бывают ли предложения без глаголов? Я хочу рассказать вам о языке, где почти нет имен существительных.

Альфа. Как это? Существительные всегда нужны!

Учитель. Думаешь, не может быть таких языков, где почти нет существительных?

Альфа. Конечно не может. Чтобы сказать о чем-то, надо и существительное, и глагол. Надо что-то назвать, о чем ты говоришь и что происходит. Когда что-то происходит, глагол. То, с чем происходит, называется существительным. Мы, правда, приводили примеры предложений без глаголов, но там глаголы подразумеваются. И наоборот, где нет существительных — они подразумеваются¹⁰².

¹⁰¹ Урок 10.

¹⁰² Урок 10, 15.

Учитель. Долго ученые так и думали — что языки хотя и очень разные, но везде обязательно есть имена и глаголы. Но сейчас описаны языки, в которых нет, или почти нет, имен существительных, и большинство предложений их не содержат.

Бета. Не может быть! Как же говорят на таких языках?

Учитель. Я вам приведу один пример, чтобы попробовать объяснить, как говорят на таких языках. В языке американских индейцев нутка, чтобы сказать, что падает камень, не говорят *камень падает*, а говорят приблизительно так: *каминит анал*. То есть слова другие, конечно, но высказывание устроено приблизительно так. Оно состоит из одного слова, в котором две значащие части, и это слово образует законченное предложение. Этот язык, и многие другие языки американских индейцев, исследовал и описал английский ученый Эдвард Сепир, и для англичан это тоже выглядит очень странно³⁶⁷.

³⁶⁷ Сепир пишет, что, наблюдая падение камня, англичанин скажет *the stone falls* (а мы скажем *камень падает*). И мы, и англичане «испроизвольно анализируем это явление при помощи двух конкретных понятий — понятие камня и понятия акта падения» (Сепир Э. Грамматист в его языке // Избранные труды по языкознанию и культурологии. М., 1993. С. 256). Сопоставляя эти два понятия с помощью свойственных каждому из языков формальных средств, мы можем построить соответствующее высказывание. Мы заранее полагаем, пишет Сепир, что подобный анализ является единственно возможным. Но, обратившись к другим языкам, мы видим, «сколько много может быть добавлено к нашей форме выражения, изъято из нее или переструктурировано в ней без существенного изменения реального содержания нашего сообщения об этом физическом факте» (там же). Нам кажется, что, каковы бы ни были так называемые реляционные, грамматические понятия (Сепир приводит многочисленные примеры поразительного разнообразия этих реляционных понятий: в некоторых языках необходимо присовокупить слову, означающему камень, категорию рода; в языке чингиса мы не можем выразить эту мысль без указания на тот факт, что камень является неодушевленным объектом; английский язык требует указывать, воспринимаем ли мы камень как определенный или неопределенный, языки, же имеющие артикля, как латинский или русский, этого не требуют, на языке коммутиль необходимо указать, видел ли падающий камень говорящему в момент произнесения фразы или нет; индеец квакиутль зато (в отличие от индейца чингиса) может обобщать ситуацию и сделать утверждение, примененное равным образом к одному или нескольким камням, не уточняя этого, на русском, английском или чингиса это невозможно; многие языки требуют обязательного указания времени падения, но не все; китайский язык обобщает минимумом формальных эксплицитных средств — по-китайски наша фраза звучит примерно как *камень падает* (там же. С. 256–257) — каковы бы ни были эти реляционные понятия, нам кажется, что необходимость разложить ситуацию на два конкретных по-

Эта. Англичане говорят как мы?

Учитель. Да, в этом отношении они говорят похоже. Они скажут *the stone falls*. В этом предложении тоже есть существительное, *stone*, которое означает камень, и глагол, *falls*, который означает падает. Правда, еще есть третье слово *the* — артикль, который указывает на то, что это определенный камень. Если бы речь шла просто о каком-нибудь, любом камне, нужно было бы употребить другой артикль. В русском языке на это указывать необязательно. Но существительное и глагол есть и в нашем предложении, и в английском, и они по значению очень похожи и похоже сочетаются в предложении. А вот в языке путка — совсем по-другому.

Альфа. А как же назвать на этом языке какую-то вещь? Просто камень, если он не падает, а лежит.

Эта. *Камень лежит* — можно, наверное, сказать по-ихнему *адесь киммимиса*.

Бета. А просто камень назвать? Как мы говорим: *Что это?* — *Камень*.

Лямбда. Если у них нет имен существительных, то, наверное, нет и вопроса *что?* Это, правда, очень странно. И как назвать вещь, непонятно. Ведь у нас существительное может просто назвать вещь, не только рассказывать о ней.

Гамма. С вещью что-то происходит. Без этого и назвать ее нельзя. Альфа же сам сказал — *камень лежит*. Что-то с ней делается, с ве-

щения «камень» и «падать» и, соответственно, необходимость строить высказывание как суждение, называющее субъект (камень) и приписываемый ему предикат, то, что с ним происходит (*падает*), совершается. Но, например, в языке лункиа то же высказывание членился по-другому. Исполняется одно слово, глагольная форма, которое состоит из двух значащих компонентов — один означает общее движение или положение камня или каменистого предмета, второй — направление вниз. Самир, для того чтобы передать эту конструкцию, предлагает представить существование непереходного английского глагола *to move*, означающего движение или перемещение камня или камней (такого глагола в английском языке нет, есть переходный глагол *to move* с другим значением, но вполне мог бы быть). Тогда это предложение могло бы быть передано как *It moves down* (по-русски приблизительно: *камень движ*) (См. там же. См. прим. 172).

Урок 40

щью, или она что-то делает, или она где-то находится. Без этого мы ее вообще бы не заметили. Ты споткнешься о камень, тогда только его заметишь и назовешь. Или он тебе нужен зачем-то — строить что-то, или играть¹. А сам по себе камень — непонятно что.

Альфа. Наоборот, по-моему, нельзя назвать вещь, если с ней что-то происходит. Называем ее саму по себе, это ее имя, независимо от того, что с ней происходит и зачем она нужна. Как будто она сама по себе — не движется, ничего не делает, ни для чего не нужна. Просто есть. И мы ее тогда называем.

Гамма. Откуда она сама по себе появилась? Все происходит, не из вещей все, а из действий. И нет ничего самого по себе. Все вместе связано².

Бета. Гамма раньше уже говорил, что сами вещи из действий происходят. Как бы это остановившееся действие. Помните, мы разбирали пример с бегущей лошадью? А Эта говорил, что не из действий, а из каких-то шевелений. Из наречий. То есть слова об этих шевелениях — наречия³.

Альфа. Получается у вас, что остановится действие, например, бег — и тогда будет лошадь. А пока бежит, ее нет. Я не могу согласиться. Она есть, лошадь, я только поэтому есть бег. Бег, это когда что-то или кто-то бежит. Действия все чья-то, кто-то или что-то все делает. Вот для этих кто-то или чья-то и нужны названия, имена существительные. А без них и глаголов нет⁴. Я такого языка не могу представить себе, где нет имен.

Эта. Может быть, кто говорит на таком языке, нутка, вообще не видит вещей? А видит, как Гамма говорит: что-то бегущее, падающее, горящее. Изменения видит, действия всякие. Хотя это очень странно — не видеть вещей.

¹ Оля Мироненко, 2-й класс.

² Оля Мироненко, 2-й класс.

³ Урок 13.

⁴ Маша К., 2-й класс.

Альфа. Что, у них глаза не так устроены, что ли? Видят-то все одинаково! Говорят по-разному, а видят одинаково. Ведь мы же видим не языком, а глазами¹⁰². Нельзя же сказать, что мы видим по-

¹⁰² В некотором отношении можно говорить, что мы видим языком, а не только глазами. Согласно гипотезе лингвистической относительности (известной как гипотеза Сепира-Уорфа), именно структура языка определяет способ членения и восприятия мира его носителями (см.: Уорф Б. Я. Отношение речи поведения и мышления к языку. В сб.: Новое в лингвистике, вып. 1, М., 1960). Это предположение большинством лингвистов считается именно гипотезой, нуждающейся в обширной проверке. Согласно этой гипотезе, например, носители языков с различными системами наименований цветов по-разному воспринимают и различают цвета. Экспериментальные же исследования дают разнобразные и противоречивые результаты: так, Э. Рош показывает существование «центральных» цветов, которые хорошо различаются и запоминаются носителями языков, не имеющих слов для обозначения этих цветов (см. Лакофф, Уайс, соч., С. 404). Сформулированная в 30-х годах прошлого века (по сознательной аналогии с теорией относительности Эйнштейна), гипотеза эта продолжает широко обсуждаться.

Можно предположить, что различающиеся в отношении частеречной системы языки предполагают еще более различное членение мира, а их носители еще более по-разному видят мир. «Миры, в которых живут различные общества, — это разные миры, а вовсе не один и тот же мир с различными наименованиями на него ар-мыками», — пишет Сепир (Статус лингвистики как науки // Избранные труды по языкознанию и культурологии. М., 1993. С. 261). Имя имеет дело с единичными вещами, с отдельными кусочками реальности. Имя «закрепляет» отдельность, самостоятельность этой вещи, ее целостность и отличие от другого. Строго говоря, это в полной мере относится к имени собственному, которое именует эту вещь. Но любое имя, в том числе и нарицательное, выделяет что-то из всего остального в качестве цельного и неизменного. Имянное понимается как *именные* *чье-то*. Имя же имеет дело с *именечностью*, с потоком, с текучими и трудно уловимыми эффектами, с событиями, длющимися во времени; с чем-то происходящим. Можно с некоторым преувеличением сказать, что имя и глагол предполагают разную онтологию. Имя предполагает, что то, о чем мы говорим, состоит из вещей, которые вступают в различные отношения, расположенные определенным образом друг по отношению друг к другу, имеют различные свойства (предикаты). То, что происходит или случается, есть *именные* этих вещей или их состояний. Глагол же предполагает, что то, о чем мы говорим, есть происходящее, становящееся, текучее, меняющееся событие, процесс и эффект, то, что становится, меняется и происходит, будет увидено и познано как *сторона этого события или процесса*.

Подобно тому, как глаз некоторых животных замечает только движущиеся вещи и не видит покоящихся (видит не вещи, а нечто движущее), видит раба на поверхности воды и всплывание листьев, но не видит овраг и дерева, можно представить себе язык, который «видит» только (или главным образом) изменения, эффекты, происшествия, события. Если в этом языке были бы части речи, подобные нашим, то «главной частью» речи были бы глаголы. Фразы состояли бы из глагола, означающего движение, изменение, и чего-то типа наречия. Суффикс этого глагола имел

Урок 40

русски, а они — по-нуткински. Видим одинаково, говорим только по-разному.

Бета. Может быть, видим не только глазами. Вот мы только что звуками занимались. Думали сначала, что мы звуки слышим слухом, ушами. А оказалось, что мы слышим их, словесные звуки, не только ушами, а умом. Помним, какая буква там пишется, какой корень, в других словах однокоренных как он произносится, и слышим от этого. Ты сам. Альфа, слышал в слове *лед* звук [д] — не ушами, а всем умом¹.

Дельта. И все-таки одно дело видеть, а другое — умом понимать. Или словами говорить. Ведь бывает, что ты видишь, а словами не скажешь.

Бета. Знаете, мне показалось сначала, что этот язык — нутка — очень странный. А потом я подумал: почему? Не такой уж он и странный. У нас, в русском языке, тоже есть такие предложения. Например: *Светает, темнеет, холодает*. Мы не называем какую-нибудь вещь, а просто говорим, что происходит. И видим, что светает. А не вещь какая-то меняется, или что-то делает, или с ней что-то делается. Так даже лучше иногда сказать. Например, «кажется, дождь собирается» — *дойдет*. Или вот: *вечерет*. Ну, таких слов нет. Но могли бы быть. Мы так довольно часто говорим, *Горит, смеркается, Дойдет*. *Смыслим* — гораздо лучше сказать, чем *идет снег*. Никто никуда не идет, и такой вещи — снег — не видно, а просто *снежит*.

Дельта. Мы и не говорим обычно — *идем*. Говорим просто — *дождь, снег*. А можем сказать, как Бета — *дойдмн, стехмн*. Это все равно. В таких предложениях, по-моему, нет разницы между существительными и

бы «фоновое» значение чего-то, с чем эти изменения происходят. Нередко означало бы направление, скорость, силу, характер этого изменения.

Приблизительно так, кажется, устроены приводимая Сепиром фраза на языке нутка «намнет вино». Сепир приводит примеры языков, где нет или почти нет имен. Там основные предложения подобны нашим бесличным конструкциям типа «смеркается». Такой язык, в отличие от индоевропейских, имеет дело по преимуществу с потоком, а не с вещами. Исци живут на периферии, как сторона потока, как то, с чем что-то происходит (подобно тому, как у нас события — то, что происходит с вещами, эффекты — проявления их, вещей, изменения) (см. Ниль и глаголы. См. прим. 171). См. продолжение темы на следующем уроке. Вопрос о «лингвистической относительности» возникает на уроке 43. См. прим. 423.

¹ Милл Далецкая, 3-й класс.

глаголями. Когда мы говорим *дождь*, *снег*, то хотя это и существительные, ведут себя эти слова как существительные, если по Каппиному сказать, но по смыслу они глаголы. И правильно сказать, т. е. чтобы смысл соответствовал тому, как ведет себя слово, надо *дождит*, *снежит*.

Каппа. Совсем как каминит, в этом индейском языке.

Бета. А помните, мы сравнивали предложения шум, шумно и шумим. И Лямбда сказал, что это не совсем все равно, смысл немного разный. *Шумит* — глагольный смысл, как будто что-то шумит. А *шумно* — просто шумно¹⁰⁰.

Эта. Не очень-то это глагольные глаголы по смыслу — те, которые Дельта называл, и еще раньше Лямбда: *дождит*, *снежит*, *сает*, *веет*, *несет*. Тут не действие, которое кто-то делает, а так — погода. Вот шумим — тут, как Бета сказал, больше глагольного смысла, потому что кажется, что *кто-то* шумит.

Альфа. Да, это не настоящие глаголы, по смыслу. Настоящий глагол — это когда действие, которое кто-то делает. Например, *я говорю*, *лошадь бежит*¹⁰¹.

Бета. То, что Эта сказал — так хорошо говорить про погоду. А к вещам и действиям настоящим такой язык не подходит.

Лямбда. Почему? Вот это нуткиновское слово каминит, например.

Бета. Ну, тут как бы камня не видно, а так, как дождь. А самой вещи не видно в этом предложении. Камень здесь не самостоятельная вещь.

¹⁰⁰ См. урок 16, прим. 183.

¹⁰¹ В грамматике принято выделять *финитные* глаголы — они используются в предикативной функции и обозначают действие не отвлеченно, а «во время его возникновения от действующего лица» (А. А. Потебня). Подобно Альфе и Эте, многие лингвисты выделяют их в качестве собственно глаголов, в отличие от вербальных. Однако при выделении финитных глаголов обычно ориентируются на грамматическую форму. При анализе глаголов типа *сает*, *веет*, где действующее лицо явно отсутствует семантически, выходит из предложения, говоря о *физическом действующем лице*. Такие глаголы, обозначающие нечеловеческую ситуацию, выделяют иногда в особый класс «нечеловеческих» глаголов — они не способны иметь ни одного аргумента и поэтому не открывают валентностей, в отличие от глаголов, предлагающих или допускающих один или несколько аргументов (*спит кто?* — одновалентный глагол; *ест кто? что?* — двухвалентный; *дает кто? что? кому?* — трехвалентный).

Урок 40

Эта. Есть слово такое — камнепад. От него можно глагол образовать — *камнепадин*. Как *дождин* или *темнеет*. Тут не важны отдельные камни, а что падает. Не что падает, а что *падает*, неважно что. То есть не та вещь, которая падает, а просто что падает, а что — неважно.

Альфа. Ну ты и сказал, Эта! «Не что падает, а что падает». Ничего не понятно¹⁰².

Учитель. Альфа, а вот предложение «Светает» тебе понятно?

Альфа. Да.

Учитель. А скажи, светает — что?

Альфа. Природа светает.

Эта. День просыпается.

Гамма. Все светает, вся природа.

Лямбда. Нет тут отдельной вещи, которая светает, то есть что-то делает. И нельзя сказать, что или кто светает. Вся природа — это не вещь. Когда вещь, то она не все, а что-то одно. Это как будто странное предложение, но мы ведь так говорим, и всем понятно. А этот язык — нутка — он, может быть, весь так устроен.

Бета. Помните, мы слушали стихотворение про смех. Там такое слово есть — *смеяло*. Оно, по-моему, значит, что все смеется — не отдельные смешачи, а вообще все-все. Как про *светает* Гамма сказал — вся природа. И тут вместе и кто, и действие его — они не различаются. Хоть это и имя существительное, вроде бы, но смысла как у глаголов *светает*, *веснеет*. Как Дельта сказал — нет различия.

Каппа. Я раньше думал, что разные языки отличаются тем, что в них разные слова для одних и тех же вещей. Из других звуков состоят. Например, у нас *собака*, по-английски *a dog*. Потом понял, что

¹⁰² Это может ясно выразиться то обстоятельство, что по-русски синонимичным *что* — местоимение и *что* — союз. В первой части его фразы местоимение *что* заменяет имя (называющее объект действия или события), во второй — союз *что* заменяет (субstantивирует) само событие.

звуки хоть и похожи, но другие. А некоторых звуков вообще нет в одних языках, в других они есть. А теперь понял, что разница вообще во всем. Что все языки по-разному устроены!¹⁰³ Неужели люди, по-разному говорящие, по-разному все вообще понимают?

Дельта. Но ведь переводят же с одного языка на другой! Значит, люди понимают друг друга.

Эта. Альфа сказал, что видят все одинаково, глаза одинаково устроены. Я представил себе: вот два человека, один русский, а другой — этот нутка, индеец. Они смотрят на одно и то же — как падает камень. И один скажет: *камень падает*. А другой скажет: *каминит аниа*. А видит-то одно и то же и об одном говорят. Должны ведь они понять друг друга.

Бета. Ты сам, Эта, сам сказал недавно, что кто так говорит, не видит вещей. А видит только какие-то изменения. А другой видит вещи, и с ними что-то делается.

Эта. Значит, по-твоему, они друг друга не понимают?

Каша. Они не могут говорить — они языков не понимают друг друга.

Дельта. Если они рядом стоят и видят одно и то же, то они, конечно, поймут друг друга. Например, один покажет другому рукой на этот падающий камень. Мы же понимаем не только из слов.

Эта. Я не об этом хотел сказать. Ну, пусть они не говорят между собой, а объясниться могут, просто показав пальцем. Но один в своем уме, про себя, говорит *камень падает*, а другой говорит *каминит аниа*. Про одно и то же каждый говорит разное. То есть они понимают, значит, это совсем по-разному. А видят одно и то же. Вот что удивительно!

Звонок

¹⁰³ Языки различаются не только фонетически и лексически, но и по грамматическому строю.

Урок 41

Как нарисовать «камень падает» и «каменьт вниз».

Мы рисуем то, что видим или то, что думаем?

А говорим? Может быть, видим не глазами, а умом? Разные названия для одной вещи – это разные способы ее понимать (рубль и платинка).

Два смысла слова

Учитель. В конце прошлого урока Эта озадачил нас всех такой ситуацией. Представьте себе: стоят два человека и смотрят на падающий камень. Один из них говорит и думает по-русски, а другой — на языке нутка. И первый думает, говорит в своем уме, как сказал Эта, о том, что он видит: камень падает. А второй, о том же самом, думает и говорит: каминит анит. Видят они одно и то же или нет? Альфа сказал, что они видят одно и то же, потому что у них глаза одинаково устроены, а перед глазами одно и то же. Но думают и говорят о том, что видит, по-разному. А Бета предположил, что, может быть, видит не только глазами. Он напомнил нам, как мы слушали звуки и заметили, что слышим не только ушами, но всем умом.

Альфа. Как они могут видеть разное, если перед ними то же самое? Просто говорят об этом по-разному, и все. А видит, конечно, то же самое.

Дельта. Вот пусть они рисуют то, что каждый видит. Будет одинаковое или разное на рисунках? В словах-то разное. А чтобы угадать, что на самом деле каждый *видит*, а не как он об этом рассказывает, надо нарисовать.

Лямбда. Разное, наверное, рисуют. Я думаю так: русский рисует камень, у него края есть. Контур называется. Он, камень, отдельно от всего остального, он сам по себе. И он падает. Как падает, трудно нарисовать. Мы стрелочкой можем обозначить, стрелка вниз, значит, он падает. А пухляк рисует без контура, такие размытые мазки, движение вниз. Он кисточкой будет рисовать, краска как будто вниз стекает.

Гамма. Вот смотри. Ты говоришь, нарисовать камень, а стрелочкой обозначить, что он падает. Но ведь стрелочки ты никакой не видишь, когда смотришь на падающий камень. Значит, ты рисуешь не то, что видишь глазами, а то, что знаешь умом. Можно нарисовать камень, потом нарисовать его ниже, потом еще ниже, потом совсем внизу. Упал на землю. Но тогда несколько рисунков надо сделать — что ты видишь в разное время.

Альфа. Тогда пусть он рисует на одном рисунке, как камень все ниже и ниже и вот упал.

Бета. А если на одном рисунке их нарисовать, получится, что несколько камней. А надо-то — чтобы один камень, но падал. Движение очень трудно нарисовать.

Гамма. Надо не рисовать, а снять на камеру. Как движущийся рисунок.

Эта. Если несколько рисунков сделать и потом их быстро прокрутить, получится, что он падает. Я знаю, так мультфильм делают*.

Лямбда. Мы думаем, что нарисовать то, что видишь, легко. А вот движение, правда, нарисовать трудно. А его видишь. Но сказать о нем легко, а нарисовать трудно.

* Маша, 3-й класс.

Урок 41

Альфа. А я не могу представить, что этот нутка нарисует. Как можно видеть без отдельных вещей, не понимаю.

Дельта. Ты представь себе, Альфа, что ты рисуешь туман. Или дождь. То, что не из отдельных вещей состоит, а из движений или этих наречий.

Альфа. Все равно там капли отдельные будут, дождинки.

Бета. Я думаю, Альфа, что ты дождинок глазами не можешь видеть. Знаешь просто, что когда дождь, то отдельные капли. А видишь ты дождь, и рисовать надо дождь, а не дождинки.

Каша. Надо по мокрому рисовать, тогда все размазывается, контуров никаких нет. Я такие картины видел, с туманом и дождем, и даже с солнцем. Все перетекает, смазывается, ничего отдельного.

Лямбда. Знаете, я сейчас о чем подумал? Это ведь не только с этими камнями, которые падают, и люди разных языков на них смотрят. Вот мы все по-русски говорим. Мы говорим слова одинаковые. А на самом деле никогда не узнаешь, что в уме у человека. Дельта еще давно говорил, про собаку, помните? Слово *собака* говорим общее, а мысль о собаке у каждого своя. Дельта говорил, что каждый может свою собаку представить. А слово одно: собака¹⁰⁴.

Эта. Если каждый нарисует свою собаку, тогда мы узнаем, что у него в уме. А по слову — не узнаем.

Бета. Знаете, мы можем одно и то же нарисовать, одну собаку. Не каждый свою, какая у него в уме, а, например, мы все смотрим на одну собаку и рисуем ее. И у всех получится разное. Потому что мы рисуем не собаку, а свои мысли. То, что думаем, рисуем, а не только то, что видим. Помните, мы иней рисовали? У всех разный получился. А смотрели на одно и то же¹⁰⁵.

¹⁰⁴ Урок 8.

¹⁰⁵ Иней рисовали и обсуждали, по предложению одного из учеников, вопрос «Можно ли нарисовать иней — или каждый рисует свою мысль об инеи?» шестилетние первоклассники гимназии «Очаг» на уроке С. Ю. Курганова.

Альфа. Я рисовал настоящий иней, а не мою мысль о нем¹.

Бета. А я думаю, что можно нарисовать только нашу мысль об инее. Потому что каждый видит иней по-своему. Вот я поэтому его таким размытым и нарисовал. Это не он, это моя мысль о нем².

Каппа. Настоящий художник, мастер, он хочет сам иней нарисовать, а не свою мысль об инее. Это очень трудно. Но если постараться, то можно³.

Лямбда. Со словом не так, как с рисунком. Для того слова нужны, чтобы можно было общее говорить. Мы одно слово говорим, например, *собака*. Рисуем разное, даже если на одну собаку смотрим. Каждый, может быть, рисует свое видение. А слово одно говорим про одну и ту же вещь. Перед нами одна собака, а слово одно. А что каждый видит своими глазами и мысли какие у него в уме, неизвестно. Может, разные мысли у всех, а общее — только слово?

Гамма. Вот Альфа все время говорит, что вещь — то, что можно потрогать. А есть вещи, которые потрогать нельзя, а мы их видим. Вот луна, например. И мы можем нарисовать свое видение. Сказать можем, нарисовать можем. А потрогать — нет.

Учитель. Бета говорит, что мы не вещь рисуем и не свое видение, а свою мысль.

Лямбда. Я не согласен с Бетой, потому что скорее можно нарисовать наше видение иней, чем нарисовать мысль о нем, хотя мысль об инее нарисовать тоже можно. Вот я рисую свое видение иней (*рисуем*). А вот рисунок мысли: иней — это толкий снежный слой (пишет текст)⁴.

Каппа. Ну и нет у тебя никакого рисунка мысли. А только записана мысль. Слова — это не рисунок. Потому что слова специально для мыслей, которые нарисовать нельзя. Видение нарисовать можно, а

¹ Алла Готтхаренко, 1-й класс, гимназия «Очак», г. Харьков.

² Полина Рыбалова, 1-й класс, гимназия «Очак», г. Харьков.

³ Елизавета Мадарини, 1-й класс, гимназия «Очак», г. Харьков.

⁴ Вадим Тербаков, 1-й класс, гимназия «Очак», г. Харьков.

мысль нельзя. Вот мы спорили, живые игрушки или нет. Тот, кто считает, что они живые, может нарисовать, как они оживают. А как я нарисую, что они не оживают? Никогда не оживают? Это нарисовать нельзя, только сказать словами¹⁹⁶.

Бета. Знаете, некоторые слова вообще не про вещь, ни вещей никаких не означают, ни действий. А только наши мысли. Вот сейчас Каппа сказала... Например, слово *не*. *Не оживаю, не пойду, не бегу*... Ну, какую оно вещь может означать? Или действие? Оно, это *не*, только мысль означает¹⁹⁷.

Лямбда. Когда мы рисуем, мы рисуем наше видение, а не мысль. А когда говорим — мы говорим вещь или нашу мысль о вещи?

Бета. Неизвестно, что мы рисуем — видение или мысль. Вот моя сестренка рисует цветок, а над ним точки такие. Я ее спросил: «Это что, мухи?» А она говорит: «Нет, это запах от цветов»¹⁹⁸. Не видит же она этот запах глазами! Значит, она рисует свою мысль, а не видение.

Учитель. Мы сильно отвлеклись от того, что обсуждали. Но знаете, ваши вопросы, мнения, раздумья связаны с проблемами слова, речи, говорения. Мы увидели, что не только тогда, когда люди говорят на разных языках, непонятно, видит они одно и то же или нет, но даже когда люди говорят на одном языке, это не всегда понятно. Я хочу напомнить вам один наш старый разговор о словах и назва-

¹⁹⁶ Дарина Попова, 1-й класс, рисунки «Они», г. Харьков.

¹⁹⁷ Задание «Нарисуй свою мысль» (есть ли самое большое число, оживают ли игрушки, почему женеют листья, всегда ли $6+7=13$ и т. п.) постоянно получали ученики С. Ю. Курганова (см.: Курганова С. Ю. Шестилетние первоклассники // Детский сад со всех сторон. № 34–35 (262–263). СПб., 2005).

¹⁹⁸ Ср.: «Нет такого природного объекта, существующего вне нашего сознания, который соответствовал бы частице лоп. Но ясно, что она обозначает лишь суждение о том, что некоторая вещь не может отождествляться с другой» (Арно А., Вансле К. Прагматика обшая и рациональная Пар-Рояля. М., 1998. С. 202).

¹⁹⁹ Пример вымышленный из книги К. И. Чуковского «От двух до пяти». Многие дошкольники рисуют не что они видят, а что они знают: корни дерева под землей, профиль с двумя глазами, запах от цветов. Это сблизает детский рисунок с авангардистской живописью. По свидетельству Эренбурга, П. Пикассо утверждал: «Я изображаю мир не таким, каким его вижу, а таким, каким его мыслю» (<http://bibliotekar.ru/isk/17.htm>).

ниях. Помните, мы разделили имена вещей на названия и просто слова? Тогда Бета сказал, что *рубль* — это просто слово, а если бы рубль назвали *платинкой*, то это было бы названием, потому что понятно, что это то, чем платят¹⁰⁰.

Бета. Да, а потом вы нам объяснили, что *рубль* тоже было названием, потому что он от слова *рубить*, и раньше платили рублеными слитками. Оба слова — названия, только в одном это теперь спрятано¹⁰¹.

Учитель. Вот теперь, когда мы знаем этот «спрятанный» смысл слова рубль, предположим, один человек говорит *платинка*, а другой — *рубль*. Они одну и ту же вещь называют и могут понимать друг друга.

Ламбда. О, это немного похоже на пример Эты с этими камнями, как они падают. Про одно и то же один скажет: *камень падает*, а другой скажет: *каменный яма*. Они сказали про одно и то же, но по-разному. И могут быть разные слова про одну и ту же вещь, даже в одном языке, например, *платинка* и *рубль*. Когда мы называем эту вещь разными словами, то мы про одну вещь говорим, но по-разному. Платинка — то, чем платят. Рубль — то, что нарубили. Вещь одна, а названия разные. Хотя и то, и то вроде правильное, то есть понятное по устройству слова, почему оно такое, а не просто, как договорились, по-Каппинному. И то и то название. И они называют одну и ту же вещь. Но не просто по-разному называют эту вещь, а как будто *разное про нее говорят*.

Бета. И получается, что мы говорим об одном и том же, но *думаем* про это одно — *разное*. Разные мысли как будто говорим. Смысл разный у этих слов, а они про одну вещь. Но если мы говорим про одну вещь, а *думаем* про нее разное, то получается, что как будто про *разное* говорим. Потому что не только называем вещь, а что-то про нее говорим. В слове не только тот смысл, что оно о какой-то вещи или действии, но еще какая про эту вещь мысль. Как мы эту вещь понимаем. И, по-моему, похоже с рисунком — мы рисуем не только вещь, а то, как мы ее понимаем.

¹⁰⁰ Урок 2.

¹⁰¹ Урок 7.

Учитель. Значит, в слове есть не только звук и смысл, то, о чем это слово, но еще что-то третье?

Лямбда. Звук есть, и есть два смысла — *какую вещь* значит это слово и *что мы понимаем* про эту вещь⁴⁰¹. В словах *платинка* и *рубль* звуки разные, один смысл совпадает — они про одну и ту же вещь, а второй смысл различается.

Бета. Лямбда сказал, что просто назвать вещь — это первый смысл слова, а вот это, что мы про нее понимаем — откуда она, зачем, что делает, — второй смысл, в том же слове он. Мы когда поделили слова на просто слова и названия, мы к названиям отнесли те слова, в которых эти два смысла есть. А просто слова — это слова, в которых только один смысл — назвать какую-то вещь⁴⁰².

⁴⁰¹ Ср. у А. А. Потебни: «В слове мы различаем: *внешнюю форму*, т. е. членимый звук, *содержание*, объективируемое посредством звука, и *внутреннюю форму*, или ближайшее этимологическое значение слова, тот способ, каким выражается содержание. При некотором внимании нет возможности сплести содержание с внутренней формой. Например, различное содержание, мысленное при словах *жалованье*, *алимент*, *пенсия*, *дождь*, представляет много общего и может быть подведено под понятие платы; но нет сходства в том, как воображается это содержание в упомянутых словах: алимент — то, что отпущается на год, пенсия — то, что отсрочивается, дождь... первоначально — залою, ругательство, возмездие и проч., вообще результат взаимных обязательств, тогда как жалованье — действительное жалованье... но никак не законное возмездие... не следствие договора двух лиц.

Внутренняя форма каждого из этих слов иначе направляет мысль: почти то же выйдет, если скажем, что одно и то же новое восприятие, смотря по сочетаниям, в какие оно войдет с накопившимся в душе запасом, вызовет то или другое представление о слове» (Ломоносов А. А. Мысль и язык. Киев, 1993. С. 124). Разные слова про одну и ту же вещь, как выше сказал Лямбда, согласно Потебне, сходны содержанием, но различаются внутренней формой слова.

Внутренняя форма словообразовательного типа (ближайший этимон), которую анализирует здесь Потебня, только один из видов внутренней формы, которая бывает не только словообразовательной, но *мифологической*, когда слово употребляется в прямом и переносном значении (как *лот корабля*, см. урок 12); *смешанной*, связанной с метафорическим переносом значения и т. п. Внутренняя форма слова оказывается при употреблении слова в его поэтической функции, на что обращал внимание Потебня.

⁴⁰² См. урок 2, прим. 29. Слова, в которых, по выражению Бетты, только один смысл — это *непроизводные слова* или слова с умершей внутренней формой, *слово-звук*, в которых, по словам А. Потебни, «содержание непосредственно примыкает к звуку» (Указ. соч. С. 123).

Эта. И, между прочим, и то, и другое название — *платинка* и *рубль* — она, как Гамма говорит, не сама по себе вещь, не просто ее называют, а откуда она или зачем нужна. Кто говорит *платинка*, имеет в виду, зачем она — чтобы платить. А кто говорит *рубль*, имеет в виду, откуда она, как получилась — ее нарубили.

Гамма. Да, вот, например, *ручка* — это название, мы говорили. Потому что она в руке. А могла бы она называться *нысачка* — потому что ей нишут. Тут тоже два смысла — зачем и как. Вещь одна называется, а два разных смысла.

Альфа. Я когда был маленький, долго говорил вместо *молоток* — *клатоток*. Потому что *молоток* — чтобы *колотить*.

Учитель. *Молоток* — чтобы *молотить*. Есть такой глагол, который ты, когда был маленький, не знал.

Каппа. А мой братик называет лопатку *копачкой*, потому что она *копает*.

Бета. Как интересно — маленькие дети не знают многих слов, но они, кажется, понимают, что слово устроено как-то. Не просто называет что-то, но внутри себя осмысленно устроено. В нем есть этот смысл, о котором Лямбда сказал — как будто оно понимает что-то о вещи, зачем она, или откуда, или еще что-то.

Урок 42

Два смысла слова (продолжение). О понимании. Слово «понимать»

Учитель. Мы пытались понять, видят ли одво и то же люди, которые смотрят на одну вещь, но говорят о ней по-разному. Для этого предложили подумать, как каждый из них нарисует то, что он видит. И обнаружили, что и когда мы рисуем что-то, и когда мы говорим о чем-то, непонятно, что мы рисуем, что говорим — сами вещи или свои мысли, свое видение, свое понимание этих вещей.

Бета. Да, и потом мы вспомнили, как мы делили слова на просто слова и слова-названия. И вышло, как будто просто слова — про сами вещи, только про вещи. А в названиях как будто наши мысли о них, что это такое, зачем.

Гамма. Помните, как мы думали о том, что такое слово, и пытались слушать само слово *слово* — думали, может, оно своим осмысленным устройством ответит нам на наш вопрос — что такое слово. Как будто в нем мысли, в самом слове.

Учитель. Да, это Бета предложил.

Альфа. Ну, толком не ответило.

Лямбда. Но намекнуло на что-то. Мы потом говорили про *следы-отпечатки*, про то, что слово *слышно*⁴⁰².

⁴⁰² Урок 7.

Бета. Вот названия вещей — те, которые не просто слова, а названия — они отвечают, для чего эта вещь. Например, *будильник* — чтобы будить, *пилельник* — чтобы пилить. Вот *колонок* тоже и *малонок*. Мы еще говорили, что всякая вещь от действия, Гамма про это все время говорит. И это можно в ее названии услышать. Это *смысл* этого названия.

Дельта. У тебя, Бета, получается так: у тех слов, которые просто слова, не названия, нет смысла. Они значат какую-то вещь, и все. А смысл только в названиях. Но разве это правильно? Разве слова, которые мы говорим, бессмысленны? Мы ведь знаем, для чего *рубль* — чтобы платить. Ну, пусть в самом устройстве слова это не слышно. Но мы с таким *смыслом* его говорим, и все понимают.

Бета. Ну да, я согласен, что это не бессмысленные слова, которые все понимают. Можно сказать, как Лямбда — что у всех слов есть смысл, что они значат что-то. Мы на первом уроке сказали, что слово — это осмысленный звук. А у некоторых слов есть еще второй смысл, по его устройству. А первый смысл — просто назвать вещь. В словах-названиях два смысла, в простых словах — только один. Вот мы говорили про слова *ламинка* и *рубль* — у них первый смысл общий, а второй разный.

Каппа. Мы не говорим *ламинка*, а говорим *рубль*, хотя то, что ты, Бета, называешь смыслом, а Лямбда вторым смыслом, в этом слове не слышно, спрятано. И кто не знает, что *рубль* — от слова *рубинь*, но знает, что такое *рубль*, — для него это слово все равно не бессмысленное. Потому что смысл этого слова в том, чтобы называть определенную вещь, *рубль*⁴⁹¹. И два слова не нужны, чтобы назвать одну вещь — хватит и одного⁴⁹².

⁴⁹¹ Смысл, о котором говорит Каппа, принято называть *денотативным* содержанием языковой единицы, в отличие от ее *коннотативного* содержания, о котором говорит Бета, который включает в себе «добавочные» компоненты значения — экспрессивный, оценочный, эмоциональный, ассоциативно-образный и т. п. К коннотации относятся и явления, связанные с внутренней формой слова. Сложность здесь в том, что если языковая единица понимается не просто как знак, указывающий на предмет или класс предметов, но как имеющая предельно-понятийное содержание, к денотату приходится отвести не просто указание на класс вещей, но, например, и на основание выделения этого класса, существенные признаки вещи и т. п.

⁴⁹² См. прим. 323.

Лямбда. Но ведь мало того, что мы называем какую-то вещь, в словах еще какое-то понимание этой вещи. Ну, как бы след, или отпечаток, но не самой вещи, вот этой монетки, рубля, а нашего понимания, что это такое. Помните, мы говорили, что слово — след, отпечаток!¹⁰⁰ Мы думали, что сама вещь отпечатывается. Но отпечатывается не вещь. Кто назвал рубль *рублем*, думал не только о самой этой вещи, о рубле, а о том, что его рубят. Кто назвал его *пластинкой*, как Бета, думал о том, что им платят. И вот в слове след этих мыслей, а не самой вещи¹⁰¹. Мы его можем не понять, думаем, что это просто название вещи, а это след мысли о ней. Раз мы называем эту вещь, мы уже о ней как-то думаем.

Учитель. То есть вы, Лямбда и Бета, считаете, что в слове есть не только звук и смысл, но в некоторых словах — тех, которые мы раньше называли названиями, два смысла: один связан с тем, что слово относится к какой-то вещи, или действию, или явлению, значит что-то. И другой смысл — как мы понимаем эту вещь. Например, мы можем назвать одну и ту же вещь *рублем* или *пластинкой*, и все будут понимать, что эти слова относятся к той же вещи, но понимание этой вещи в двух словах разное.

Бета. Смотрите, как интересно. Предположим, мы все согласны, что такая вещь называется таким словом. И, как говорит Каппа, мы пользуемся этим словом одинаково. И само слово одинаковое, и употребляем мы его одинаково, ну, например, склоняем все правильно, и про одну и ту же вещь этим словом говорим. А если смысл слова — это понимание про вещь, а не просто что оно значит эту вещь — то тогда ведь что каждый под этим словом понимает, может быть разное — если не о вещах говорить, а о понимании. И не только про этого шутку я не знаю, понимает он так же, как я, или совсем по-другому, но и про любого, про Лямбду, например. Он со мной на одном языке говорит. А что у него под каждым словом в уме, я не знаю.

¹⁰⁰ Урок 7.

¹⁰¹ Согласно Потебне, словообразовательная внутренняя форма — это след того процесса, при помощи которого языком было создано данное слово, по выражению Ю. С. Маслова — «сохраняющийся в слове отпечаток того движения мысли, которое имело место в момент возникновения слова» (см.: <http://www.krugosvet.ru/articles/92/1009206/1009206a1.htm>).

Лямбда. Но если ты говоришь слово, и я его слышу... Я могу понимать тебя потому, что знаю, какую вещь ты называешь таким словом. А если смысл этого слова, тот смысл, который я назвал вторым смыслом, о котором ты, Бета, сейчас говоришь, как я понимаю про эту вещь... если этот смысл для меня другой, чем для тебя — значит, я тебя уже не понимаю?

Альфа. Я, кажется, понял. Надо различить то, что слово значит какую-то вещь, или человека — и что смысл для того, кто говорит. Вот, например, я называю свою маму мамой, а бабушка называет ее дочка, а папа — по имени. У этих слов разный смысл, но они называют одно и то же. Ведь мы понимаем друг друга. Что, мы с бабушкой видим разного человека, что ли? Нет, того же. Просто называем по-разному.

Учитель. А видите то же самое?

Альфа. Конечно.

Учитель. Вспомните пример Эты с падающим камнем. Русский и интука видят одно и то же?

Альфа. По-моему, одно и то же видят.

Лямбда. А по-моему, смотрят на одно и то же, а видят разное.

Альфа. Как это может быть, что смотрят на одно и то же, а видят разное?

Дельта. Ну вот представь себе: мы с тобой смотрим на кого-нибудь, хоть на Гамму. И мы видим одного и того же человека, правда?

Альфа. Ну конечно.

Дельта. А видим-то мы разное!

Альфа. Почему? Гамму видим оба.

Урок 42

Дельта. Потому что мы по-разному к нему относимся.

Эта. Ты это уже говорил, Дельта, — кто собак любит, для того смысл слова *собака* другой, не такой, как для того, кто их боится¹⁰². Так и с человеком, с Гаммой. Но если мы не говорим, а просто видим что-то — разве всегда не одно и то же?

Дельта. Всегда, по-моему. Ну, хотя бы потому, что ты Гамму видишь справа, а я — слева. У него, конечно, правый бок на левый очень похож. Ну, предположим, ты стоишь спереди от него, а я сзади. А перед и зад совсем не похожи!

Каппа. Вы можете поменяться местами. И вообще, можно Гамму кругом обойти и разглядеть со всех сторон. И ты когда говоришь «Гамма», ты ведь не называешь его правый бок, или левый, или перед, или зад. Гамма — это имя для всего человека, а не для того, как кто его видит. Я могу вообще глаза закрыть и сказать «Гамма».

Альфа. Ты ведь представляешь его вид, даже с закрытыми глазами. Вспоминаешь, что раньше видел.

Каппа. Не обязательно. Могу и не представлять. И я ведь могу говорить о человеке, которого я никогда не видел.

Дельта. Конечно, даже когда я говорю «Гамма», которого я видел, я вообще не только его вид вспоминаю. Но если подумать про то, о чем Эта сказал: мы смотрим на одно и то же. Как с камнями с эти-ми. И я думаю, что одновременно-то мы никогда одно и то же не увидим. Ты не можешь встать на мое место, если я там стою!

Лямбда. Если Каппа встанет на твое место, оно уже не твое будет¹.

Бета. Вот и я говорю — на мое место никто не встанет. Но если так, то получается опять, что никогда нельзя понять другого человека. Если у каждого человека свое место и оно только его, больше ничье, то тогда двое разговаривают и они видят разное, а только

¹⁰² Урок 8.

¹ Вася Далицкий, 1-й класс.

слово общее. Нельзя тогда говорить, что они понимают друг друга⁴⁰⁹.

Лямбда. Если мы говорим про пример Эты с камнем, то даже слова разные. Мы думаем, понимают ли друг друга люди, которые на одно и то же смотрят, но называют разными словами. И спорили: видят они одно и то же или разное. А если мы на Гамму смотрим и знаем, как его зовут, то слово у нас будет одно. А вид для каждого разный, и значит смысл — тоже?

Гамма. Вот вы меня видите, обходите со всех сторон, а я-то себя вообще не вижу. Только в зеркале. Что же, я не понимаю, когда вы обо мне говорите? *Не только то непонятно, что видимы глазами*". Ведь мы понимаем не глазами, а умом. Даже мы говорили на прошлом уроке, что не только понимаем, но и видим и слышим тоже — умом, а не глазами и ушами.

Эта. В уме-то можно на любое место встать⁴¹⁰. И как бы увидеть умом — с разных сторон.

Бета. И я считаю — понимаешь не что видишь, а что у нас в уме. Вот слепой человек — разве он не понимает? И каждый из нас — мы же понимаем не только то, что видим. Эта правильно говорит — в уме можно встать на любое место. Помните, Альфа говорил про ленту — мы обсуждали, можно ли ее делить пополам сколько угодно, или она когда-нибудь кончится? Альфа сказал, что нарисованная

⁴⁰⁹ Оли Мюретона, 2-й класс.

⁴¹⁰ Ср. у Потебни: «Что касается до самого субъективного содержания мысли говорящего и мысли понимающего, то эти содержания до такой степени различны, что хотя это различие обыкновенно замечается только при явном недоразумении, <...> не легко может быть осознано и при так называемом полном понимании. Мысли говорящего и понимающего сходятся между собой только в слове. <...> Говоря словами Гумбольдта, „никто не думает при известном слове именно того, что другой“, и это будет понятно, если вспомним, что даже тогда, когда истинное понимание по-видимому невозможно, когда, например, оба собеседника видят перед собой предмет, в котором речь, что даже тогда каждый в буквальном смысле смотрит на предмет со своей точки зрения и видит его своими глазами. <...> Поэтому всякое понимание есть вместе непонимание, всякое согласие в мыслях — вместе несогласие» (Потебня А. А. Указ. соч. С. 94).

⁴¹¹ Кирилл Малахов, 2-й класс.

⁴¹² Кирилл Малахов, 2-й класс.

Урок 42

линии кончится, и уже не разделишь больше, а в своем уме он может ее и дальше делить¹⁰². Мы про воображаемые числа и воображаемые линии понимали, а не про видимые.

Альфа. Это совсем другое дело. Это математика. Каппа нам доказывал, что она вообще вся только про воображаемое. Но язык-то, слова — они про настоящие вещи. Слова — это вам не числа. Сначала надо видеть вещи, потом уже можно понимать.

Учитель. Альфа, а разве ты не понимаешь слов о том, чего ты никогда не видел?

Альфа. Ну да, конечно. Вот сказки, например. Бабу-ягу я не видел.

Каппа. Вот я тебе расскажу о своем друге, которого ты не знаешь — что, разве нельзя так рассказать, чтобы ты понял?

Эта. Понимаешь вообще не что видишь, а что слышишь.

Учитель. Что тебе рассказывают?

Эта. Ну да, и что рассказывают. Но не обязательно. Не обязательно от кого-то слышишь — ведь то, что ты думаешь, что сам себе говоришь, тоже слышишь. Вот как с этими камнями: один понимает, что камень падает, а второй — что каминт вилл. Видят, может быть, одно и то же, а понимают все равно по-разному. Почему? Потому что они по-разному это говорят и сами себя слышат. И у них разное в уме¹.

Лямбда. Когда-то Каппа сказал, что, когда думаешь, как бы сам с собой разговариваешь¹⁰³. Но, по-моему, это не совсем то же самое. Я когда думаю, это одно, когда говорю — это другое.

Дельта. По-другому говоришь, чем думаешь.

Бета. Пока не скажешь, и не поймешь, что думаешь.

¹⁰² Загадки числа. С. 336.

¹ Каппа Кошаченко, 1-й класс.

¹⁰³ Урок 7.

Лямбда. Бывает наоборот. Вот я говорю вам то, что думаю. Мне кажется, что это понятно. А когда скажу, и никто не понял, вдруг и сам перестанешь понимать.

Альфа. У нас так сто раз случалось. Начнем говорить, каждый думает, что он понимает, а потом поговорим и запутаемся.

Бета. Но ведь не так, что мы молча понимали, а от говорения перестали понимать. Думаешь, что понимаешь, а когда пытаешься объяснить, начинаешь понимать, что, оказывается, не очень-то понимал раньше. Понимание с говорением связано, мы выяснили, что даже в каждом слове уже понимание есть.

Гамма. Вот мы говорим, что понимание — это когда в уме говоришь. И когда мы друг с другом говорим — тоже. Но ведь мы не можем знать, что у другого в уме. Мы только про слова можем сказать, что один говорит те же слова, что другой. А что мы думаем про то же самое, никогда нельзя знать.

Альфа. Но я когда говорю с тобой, то надеюсь, что у тебя то же самое в уме. Ну, хотя бы примерно.

Бета. Иногда выясняется, что нет. Помните, с назывательными предложениями. Мы говорили одно и то же слово, а потом выяснилось, что Каппа под назывательными предложениями понимал одно, а Дельта — другое¹¹.

Лямбда. А выяснили-то как? Словами. Говорили, говорили и выяснили. А не так, что кто-то залез Дельте и Каппе в голову и увидел, что они понимают.

Звонок

¹¹ Урок 22.

Понимание-видение, понимание-слышание,
понимание-схватывание. Опять вопрос: думают ли
по-разному люди, говорящие на разных языках?
Зависит ли то, как мы думаем, от того, как мы
говорим? Можно ли понять вещь,
для которой нет имени?

Учитель. Мы опять вернулись к вопросу о том, как мы понимаем. Понимаем что-нибудь о вещах и — понимаем друг друга. Что такое понимать? Эта на прошлом уроке интересную вещь сказал — понимаешь не то, что видишь, а то, что слышишь. И Бета с Лямбдой говорят, что понимание связано со словами, с говорением и слышанием — даже если сам с собой говоришь, сам себя слышишь. Я хочу напомнить вам о том, как мы говорили про само это слово — *понимать*, — что оно родственно с такими словами, как *принимать*, *отнимать*, *поймать*. У них общий корень, который означает *брать*, хотя это трудно услышать — он в этих словах совсем по-разному звучит¹¹².

¹¹² Урок 14. См. у Фасмера: *емлю*, *имать* «брать», несврщ. из см. образ, **ǵeti* (см. *возьму*, *взять*), ст.-слав. см. образ, *бонъ* *смыа*, сербохорв. см. образ, *jěmati*, словен. *jénajeti*, *jemiti*, чеш. *jítati* «хватать», слов. *jítati*, польск. *jémié* «берет, хватает, по-

Гамма. Взять и иметь в своем уме — значит, понимать. Не перед глазами, не в руках, а в уме иметь. А в уме — умственное говорение¹. Поэтому и со словами связано понимание.

Бета. Поэтому мы и можем понимать то, что не видим и не можем потрогать. Как с числами, например. Мы говорили, что они не в вещах, а у нас в уме. Еще долго спорили об этом⁴¹.

Эта. Но когда мы в своем уме что-то имеем, то как будто сами с собой об этом говорим и слышим свои мысли. Я поэтому сказал, что понимаешь не то, что видишь, а то, что слышишь.

Учитель. Гамма сказал, что *понимать* значит *иметь, держать в своем уме*, не видеть глазами, не руками держать, а иметь в уме, поэтому, говорит Бета, мы понимаем вещи, которые не можем увидеть или потрогать. Это, как говорил Лямбда, второй смысл слова *понимать*, смысл, который открывается, если мы будем слушать само это слово, узнаем, как оно устроено, какими слогам родственно. Но в некоторых языках слово с таким значением — *понимать* — родственно слову *слышать*. А есть такие языки, в которых *знать, понимать и слышать* — это просто одно слово⁴².

Лямбда. Они считают, наверное, как Эта сейчас сказал — что словами только понимаешь, значит, слухом. Люди, которые на таких языках говорят. Правильно вообще-то. Ведь мы в уме не саму вещь имеем, а мысль. А если мы в уме какую-то мысль имеем, то слышим ее как будто. Умственное говорение, как сейчас Гамма сказал, слышим.

вить», [ѣтъѣ, инф. || Первонач. нескри. см. образ, ѣтъѣ (Бернекер 1, 345; Meise — Байан 203), ср. возмз, вѣтъ и -ѣм. Ср. лит. *stoti, tėti* «беру», ирл. *aig-sta* «высирит», лит. *ĩmĩ, tĩmĩ*; см. также Траутман, BSW 103 и сл.; Meise, MSL 14, 363; It. 11; Бернекер, там же; Зидман, ЖЭМП, 1910, июль, стр. 202.

¹ *Отец, 1-й класс.*

⁴¹ Загадки числа.

⁴² См. примеры таких языков: *Верейская А. Семантические универсалии и предметное мышление // Язык. Культура. Понимание. М., 1996. С. 311–319.* В языке оймюра (Новая Гвинея) глагол *ĩto* означает *понимать* и *слышать* звук; в австралийском языке якунгатыльра слово *kĩlĩnĩ* означает и *слышать*, и *думать*; в патуасском языке куа *kĩnĩ* — означает *слышать* и *понимать*, *gĩnĩ* — *ухо* и *внимание*.

Урок 43

Бета. Но ведь мы в уме и видеть можем, не только слышать. Вот мы говорили, что линии можно в уме делать сколько угодно, это как будто в уме видишь, как делишь. И когда Эта говорил, что числа бывают квадратные и треугольные, мы не только рисовали эти оформленные числа, но в уме их как бы видели¹⁶. Не слышишь же форму в уме, а видишь! Умысленное видение как будто, а не умысленное слышание.

Альфа. А видению слово *понимать* не родственное.

Учитель. Слово *видеть* родственно слову, которое сейчас редко употребляется, слово *ведать* — *знать*. И вообще мы довольно часто говорим так, как будто связываем видение и понимание. Мы говорим: *точка зрения* — не о том, что мы видим, а о том, что понимаем. Говорим: *посмотрим на это с другой стороны* — не в том смысле, что пойдем в другую сторону и посмотрим оттуда, а в смысле *подумаем об этом по-другому*.

Альфа. Кролик говорит Пуху: «Не вижу в этом большого смысла»¹⁷. Как будто смысл можно глазами видеть. Тут тоже *видеть* говорится о смысле, который мы умом только видим, а не глазами. Как будто видим, умысленным видением, как Бета сказала. Вот еще когда мы говорили, что Гамму можно обойти, увидеть со всех сторон — в уме, мы тоже имели в виду, что понимание в уме похоже как-то на видение, хотя и не глазами.

Лямбда. Ты сказал сейчас *имели я вид*! Тоже *вид* не зрительный, а умысленный, но как будто умом видишь, а не слышишь ...

Дельта. Как будто понимание и со слухом связано, и со зрением. Но все-таки как-то словами понимаешь. И мы передаем мысли словами, а не картинками.

Гамма. А я, когда был маленький, думал, что я ртом понимаю. Когда говорю.

¹⁶ Загадки числа. С. 336; о фигурных числах уроки 3–5.

¹⁷ Милл А. Витни-Пух и все-все-все. Пер. Б. Заходера. По-английски так же: «I don't see much sense in that».

Бета. Потому что говорение и слышание — вместе. Где слова, там мы говорим и слышим сразу. Когда говорим — слышим, когда слышим — говорим. Рот если даже закрыть, внутри себя говоришь, в уме. Мы еще в самом начале говорили это, когда про звуки думали, почему они подходят к вещам¹⁰⁸.

Лямбда. Если наше слово *понимать* родственное к слову *поймать*, то это не слышать и не видеть, а скорее — как в руке держать, трогать. Поймать, схватить, взять.

Дельта. Еще говорят — *догонять*. Также как будто схватить¹⁰⁹.

Лямбда. Да, как будто мысль от тебя убегает, а ты догоняешь^{*}.

Эта. Понимание связано и с видением, и с слышанием, и с троганием, держанием. Но как будто не ушами и глазами и руками, а умом. Умом и держишь, и видишь, и слышишь...

Бета. Лямбда сказал, что люди, которые говорят на тех языках, где *понимать* и *слышать* — это родственные слова или вообще одно слово, они считают, что словами, слухом понимаешь. Что понимание от говорения и слышания. Тогда выходит, что, например, те, у кого *понимать* родственное слову *видеть*, считают, что оно связано с видением. Но ведь, наверное, все понимают, что *понимать* — это не просто видеть, и не просто слышать, даже если слова те же самые или родственные. И потом, вот мы-то по-русски говорим. И у нас разные слова — *слышать* и *понимать*. Не просто разные, а даже не родственные. Корни разные. А мы тоже говорили, что *понимаешь* словами, значит, слухом. И что думать — это как бы в своем уме разговаривать, слышать самого себя. Не потому мы так говорили, что само это слово *понимать* слушали, а потому что думали о том, как же мы понимаем. Получается, что слова не родственные, а действия родственные — связано понимание с слышанием и говорением. Независимо от того, как устроены слова, кото-

¹⁰⁸ Уроки 3, 4.

¹⁰⁹ Так во многих европейских языках: ср. немецкое *aufpassen*, итальянское *carire*, английский *get*.

^{*} Юна, 3-й класс.

рыми мы это называем, и какой в них вот этот самый второй смысл¹⁰⁸.

Каппа. Конечно, так часто бывает — что слова неродственные, а действия или вещи родственные. Вот, например, щенок — он родственник собаке. А слова — нет, не родственные. Слова *кош* и *котенок*, *лиса* и *лисенок* — родственные, а *собака* и *щенок* — нет. Ну и что? Все равно все понимают, что они родственники. Лямбда говорил, что правильно было бы говорить *собаченок*, чтобы было название¹⁰⁹. Чтобы если какие-то вещи связаны между собой, они бы и назывались родственными словами. Но я считаю, что это не обязательно. Главное, чтобы люди друг друга понимали. Потому что важно не то, как слово устроено и какому слову родственно, а как его все понимают. Этот второй смысл, который Бета и Лямбда ищут в словах, который связан с устройством слова, с тем, какие слова родственные, он, во-первых, не всегда есть. Не все слова — названия, много есть просто слов, непронизванных, в них нет этого второго смысла. Во-вторых, когда даже он есть, его не все знают. Вот, например, нам учитель рассказал про слово *рубль*, откуда оно и почему родственно слову *рубить*, а мы не слышали и не знали этого. А слово *понимать* вообще не похоже на своих родственников, корня не видно. Ну и что? Мы эти слова говорим, и слышим, и понимаем. И смысл для нас есть в них, не какой-то второй, а самый обычный, первый смысл. И в-третьих. Вот на разных языках слова по-разному связаны. Ну и что, разве люди по-разному думают? Слово *понимать* в одном языке связано со словом *видеть*, в другом — со словом *слышать*, в третьем — со словом *мышать* или *слышать*. А все равно люди понимают не глазами, не ушами, не руками, а умом. Бета правильно сказал!¹¹⁰

¹⁰⁸ Под «вторым смыслом» Бета понимает внутреннюю форму, связанную с «устройством» слова. См. урок 41–42.

¹⁰⁹ Урок 9.

¹¹⁰ Есть языки, в которых слово думать или знать совпадает (или является однокоренным) со словом видеть, а есть языки, в котором оно совпадает со словом слышать. См. прим. 415. Трудно на этом основании считать, что носители этих языков не имеют идеи мышления или понимания, отличной от идеи видения или слышания, хотя такое предположение высказывалось, напр., К. Холлвайком. Холлвайк полагает, что люди, говорящие на таких языках, находятся на доперативной стадии развития и не различают понятий знать, думать, понимать, с одной стороны, и слышать, с другой (см. Hallpike C. E. The foundation of primitive

Учитель. Что же, Каппа, по-твоему, то, как люди говорят, как устроены слова, как они связаны между собой — совсем не важно?

Каппа. Как говорят — важно, конечно. Вот все говорят *рубль* про определенную денежку. Это и есть смысл слова *рубль*. А какие в нем звуки, корень какой, вот этот второй смысл, что это что-то отрубленное — это, по-моему, не важно. Ну, интересно, конечно, но ведь и без этого мы понимаем!

Дельта. Каппа, а вот мы говорили про путку и русского — один говорит *камень* *амид*, а другой говорит — *камень падает*. И кажется, что они по-разному одно и то же понимают, и это как раз связано с тем, как они говорят. То есть не просто *о чем* говорим, а как устроены их слова и предложения. Говорят-то они вроде об одном и том же. И про слово *понимать* — кажется, что важно, как оно устроено. Конечно, это не значит, что кто говорит, что *понимать* от слова *слышать*, он ушами понимает, а кто говорит, что от слова *видеть*, он понимает глазами...

thought. 1979. Цит. по Вержбицкой. Указ. соч. С. 312). Воображая ему, А. Вержбицкая утверждает, что здесь мы имеем дело с полисемией соответствующих слов, и многозначность слова не может свидетельствовать о неразличении понятий. В подтверждение этой мысли она указывает на то, что, например, в английском языке глагол *see* (видеть) используется и в значении *понимать* (*I see what you mean*), что никак не может служить доказательством того, что англоговорящие не различают этих значений слова *see*. К этому можно добавить множество других примеров из европейских языков. Так, по-русски мы говорим иметь в виду в значении подразумевать, взгляды в значении мнения. Глагол *видать* (знать) родственен глаголу *видеть*. По-итальянски *intendere* означает понимать и слышать. Это не может служить основанием для предположения, что носители этих языков не имеют самостоятельной идеи знания, понимания, отличной от идеи видения или слышания. Если некий язык называет одним словом то, что в других языках называется несколькими разными словами, мы могли бы, согласившись с Вержбицкой, назвать это полисемией и отнести к чисто языковому феномену. Но, в отличие от омонимии, полисемия предполагает регулярную и мотивированную семантическую связь, в данном случае между словами *понимать* и *видеть*, *понимать* и *слышать*, и можно предположить, что соответствующие смыслы связаны для носителей разных языков по-разному, что идеи понимания у них различны и что различия эти, по-видимому, отчасти связаны со «связкой смыслов» в соответствующих словах. Кроме того, напрашивается предположение, что чувственный опыт (видения и слышания) не безразличен и не может быть полностью преодолен в идее понимания — как и язык, на котором мы выражаем понимаемое, тоже не может быть преодолен полностью. См. прим. 423.

Урок 43

Бета. Ты, Каппа, правильно сказал, что мы часто не знаем, как слово устроено. А когда знаем, не всегда обращаем внимание. Но как-то незаметно это учитываем, по-моему. Все-таки смысл как-то прибавляется.

Каппа. Ну что, по-твоему, лисенок роднее лисе, чем щенок собаке?

Бета. Да нет, наверное.

Дельта. А по-моему, роднее. Потому что лисенок лисе родня в двух смыслах, как Лямбда говорит — и по слову, и по родству. А щенок только в одном¹.

Альфа. Да они-то, собака и щенок, вообще не знают, какими словами мы их называем! А они же родственники и даже сами знают, что они родственники, независимо от всяких слов. Мы должны понимать как есть *на самом деле*, а не как в наших словах.

Дельта. Но разве мы можем без слов понимать?

Альфа. Словами говорим то, что понимаем.

Лямбда. Мы же когда словами говорим, не просто говорим то, что уже подумали и поняли. Не просто сами вещи вещами понимаем, а словами и понимаем². Значит, как понимаем, зависит от того, как говорим. И нутка и русский, я думаю, по-разному понимают то, что видит. Даже мы спорили о том, видят ли они одно и то же³.

¹ Вась Д., 1-й класс.

² Оля М., 2-й класс.

³ Вопрос о том, является ли язык лишь способом выражения понятий и мыслей, безразличных в языку, или же играет существенную роль в самом мышлении, уже затрагивался. См. уроки 40–41, прим. 389. Дж. Лакофф, развивая подход к мышлению, который он называет *олигичным реализмом*, или *экспериментализмом*, приводит многочисленные примеры связи категорий мышления и «того, как мы говорим». (См. Лакофф Дж. Женщины, огонь и опасные вещи. М., 2004). Эти примеры связаны далеко не только с словообразованием, родственными связями и стилистикой слов, но и с грамматикой (например, категориями рода или класса имен), с употреблением слов, с устойчивыми фразеологизмами. В частности, мышление, которое описывает Лакофф, охотно использует трою. Это не просто примы

Каппа. Ты говоришь, что словами мы понимаем. Но предположим, что есть какая-то вещь, для которой нет слова. Разве нельзя ее понять?

Альфа. Как это — вещь есть, а слова нет?

Бета. Вот Каппа нам придумывал всякие числа. Для них слова не было, такого, как два, пять или нольтопы. Но он нам объяснял, и мы вроде понимали.

речи, но именно *способы мышления*. Троицы не являются только средствами выражения понятия, но играют важную роль в самом понимании. На троицы часто основываются так называемые когнитивные модели. Лакофф, например, описывает одну из интересных когнитивных моделей, основанных на метафоре, — модель, или концепт времени. И английский, и русский, и многие другие языки обращаются со временем как с имуществом. Время можно дать, отнять, потерять, найти. Его можно иметь или не иметь, его может быть много или мало, что может не хватать, оно может быть лишним. Его можно продать и не купить, выиграть и сэкономить, потратить и приобрести. Соответствующие примеры из английского языка приводит Лакофф (глав. соч. С. 276). Время может быть сэкономлено (*saved*), потрачено (*spent*), рассчитано (*budgeted*), использовано с выгодой (*used profitably*), потрачено зря (*wasted*) и т. д. В принципе это довольно странно. Это далеко не единственный и не универсальный способ концептуализации времени, но в «народной теории времени» он онтологизирован, люди воспринимают его как часть объективной характеристики того, «что есть время на самом деле». При этом такая метафора вовсе не случайна. Она продуктивна, она работает, она играет роль в нашем понимании, и интерпретировать ее при попытке осмыслить категорию времени было бы неправильно. Эту метафору язык, если можно так выразиться, осознает — ср. поговорку «Время — деньги» (аналогичная поговорка есть и в английском языке). Так обстоят дела не со всеми метафорами — иные почти не осознаются. Между прочим, этимология этого (русского) слова, его «устройство», как говорит один ученый, и отвлеченное происхождение (от арабских) почти не чувствуется современными носителями языка, но связь эту мы можем заметить в употреблении слова (круговорот времени). Можно также заметить, что этимология русского слова *время* и английского *time* не совпадают, английская этимология (сейчас практически не оспариваемая носителями языка) более соответствует описанной когнитивной модели (иные возводят к основе *da* — отрезать, делить), но при этом выражения со словом *time*, приводимые Лакоффом, легко переводятся на русский язык практически буквально, и «когнитивная модель» времени в русском и английском языках обнаруживает удивительное сходство. Подобный пример мог бы привести Каппа в подтверждение своего тезиса о том, что важно не устройство и происхождение слова, а то, как мы его употребляем, — но под употреблением надо было бы понимать не конвенционально принятое отношение слова к чему-то существующему вне речи, а ту концептуализацию, которую производит сам язык. Тогда вопрос, мыслят ли по-разному люди, говорящие на разных языках, остается открытым. См. см. урок, прим. 433.

Урок 43

Гамма. Словами же объяснял. И еще числа цифрами записываются.

Дельта. У него были и такие числа, которые записать нельзя, надо без конца писать. Он многими словами объяснял, рассказывал, как оно получается. А одного имени нет у такого числа. Но ведь все понимают, какое оно⁶⁴.

Альфа. Числа — это не вещи. Числа мы придумываем, а вещи — нет, они есть. И у них есть имена⁶⁵.

Гамма. Альфа, ведь придуманные вещи тоже есть. Вот, например, машины всякие, дома. Их придумали люди, потом построили. А не сами они выросли.

Дельта. И мы придумали имена. *Машинка*, *дом* — есть же такие слова.

Альфа. Если есть вещь, обязательно должны быть имена у них. Пока нет имени, вещь как будто не совсем есть⁶⁶.

Бета. Альфа, вот предположим, какое-то дикое племя, люди, которые не видели машин. И у них нет слова такого.

Дельта. Они придумают имя, если у них будут машины.

Гамма. А без имени не могут понять, что такое машина?

Лямбда. Если считать, что мы словами понимаем, то не могут. Я так считал. Но когда Бета напомнил пример с Каппиным числом, я опять задумался. Я понимаю, какое это число, а отдельного имени у него нет. Понимаю я из Каппиново рассказа, как оно получается, то есть из слов. Но все-таки числа, у которых есть имена — два, пять, я понимаю лучше.

Бета. Ты, Лямбда, потому их понимаешь лучше, что у них есть имена, или, наоборот, у них есть имена потому, что они более понятные?

⁶⁴ Каппа говорил, например, о числе, в двоичной записи которого чередуются нули и единицы — 1, 010101... Или о числе, нули и единицы в двоичной записи которого определяются случайно, бросанием монеты. Загадки числа, урок 46.

⁶⁵ Максим Б., 1-й класс.

⁶⁶ Максим Б., 1-й класс.

Лямбда. Не знаю.

Дельта. Каппа, ты сначала придумал эти числа, а потом уже словами рассказывал? Или сразу словами придумывал?

Каппа. Я уже не помню. Вроде словами, но не совсем. Потому что я потом думал, как же вам объяснить, значит, не было готовых слов.

Лямбда. Наверное, мы не совсем словами думаем. Бывает, что что-то думаешь, а словами рассказать не можешь.

Бета. Вот Альфа на прошлом уроке приводил пример про свою семью. Все маму по-разному зовут. А понимают же, что говорят об одном человеке, хотя имена для него у всех разные. И если нет имени для машины, то можно показать ее и объяснить другими словами, что это такое, и научить человека ездить на ней. Слова понадобятся, но не обязательно то же самое имя.

Звонок

Объясняем слово «брат» людям, в языке которых нет такого слова. Можно ли понять вещь, для которой нет слова (имени)? Чем мы думаем — словами или смыслами?

Учитель. Я вам уже рассказывал о языке нутка, в котором нет имен. Он нам кажется очень странным. А есть такие языки, где имена есть, но в них нет имен для вещей, для которых у нас есть имена, и наоборот. Предположим, что в каком-то языке нет слова, которое бы означало *брат*. Братья там, конечно, есть. Но такого отдельного слова нет. В этом языке есть несколько слов вместо этого одного — есть отдельные слова, которые означают *младший брат брата*, *брат сестры*, *старший брат многих сестер* и *братыев* и разные другие слова такого рода, но нет одного общего слова, которое означало бы просто *брат*, независимо от того, сколько у него есть братьев и сестер, и каких⁴²³. Я вас прошу подумать и сказать, как бы вы объяснили этим людям, что значит наше слово *брат*, поняли бы они ваше объяснение или нет. Но сначала я хочу обратить ваше внимание на то, что этот пример отличается от примера, который привел на прошлом уроке Бета — про народ или племя, у которых нет машин и поэтому нет слова, которое означало бы машину.

⁴²³ Например, в корейском языке нет слова, соответствующего нашему *брат*, но есть слово для «старшего брата» (*хён*) и для «младшего брата» (*мюнгин*).

Альфа. Конечно, отличается. У этих людей же есть братья, а только слова нет.

Эта. И те люди не знали, что такое машина. А эти ведь знают, что такое брат. У них есть и слова для братьев, много разных слов для разных братьев, нет только одного общего слова *брат*. Они про своих братьев говорить могут, только не совсем так, как мы.

Бета. Этот пример больше похож на пример с нутка. Они тоже знают и видят то, что мы знаем и видим — как камень падает. Только говорят об этом по-другому.

Дельта. Значит, им должно быть гораздо легче объяснить, чем тем, про машину. Одно дело объяснять тому человеку, у которого есть брат, а только слова такого нет, а другое — тому объяснять, который не только слова не знает, но вообще не знает того, о чем это слово. Перво-му можно просто показать его брата и сказать: «Это твой брат».

Учитель. Ну, предположим, это его старший брат. И тогда он подумает, что *брат* — это просто русский перевод для его слова, которое означает *смаршнй брат*.

Эта. Да, не годится так.

Бета. Если у него есть два брата, старший и младший, то надо сказать: вот, они оба твои братья. А ты — им обоим брат.

Эта. А если человек один, у него нет брата? Все равно ведь можно объяснить. Вот у меня брата нет, а я-то знаю, что значит это слово. Мы же слова понимаем не только для того, что у нас есть.

Альфа. Можно все эти их слова, которые они знают — *смаршнй брат*, *брат*, *старший брат двух сестер*, *младший брат сестры* и так далее, — все слова, какие у них есть для братьев, перечислить и сказать: это все у нас называется словом *брат*.

Гамма. Вот как будто ты объясняешь слово *птица*. Человек, например, знает слова *воробей*, *дятель*, *ворона*, *сизгирь*, *ласточка*. . . Ты ему перечислишь все эти слова и скажешь: это все птицы.

Урок 44

Лямбда. Ну, это похоже на то, как мы с самого начала говорили, что такое число. Мы все хором стали говорить: один, два, три, четыре... Разные числа стали называть⁴²⁸. Это оказалось не очень хорошее объяснение — все числа все равно не перече́тислишь, потом всякие числа, о которых мы потом узнали, мы не назвали...

Бета. Лямбда, но ведь это совсем другое. Мы не очень-то знали, что такое число, до сих пор не знаем, спорили про Капшны числа. А слово это, число, мы знали, и говорили, и понимали. Мы не слово объясняли, а что такое само число. А тут наоборот. Человек братьев знает, а слова «брати» не знает. И нельзя просто перевести на его язык, как мы переводим, что брати по-английски будет *brother*. Тут как будто одно слово на разных языках, только звучит по-разному, а значит одно и то же. А в том языке нет такого слова, поэтому нельзя перевести, а надо объяснить.

Дельта. Если так объяснять, как Альфа предвожил, перечислять их слова для разных братьев, то может получиться, что ты какое-нибудь одно слово забудешь, если их много, и он будет считать, что это не брат. Так же и с птицами — их ведь много. Вот ты не назовешь, например, утку, и тот, кому объясняешь, будет думать, что это не птица.

Капа. Лучше объяснить, не перечисляя. Просто само слово объяснить, чтобы сразу ко всем братьям подходило это объяснение. Как с числами. Надо сказать: дети одних и тех же родителей — братья.

Эта. А сестры, они тех же родителей дети, разве они братья?

Капа. Да, ты прав, Эта. Малышки, дети тех же родителей, — братья. Девочки — сестры.

Альфа. Для сестер у них, наверное, тоже много разных слов, а одного общего нет, раз такой странный язык. Таких простых слов и нужных слов нет!

Бета. Между прочим, у нас тоже нет некоторых нужных простых слов. Например, общего слова для братьев и сестер. Вот моя родите-

⁴²⁸ «Загадки числа», урок 1.

ли решили родить ребенка, мою сестричку. Но это потом оказалось, что сестричка. А пока мама не знала, мальчик это или девочка, не было слова, чтобы ее назвать. Я говорил: у меня скоро будет *брат или сестра*. А одного слова не было. Вот, Альфа, а ты говоришь, что их язык странный. А разве не странно, что у нас такого простого слова нет? Вот у кого несколько сестер и братьев, он должен говорить о них: *мои сестры и братья*. А нет одного общего слова, чтобы сразу всех назвать.

Лямбда. У нас нет одного слова, чтобы назвать двоюродного брата или сестру. А в других языках они называются одним словом — кузены.

Альфа. Вообще-то у нас тоже разные братья есть. Родные, двоюродные, сводные братья. И старшие и младшие тоже есть, и бывают братья-близнецы. Но все-таки *брат* — главное слово. Остальное уже от него объясняется.

Учитель. Как вы думаете, люди, которые говорят на таком языке, они понимают, что такое брат, *просто брат*? Или если у них нет такого слова, то не понимают?

Каппа. Если им объяснить, то и поймут. Мало ли что слова нет. Они могут многими словами это понимать, а не одним. Вот Бета говорил, у нас в русском языке нет общего слова для братьев и сестер. Ну и что, разве мы не понимаем, что такое дети, мальчики и девочки, из одной семьи? Слова одного нет, а объяснить можно, и все понимают.

Альфа. Ты думаешь, что у многих слов будет один смысл? То есть если мы несколькими словами объясним, то человек поймет что-то одно?

Каппа. Ну вот мы говорим: *двоюродный брат*. Правда, не много слов, а только два. И один смысл, и общий для всех, и все понимают.

Дельта. А мне кажется, что не совсем один и тот же смысл — у того, кто говорит одним словом про какую-то вещь, и того, кто объясняет ее несколькими словами. Если вещь одним словом называется, она как-то понятнее.

Урок 44

Каппа. Ты, Дельта, раньше говорил, что смысл не у того, кто говорит, а у того, кто слышит и понимает⁴¹⁷. А я считаю, что смысл слова — у всех людей, ну, у многих, кто на таком языке говорит. Смысл — это общее для всех.

Дельта. Да, я согласен с тобой. Смысл — это общее для того, кто говорит и кто его понимает.

Бета. У Дельты с Каппой не в том был спор, у кого смысл — у того, кто говорит, или у того, кто понимает, а в том, что Дельта считал, что смысл в конкретном разговоре, и каждый раз другой смысл может быть у одного и того же слова, в зависимости от того, кто говорит, кому, когда, зачем... А Каппа говорил, что смысл вообще в языке, общий для всех. А вот сейчас нам кажется, что не для всех, а для тех, кто на одном языке говорит.

Учитель. Но сейчас Дельта совсем о другом сказал. Он сказал, что для людей, у которых в языке есть одно слово для какой-то вещи, она, эта вещь, будет понятнее, чем для тех людей, которые пусть и знают эту вещь, но не могут назвать ее одним словом, а должны описывать, объяснять многими словами.

Лямбда. А может, и наоборот. Если мы вещь называем словом, то это просто имя ее, и все. А если многими словами, то мы объясняем ее. Объясняем, то есть как раз делаем понятной, ясной. А называть — это не значит понимать. Вот я знаю, как называется инструмент какой-нибудь. Имя его знаю. А для чего он — не знаю. Я слово понимаю, ну, то есть знаю, к чему оно относится, к какой вещи. А саму вещь я не понимаю.

Альфа. Если имя — название, как мы говорили, то есть если оно подходит к вещи, то само это название и объясняет. Например, будильник — чтобы будить, учитель — кто учит, спальня — место, где спят. Не надо много слов, в самом слове уже как будто есть объяснение. Мы говорили, что даже целое предложение спрятано в одном слове⁴¹⁸.

⁴¹⁷ Уроки 7–8.

⁴¹⁸ Урок 28.

Каппа. Да, Лямбда с Бетой это называют вторым смыслом.

Бета. Но вообще-то Каппа правильно говорит — этот второй смысл, объясняющий, он в имени вещи может быть спрятан. Например, если бы мы говорили бы вместо слова *ручка* — *писалка*, то было бы ясно из самого названия, что это вещь, которой пишут. А из самого слова *ручка* непонятно, что ей пишут. Может быть, это от двери ручки. А из объяснения понятно. И вот, например, слово, о котором мы говорили, *брам*. Из самого слова, то есть как оно устроено, непонятно ничего. Оно непронизываемое, само по себе. И ведь таких слов много. Дельта давно говорил, что есть главные слова такие, непронизываемые⁴²⁹. А Гамма еще говорил, что они из звуков прямо понятны. Но это ведь не всегда бывает, что понятно из звуков.

Дельта. Это мы говорили про слова. Какие понятны сами по себе или из звуков, а какие из других слов. Потом мы назвали это вторым смыслом, когда слово своим устройством нам объясняет, а первый — что слово про какую-то вещь, или действие, или еще что-нибудь. А если про вещи говорить, то мне кажется, что те понятнее, для которых есть отдельное слово. Какие нужнее вещи, для тех и есть отдельные имена. И они понятны без всякого объяснения, потому что мы эти вещи знаем^{*}. Какие не знаем, для тех нужно много слов, объяснять их, а своего имени у них нет.

Альфа. Да, мне тоже кажется, что то, для чего есть отдельное имя, оно как бы по-другому понятно, без объяснения. Мы уже об этом говорили, мы обсуждали: что понятно, то, что само по себе понятно, или то, что объясняется?⁴³⁰

Бета. Мы тогда говорили про то, какие слова понятны, Дельта правильно сказала, а сейчас не только о словах говорим, а о том, какие вещи понятны — у которых есть отдельные имена или нет. А мне кажется, что не просто понятнее, больше или меньше понятно, а по-

⁴²⁹ Урок 4.

^{*} Катя Кошечко, 1-й класс.

⁴³⁰ Урок 14. Там речь шла о понятности *значения слова* — производного или непронизываемого, с мотивированным звуковым составом или нет и т. п. Сейчас речь идет о понятности не слов, но «*самых вещей*».

Урок 44

другому понятно. Ведь мы говорили, что понимать можно по-разному, и не всегда ясно, что мы говорим, когда говорим, что понимаем. Много смыслов у этого слова. То, что человек каждый день видит, умеет с ним обращаться, он по-одному понимает. А то, что он знает, как словами объяснить, по-другому. Вот с той же машиной — кто лучше понимает, что такое машина — у кого она есть, кто ее умеет водить и чинить, или тот, кто может объяснить словами, как она устроена, а, может быть, он даже не ездил на ней? Тут, по-моему, нельзя говорить, больше или меньше понимает, лучше или хуже, а просто по-разному¹¹¹.

Эта. Разве не надо понимать, как устроена машина, чтобы уметь с ней обращаться? По-моему, эти разные понимания связаны.

Бета. Надо, конечно. Связаны эти понимания. Но все-таки не одно и то же.

Дельта. Мне кажется, то, для чего есть одно слово, оно как-то резко выделено из всего. Поэтому оно и названо — одним словом. Для важных вещей есть слово.

Лямбда. Знаете, я вспомнил, как мы говорили о словах, которые имена существительные, а по смыслу похожи на наречия. Такие слова, как *свет*, *шум*, *холод*¹¹². Вот, может быть, мы не видели бы света, если бы такого слова не было бы?

¹¹¹ Мысль Беты банальна в противопоставлении житейских и научных понятий швейцарца, сроднивому Л. С. Выготским в работе «Мышление и речь». Ср., напр.: «Общественно-факт, что ребенок лучше формулирует, что такое закон Архимеда, чем что такое брат. Очевидно, это не может не быть следствием того, что оба понятия прошли различный путь своего развития. Понятие о законе Архимеда ребенком усвоено иначе, чем понятие «брат». Ребенок знал, что такое брат, и продолжал в развитии этого знания много ступеней, раньше чем он научился определять это слово, если ему вообще когда-либо в жизни мог представиться такой случай. Развитие понятия «брат» начиналось не с объяснения учителя и не с научной формулировки понятия. Зато это понятие насыщено богатым личным опытом ребенка. Оно проделало уже значительную часть своего пути развития и в известной мере уже истощило чисто фактическое и эмпирическое содержание, накопленное в нем. Но как раз этого последнего неслая сказать о понятии «закон Архимеда»» (Выготский Л. С. Собр. соч. Т. 2. 1982. С. 201).

¹¹² Урок 16.

Эта. Что, вообще света бы не видели? Ну нет, это от слова не зависит.

Лямбда. Может быть, видели бы светлые вещи. Видели бы, что светло. А свет сам по себе — может быть, и не видели бы. Но Бета правильно сказал, бывает, что мы что-то видим, чувствуем, даже вроде понимаем, а словами объяснить не умеем. Или только кажется так? Мы ведь так и не знаем, словами мы понимаем или нет.

Бета. Если бы люди понимали словами, то те, которые на разных языках говорят, не могли бы никак понять друг друга. А понимают же! Есть переводчики. И если бы так все от слов зависело, то, что понятно на одном языке, нельзя было бы перевести на другой язык. Наверное, все-таки есть что-то в понимании общее, что не зависит от разных слов.

Лямбда. Ну вот, например, перевести на этот язык слово «брат» нельзя, раз у них нет такого слова.

Бета. Можно. Только не одним словом, а объяснением, как Капша предложил. И они поймут. Дельта говорит, что не совсем так поймут, что то, для чего одно слово есть, оно как-то резко будет пониматься. И они будут все время помнить, что есть старшие и младшие братья, братья, у которых только братья или только сестры, или есть и те и другие, а мы, когда говорим *брат*, об этом не думаем, как бы забываем. Но все-таки будет много общего с тем, что они поймут и что мы понимаем, когда говорим слово *брат*. Потому что не только слова есть, когда понимаешь, еще есть смысл, который может быть разными словами сказан, и в одном слове может несколько смыслов быть. Мы уже говорили об этом.

Альфа. Ты, Бета, считаешь теперь, что мы смыслами думаем, а не словами?

Бета. И смыслами, и словами. И они связаны. Но не так, что в одном слове всегда один смысл.

Лямбда. Если мы говорим в одном смысле, то все равно помним другой. Как будто примешиваем'.

Зыков⁴¹³.

¹ Максим, 3-й класс.

⁴¹³ Вопрос о том, мыслим ли мы словами или смыслами, в ранней форме и в разных формулировках возникает постоянно при попытке понять феномены мышления и речи. «Мысль не выражается, но совершается в слове», — утверждал Выготский. С другой стороны, приводимые им же примеры (из бытовой, не научной речи), когда «мысль не пошла в слова», когда мы не находим адекватного словесного выражения для своей мысли (см., напр.: Мышление в речи // Собр. соч. Т. 2 М., 1962. С. 35-6), намекают на то, что есть что-то дословесное, не укладывающееся в слова, но требующее именно словесного выражения, ориентированное на это выражение. Если предположить, что мы мыслим словами (какого-либо естественного языка), то мысль была бы принципиально непереводаима. Я полагаю, что это не так и что все сказанное на одном языке может быть с большими или меньшими трудностями (и, может быть, с определенными потерями) переведено на другой язык. С другой стороны, те трудности, которые мы испытываем при переводе, показывая, что мысль не просто «одета» в нейтральные по отношению к ней слова, но как-то иначе, более тесно с ней связана.

Значит ли это, что говорящие на языке, в котором нет слова, эквивалентного русскому слову *брат*, не могут иметь понятия (идеи, концепты) «брат» или, имея его, не могут выразить его словами? Нет, по-видимому, этот концепт легко выразим на таком языке, пусть не одним именем, а описательно (например, как предположил Кант: братья — сыновья одних родителей). Значит ли это, что концепт «брат» одинаков у говорящих на разных языках и только словесное его выражение различно? Думаю, что нет. Можно предположить, если воспользоваться терминами и понятиями опытного реализма (см. прим. 423), что у носителей этого языка категория, соответствующая нашему «брат», будет, но она будет по сравнению с нашей более размыта, менее «оформлена», более резко разделена на «субкатегории», будет включать несколько слабо ассоциированных между собой «прототипических примеров» и т. п.

Другой пример, относящийся к той же проблеме, приводит Лавофф, ссылаясь на Уорфа. Язык хопи использует глагольные префиксы, которые тонко различают разные типы движения (колеблющиеся, колебательные, колебательные с меняющейся амплитудой, движение по спирали и т. п.). Все эти различия могут быть выражены по-английски (и по-русски) лексическими средствами. Хопи выражает их морфологически (префиксами) (Лавофф. Указ. соч. С. 415). Они делают, стало быть, эти различия мгновенно, автоматически и без усилий, как мы выбираем при употреблении имен единственное или множественное число. Это не значит, что говорящий по-английски или по-русски не может понять эти различия, не может иметь соответствующих концептов или не может их выразить. Может, но их статус будет, возможно, несколько другой.

Аналогично обстоит дело с полемемией (когда слово, по выражению Бетты, име-

ет несколько смыслов). В отличие от омонимии, о полисемии мы говорим тогда, когда слово имеет несколько значений, которые *регуляризованы* и *мотивированными* образом связаны *друг с другом*, и можно предположить, что к этой связи необразлочно употребление слов (и понимание слов и вещей). Если слово «мыслить» имеет по-русски несколько значений, то, употребляя его в одном частном смысле, мы не отбрасываем остальные, но сохраняем эти смыслы в виде рефлексов, которые они отбрасывают на тот, который в данном употреблении оказывается основным, в виде некоторого контраста и т. д. (другие смыслы, как сказал Лямбда, *примешиваются*). Если слово *длинный* имеет два различных значения — относящееся к протяженности в пространстве и к длительности во времени, то это не просто омонимия и не просто способ метафорически говорить о времени, но способ понимать время как нечто тянущееся (а пространство как длающееся) и т. п. Внутренняя форма каждого из разных слов, сходных или предположительно совпадающих по значению, как говорил Потебня, «*ниже направляет мысль*» (см. это пример со словами *жалованье, альянс, рекаю, раге* в прим. 401). «Смысл торчит из слова пучком в разные стороны» (Мандельштам), и можно предположить, что мы мыслим не словами и не голыми бессловесными смыслами, а подвисящими «пучками смыслов», ассоциированными со словами.

Думаем ли мы словами или смыслами
(продолжение). Какие языки разные! Мы понимаем
другие языки, потому что в нашем есть что-то
похожее. Что-то должно быть общим для всех языков.
В своем языке можно найти похожее на другой.
Можно ли придумать общий язык?

Учитель. Мы опять перешли от слов к вопросу о том, как мы думаем и понимаем — словами или смыслами. Бета сказал в конце прошлого урока, что мы думаем и словами, и смыслами, и они как-то связаны между собой, но сложно — бывает, что в одном слове несколько смыслов, бывает, что один смысл может быть сказан несколькими словами. Помните, как у нас возник этот вопрос?

Альфа. Он и раньше возникал. А на прошлом уроке он возник потому, что мы думали, как объяснить наше слово *брат* людям, которые говорят на языке, где нет такого слова. Объяснить-то можно. Но мы задумались: будет у них после этого объяснения тот же самый смысл, что у нас? У нас в одном слове, а у них в объяснении, из многих слов. И кажется, что смысл разный будет.

Бета. Немножко похоже на то, как мы говорили про слово *понимать*. В каком-то языке оно такое же, как *слышать*. В одном слове

у них как будто два смысла — слышать и понимать. И эти смыслы связаны, а не просто эти слова — омонимы, потому что понимать — это как бы умственно слышать. Лямбда сказал, что к одному смыслу мы примениваем другой. Но у нас-то такого нет, слово *понимать* со словом *слышать* не связано, и значит, у нас смысл этого слова другой должен быть. А ведь мы тоже говорили, что понимание со словами связано — тоже применяли, значит, такой смысл, хотя его в самом слове вроде нет. Значит, не так уж смысл от слов зависит — от того, одно слово или несколько, как оно устроено, как звучит...

Дельта. Все-таки зависит. У кого одно слово есть, для тех будет в нем что-то важное сказано, и одно. Мы думали о том, как им объяснить слово *брат*. А вот, например, учитель говорил, что у них есть слово, которое значит *старший брат двух сестер*. Одно слово. У нас такого слова нет, одного, которое бы это значило. И вот если нужно нам объяснить, что оно значит, мы скажем много слов, четыре: *старший брат двух сестер*. Это объяснение из нескольких слов — оно не такое, как просто одним словом сказать. В нем как будто главное то, что брат, а что старший и что у него есть две сестры — это уже добавление. Прилагательное к тому, что он брат. А у них это сказано сразу, в одном слове, уже нет существительных и прилагательных, объединено это, сразу один смысл. Значит, у нас и у них не совсем одинаковое будет понимание.

Учитель. Дельта, возьмем выражение *старший брат*. Оно состоит из существительного и прилагательного. Ты считаешь, что то, что сказано существительным, главное, чем то, что сказано прилагательным?

Дельта. Кажется, да. Может, в других языках не так, я теперь уже сомневаюсь.

Лямбда. Можно на одном языке сказать по-разному, существительное и прилагательное поменять местами.

Альфа. Как это?

Урок 45

Лямбда. Ну например: жаркое лето и летним жаром. И тут не совсем одно и то же сказано. Хотя и близкое¹⁰¹.

Эта. Шумные дети и детский шум. Тут еще больше разница.

Бета. Мы об этом говорили, когда части речи обсуждали — существительные, прилагательные, глаголы¹⁰². У них разный смысл, хотя иногда можно про одно и то же и так и так сказать, даже на одном языке.

Каппа. Вот сейчас Дельта сказал: *старший брат двух сестер*. Он говорит, главное слово тут — *брат*. А к нему прилагаются еще два пояснения — одно, что он старший, и другое, что у него есть две сестры. Я согласен с ним. Но по смыслу и то, и другое прилагательные. А по словам — только *старший* прилагательное, а *сестры* — существительное.

Бета. Альфа раньше хотел, чтобы все слова «правильно себя вели», то есть какой у них смысл, такая и была бы часть речи. Тогда надо было бы сказать что-то вроде *двухсестринский старший брат*.

Каппа. Смысл был бы тот же самый. Только коряво, так не говорят.

Альфа. Мы же говорим: *брат Каппы* и *Каппин брат*. Вроде тот же самый смысл.

¹⁰¹ Лейбниц, обсуждая в «Новом опыте о человеческом разумении» определение общих терминов через род (выражающийся, как правило, существительным) и видовое отличие (выражающееся, как правило, прилагательным), утверждает, что очень часто родовое имя может быть заменено видовым опитичим без ущерба для содержания. «Так, например, квадрат есть правильный четырехугольник или четырехугольная правильная фигура, и, следовательно, родовое имя и видовое отличие различаются только как существительное и прилагательное; то же самое было бы, если бы вместо того, чтобы сказать «человек есть обладающее разумом животное (*animal raisonnable*), язык позволял сказать, что «человек есть обладающий животностью разум (*rational animable*)....» (Лейбниц, Соч. в четырех томах. Т. 2, М., 1983. С. 293.) Этот пример хорошо иллюстрирует разную роль языка при формулировании логических определений, с одной стороны, и в живой бытовой или художественной речи, с другой. То, что естественный язык (французский) не позволяет сказать, что человек есть *rational animable*, кажется, неслучайно (?), хотя можно представить себе существование естественного языка, который позволяет так сказать (?).

¹⁰² Связь частеречной принадлежности слов и значения обсуждалась на уроке 16.

Дельта. Нет, не совсем тот же самый. Понятно, что это про того же мальчика сказано. Но когда говорим *брани Канты*, то тут на Каншу больше внимания обращается. Потому что это имя существительное.

Лямбда. Даже на одном языке про одно и то же можно по-разному сказать, и непонятно, одинаковый смысл или разный. А уж на разных-то языках!

Бета. Как люди друг друга понимают, просто удивительно. Языки такие разные!

Учитель. О, мы еще почти не говорили о том, какие языки разные! Вы знаете, трудно представить, как сильно могут различаться между собой разные языки. Мы уже знаем, что есть языки, в которых нет точного перевода для тех слов, которые есть в других языках, и их приходится объяснять несколькими словами. Но это не так уж трудно — вот объяснили же мы слово *брани*. В одних языках разные вещи называются одним словом, мы говорили о том, что у этого слова несколько значений, как, например, Бета приводил пример со словом *ручка*: *ручка*, которой пишут, и *дверная ручка*, и *ручка* — *рука*, например, ребенка. В других для этих вещей слова разные. По-французски и по-итальянски погода и время называются одним словом, *temps* и *tempo*, у нас это совсем разные слова. Почти ни одно слово нельзя абсолютно точно перевести на другой язык. Но и это отличие еще не такое удивительное. А вот я вам говорю, что есть языки, например, *нутка*, в которых нет имен. В таких языках, как правило, предложение состоит из одного сложного слова, это слово похоже на наш глагол. И это уже нам кажется совсем странным, и мы обсуждали, как же они видят и понимают все — так, как мы, или, может быть, совсем по-другому. Слова в разных языках не только по-разному звучат и разное значат, но и по-разному себя ведут. Например, в некоторых языках имена есть, но они не склоняются. Есть языки, в которых части речи такие же или очень похожие на те, которые в русском языке, но то, что у нас прилагательное, у них глагол. И еще есть очень, очень много различий между языками, на которых говорят люди. Есть очень хорошая книжка о том, как и чем различаются разные языки, можете попробовать ее прочитать. Она написана для школьников, хотя и для тех, кто постарше. Называется «Почему языки такие разные». Написал ее ученый Владимир Александрович Плунгин¹²⁶.

¹²⁶ Плунгин В. А. Почему языки такие разные. М., 2001.

Ламбда. А во всех языках есть главные слова? То есть непронизводимые, которые сами по себе, и производные, которые от них образуются, которые устроены как-то?

Учитель. Я не знаю, во всех ли. Но я знаю, что в одних языках производных слов очень много, и в одном слове может быть очень много значащих частей, а другие языки не любят соединять много значащих частей в одном слове, вообще длинных слов не любят, и выражают то, что нужно, несколькими словами, а не одним производным словом. Вот, например, у нас есть слова: *старуха, старушка, старушонка, старушечка*. Они все однокоренные, различаются значащими суффиксами, и у них разный смысл. Их довольно трудно перевести на другие языки, в которых нет таких суффиксов, чтобы сохранить разницу в смыслах⁴¹⁷.

В некоторых языках производные слова образуются совсем не так, как у нас. У нас, например, значащие части слов соединяются друг с другом, к корню может прибавляться суффикс в конце, или приставка в начале, или несколько суффиксов и приставок — получится новое слово. Например, *ком — ком-есть, шум — шум-е-ть, ход — вы-ход, вы-ход-и-ть*. А есть языки, в которых значащие части не присоединяются к корню спереди или сзади, как у нас, а вставляются своими частями между частями корня. Например, в арабском языке есть глагольный корень, в котором только согласные звуки, они приблизительно похожи на русские звуки ф, к, р. Этот корень означает *быть бедным*. В него вставляются другие значащие части, вроде наших суффиксов, которые, наоборот, состоят из гласных, и так образуются разные производные слова. Одно из них пришло в другие языки, и в русский тоже — это слово *фикир*, которое по-арабски означает *бедняк, нищий*. Другое слово звучит приблизительно как *факура* и означает *он был бедным*⁴¹⁸.

⁴¹⁷ См. о русском экспрессивном словообразовании, напр.: Верещагина А. Русский язык // Язык. Культура. Познание. М., 1996. Ее же. Личные имена и экспрессивное словообразование // Там же.

⁴¹⁸ Такие морфемы называются трансфиксами. Питтман приводит следующие примеры слов с корнем и разными трансфиксами: *faqir* (бедняк); *faqira* (он был бедным; он нуждался); *ifqira* (он стал бедным, впал в нищету); *ifqira* (это довести до нищеты); *fiqr* (бедность, нужда); *faqira* (бедняк, беднота). Указ. соч. С. 173.

Бета. Значит, прав был Гамма, когда говорил, что главные звуки — согласные. Они образуют корень, значит, в них главный смысл. В арабском языке так и получается⁶⁰⁹.

Учитель. Но во многих языках гласные входят в корень, например в русском: *сыр* и *сор*, *ход* и *худ* (худой, плохой). Эти пары слов с разным корнем, а различаются корни только гласным.

Гамма. Но и по-русски бывает, как в этих арабских словах. Вот мы говорили про слово *слово*. Слово, слух, слышать, слава — ведь это однокоренные слова. Тут только согласные общие, от них главный смысл, и этот смысл глагольный. А от гласных уже дополнительный смысл. Тут так же, как в арабском языке, — главный смысл в согласных, из них корень, а в него вставляются гласные, и от них дополнительный смысл получается.

Или вот мы еще говорили: *платье*, *плавает*, *плавать*, *плавающий*. Тут тоже как будто корень *пл-*, и добавляются гласные суффиксы.

Лямбда. Но тут суффиксы не вставляются внутрь корня, между согласными, просто прибавляются к корню.

Бета. Ну хорошо, а вот *следит* и *следом*. Тут гласные вставляются внутрь.

Учитель. Действительно гласные в корне часто меняются, чередуются, и даже вообще исчезают и появляются, например *день* — *дневной*. Бывает, что чередуются и исчезают и согласные, мы уже обратили на это внимание, например, *бегун* — *бесить*. Здесь согласный *г* меняется на *ж*. Но Гамма в каком-то отношении прав — гласные в русском языке чередуются чаще и по-другому.

Эта. Ох! Вообще непонятно, как можно выяснить, что такое слово, или корень, или глагол, или какие есть словесные звуки, если в разных языках все так по-разному! Не просто слова другие для тех же вещей и звуки другие, а вообще все другое.

⁶⁰⁹ Урок 3. Ср. идею Хлебникова о внутреннем слове (см. примеры в прим. 62).

Ламбда. Я тоже сначала прямо испугался, когда представил себе, как все по-разному в разных языках. Также подумал, что тогда вообще ничего нельзя понять из того, что мы обсуждаем. Или мы будем понимать только про свой язык, а не вообще — что такое слово. Но потом я подумал: мы почему других можем понимать? Потому что в нашем языке есть то же самое, или похожее. Вот, например, первое, от чего мы так сильно удивились, — это язык нутка, где вроде нет имен, и они говорят не *камень падает*, а *каменьны яны*. Но Бета тогда сказал, что в нашем языке тоже есть такие слова-предложения, глагольные, где все сразу сказано — типа *састыган, дождь* ии. Ну, у нас это не так часто встречается, а там весь язык так устроен. Но у нас это тоже есть, и мы можем понять. Теперь вот с этими гласными, которые вставляются внутрь корня. По-арабски всегда так, у нас нет. Но и у нас так бывает. Гамма вот несколько раз говорил об этом. А если бы совсем не было в нашем языке ничего похожего, то мы бы не поняли, по-моему. Я думаю, что что-то похожее на всех языках можно найти, иначе люди бы не понимали друг друга.

Каша. Когда мы объясняли слово *бран*, я подумал: наверное, не все слова объяснить можно. Вот мы скажем, братья — это сыновья тех же родителей. А надо будет объяснить, кто такие родители. Опять слова другие понадобятся, их опять надо объяснять. Так и будет без конца. Какие-то слова должны быть последние. Мы говорили, что есть главные слова, сами по себе понятные, они называют главные вещи. Если бы эти слова были во всех языках, ну пусть даже по-разному звучали бы, и пусть бы они по-разному себя вели, но с одинаковым смыслом, остальные можно было бы ими объяснять⁴⁰².

⁴⁰² Вероятно, слышав, в частности, на Лейбница, который думал о построении всеобщего, или универсального, языка, утверждает: «В то время как одни понятия могут быть получены с помощью других понятий, другие должны получать прямое словесное впечатление... Возможность успешной коммуникации между разными культурами напрямую зависит от универсальности базового множества семантических примитивов, из которых каждый язык может создавать бесконечное число более или менее «однозначных» (специфических для данной культуры) понятий (комбинация примитивов в различных конфигурациях)» (Указ. соч. С. 296). Ср. также: «Будет общим местом утверждать, что при переводе всегда что-то теряется, что ни одно слово не имеет абсолютно точных переводных эквивалентов и т. п. Однако туманным высказыванием такого типа лишь затмевают тот факт, что существуют слова, действительно необходимые для передачи смыслов

Дельта. Интересно, можно было бы придумать общий язык, на котором все могли бы понимать друг друга? Раз переводят с одного языка на другой и понимают, наверное, у всех людей есть что-то общее.

Альфа. Было бы здорово. Все люди бы понимали друг друга. А то надо учить разные языки.

Учитель. Такие языки есть, их придумали как раз для того, чтобы все люди могли понимать друг друга. Их называют искусственными языками (а обычные языки, на которых люди говорят, такие как русский, английский, арабский, называются естественными). Есть люди, которые на этих искусственных, придуманных языках могут говорить, читать и писать. Но, насколько я знаю, нет людей, для которых какой-нибудь из этих искусственных языков был бы родным, т. е. которые бы думали на таком языке. Мы поговорим на следующем уроке о том, как можно придумать общий язык.

Звонок

с одного языка на другой, но при этом не все слова являются таковыми» (там же. С. 295). Верабицкая называет такие слова семантическими универсалиями, или примитивами, и полагает, что определенное множество таких примитивов лежит в основе человеческой коммуникации и мышления и его можно обнаружить во всех естественных языках. Она предлагает список из нескольких десятков понятий, которые, с ее точки зрения, получают лексическое воплощение во всех языках мира.

Урок 46

Придумывался общий язык. С чего начать:
со звуков? письменных знаков? понятий?

Может ли придуманный язык стать «настоящим»?

Самые главные вопросы о слове

Учитель. Сегодня у нас последний урок, и так получилось, что мы заканчиваем наши занятия обсуждением того, каким мог бы быть общий для всех людей язык. Мы говорили о том, что такое слово. Много узнали, многое поняли, многое из того, что казалось ясным, стало, наоборот, непонятным. В частности, мы поняли, что языки очень разные, и то, что мы выяснили о словах, может быть, относится к словам нашего языка, а не языка вообще — в других языках может быть по-другому. Но, несмотря на то, что люди говорят на разных языках, а может быть, по-разному и думают, можно переводить с одного языка на другой и понимать друг друга.

Дельта. Люди ведь тоже все разные, и мы по-разному думаем. А что-то общее есть.

Бета. Вот у нас что общее? Как раз язык. Мы на одном языке разговариваем, потому и понимаем друг друга.

Учитель. В конце прошлого урока Дельта предположил, что можно было бы придумать общий для всех людей язык. Скажите, с чего бы вы начали придумывать такой язык?

Гамма. Я бы начал со звуков. Мы с самого начала сказали, что мы говорим особыми звуками. Из всех звуков, которые есть, всякие шумы, звонки, грохоты, шорохи, выбрали особые звуки, мы их назвали словесными, чтобы ими говорить. Они, эти звуки, должны быть всем сразу понятны. Может быть даже, как Эта говорит — из-за того, что они у всех одинаково делаются во рту и все это чувствуют. А уже из них делать слова. Мы долго спорили о том, есть ли смысл у самих звуков. Я считаю, что есть, и можно было бы выбрать те, у которых смысл одинаковый для разных людей. Взять самые осмысленные звуки, это будут согласные, например, р, з, б, л. Из них будут корни, глаголы. А потом уже их изменять, вставляя внутрь гласные. Весь язык будет из звуков, по определенным правилам⁴⁰.

Бета. Ты уже что-то такое говорил, Гамма, — про то, как из звуков вырастают слова. А в этом общем языке они бы выращивались по определенным правилам, да?

Гамма. Ну да. Вот Учитель говорил, в арабском языке примерно так, и в русском бывает.

Альфа. Ты хочешь, Гамма, со звуков начинать. А может быть, как раз наоборот. У всех голос разный, и даже одни звуки, из одного языка, все выговаривают по-разному. И все по-разному слышат, помните, мы, когда звуками занимались, все время обращали внимание на то, как трудно понять на слух, какие звуки, и часто бывало, что один так слышит, а другой по-другому. А буквы — они для всех одинаковые. И люди все в разных местах живут и не могут друг с другом разговаривать, а переписываться могут. Надо начать с письменных зна-

⁴⁰ Ср. у Велесмира Хлебникова: «Словотворчество учил, что все разнообразие слова исходит от основных звуков алфавита, замещающих *самое* слово. Из этих исходных точек строится слово, и новый создатель языков может просто наполнить пагоны 28 звуками алфавита, вернами языка. «...» Вся полнота языка должна быть разложена на основные единицы „алфавитных истин“, и тогда для звуков-вещей может быть построено что-то вроде закона Менделеева или закона Моисея — последней вершины эмигической мысли» (Наша основа. // Творения. С. 624). См. примеры Хлебникова в прим. 44. О различном значении гласных и согласных см. прим. 42. А. Белый в Глюссолозия (поэме о звуке) тоже говорил о непосредственной выразительности звуков (звучащий смысл предшествует образу, слову и понятию).

Урок 46

ков, чтобы они были общие для всех. Пусть бы все могли читать и писать на одном языке, а произносить можно по-разному.

Учитель. Эти письменные знаки будут как буквы? То есть они будут обозначать определенные звуки или фонемы?

Лямбда. Нет, наверное, это должны быть такие значки, как картинки. Альфа же сказал, что они *до* звуков.

Бета. Вроде стрелок, всяких дорожных знаков. Они без звуков понятны.

Дельта. Да, вот как знаки на улицах, например, на дорогах, кафе, на банках — они итак во всех странах одинаковые, а говорят там люди по-разному.

Эта. Ну, это странно как-то. Мы много говорили об этом и вроде решили, что устное слово важнее, оно имеет смысл, а записывается буквами уже то, что говорится, а не наоборот⁴¹.

⁴¹ См. об устной и письменной речи уроки 6, 8, прим. 18. Большинство лингвистов полагают, что в естественных языках устное слово первично и более важно. Но в искусственных языках дело может обстоять иначе. Так, например, математические знаки, включая цифры, вербификации, они имеют универсальное общее для всех значение, но по-разному «ощущаются» на разных языках. Лейбниц, предпав свой проект «всеобщего исчисления», «рационального языка», или «универсальной грамматики, построенной на рациональных началах», во главу угла ставил именно письмо — Лейбниц говорил «эта письменность или язык (если знаки будут произноситься) ...» (*Лейбниц. Письмо к герцогу Пиннесерскому // Собр. соч. Т. 3. С. 492*), — т. е., по-видимому, считал устную речь не только вторичной, но даже необязательной. О роли письменности для всеобщего языка говорил и Хлебников. Ища цель, направляющую «к общей точке соприкосновения лучи труда художников и труда мыслителей», он утверждает: «Эта цель — создать общий письменный язык всех народов третьего спутника Солнца, построить письменные знаки, понятия и примески для всей населения человеческой вселенной, запертой в мире». Существующие сейчас языки «служат разграничению человечества и ведут призрачные войны. Пусть один письменный язык будет спутником дальнейших судеб человека и явится новым собирающим интерес, новым собирающим человеческого рода. Немые — пиктографические языки — помнят многоголосицу языков» (*Художники мира! // Творения. С. 619–621*). Хлебников полагал, что в «шбуре звуков» уже дана «мировая сеть звуковых «образов» для разных видов пространств; теперь следует построить вторую сеть — письменных знаков» (Там же. С. 623).

Интересно, что и Лейбниц, и Хлебников в качестве одного из «приобразов» универсального языка будущего называли китайский — но по разным причинам. Хлебников обращал внимание на миниметический (а не конвенциональный) харак-

Каппа. А я бы начал с того, что надо говорить. Не чем — звуками или письменными знаками, — а что. Выбрать, какие самые главные вещи надо говорить. Для этих вещей придумать знаки или слова. А другие уже можно ими объяснить, как, например, мы объяснили слово *бран*. Те, которые можно объяснить, — им не нужны отдельные слова. Надо, чтобы поменьше было этих первых, или главных, слов. Потом уже их соединять по-разному.

Бета. Ну, так очень длинно будет. Вместо одного слова будет большое объяснение. И потом, ты же сам говорил, непонятно, какие слова — первые. Вот ты говоришь те, которые не объясняются из других. Но в одних языках одни слова главные, в других наоборот¹².

Лямбда. Знаете, тот, кто будет придумывать такой язык, он возьмет из своего языка главное. Вот мы будем думать, например, какие главные вещи. А думать-то будем своими словами, на своем языке.

Бета. В своем языке можно многое изменить, чтоб порядок был. Мы несколько раз замечали, что в русском языке не все по правилам. Вот, например, почему у лисы — лисенок, а у собаки щенок? Лямбда говорил, что это неправильно, надо бы, чтобы было одинаково. Или, например, *тепло* — *теплый*, а *холод* — *холодный*? В одном случае *-н-* добавляется, а в другом нет. В одном гласная в корне меняется, в другом нет. И много такого. А надо сделать, чтобы все было по правилам. Если придумывать общий язык, то надо, чтобы там был порядок.

тер неоглаголем и на то, что «народы китайцев и японцев говорят на сотни разных языков, но читают и пишут на одном письменном языке» (там же, с. 621). Лейбниц же, придавая большое значение простоте грамматики, обращал внимание на аналитический характер китайского языка. Он также обращает внимание на тоновый характер китайского языка и указывает, что на этом основании Голлус считал китайский язык искусственным («Существуют, однако, народы, как, например, китайцы, разговаривающие с помощью тонов и ударений слов, запас которых у них бесслесен. Известный математик и круной языковед Голлус полагал поэтому, что язык их искусственный, т. е. что он был целиком придуман неким выдающимся человеком для установления связи словесного общения между известным числом различных народов...» (Лейбниц, Новые опыты о человеческом разумении // Собр. соч. М., 1983. Т. 2. С. 275).

¹² См. прим. 440.

Урок 46

Каппа. Мало ли как в разных языках все устроено! Конечно, это очень интересно. Но если в одном языке что-то есть, а в другом нет, то, значит, это не обязательно для общего языка. Вот, например, в каких-то языках имена склоняются, а в других нет. Значит, это не нужно. В языке нутка, Учитель говорит, нет имен. В каком-то языке еще чего-то нет. Надо взять только то, без чего нельзя обойтись, а не то, что есть где-то⁴⁴⁴.

Гамма. А как узнать, что нужно, а что необязательно? Все языки выучить?

Эта. Всех-то языков не выучишь, наверное. Но вообще-то, если никакого языка не знаешь, кроме своего, то кажется, что только так и можно, как в своем языке. Кажется, что иначе и не скажешь.

Лямбда. В каждом языке, на котором говорят люди, есть какой-то свой порядок, свои правила. Но мы замечали, что иногда есть и не-правильности, как Бета сейчас привел примеры. А в этом общем языке мы хотим, чтобы полный порядок был.

Каппа. Но если во всех языках все по-разному, этот самый порядок разный, то какой же взять для общего языка? Вот, например, как лучше — чтобы были производные слова или чтобы слова просто соединялись? Как говорить — Каппин брат или брат Каппы? Лисенок или детеныш лисы?

Альфа. Если бы кто-нибудь знал все языки и сравнил их... Можно было бы составить лучший язык. Из одного языка одно взять, из другого другое. Только правда непонятно, как решить, что лучше?

Дельта. Если придумывать общий язык, то надо взять такой, на котором много людей говорят. В нем порядок навести, как Бета и Лямбда говорят, чтобы все правильно было, кое-что поменять, убрать

⁴⁴⁴ Ср.: «Тот, кто написал бы всеобщую грамматику, поступил бы хорошо, перейдя от сущности языков к рассмотрению их в том виде, как они реально существуют, и в сравнении грамматик различных языков, подобно тому как автор, посвятивший написать трактат об основании на разуме всеобщей правы, поступил бы правильно, проводя параллели с законами и обычаями различных народов... Но в самой науке, рассматриваемой отдельно от ее истории и ее реального существования, не имеет никакого значения, подписались ли люди требованию разума» (Лейбниц. Новые опыты о человеческом разумении // Собр. соч. М., 1983. Т. 2. С. 304).

что-то, кое-что взять из других языков⁴⁰. А просто из ничего все равно не придумаешь. Все уже об сказано словами, и вещи, и мысли, и все, ничего не осталось безымянного’.

Эта. Я что-то сомневался, что можно настоящий язык придумать.

Учитель. Что значит «настоящий»? Такой, на котором можно все сказать? Такой, который все поймут?

Эта. Языки, которые настоящие, сами по себе есть, не придуманные, на них иногда что-то само говорится, и смысл получается, как будто сам по себе. Они как будто живые. А тут все будет правильно, и заранее все придумано. В настоящих языках можно одно и то же по-разному сказать — например, брат Каппы и Каппин брат — вроде одно и то же, но не совсем. Иногда так скажешь, иногда по-другому. И одно слово может разное значить. А в этом придуманном языке мы хотим, чтобы на одно слово только один смысл был и чтобы они по правилам складывались. А я согласен с Бетой, что мы думаем не так, что на один смысл одно слово. Это будет не настоящий язык. И вот интересно, можно на нем будет придумать всякие скороговорки, считалки, стихи — то, где сами слова важны, а не то, о чем они?

Учитель. То, что Эта сказал, очень важно. На искусственные языки переведены некоторые стихи, сочиненные на естественных языках, но мне неизвестны стихи, скороговорки и считалки, которые бы именно на них были бы сочинены.

Лямбда. Вот Дельта говорит, что все уже об сказано словами. Об сказано словами из настоящих языков, естественных, разных. А этот придуманный язык будет новенький, еще на нем ничего не сказано, а только придумали, как надо говорить. Но если на нем

⁴⁰ Лейбниц считал грамматику любого естественного языка частным случаем общей, или рациональной, грамматики. Проектируя «рациональный язык», он также предлагал взять за основу один из существующих языков, а именно латынь, но не потому, что на этом языке говорят многие, а потому, что «латинский язык в настоящее время является в Европе языком науки» и «инструментом найти людей, которые переводят с других языков на латинский». Как и наши учителя, он предлагает, взяв латинскую грамматику за основу, «навести в ней порядок», избавив от аномалий (Рациональный язык //Собр. соч. Т. 3. С. 422).

⁴¹ Вася Делецкий, 1-й класс.

Урок 46

долго будут говорить люди, все им обскажут, то он, может быть, станет как настоящий.

Бета. Вот мы придумали слово *блэмбик*, это, конечно, не так уж трудно — одно слово придумать, совсем не то, что целый язык. Но оно все равно искусственное, это слово. А Лямбда тогда сказал, что если слово это прославится, его долго будут говорить, и многие люди будут знать, то оно станет настоящим словом¹⁴⁶.

Лямбда. Да, появятся у него всякие родственники, например какой-нибудь *блэмбенек*, или *блэмчаный*, или *блэмчать*.

Альфа. Уже появились. Гамма говорил, что *блэмбик* *блэмчат*¹⁴⁷.

Лямбда. Вот, они ведь как будто сами появились, из самого слова, а не из того, что мы специально придумывали.

Учитель. Они появились не из одного этого слова, а из того, что это слово, хоть и придуманное, но придумано оно внутри русского языка. Посмотрите, какие слова появились?

Бета. Да, появились слова с обычными суффиксами, похожие на слова *лисенок* или *мычать*. Не из одного слова, а из всего языка они появились.

Эта. Тогда, может быть, появится какой-то новый смысл, не такой, как придумали.

Альфа. Тогда и беспорядок тоже появится — слово будет значить то одно, то другое.

Каппа. Все равно, интересно попробовать. Ну, пусть не выйдет правильного языка, на котором все смогут разговаривать. Или выйдет, но он потом станет неправильным. Но пока его будешь придумывать, можно много понять вообще про язык. Вот Бета говорил, что мы слово *блэмбик* придумали не потому, что нам нужно такое слово, а для того, чтобы понять, что такое слово¹⁴⁸.

¹⁴⁶ Урок 2.

¹⁴⁷ Урок 10.

¹⁴⁸ Урок 2.

Эта. Да, ты, Каппа, когда мы говорили о числах, тоже придумывал всякие числа, чтобы понять, что такое число.

Бета. Получается, что, чтобы понять что-то, надо как будто придумать его, это что-то. Как будто мы понимаем только то, что сами можем сделать, а не то, что само есть¹⁰².

Эта. Да! Я еще с самого начала об этом думал, когда мы на самом первом уроке говорили о том, что есть специальные, словесные звуки. Звуки речи. И мы их совсем не так понимаем, как другие звуки. Другие звуки мы просто слышим, например, звонок или шум какой-нибудь. А эти звуки, когда слышим, мы одновременно сами протолковываем и так только понимаем. Это совсем другое понимание!

Учитель. Мы замечали несколько раз, что, обсуждая, что такое слово, речь, язык, мы переходим к вопросу о том, как мы понимаем, что такое понимание¹⁰³.

Лямбда. Да, это потому, что понимание связано со словами. Но так и непонятно, как связано.

Альфа. Еще потому, что иногда кажется, что когда думаешь и пытаешься понять, то перестаешь понимать то, что было понятно. Как будто разучиваешься. Но я теперь понял, что просто по-другому понимаешь.

¹⁰² Так полагал Дж. Вилко. Ср. замечание Колинвуда о нем: «Вилко находит этот принцип [принцип познания] в доктрине, утверждающей, что *veritas est factum* [истинное и созданное совпадает], т. е. возможность истинного познания чего-бы то ни было и понимание его как реальности, а не как простого восприятия, определяются условием, при котором познаваемое должно быть создано познающим. <...> Из этого принципа следует, что история, которая особенно ясно выступает как нечто, созданное человеческим духом, оказывается и особенно пригодной для того, чтобы быть объектом человеческого познания. <...> Здание человеческого общества создано человеком из ничего, и именно поэтому каждая деталь его полностью познаваема человеческим духом» (Колинвуд) Р. Дж. Идея истории. Автобиография. М., 1980. С. 631.

(На эту мысль Вилко и связанным с ней парадоксом обратил мое внимание А. Ахутин.)

¹⁰³ Ср. Гейзенберг о Боре: «...сможем ли мы вообще когда-бы то ни было понять атомы?» Бор секунду помедлил, а потом сказал: «Почаеуй, сможем. Но нам надо будет все-таки сначала узнать, что означает слово понимание» (Гейзенберг В. Шаг за горизонт // Избранные философские работы. СПб., 2006. С. 318).

Урок 46

Учитель. Совсем немного до конца урока осталось, и я хочу, чтобы вы назвали то, что из того, что мы обсуждали, запомнилось, что показалось самым важным или удивило, какие остались или появились вопросы, над чем надо еще подумать.

Бета. О, столько всего... Мы очень, очень много узнали. Но мы почти сразу заметили — чем больше узнаешь и начинаешь понимать, тем больше появляется неясного. Где казалось все ясно — появляются вопросы. Честно говоря, мне это больше всего запомнилось. Вот этот у меня вопрос остался: как мы все-таки думаем и понимаем — словами или нет? Какая связь между словом и его смыслом?

Эта. Для меня очень важно было то, что слова как-то устроены, не просто звуки, а с другими словами они связаны. Это Лямбда нас научил, он все время слышит в словах этот второй смысл, от их устройства. Что число — это чем числят, слово — что слышат, бегун — кто бежит. Что есть эти части слов, значимые. Я теперь тоже все время пытаюсь это услышать, этот, как Лямбда с Бетой говорят, второй смысл. И что в слове можно увидеть целое предложение!

Альфа. А для меня открылось, что слова из звуков состоят, и причем не просто из слышимых звуков, а из мысленных звуков, из этих фонем. Это самое непонятное для меня, я не очень понимаю это до сих пор. Все-таки с этими звуками, или фонемами, как-то странно. Ведь не так предложение различается словами, как слова — звуками? Словами когда мы говорим, то слова, конечно, могут быть разные, и во фразе только понятно, какой смысл у каждого слова. Но все-таки какой-то смысл уже есть у каждого слова. А у звуков, у самих по себе, может быть, и есть смысл, как мы в самом начале говорили — один звук кажется теплым, другой — холодным, один — маленьким, другой — большим. Но эти фонемы, эти мысленные звуки, они не так дают смысл слову, по-другому. Сама не значит ничего, а различают слова, и от них слова разное значат... Непонятно.

Каша. Для меня очень многое было интересным, но самое удивительное — это что так сильно различаются языки. Не просто по-другому звучат слова, а все по-другому, и как будто по-разному вообще все устроено для людей, которые на разных языках говорят.

А при этом все-таки хочется понять, что такое вообще язык или вообще слово, а не в каком-то одном языке. Такой у меня вопрос: можно ли говорить о том, что такое язык вообще, что такое слово вообще? А не только в своем языке.

Лямбда. А я запомнил уроки о перформативах. Это такие особенные слова и речи, которые не о чем-то, а сами что-то делают. И вот то, что Дельта всегда говорил — что речь не для речи, а для чего-то другого: вопросительные, звательные, угрожительные речи и так далее. Это ведь не просто из слов, а из действий — но совсем не так, как Гамма говорит, что все из действий. Мы не кончили это обсуждать.

Звонок

Учитель. Дельта и Гамма еще не успели сказать. Повторите.

Дельта. Мне про части речи очень интересно было. Про глаголы, существительные и прилагательные. Как все-таки это со смыслом связано?

Гамма. А у меня такой вопрос остался: что самое главное, первое: звук, отдельное слово или целая осмысленная речь — из чего язык?

Содержание

Предисловие

3

Предисловие к 1-му изданию

8

Урок 1

Что такое слово? Звучащий звук. Звук речи. Членораздельность слова.
Слово должно быть кому-то понятно. Слово что-то значит.
Первая осознанная трудность: что такое отдельное слово?
Говорим ли мы словами или предложениями? «Блюмбик»

13

Урок 2

«Блюмбик» — слово или нет? Может ли оно что-то значить?
Договоримся — и будет значить. Слово, потому что сложилось.
Звучат ли слова по природе или по соглашению? Есть ли у вещей
настоящие имена? Слова-названия и просто слова.

27

Урок 3

Имена. Будет ли вещь откликаться на чужое имя? Звукоподражание. Имена,
которые вещь сама себя называет. Значимость звуков речи. Можно ли
звуками подражать молчаливым вещам? Бывают ли звуки тяжелые и легкие,
теплые и холодные? Эта заглядывает к себе в рот. Где делаются звуки?

36

Урок 4

Звук — зародыш слова. Звуковой символ. Хлебники «Слово об Эп».
Есть ли первые, главные слова? Слова производные и непроизводные

48

Урок 5

Каппа против Эты, Гаммы и В. Хлебникова: настоящее слово —
написанное слово, и не важно, какие в нем звуки.

Какие звуки заметнее? Слоги. Звуки гласные
и согласные. Звуки и буквы

58

Урок 6

Слова: что же такое слово? Слова «всеминые» и чьи-то.

Какое слово плавнее — устное или письменное? Смысл слова в нем
самом — или в том, кто, как, кому его говорит (Дельта против Каппы
и Альфы). Где живут «ничьи» слова

67

Урок 7

Смысл слова — у того, кто говорит,

или у того, кто слышит? Разговор с самим собой.

Слушаем слово «слово»: слух, слава, след. Слова — отпечатки вещей
в уме. — Нет, не вещей, а звуков. Рождественные слова

73

Урок 8

Отпечатки у разных людей — разные?

Как мы понимаем друг друга. Опять о написанном слове.

Сократ о письме. Письменное слово — мертвое слово?

83

Урок 9

Отпечатки вещей — или отпечатки мыслей?

Слово-отпечаток — имя для вещи.

Как правильно — щенок или собаченок?

Два смысла слова «правильно». Слово ли «-овок»? Имена существительные
и глаголы. Главные слова — имена вещей или глаголы?

90

Урок 10

Имена существительные и глаголы (продолжение). Предложение.

Бывают ли предложения без глаголов? Имена склоняются, глаголы
спрягаются — потому что они значат вещи и действия или нет?

Слова ходят парами: стол стоит, учитель учит,

бык бычит, блонтик блончит

100

Содержание

Урок 11

«Закрытие смысла», «Бобобобо». Волшебные слова.
Раньше все слова были волшебными, а вещи умными —
каждая вещь сама себя называла.
Происхождение слов. Заумный язык

114

Урок 12

Значение части слов. Можно ли понять слово «чайник» из его частей?
Слова с разными значениями и слова-омонимы.
Значение части в слове — как слова в предложении —
каждая что-то значит. Корень слова. Однокоренные слова.
Гамма: слова растут из корня

125

Урок 13

Корни. Есть ли в слове главная часть или все значащие части
равноправны? «Осок» и «Глокая кудра».
Слова из одних корней — главные слова.

136

Урок 14

Производные и непроизводные слова. Какие из них более понятные?
Что такое «понятно»? Почему слова труднее обсуждать, чем числа?

Потому что мы словами говорим о словах и о числах.
Нужны ли числа, чтобы говорить о словах? Нужна единица.

Гамма: корень слова и есть единица

144

Урок 15

Гамма: корень — это глагол. Из него все происходит, и он сам значит
действие. Альфа говорит с Гаммой: что важнее — вещь или действие?
(Имя или глагол?) «Прем» от «гремять» или наоборот?

Странные имена и странные глаголы

153

Урок 16

Как изменяются существительные и глаголы.
Наречия — неизменяемые слова. Связано ли поведение слов
с их значением? «Шум», «шумно» и «шурить» — означают разное.

Прилагательные. Части речи

164

Урок 17

Прилагательные (продолжение). Как различаются части речи по значению, по изменению, по роли в предложениях? Глагол и время. На что похожи прилагательные — на существительные или на глаголы?

Разные глаголы и разные прилагательные

174

Урок 18

Причастия. «Промежуточные слова». Прилагательные — промежуточные между существительными и глаголами. Снова: что считала — имя, глагол, наречие? «Пожар!». Всегда ли мы говорим о чем-то?

Дельта: мы всегда говорим не о чем-то, а зачем-то.

Функции языка и речи. Мы говорим предложениями, а не словами

183

Урок 19

Предложения повествовательные и побудительные. Интонация. Какие еще бывают предложения: вопросительные, отрицательные, ругательные, дразнительные, пожелательные, назывательные, хвалительные, сомнительные

192

Урок 20

Сколько разных типов предложений?

Для каких действий обязательно нужны слова, а что можно сделать и без слов? Всегда ли жесты нам понятны?

200

Урок 21

Для чего нужны слова (продолжение). Знаки.

Слова Каппа спорят с Дельтой: главное в слове — кому или о чем?

Дельта: любое предложение — побудительное и вопросительное. Назывательные предложения.

Может быть, они — самые «словесные»?

208

Урок 22

Назывательные предложения (продолжение). Каппа меняет свое определение назывательных предложений. Снова: может ли имя быть правильным или неправильным?

Имя надо использовать

215

Содержание

Урок 23

Повествовательные и назывательные предложения:
что их различает? Перформативы (Дж. Остин).

Есть ли особые перформативные глаголы?

222

Урок 24

Перформативы (продолжение). Перформативные
и побудительные предложения. Речи правильные
и неправильные. Важно, кто и когда говорит

230

Урок 25

Перформативы (продолжение). Повествовательные предложения могут
быть истинными или нет, перформативные — удачными или неудачными.

Дельта всякую речь понимает как перформативную. Правильно ли это?

Все перформативные речи немного повествовательные,
все повествовательные немного перформативные

237

Урок 26

Что такое «правильно»? Разные смыслы слова «правильно». Норма,
правила, истинность. Слова о правильности имени. Правильное
и удачное — связаны между собой или нет? Какие бывают ошибки.

Правда, право, правило, справедливость

246

Урок 27

Риторика. Смысл есть тогда, когда есть ответ на вопрос.

Снова разговор с самим собой.

Вопрос и ответ в каждом предложении —
и даже в каждом слове. Части слова и смысл слова —
слова и смысл предложения

254

Урок 28

В слове (производном) свернуто целое предложение.

Каждое предложение — сокращенный разговор. Каждое слово —
сокращенное предложение. Как значат (отвечают на вопросы) корни,
суффиксы и приставки. Близки ли и близки ли. Можно ли придумать
новый суффикс? Приставки-омонимы

262

Урок 29

Из чего состоят непронизводимые слова? Снова о самой маленькой части речи. Снова — значат ли звуки? И если нет, то как из них получаются значащие слова? Самый маленький осмысленный кусочек речи — словесное существо. Как мы делим слова на звуки

276

Урок 30

Самое маленькое словесное существо — звук или слово (продолжение).

Речь сплошная или состоит из отдельных кусочков? Важна ли длина звука для смысла слова (Гамма спорит с Р. Яковлевым)?

Есть ли звуки в уме? Словесные игры. Скороговорки — в них отдельные звуки живут сами по себе

278

Урок 31

Самое маленькое словесное существо — звук или слово (продолжение).

Как мы спорим. Звуки могут различать слова, даже если сами по себе ничего не значат. Отдельные звуки могут значить, когда значащие части слов состоят из одного звука

286

Урок 32

Что могут значить отдельные звуки. Суффиксы из одного звука — они имеют значение и ведут себя похоже на то, как ведут себя слова: меняют смысл в зависимости от контекста, бывают синонимичны и антонимичны. Альфа стоит на своем: самый маленький осмысленный кусочек речи — слово, а не звук. Фонетика — наука о звуках речи

294

Урок 33

Звуки гласные и согласные. Как трудно сформулировать, чем они различаются! Сонорные звуки. Согласные звонкие и глухие.

Как они различают слова

300

Урок 34

Гамма возражает против фонетической классификации звуков: каждый звук имеет свой особый смысл. Не все согласные имеют пару по звонкости — глузости. Особенности звонкие — сонорные. Твердые и мягкие согласные. Они тоже умеют различать слова

310

Содержание

Урок 35

Парным твердые и мягкие согласные — действительно разные звуки?

Памма и Дольта спорят с Каппой. Как обозначается твердость и мягкость парных согласных на письме. Да и да — различаются только согласными? Или гласным и согласным? Или целым слогом? Бывают ли твердые и мягкие гласные? Звуки очень трудно различать на слух. Каппа и Альфа предлагают ориентироваться на буквы

319

Урок 36

Опять звуки и буквы. Иногда буквы прячут устройство слова (лай — лаять). Что важнее — как живут звуки сами по себе или как они различают слова? Можно ли договориться о том, какие звуки считать гласными и согласными, глухими и звонкими, мягкими и твердыми — или надо их внимательно слушать, и тогда они сами скажут?

Скороговорки собирают вместе похожие звуки

329

Урок 37

Не только буквы, но и звуки могут прятать от нас устройство слова. Слово бывает на слух не такое, как на самом деле. Звуки не всегда могут различать слова. Каппа: слова состоят не из звуков, а из несмысленных кусочков (фонем). Спор о фонемах: на самом ли деле на них состоят слова, или их ученые придумали? Где и как есть фонемы?

339

Урок 38

Как звуки выполняют свою различительную работу. Как мы слышим глухие и звонкие фонемы. Выводим правило поведения парных глухих и звонких фонем. Сильные и слабые позиции. Буквы, оказывается, часто обозначают не звуки, а фонемы. Может ли фонема слышаться совсем разными, непохожими звуками? Бета возвращается к парным мягким и твердым звукам: может быть, это одна фонема?

350

Урок 39

Почему мягкие и твердые звуки — разные фонемы? Если в однокоренных словах корень звучит по-разному, как узнать, разные ли фонемы — или просто они слышатся разными звуками? Альфа: с фонемами еще сложнее и непонятнее, чем со звуками. Прощаемся с фонетикой.

Что мы поняли о звуках и фонемах. На прощание — парные и непарные твердые и мягкие согласные

358

Урок 40

Нутка — язык без имен. «Камень падает»
и «каменит вниз». Может ли быть мир без вещей?
Видим ли мы глазами или языком?

367

Урок 41

Как нарисовать «камень падает» и «каменит вниз». Мы рисуем то,
что видим или то, что думаем? А говорим? Может быть, видим не глазами,
а умом? Разные названия для одной вещи — это разные способы
ее познать (рубить и платинка). Два смысла слова

376

Урок 42

Два смысла слова (продолжение). О понимании. Слово «понимать»

384

Урок 43

Понимание-видение, понимание-слышание, понимание-схватывание.
Опять вопрос: думают ли по-разному люди, говорящие на разных языках?
Зависит ли то, как мы думаем, от того, как мы говорим?
Можно ли познать вещь, для которой нет имени?

392

Урок 44

Объясняем слово «брат» людям, в языке которых нет такого слова.
Можно ли познать вещь, для которой нет слова (имени)?
Чем мы думаем — словами или смыслами?

402

Урок 45

Думаем ли мы словами или смыслами (продолжение). Какие языки
разные! Мы понимаем другие языки, потому что в нашем есть что-то
похожее. Что-то должно быть общее для всех языков. В своем языке
можно найти похожее на другой. Можно ли придумать общий язык?

412

Урок 46

Придумываем общий язык. С чего начать: со звуков? письменных знаков?
понятий? Может ли придуманный язык стать «настоящим»?

Самые главные вопросы о слове

420

*Научно-популярное издание
Школа диалогов критиков*

Берлинад Ирина Загадки слова

Генеральный директор издательства *С. М. Макаревичем*

Руководитель редакции *И. Ремесла*

Выпускающий редактор *Д. Рымдин*

Технический редактор *Л. Давкова*

Дизайн макета верстки: *Е. Алёнушкина*

В оформлении обложки использованы материалы
по лицензии агентства shutterstock.com

Художественное оформление: *В. Шумилов*

Компьютерная верстка: *Т. Мосолова*

Корректор *Е. Павлова*

Знак информационной продукции согласно
Федеральному закону от 29.12.2010 г. № 436-ФЗ

Подписано в печать 29.08.2016 г.

Формат 70х100/16. Печатная «Minion Pro».

Кол. печ. л. 34,83

Адрес электронной почты: info@cirp.ru

Сайт в Интернете: www.cirp.ru

ООО Группа Компаний «РНИКО/Классик»

109147, г. Москва, ул. Большая Андроньевская, д. 23

Отпечатано в ОАО «Первая Образцовая типография»

Филиал «Чеховский Печатный Двор»

142300, Московская область, Чехов, ул. Полиграфистов, д. 1

Сайт: www.chpd.ru. E-mail: sales@chpd.ru тел.: 8(496)270-73-59

